

91(09) 78
M-60

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

ПУТЬ
НИКОЛАЕ МИЛЕСКУ СПАФАРИЯ
В КИТАЙ

МОСКВА

ВОЛОГДА

РОССИЯ

ТОБОЛЬСК

НАРЫМ

ЕНИСЕЙСК

ИРКУТСК

НЕРЧИНСК

ПЕКИН

КИТАЙ

Волга

Дон

Волга

Енисей

Иртыш

Озеро Байкал

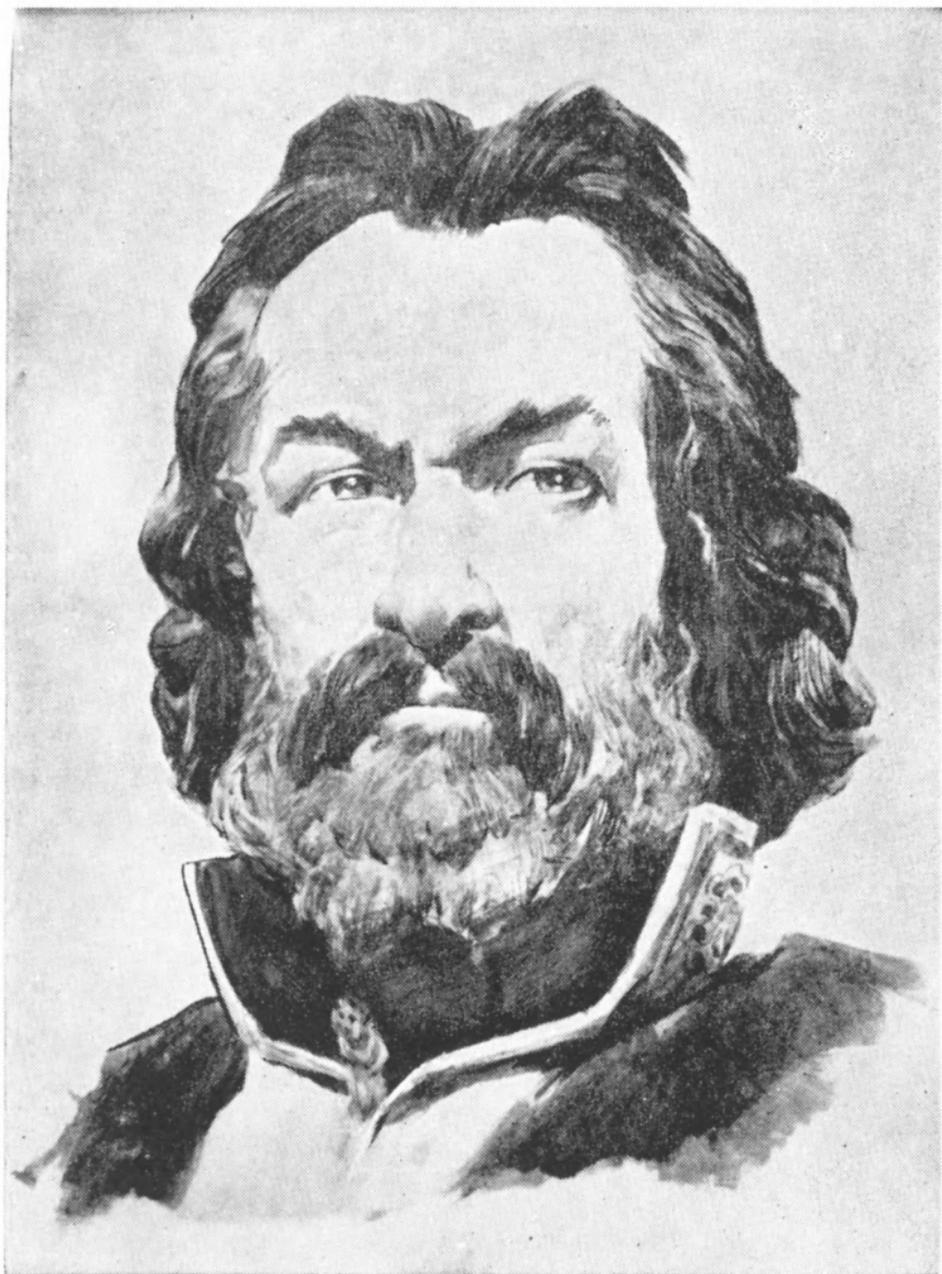
Амур

Черное Море

Балтийское Море

Тихий океан

Япония

Николай Милеску Спафарий.
С портрета художника

Л. П. Григорашенко.

Николай Милеску Спафарий

С И Б И Р Ъ
и
К И Т А Й

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КАРТА МОЛДОВЕНЯСКЭ»
КИШИНЕВ * 1960

Составители *В. Соловьев* и *А. Кидель*
Редактор *Н. Юстратова*

НИКОЛАЙ МИЛЕСКУ СПАФАРИЙ

(1636—1708)

Блестящую страницу в историю русско-молдавских культурных связей вписал выдающийся молдавский писатель Николай Спафарий Милеску. Философ, дипломат, путешественник, ученый с большим кругозором, Николай Спафарий, известный в русской литературе, всей своей деятельностью способствовал сближению молдавского и русского народов, проложению путей для скорого и успешного освобождения Молдавии из-под невыносимого турецкого ига. На дипломатической службе в Москве он поддерживал связи с родной страной и всемерно помогал сближению Молдавии с Россией. Как открыватель новых географических путей, Николай Спафарий по поручению русского правительства совершил путешествие в Сибирь и в Китай, и, хотя дипломатическая миссия не была им успешно завершена, он собрал интереснейший историко-экономический и этнографический материал, внес неоценимый вклад в русскую и мировую географическую науку.

Наиболее плодотворный период деятельности Н. Спафария начинается с 1671 года, когда он приехал в Москву, и до самой его смерти, — 1708 год.

Жизнь Милеску, его дипломатическая деятельность, труды его о Сибири и Китае являются блестящим свидетельством вековых русско-молдавских культурных связей.

* *
*

Николай Спафарий Милеску родился в 1636 году в Милештах (Васлуй), в Запрутской Молдавии, в боярской семье. Многостороннее и основательное образование Спафарий Милеску получил в греческой патриаршей школе в Константинополе. Здесь он, как и Дмитрий Кантемир позже, получил широкое для того времени образование, изучил языки греческий, латинский, турецкий, арабский. Тогда же Спафарий Милеску прошел и курс по истории философии и литературе. По возвращении на родину молодому Спафарию Милеску, благодаря его широкому образованию и знаниям, удалось стать секретарем («грэмэтик») господаря Георге Штефана. Он удержался на этом посту даже после того, как его высокий покровитель был свергнут с престола и удалился в изгнание. Назначение на пост командующего войсками* Н. Милеску получил при одном из преемников Георге Штефана в 1658 году. Служил Спафарий Милеску и господарю Штефанице, сыну Василия Лупу, и затем господарю Мунтянскому Григоре Гика (1660—1664), доверенным лицом которого он был в Константинополе. Вторичное пребывание в столице Порты было весьма благоприятным для Милеску. Здесь завязались еще крепче его политические и культурные связи с представителями русской дипломатии, с высшими греческими церковными кругами, сторонниками русской ориентации. Вместе с тем Спафарий Милеску упрочил здесь свои связи с представителями западноевропейских государств, и в дальнейшем использовал их во время своих дипломатических миссий на Западе. При частой смене господарей в то время в Молдавии, Спафарий Милеску оставался верен своей основной идее, которая стала также и основной целью его жизни, — освобождению народов православного Востока из-под

* Спатар (молд.) — командующий войсками; поэтому Н. Милеску в России называли Спафарием. (Прим. ред.).

ига турок. Ко времени пребывания Спафария Милеску в Константинополе относится, по некоторым сведениям, перевод Библии, сделанный им с греческого на молдавский язык, выдающаяся и сложная работа, к сожалению, не сохранившаяся до настоящего времени.

Следует отметить, что с середины XVII века политика Русского государства была направлена на борьбу с Турцией за выход к Черному морю. В связи с этим молдавский народ возлагал все большие надежды на скорое освобождение, при помощи Москвы, из-под турецкого ига. Известие о присоединении Украины к России укрепило в молдаванах уверенность в скором освобождении. Молдавский господарь Георге Штефан еще в 1656 году просил через своего посла в Москве о принятии Молдавии в русское подданство. Однако в ответ Порты низложила его с престола (март 1658 года), и он вынужден был покинуть страну. Н. Спафарий Милеску был близок этому господарю, разделял его политические взгляды о необходимости сближения Молдавии с Москвой, которые созрели у него еще во время пребывания в Константинополе.

Потеряв помощь своего высокого покровителя, Георге Гика, Спафарий Милеску вынужден был отправиться в изгнание, сначала в Бранденбург, а затем в Померанию, принадлежавшую тогда Швеции, где встретился со своим другом и покровителем, бывшим господарем Георге Штефаном. По поручению Георге Штефана Спафарий отправился в дипломатическую миссию в Стокгольм, к королю Карлу XI. Здесь у Спафария завязалось знакомство с французским послом Арно-де-Помпонном, который был в близких отношениях с янсенистами Порт-Рояля.

В июле 1667 года Спафарий отправился в Париж к Людовику XIV с письмами де-Помпонна и Карла XI. Но поездка Спафария кончилась неудачей, а в это время умер в Штеттине Георге Штефан (1669). Миссия Спафария имела целью просить французское правительство, чтобы оно, через своего посла в Константинополе, побудило бы султана восстановить Георге Штефана на господарском престоле в Молдавии. Эти переговоры имели целью образование антитурецкой коалиции, разгром турок и изгнание их из Европы. Н. Спафарий еще не понимал, что Запад не заинтересован в разгроме Оттоманской империи.

В 1668 году Н. Спафарий вернулся на родину, но в 1671

году он уже находился в Константинополе, в окружении патриарха иерусалимского Досифея. Досифей считал Спафария Милеску наиболее подходящим человеком для привлечения на русскую службу: он знал Спафария Милеску как опытного, знающего дипломата, высоко образованного человека: «яко гранограф, в котором содержатся всякие дела вселенные», по выражению Досифея. Этот высший чин православной церкви на Востоке негласно поддерживал интересы Москвы в Константинополе и понимал, что в лице Спафария славянские народности, населявшие Турцию, найдут человека, который им всегда поможет в Москве. Впрочем, к тому же времени, в связи с церковным кризисом в Московском государстве, Досифей получил письмо от царя Алексея Михайловича, в котором последний просил его послать в Москву человека ученого, православной веры, знающего многие языки.

Спафарий Милеску направился в Москву с самыми лучшими рекомендациями от Досифея, который писал, что он, Спафарий, «человек премудрый в латинском и славянском, а наипаче в еллинском языках, и русской может скоро выучить и готов сам переводить». Переводчик посольского приказа Константин Христофоров также подтвердил, что «он (Спафарий) человек ученый» и покинул родину из-за происков врагов. 1 марта 1671 года Спафарий отправился из Адрианополя в Россию через Венгрию и Польшу. Пробыв три недели в Варшаве, где был принят королем, Спафарий 28 мая уже прибыл на русские рубежи, в Смоленск, о чем рапортует в Москву воевода кн. Хованский. В мае месяце Спафарий в Москве довольно скоро был назначен переводчиком при Посольском приказе: «еллинского и греческого, и латинского, и волохского языков в переводчиках».

В Московском государстве, которое стало второй его родиной, Николай Спафарий прожил 37 лет и написал около тридцати научных работ. Он быстро перешагнул обычную иерархическую лестницу Посольского приказа и 14 декабря 1671 года был назначен на «вечную» службу в этот Приказ по так называемому Московскому списку, высшему разряду, с самым высоким окладом переводческой работы — сначала 100 рублей в год, позже увеличенным до 132 рублей — и, будучи самым молодым, он занял первое место среди переводчиков. Этому немало способствовал ведавший Посольским приказом боярин Артамон Алексеевич Матвеев, передовой человек своего времени, заинте-

ресовавшийся одаренным ученым, выходцем из Молдавии. В 1673 году ему же, Спафарию, поручено «переводить греческие и латинские книги и писать греческой и словенской, и латинской лексикон». К сожалению, лексикон этот, над которым работал выдающийся молдавский ученый, не обнаружен по настоящий день.

Деятельность Спафария Милеску в Посольском приказе не ограничивалась переводческой работой официальных актов, он занимался также углубленной разработкой философских вопросов, переводом научных трактатов с иностранных языков и пр. Посольский приказ, по инициативе А. Матвеева и под непосредственным руководством Спафария, занимался так называемым «строением книг». Речь шла о собирании из различных источников материала, который затем составлял Спафарий и переписывали профессионалы-переводчики, украшали золотописцы-художники, золотых дел мастера. Тогда же Спафарием были написаны многие работы исторического и богословского характера. Глубокая эрудиция, знание иностранных языков, политическая прозорливость — все эти качества придавали особый интерес работам Н. Спафария, написанным в Москве. Его общественно-политическая деятельность была проникнута стремлением в союзе с Москвой принести освобождение молдавскому народу из-под невыносимого турецкого ига. Наряду с этим он был активным распространителем просвещения в Московском государстве.

Из его работ наибольший интерес представляют те, в которых Н. Спафарий уделяет внимание вопросам истории, педагогики, географии. В период с 1671 по 1674 гг. им написаны книги: «Арифмологион», «Хрисмологион», «Избрание и венчание на царство царя Михаила Федоровича», «Василиологион», «О Сивиллах», «Мусы, или семь свободных учений», «Родословная царей российских» и др. Советские ученые, проделавшие большую работу по исследованию рукописей (большая часть трудов Спафария Милеску осталась до начала XX века неопубликованной), показали, что молдавский ученый ратовал за оригинальные пути развития русской культуры XVII века, доказывая, что при описании прошлого нельзя ограничиться описанием военных событий, а надо всесторонне освещать вопросы истории с дипломатической, политической и культурной точек зрения. В разгоревшейся идеологической борьбе в Московском государстве между сторонниками западной, католической, ориентации и сторонни-

ками греко-славянской культуры, борьбе, носившей ожесточенный политический характер, Н. Спафарий Милеску, воспитанник Константинопольской патриаршей школы, выступил сторонником так называемой греческой ориентации. К этому его побуждали старые связи с патриархом Досифеем, с родичами в Молдавии и его убеждение, что союз с Россией приведет к более скорому и успешному освобождению народов Балканского полуострова из-под ига турок. В книге «Краткое показание, как наука и еллинский язык являются более необходимыми для славянского народа, чем латинский язык и наука» Н. Спафарий Милеску отстаивает свою точку зрения о самобытности русской культуры. Но в то же время этот ученый не пренебрегал достижениями современной европейской культуры и признавал необходимость изучения классической культуры, латинского языка, но лишь после изучения истории и культуры родного народа.

Н. Спафарий Милеску стал к концу своей жизни горячим сторонником преобразований Петра I, чем одно время навлек на себя гнев и неприязнь своего старого друга и покровителя патриарха Досифея. На Спафария Милеску посыпались доносы; «греческие махинации», как он их называет, нависли над ним. В письме к Ф. А. Головкину от 5 октября 1704 года Спафарий Милеску с горечью пишет об этой напраслине и просит освободить его по болезни и возрасту от переводческой работы, тем более что он подготовил себе смену — штат способных переводчиков.

Н. Спафарий Милеску умер в 1708 году.

* *
*

Важной вехой в жизни и деятельности Н. Спафария в Московском государстве была его дипломатическая миссия в Китае (1675—1678 гг.). Очевидно, этим он был обязан боярину А. Матвееву, который поддержал его кандидатуру перед царем Алексеем Михайловичем. В Московской Руси, с ее строгим местничеством, казалось почти невозможным иноземцу со скромной должностью переводчика быть назначенным на высокий пост посла в Китай.

Русские рубежи в середине XVII века далеко продвинулись в глубь Сибири и приблизились к Китаю, где часто возникали пограничные недоразумения между казаками и китайскими властями. С другой стороны, русское правительство,

пользуясь благоприятным случаем — присылкой письма китайского богдыхана в Нерчинск, пыталось через посольство наладить торговые отношения с великим восточным соседом.

«Процесс создания всероссийского рынка и усиления феодально-централизованного государства требовал для практической работы сведений географического порядка о различных местностях России»¹. Развивались межобластные связи, торговые пути, внешняя торговля. Большое значение приобрела торговля с Востоком, ибо в это время главным предметом экспорта стала пушнина, поступавшая в казну в качестве ясака. В начале XVII века Западная Сибирь в значительной степени была уже обследована, и, благодаря инициативе, настойчивости русских «промышленных людей», часто двигавшихся на свой риск и страх, были открыты новые земли восточной Сибири. В эти годы Курбат Иванов проник на Байкал (1643), Дежнев прошел из Ледовитого в Тихий океан (1648), Хабаров совершил свой поход на Амур (1647—1651).

Путешествию Н. Спафария в Китай предшествовала экспедиция сибирского казака Ивана Петлина, которого следует считать первым русским послом в это государство (1618—1619). Он привез роспись и чертеж про Китай, и путешествие было описано в Москве с его слов. В Москве и после этого продолжали накапливаться сведения о Китае через монгольские посольства, которые прибывали туда (1617, 1619, 1634, 1637, 1639 гг.).

Спустя много лет, в 1654 году, было предпринято новое русское посольство в Китай, во главе с боярским сыном Федором Байковым. Сам Байков был неграмотным человеком, при нем писцов не было, и отчет о его посольстве был также записан с его слов в Москве. Посольство Байкова длилось четыре года. Отчет Байкова содержал некоторые интересные географические сведения.

Путешествию Н. Спафария Милеску предшествовала тщательная подготовка. В Посольском приказе были собраны материалы, имевшиеся там о Китае, его снабдили также сведениями о Китае, которые названы в наказе «Книга из аптеки, в которой описано государство Китайское и лексикон китайский», и «астрологическими инструментами, которыми мсжно расстояние путей и прямой путь обыскать». Н. Спафарий также ознакомился с заметками о путешествии Байкова, Сейткула Аблина

¹ Д. М. Лебедев, География в России XVII века допетровской эпохи, М. — Л., 1949, стр. 12.

(1668) и Игнатия Милованова, а также собрал некоторую информацию о Японии. Предполагалось послать лекаря «для изыскания тамошних лекарств и всякого коренья», а также человека, который «знал бы в камнях и в иных других вещах» и «живопись знающего, чертежи, землемерие и реки писать». Ни лекарь, ни чертежник, однако, не были посланы.

Основной задачей, поставленной русским правительством перед послом, было составление подробного описания новых владений Московского государства в Сибири и поиски наилучших дорог в Китай, при этом предполагалось обратить особое внимание на речные пути и изобразить все Китайское государство и путь от Тобольска до порубежного китайского города: «все землицы, и города, и пути на чертеже».

По мнению советских исследователей, Н. Спафарий Милеску воспользовался для своих работ Книгой Большого Чертежа, картой Сибири Годунова, а также некоторыми иностранными источниками, к тому времени переведенными на русский язык (Меркатор, Клувер и др.).

Значительные и ценные сведения получил Спафарий для своей экспедиции от известного славянского ученого Юрия Крижанича (1617—1683), пребывавшего тогда в ссылке в Тобольске. Крижанич прямо утверждает, что Н. Спафарий «пять недель есть zde» — т. е. в Тобольске — «постоял, а ни единого обеда ни вечера без мене не ел». Сведения, сообщенные Крижаничем о Сибири и Китае, без сомнения, были использованы Н. Спафарием.

Н. Спафарий выехал из Москвы 3 марта 1675 года, и путешествие его длилось до 5 января 1678 года. Маршрут посольства был следующий: Переяславль Залесский — Ростов — Ярославль — Вологда — затем Устюг Великий — Сольвычегодск — Кайгородок — Соликамск — Верхотурье — Тюмень и Тобольск, куда он прибыл 30 марта 1675 года и пробыл до 2 мая.

Посольство Спафария состояло из 150 человек, включая и охрану.

Путь Николая Милеску через Сибирь описан им в его труде, озаглавленном: «Книга, а в ней писано путешествие через царство Сибирское от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского, лета 7183, месяца мая в 3-й день».

Спафарий выехал из Москвы 3 марта 1675 года. Через два месяца, 3 мая 1675 года, отряд уже выехал из Тобольска и на дощаниках поплыл по Иртышу, а затем по Оби, до Нарыма.

Отсюда он отправился рекой Кетью до Маковского острога, затем волоком до Енисейска. Путь до Байкала отважные землепроходцы совершили по Енисею и бурной Ангаре. Прибыв в Култук, самое узкое место Байкала, Спафарий переплыл озеро и остановился в русской зимовке вблизи Селенгинского острога. От Селенгинска через Даурию Милеску направился по неизвестному пути в Нерчинск. Этот путь проходил по местам, где «прежде сего никто не бывал», т. е. от устья реки Уды, через Еровинские озера, озеро Телемба, Яблоновый хребет, Ингоду и Шилку. От Нерчинска Спафарий и его товарищи пошли вдоль реки Аргуни, затем реки Науна, через Манчжурию, перешли реки Як и Лохан и прибыли в Пекин.

Путь Николая Милеску через Сибирь представлял для географической науки того времени несомненный интерес. Следует отметить, что вслед за Спафарием по указанному маршруту прошли и другие землепроходцы и дипломатические миссии. Так, например, в 1697 году Исбранд Идес, а в 1732 и 1736 гг. русский дипломат Лоренц избрали именно маршрут через Сибирь в Китай, проложенный Спафарием. Как указывает Д. М. Лебедев, «Официальные дневники посольства и описание Китая не только по богатству содержания, но и по методу изложения представляют особый интерес с точки зрения развития русской географической мысли».

Николай Милеску весьма подробно регистрирует все, что может представить интерес для внимательного путешественника. В основном Милеску продолжает традиции своих предшественников, с подорожниками и росписями которых он был хорошо знаком. Однако Спафарий несколько отступил от установившихся правил и включил в отдельные и несколько отличные от остального текста главы, посвященные особо важным, с точки зрения автора, вопросам. Нельзя, например, не заметить в самом начале весьма оригинальной главы, посвященной описанию Иртыша, в которой Милеску стремится дать небольшую, если можно так выразиться, монографию, описывающую многосторонне реку Иртыш. Автор не ограничивается констатациями и регистрацией виденного. Для такой важной темы Милеску мобилизует свою обширную эрудицию. После небольшого исторического экскурса автор рассматривает те сведения, которые были известны науке о реке Иртыше до него. Вслед за этим Спафарий делает попытку расшифровать вопрос чисто топонимического порядка: его занимает происхождение названия сибирских рек.

Весьма часто Милеску обращается к такому приему, как аналогия. Так, например, он сравнивает Иртыш с Дунаем.

В описании Иртыша содержатся ценные сведения о полезных ископаемых, находящихся поблизости, дается характеристика рельефа, отмечаются лесные массивы. Вот образец подобного описания:

«А лес по Иртышу есть разный и по займищам, что близ вершины ее, суть горы каменные, и лесные, и безлесные. А после того степь великая и песчаная. А потом следует лес тот, который идет и по Оби реке и по всему Сибирскому государству до самого до Окиянского моря, который лес преславный есть и превеликий и именуется от земноописателей по-едлински «Эркиниос или», а по-латински «Эрциниос силва», се есть эркинский лес, и тот лес идет возле берега Окияна и до Немецкой и Французской земли и далее, и чуть не по всей земле... однако же нигде нет такого пространного и великого, как в Сибирском государстве».

В дневнике Спафария большое место уделено также описанию реки Оби, реки Кети.

Особое внимание уделяется в дневнике озеру Байкал, описание которого выделено в отдельную главу, построенную по образцу упомянутой выше главы о реке Иртыше.

Вот некоторые соображения Милеску об озере Байкал:

«Байкальское море неведомое есть ни у старых, ни у нынешних земноописателей, потому что иные мелкие озера и болота описуют, а про Байкал, который толика великая пучина есть, никакого упоминания нет». Далее Спафарий сообщает важные данные об озере Байкал:

«Длина его парусом бежать большим судном дней по десяти и по двенадцати и больше... а глубина его великая, потому что многожды мерили, сажень по сто и больше, а дна не сыщут... А погоды по Байкалу всегда великое, но паче осеннюю порою, оттого, что лежит Байкал, что в чаше, окружен каменными горами будто стенами и нигде же не отдыхает и не течет эпричь того, что от него течет Ангара река. В Байкал впадают большие реки, мелкие и иные многие, а по краю на берегу, везде камень и пристанища немногие... А рыбы в Байкале всякой много и осетры и сиги и иные всякие и зверя нерпа в нем есть много ж, только жилья немного около Байкала, опричь немногих тунгусов, которые питаются рыбой потому, что близ

Байкала пашенных мест нет и живут по рекам в зимовьях промышленных люди зимою».

Дневник заканчивается сообщением о встрече посольства Спафария с китайскими сановниками на рубеже двух государств.

Здесь же Спафарий сообщает читателю следующее:

«И как встретили, и как приехали, и что говорили, о том о всем написано в своем месте в «Китайской книге».

* *
*
*
*

По мнению советского ученого Д. М. Лебедева, труд «Описание Китая» Н. Спафария должен считаться одним из самых лучших в Европе того времени. Даже одно лишь построение этого труда, в котором особо выделены обобщения, свидетельствует о высоком методическом уровне работы. «Описание Китая», пишет Д. М. Лебедев, является в определенном смысле слова «прообразом современных географических исследований страноведческого типа, содержащих общие выводы, обзор и порайонное описание какого-нибудь государства».

«Описание Китая» состоит из 58 глав. Из них в 20 первых главах, с 1-ой по 20-ую, речь идет об описании политического, экономического, социального строя Китая, краткого исторического обзора страны, сведений о верованиях китайцев, их внешнем облике, обычаях, путях сообщения и т. д. Остальные посвящены порайонному рассмотрению отдельных провинций Китая.

Привлекает особое внимание описание городов Пекина и Нанкина. Две последние главы, 57 и 58, посвящены описанию Кореи и Японии. «Сказание о великой реке Амуре» исследователи считают 59-ой главой «Описания Китая», и хотя Н. Спафарий не ввел его в текст описания Китайского государства, однако авторство его бесспорно.

Для составления «Описания Китая» Н. Спафарий, как об этом уже сказано, исследовал многие источники, впрочем за то короткое время пребывания в Китае (в Пекине) он и не был бы в состоянии собрать столь обильные материалы, да и он сам неоднократно повторяет в книге, что использовал другие материалы (материалы иезуитов и, как мы знаем, сведения Крижанича и др).

Полное название замечательного труда Н. Спафария следующее: «Описание первой части вселенной, именуемой Азией,

в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями». Эта работа является своеобразной энциклопедией Китайского государства XVII века и восторженным гимном, в котором превозносятся трудолюбие, изобретательность, миролюбие китайского народа.

Н. Спафарий подчеркивает в первой же главе своей работы, что «нет такого государства на свете иного, которое бы любило паче писание и учение, якоже китайцы». Все народы мира заимствовали у китайцев искусство вести корабли по компасу, фабрикацию бумаги, печать, шелководство. «Они нашли прежде наших искусство пушки лить, порох делать и книги печатать и матицы морские».

Писатель сравнивает Китай с драгоценным камнем в богатом золотом перстне, говорит, что это страна, о которой можно сказать не меньше, чем о древнем Риме.

Во многих местах своей работы Николай Спафарий восторгается трудолюбием китайского народа, отмечая, что самым почтенным занятием у них считается хлебопашество, «поля и реки везде изрядные и деланы... говорят бо они без пашни человеку жить невозможно». Широкая система ирригации охватывает всю страну, делая плодородными пустоши, пустыни, пески. Эта же система, ее каналы служат замечательным средством внутренних коммуникаций, «через всю длину Китая на судах ходят же».

Спафарий Милеску в главе XI «Описания Китая» пишет следующие полные глубокого смысла слова о природе простого китайского человека: «телом они весьма легки, пеши много ходят и на себе много носят, летом же наги до пояса, и без шапки на солнце в жару стоят, на пашнях, на полях и в городах, и работают так, что невозможно больше того о них сказать. Люди собою здравы, еще из молодых лет привыкают к работе...»

О любви китайцев к миру, — рассказывал Н. Спафарий, — свидетельствует бытующее у них мнение о том, что оружие носить и войны делать — дело разбойническое, а не человеческое, и людям подобает жить между собой в согласии, а брань и война — обычаи звериные.

О многогранном таланте китайского народа, проявленном в области искусства, живописи, архитектуры, прикладных ремесел, свидетельствуют все описываемые Н. Спафарием выдающиеся памятники, созданные трудом многих поколений людей из народа, включая такой интересный памятник, как императорский дворец в Пекине.

О высокой культуре народа говорит тот факт, что, по словам Н. Спафария, в Китае «ни одного человека нет, который бы был не учен и неграмотен».

Но как ни был далек Н. Спафарий от народа, от интересов трудящихся масс, все же он вынужден был признать, что система обложения повинностями в Китае невыносимо тяжела, и нет ни одного человека, который не состоял бы налогоплательщиком казне, кроме, разумеется, богдыхана, мандаринов и других привилегированных лиц. В Китае, — пишет Н. Спафарий Милеску, — «ни один человек есть, который бы хотя пядию земли владел, а хану бы не дал дани». Ежегодно в казну собирается 60 миллионов червонных золотых (а всего до 150 миллионов золотых), собирают десятую часть со всего, что родится в стране, и хан еще имеет разные монополии и промыслы, доходы с которых также увеличивают ханскую прибыль.

* *
*

Статейный список, названный автором «Китайской 23 книгой», является третьей большой работой Спафария Милеску, посвященной путешествию посольства в Китай.

Указанный труд содержит данные о маршруте, сведения о природе, населенных пунктах и т. д. Особенно примечательно описание Великой Китайской стены, «которая объемлет от моря восточного всех тех стран Китайского государства, а идет без урывки 1500 верст... а высота стен по четыре сажени, а ширина по две сажени, а во иных местах по горам развалилась. От той стены китайцы хвалятся, что когда строили, на горах камня не осталось, а в степях песок, а в реках — воды, а в лесах — дрова».

В «Статейном списке» читатель найдет немало прекрасных страниц, показывающих Николая Милеску истинным патриотом своей великой родины, не позволившего уронить свое достоинство посла России. Необходимо отметить, что Спафарий показал себя неустрашимым и умным дипломатом и не допустил, чтобы ему навязали процедуру, принижающую достоинство государя великой державы, представителем которой он является. Вместе с тем Милеску настойчиво подчеркивал миролюбивые намерения, с которыми он прибыл в Китай, указывая, что русские не грозятся войной, но и не боятся войны.

Дипломатическое искусство Спафария признали даже высокопоставленные китайские сановники, ведшие с ним переговоры и считавшие Милеску опытным государственным деятелем, достойным образом представлявшим русских в Пекине.

* *
*

Известно, что русское государство в конце XVII века было весьма заинтересовано в установлении добрососедских отношений с Китаем. Доказательством этому служат указы и грамоты, врученные Посольским приказом Николаю Спафарию перед его отбытием в Китай. По свидетельству русского историка Бантыш-Каменского¹, в наказе Спафарию было предписано:

«I. Условиться с китайскими министрами, каким образом и на каком языке писать государю свои грамоты, дабы Богдыхану вразумительно было; а они бы присылали свои листы на латинском или турецком языке.

II. Положить о титулах на море, дав министрам список государева и взяв от них такой же о богдыханове титуле; но не допускать, если он усмотрит, что богдыхан присваивает себе титул окрестных других великих Государей.

III. Наблюдать крепко, чтоб в Китайском к Государю листе титул Его, Государя, ни малейшей противу грамоты государевой не имел разности.

IV. Просить, если в Китае имеются российские пленники, об освобождении их без окупа, или с окупом, но не свыше 30 рублей за человека.

V. Требовать, дабы в Россию послан был в послах природный китаец с объявлением дружбы и любви и с подарками, состоящими в камнях, серебре, бархате, камках и разных зельях.

VI. Договориться, чтоб дозволено было едущим в Россию китайским послам привозить из Пекина в Москву серебра пуд по тысяче, по две, по три и больше, также и разных камней и всяких цветов шелков, за которые давано будет из государевой казны товарами, каких они пожелают.

¹ Цит. по «Хрестоматии по истории общественно-политической и философской мысли народов СССР эпохи феодализма по XVIII век включительно», изд. Киевского университета, 1959, стр. 380—381.

VII. Разведать о водяном из Китая в Россию пути реками: Обью, Янышерью, Селенгою или Иртышом.

VIII. Приговорить на российскую службу на время мастеров каменных китайских мостов.

IX. Склонять всячески китайских купцов, дабы они ездили в Россию с своими товарами, снабдив их монаршею милостью.

X. Возвратясь из Пекина на российскую границу, послать от себя двух боярских детей и подьячего для отыскания оттуда пути в Астрахань, дабы вперед могли с Москвы для торгового промысла ходить через Астрахань в Китайское государство.

XI. Домогаться, дабы присланные из Китая в Россию в древние времена четыре листа на китайском языке переведены были иезуитами в Пекине на латинский язык: ибо в чем тогда состояли требования китайского двора, российскому государю доселе неизвестно, поелику в Москве никогда не бывало и ныне нет китайского языка переводчика.

XII. Испросить, дабы торговым людям на обе стороны ездить свободно было бы.

XIII. Стараться, чтобы объявлен был путь, которым ближе приехать можно в Россию, особливо если бы морем и реками, и его бы тем путем отпустили.

XIV. Наконец, убеждать китайских министров, дабы они статью сии приняли с дружбою и любовью, поелику российский государь с их богдыханом всегда желает быть в дружбе и любви постоянно». (См. «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1616 по 1792 годы», Казань, 1882, стр. 25—26).

* * *

В основу настоящего издания положены избранные тексты на русском языке трудов Николая Спафария Милеску, опубликованные в различных изданиях незначительными тиражами в конце XIX — нач. XX вв.

Настоящее издание рассчитано на широкий круг читателей, поэтому, хотя особенности языка второй половины XVII века, в основном, сохранены, все же помещенные в сборнике

тексты подверглись изменению в области склонения существительных; некоторые места сплошного текста разбиты на абзацы, а перерывы обозначены многоточиями, кроме того, тексты передаются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

Книга снабжена глоссарием трудных слов и выражений, встречающихся в трудах Николая Спафария.

А. Кидель, В. Соловьев.

СИБИРЬ

КНИГА, А В НЕЙ ПИСАНО ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ ЦАРСТВО СИБИРСКОЕ ОТ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА И ДО САМОГО РУБЕЖА

Государства Китайского

лега 7183, месяца мая в 3-й день

А писана сия книга, когда по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, отпущен был из Москвы в Китайское государство Николай Спафарий, лета 7183, мая в 3-ий день.

7183 г., мая во 2-й день поехали на трех дощаниках рекою Иртышом из Тобольска в вечерни в неделю. И приехали в татарский юрт, в деревню Кускун, от Тобольска — 5 верст, и в той деревне ночевали, оттого что ожидали служилых людей, покамест собирались из Тобольска. А поехали из той деревни мая в 3-ий день в 4-ом часу дня через Арзайский волок из Тобольска до Демянского яму.

Деревня Редкина, русская, от Тобольска — 7 верст.

Деревня Смирни, русская, от деревни Редкина — верста.

Деревня Ильина, русская, от деревни Смирни — 2 версты; да против той, на другой стороне, две деревни: одна русская — Осипа Никифорова, а другая — Ескалбинская, татарская. Ескалбинский остров на реке Иртыше, от Тобольска — 10 верст.

Деревня Корикина, русская, от деревни Ескалбинской — 2 версты.

Деревня Монастырская, русская, от деревни Кориковы — полверсты.

Деревня Беломоя, русская, от деревни Монастырской — верста.

Деревня Плеханова, русская, от деревни Беломои — с четверть версты или меньше.

Юрт татарский Енбилдеев от деревни Плеханова — полверсты.

Остров Липовой. В том месте разделился Иртыш надвое, и называют один старым, а другой — новым.

Деревня Семенова, русская, от юрта Енбилдеева — верста.

Погост Кугаевский¹, русский, от деревни Семенова — полверсты.

А от Кугаевского погоста — 2 деревни русские в полверсте, а называют Кугаевскими.

Деревня Егонская, русская, от погоста — 2 версты; а против той деревни, на другой стороне, юрт Абызов.

Да на правой стороне деревня Медведчикова, от юрта — 2 версты, а, не доезжая той деревни, от Иртыша пошла в сторону протока, а называют по-татарски Аирцак.

Деревня Островная, татарская, от деревни Медведчиковы — верста.

2 деревни: одна Штамал, а другая деревня Енбаева, от деревни Островной — 3 версты. А по другую сторону Иртыша, и деревни Енбаевой вышел проток.

А против деревни Енбаевой — деревня Закордово, деревня Бронникова, от деревни Енбаевой — 3 версты. А против той деревни Бронниковой, за рекою Иртышом, деревня Шалей, да над тою деревнею Шалей остров Покозов.

¹ А в нем церковь. (Прим автора.)

Деревня Вербуша Тычинского да другая Арбукова новокрещенных, от деревни Шалей — 2 версты. А от тех деревень впало в Иртыш озеро тычинское оброчное Буран.

Деревня Балаева, русская, от деревни Вербуши по 2 версты. И против той деревни из Иртыша вылилась пролива. А от той проливы впала в Иртыш речка Иренжанка. На правой стороне Иртыша впала речка Сорока, от речки Иренжанки в полуверсте. На той же стороне — 2 проливы небольшие.

На правой стороне ям — юрт Аремзянский, от деревни Балаевы — пол 6 версты, и против того юрта, на левой стороне, протока; и в том юрте тобольские гребцы переменяются, и гребут аремзянские татары.

А от Аремзянского до другого яма, до юрту Натце, — 10 верст, а от деревни Аремзянки до Тобольска — 45 верст.

На правой же стороне от юрту Аремзянского — речка Нерсеюн.

На той же стороне — речка Тетлинка, от речки Нерсеюне в полуверсте.

Среди реки Иртыша стоит остров Кунтай, от Аремзянского юрту — 5 верст.

Деревня Филатова — на левой стороне, от острова — 2 версты. И подле той деревни — озеро Кулдай, и то озеро впало в Иртыш.

Да по правую и по левую сторону реки Иртыша — лес сосняк и березник, и тальник.

А река Иртыш зело тихо течет, а в ширину сажен по 500, а в глубину сажен по 10, и по 11, и по 20, и больше.

Приехали на ям, в юрт Натце, и в том юрте аремзянских гребцов переменили.

И против того юрту, на левой стороне, раздвоился Иртыш, и меж того места остров.

Да от того ж юрту на правой стороне — речка Индюк.

Да на той же стороне Иртыша — речка Серебрянка.

Да на той же правой стороне — деревня Карбин-

ская, татарская, переменяли гребцов; от речки Серебрянки — верста.

Да на левой стороне Иртыша — речка Мой, от деревни Карбинской — полверсты.

На той же стороне Иртыша — речка Крюк, от речки Моя — 2 версты.

На правой стороне — речка Месеул, от речки Крюка — 4 версты.

Да на той же стороне — речка Ченбиус, от Месеула — верста.

Да на той же стороне — речка Бардак, от Ченбиуса — верста.

На той же стороне — речка Курте, от речки Бардака — 2 версты.

Да на левой стороне — деревня Татарская, от речки Бардака — 20 верст.

Да на правой стороне — деревня Угинская, татарская, от деревни Татарской — полверсты.

На левой стороне Иртыша — речка Наскил, от деревни Угинской — 2 версты.

Да на правой же стороне Иртыша — речка Ара, а от речки Наскила — 2 версты.

Да на левой стороне Иртыша — речка Билсур, а течет река близ Тюмени, а впала в Иртыш, от речки Араи — верста; да на той же стороне Иртыша — деревня Есаул, а от речки Билсура — полверсты.

Да на правой стороне Иртыша — речка Асеева, от деревни Есауловой — 2 версты.

Да на левой стороне — остров.

Да на той же стороне Иртыша — речка Тунгугун, от речки Асеевой — 3 версты.

Да на той же стороне — речка Каймыш, от речки Тунгугуни — верста.

Да на правой стороне Иртыша — юрт Переслихют, от речки Каймыша — полверсты. Да на той же правой стороне Иртыша — речка Алабулға, от речки Переслихюта — 2 версты.

Да на той же правой стороне Иртыша — речка Ялымка, от речки Алабулги — верста.

Да на той же стороне Иртыша — протока Ялымка, от речки Ялымки — верста.

Да на той же правой стороне Иртыша — деревня Юлбазара; переменяли гребцов; а от протоки Ялымки — 2 версты.

Да на правой же стороне Иртыша — речка Сосновка, от Юлбазара — 2 версты.

Да на той же правой стороне Иртыша — речка Култамах, а от Сосновки — 2 версты.

Да на той же правой стороне Иртыша — остров Туртасский, от речки Култамахи — 3 версты.

Да на левой стороне Иртыша — деревня татарская, от острова Туртасского — верста.

Да на правой стороне Иртыша — деревня Туртас, а от острова Туртасского — полверсты. А под нею — речка, на другой стороне Туртас.

Да на левой стороне Иртыша — речка Алыкар, от деревни Туртаев — 2 версты.

Да на левой же стороне Иртыша вышла истока, а на той истоке стоит деревня Водска; переменяли гребцов; от речки Алымки — 5 верст.

Да на той же левой стороне Иртыша стоит деревня русская Овот, от деревни Водски — 5 верст.

Да на той же стороне Иртыша — речка Круяк, от деревни Овот — 4 версты.

Да на той же левой стороне Иртыша — остров, от речки Круяки — полверсты.

Да на левой же стороне Иртыша — деревня Лебоут, остяцкая, от острова — 4 версты; переменяли гребцов.

Да на правой стороне Иртыша — речка Атляра, а другая — на другой стороне, против Атляры — Языр-Дурен, под деревнею Лебоуте.

Да на правой стороне Иртыша — из озера исток, от речки Атляры — верста.

Да на той же правой стороне Иртыша — из озера источина.

От сего места юрт татарских больше нет, а начинается народ остяцкий.

Да на той же стороне Иртыша — Кошелево городище, а Кошелево горсдище — высокое место; горы

высокие, и красиво место. А на горах растет всякий лес, а под ним — озеро.

Да на той же стороне Иртыша, под Кошелевым городищем, — деревня остяцкая.

Да на левой стороне Иртыша — речка Турбак, от Кошелева городища — верста. А под тою рекою Турбаком, на другой стороне Иртыша, с полверсты — деревня того же Кошелева городища; переменяли гребцов.

Да по левую же сторону Иртыша — из озера исток, от речки Тургайки верста.

Да на той же стороне Иртыша — озеро, от Кошелева городища — пол 2 версты.

Да по правую сторону Иртыша — речка, от Кошелева городища — 5 верст.

Да по левую сторону, против речки, — озеро Бурентамак, да пониже озера — остров Бурентамацкий, а против озера — юрт Бурентамацкий, остяцкий, на правой стороне.

Да на левой стороне — речка Курья, от юрта Бурентамацкого — 2 версты, а под той речкой — летний юрт Бурентамацкий; переменяли гребцов.

Да на левой стороне Иртыша — озеро Нибу, от юрта Бурентамацкого — верста.

Да на той же левой стороне Иртыша — речка Тума, от озера Ниба — 2 версты.

Да на правой стороне — речка Калымья, от речки Тумы — верста.

Да на левой стороне Иртыша — протока, от речки Калымьи — 5 верст.

Да на правой стороне — деревня Варламка, русская, от протоки — 5 верст; переменяли гребцов.

Да на правой же стороне Иртыша — юрт Есаулов, остяцкий, от деревни Варламки — 10 верст; переменяли гребцов. А пониже юрта — Есаульская протока. Здесь половина от Тобольска до Демьянского яму.

Да на левой стороне Иртыша — остров Есаульский, от юрта Есаульского — полверсты.

Да на правой стороне Иртыша — остров Есаульский, от острова Есаульского — 2 версты.

Посреди Иртыша стоит Судяга Толстой остров, от

острова Есаульского — верста, а повыше острова Толстого — юрт зимний Есаул.

Да на правой стороне Иртыша — речка Бобровка, а вода черна, а ловят на ней бобров, лосей и иных всяких зверей, а течет из дальнего места, из болот; от острова Толстого — полверсты.

Да на левой стороне Иртыша — юрт остяцкий Коренев, от речки Бобровки — полверсты. А пошли остяки от деревни Лебоутено. А вера де у них, сказывают, — есть де мечети, а в мечетях вырезаны болваны серебряные, медные, деревянные и всякие. И молятся стоя, мызжут да пляшут; а как медведя в лесу убьют, волокут на двор и в избу с луками и стрелами, и стрелы потычут, и поют, и пляшут. А сказывают они, что де мы молимся шайтану, и ходит он по деревням.

Да на правой стороне Иртыша — река Демьянка, а вышла из-под Тары города и степью от калмыков; от речки Бобровки — 3 версты. А пониже реки стоит Демьянский ям. А стоит на красном месте, на яру, а живут русские люди, а на яму 50 паев, в ином паю по 2 и по 3 двора, да церковь Алексея, человека божьего. А в Демьянский приехали мая 5-го числа, а поехали того ж числа в среду.

Да на левой стороне Иртыша стоит остров Рачевский, от яма — 2 версты.

Да в стороне, с правой стороны, — Рачевское городище, место красное, яр; а на яру растет всякий лес: кедровник, сосняк и иные всякие древа.

Да на той же стороне Иртыша — речка Алей, а идет из озера; да пониже того — юрт зимний Мурзинский, от острова Рачевского — пол 3 версты.

Да на левой стороне берега растет лес, тальник, камыш; а по другую сторону берега — яр черный, а на яру растет лес: кедровник, сосняк и иные всякие древа.

Да по правую сторону Иртыша течет речка Шайтанка, от юрта Мурзинского — верста.

Да на правой стороне Иртыша, на яру, стоит на красном месте деревня Черноярская, ямская, русская, а под конец деревни растет пифтовник, от реч-

ки Шайтанки — верста. А за тем пифтовником растёт тальник мелкий.

Да на правой стороне Иртыша — остров Чандашев, от деревни Черноярской — пол 2 версты.

Да на левой стороне Иртыша — юрт Чандашев, от острова — верста.

Да на правой стороне, посреди Иртыша, — остров Чандашев, от юрта Чандашева — полверсты.

Да на левой стороне Иртыша — юрт Кармышев, от острова Чандышева — верста.

Да на правой стороне Иртыша — остров Чюгус, от юрта Кармышева — верста.

Да на правой же стороне Иртыша — протока Романова, от острова Чюгуса — полверсты.

Да на левой стороне Иртыша — остров Кугарков; протокой ж плыли из-под юртов, от протоки Романовы — 5 верст.

Да на той же левой стороне Иртыша — остров Субботин, от острова Кугаркова — 3 версты, а пониже острова, с версту, — юрт Кугарков.

Да на той же стороне Иртыша — юрт Субботин, от острова Субботина — 3 версты.

Да на левой стороне Иртыша — речка Головкова, от юрта Субботина — 3 версты.

Да на правой стороне Иртыша — юрт Ячин, от юрта Субботина — 6 верст.

Да на левой стороне Иртыша — протока Ломиха, от речки Головковы — 2 версты.

Да на правой стороне Иртыша, повыше яру Ячина, — речка, от речки Ломихи — 3 версты. А яр Ячин чёрный, а на яру растёт лес: березняк, ельник и всякий лес, а яр зело высок; против Тобольского яру на 10 верст стоит все яр.

Да на левой стороне Иртыша — юрт Воинков, а подле юрта — проток Воинков, от Ячина яра — 5 верст.

Да на правой стороне Иртыша — юрты Деньщиковы, да пониже юрт Деньщиковых — речка Деньщикова, от юрта Воинкова — 5 верст.

Да посреди Иртыша — остров, от речки Деньщиковы — 6 верст.

Да на правой стороне Иртыша, против острова,— речка Бобровка.

Да посреди Иртыша — остров Филин, от речки Бобровки — 2 версты. А против острова — яр Филин, зело высок, а стоит яр на 10 верст.

Да на правой стороне Иртыша — речка Матегорка, а против той речки, на левой стороне,— юрт Филина Баскакова. А против того юрта — остров, от острова Филина — полверсты.

Да на правой стороне Иртыша, по конец яра,— юрт остяцкий Лукьянков и с пашнею, от речки Матегорки — полверсты.

Да на той же стороне Иртыша — речка Мартемьянка, от юрта Лукьянкова — верста; а против той речки, на другой стороне,— остров Ламба.

Да на правой стороне Иртыша — остров Обучаков, от острова Ламбы — 4 версты.

Да на левой стороне Иртыша — юрты Цынгаловы, а пониже Цынгаловых юрт — Старый Иртыш, на левой стороне, от острова Обучакова — 7 верст.

Да на той же стороне Иртыша — юрты Семенкины, от юрт Цынгаловых — 10 верст.

Да на правой стороне Иртыша — речка Центекова, от юртов Семенкиных — 4 версты; меж Семенкина яру — юрт остяцкий Сотников, на левой стороне, от Семенкина — 8 верст. Да против юрта Сотникова, на правой стороне,— заостровка.

Да посреди Иртыша — 3 острова Сотниковы: один — Ангаза, а другой — Шалтрапил, а третий — Яртышак, а промеж ими вышла речка Сотникова, от юрта Сотникова — 4 версты.

Да на левой стороне Иртыша — юрт Сотников, от речки Сотниковы — 2 версты.

Да на правой стороне Иртыша — речка Переборка, а пониже речки, на другой стороне Иртыша,— юрт Сотников, от трех островов — 3 версты.

Да на той же стороне — протока Гришкина, от юрта Сотникова — пол 2 версты, а на ней стоит юрт Гришкин.

Да на правой стороне Иртыша — речка, повыше юрта Колпухова с 3 версты, да повыше того юрта, с

версту,— речка Колпухова, а стоят юрты на перекопах, а под перекопом — озеро, а наверху перекопа — маленький перекоп.

Да на левой стороне Иртыша — остров Колпуховский, от перекопа — 4 версты.

Да пониже острова с полверсты — юрт Колпуховский, а против юрта, на правой стороне,— протока.

Да на левой стороне Иртыша — речка Пурьякова, от острова Колпуховского — 3 версты. А против речки Пурьякова — сор Колпуховский.

Да на правой стороне Иртыша — речка Выползовка, от речки Пурьяковы — 3 версты.

Да посреди Иртыша — остров Сеньки Погонина, от речки Выползовки — 2 версты.

Да на левой стороне реки Иртыша юрт летний Колпуховский при острове Колпуховском стоит. А против острова — луг великий, а за лугом — озеро, а за озером — гора высокая, которая пошла от Тобольска и до самой Оби, а все идет лесом.

Да на правой стороне Иртыша — протока Залома, от острова Колпуховского — 2 версты.

Да посреди Иртыша — 2 острова, от протоки Заломы — верста.

Да на правой стороне Иртыша — протока Надерева, а на протоке — озеро, а от протоки Заломы — 3 версты.

Да на правой же стороне, против протока Надерева,— деревня Артюхи Карлина.

Да на левой стороне Иртыша — юрт Реполов, от деревни Артюхи Карлина — 5 верст.

Да на правой стороне Иртыша — речка Реполовка, от юрта Реполова — 3 версты.

Да на левой стороне Иртыша — река Конда, а течет из сибирского города Пелыма, из Верхотурского Камени; от речки Реполовки — 2 версты.

Да на левой же стороне Иртыша — юрты Кондинские, а стоят на устье, на реке Конды.

Да на правой стороне протоки Надеревы — остров Михайлов.

Да на левой стороне — речка Тугутка, от юртов Кондинских — 4 версты.

Да на правой стороне Иртыша — Реполовский сор, от речки Тугутки — 7 верст.

Да на той же стороне Иртыша — речка Майкусова, от Реполовского сору — верста.

Да на правой же стороне Иртыша — речка Етигарка, от речки Майкусовы — 2 версты.

Да на левой стороне Иртыша — юрты Баязновы, от речки Етигарки — пол 2 версты.

Да на правой стороне Иртыша — 2 речки, одна Баязнова, а другая Комарова, от юрт Баязновых — верста.

Да на правой же стороне Иртыша — речка Заостровка, а промеж Иртыша и речки — остров Дозрин, от Комаровой речки — пол 2 версты.

Да на правой стороне Иртыша — протока, да меж протоки и Иртыша — остров Поколенской, от острова Дозрина — верста.

Да на левой стороне Иртыша — юрты Тимошкины, от острова Поколенского — 4 версты.

Да на правой стороне Иртыша — протока Самаровская, от юрт Тимошкиных — пол 3 версты.

Да на левой стороне Иртыша — речка Холодилова, от юрта Тимошкина — 3 версты.

Да на правой стороне Иртыша — речка Казенная, от речки Холодиловы — верста, а под тою речкою — Самаровский ям, с четверть версты. А на Самаровский ям приехали мая в 8-й день. А с Самаровского яму поехали мая 10-го числа за 3 часа до вечера. А против Самаровского яму — 2 острова. А Самаровский ям потому словет, что был остяцкий князь в том месте, именем Самары, также и городок выкопан на высоких горах и шанцы по се время видятся. А Самаровские горы зело высоки и круглы, будут кругом верст с 20, а дале не идут. И горы неплодны, и на них болота и озера есть, и камень мелкий, и лес непотребный. А ям Самаровский стоит на правой стороне Иртыша, а на яме есть 50 паев против Демьянского яма, и приказчик на нем есть, сын боярский, послан из Тобольска; и церковь Святого Николая есть. А от Самаровского яму на левой стороне, против яму, течет протока Казенная, а выйдет против Белогорских юрт,

едуци к Березову. И от Самаровского яму до Березова доходят дощаником вниз по реке, сперва по Иртышу, а потом Обью, в 6 дней. А река Иртыш от Самаровского яма еще верст 15 течет до Белогорской горы, и там падет Иртыш в Обь реку, и больше того не именуется Иртыш, только Обь река. И понеже в сем месте кончается славная река Иртыш, пристойно будет здесь описание подлинное учинить, откуда вершины реки Иртыша начинаются и сколько иных рек в Иртыш впадают, и сколько городов при ней и иное, которое надлежит к описанию.

Описание славной реки Иртыша

Река Иртыш у древних и нынешних греческих и латинских земноописателей неведома есть, оттого что вершины ее истоков из Камени и степью чрез непроходимые места, о которых они и слухом не слышали, какие реки суть и какие люди живут. И то подлинно есть, что и древние, и нынешние земноописатели как греки, так и латины ничего о той стране или о реках и о жителях до сего дня не ведают. А страна та, которая превелика есть, от Хвалынского моря и от царства Астраханского начинается, что есть за Волгою рекою, и даже до Окиана моря Северного и Ледовитого, и меж Иртыша и Оби реки, и Енисейска, и Тунгуски, и Лены, и Амура даже, и до самого Китайского государства доходит, где превысокие и предолгие стены Китайские суть. А кто и писал что о них, только басни писали, оттого что только слухом слышали, а никого из искусных не бывало.

Только пишут и древние, и нынешние земноописатели, что славная река Обь чинит предел меж двумя частями света, се есть меж Асиею и Европою, и что есть на левой стороне Оби, то Европою считают, а что на правой стороне, то Асиею предают. Однако же то ложно разделяют оттого, что они начинают предел чинити меж Асиею и Европою в первом, в Белом море, до самого до Цареграда, а потом Черное море, а

потом Азовское море, а потом как держится река Дон, до вершины ее. И от вершины ее до ближнего берега Оби реки, потому что они чают, что от вершины Дона реки недалеко до берега Оби реки. И не ведают, что превеликое расстояние есть меж вершиной Дона реки и меж берегами Оби реки, что будет расстояние то против половины Европы. А лучше бы положили предел меж Асией и Европой вершину Дон реки, а потом, прямо едучи, чертеж учинили к левому берегу Двины реки и Архангельскому городу и к Окианскому морю; то и ближний бы и прямой предел был бы, но о том в описании славной и великой реки Оби пространнее напишем, а ныне опять возвратимся к описанию славной реки Иртыша.

Вершины реки Иртыша текут из Монгольских гор, которые по-русски именуются Камень, и от того места разделяются вершины Иртыша на две протоки: и одну протоку называют монгольцы и калмыки Уренгой, а другую — Балаган. И от того места недалеко есть рубеж Китайского государства, и при вершине реки Иртыша кочует монгольской тайша Зурухта-кун. И от того места до самого китайского рубежа все Камень, и место тесное, и кочуют один род монгольский, а над ними владелец — многие мелкие тайши. А из Тобольска до самой вершины реки Иртыша можно легкими судами ходить. А от вышереченного Зурухта-куна тайши до другого монгольского тайши Ирдени-Сулева ходу 7 дней меж Камени, возле реки Иртыша. И от того тайши до другого тайчина первого монгольского тайши ходу 10 дней возле реки Иртыша.

И у тех монгольцев язык калмыцкий. А лес и трава займищами; а до озера Кизылбаш ходу 9 дней возле реки Иртыша. И сквозь то озеро прошла река Иртыш и не мешается с озером и опять за озеро течет своим течением. А в том озере вода пресная, зеленая и рыбы много, и зверей. И в нем есть зверь некоторый незнаемый, который ловит лебедей и гусей и иных птиц, будто крокодил; и может быть и крокодилом, только никто не ведает; а калмыцким языком именуют то озеро Кизылбаш, и в давних го-

дах близ того озера плыли из Тобольска и сыскали слюду, однако же была худа, и оттого промысла не учинили.

А от того озера до Контайшина городка ходу 4 дня по недалеку от реки Иртыша, и городок тот есть глиняный, а в нем две палаты кирпичные, кирпич жженный. А стоит тот городок в низком месте меж гор, и в том городке живут ламы калмыцкие, се есть жрецы идолов и болванов их. И у Контайши родится всякий яровой хлеб и овощ всякий русский.

А от того городка до Сенгея тайши и детей Контайшинных ходу 5 дней по недалным местам реки Иртыша.

А от Сенгея тайши до речки до Бешки, где владеет Аблай тайша, ходу 14 дней по недалеку реки Иртыша. И та речка Бешки течет из Камени и падет в реку Иртыш. А на той речке Аблай тайша сделал 2 палаты из жженого кирпичу в крепком месте, меж гор каменных, а мастера к нему присланы были из Китайского государства, потому что монгольские и калмыцкие тайши ссылаются часто с китайским ханом и поминки емлют и дают для того, что ныне в Китае владеет род калмыцкий и татарский.

А от речки Бешки до Аблаевых пашенных бухарцев ходу 12 дней подле реки Иртыша. И у Аблая тайши всякий овощ и яровой хлеб родится, се есть пшеница, ячмень, просо, горох и иное, и скота всякого много, а избы у пашенных бухарцев глиняны, а промеж тех пашенных течет речка невеликая, имя ей Карбуга, и течет та речка из Камени в Иртыш; и иные многие речки текут в Иртыш, которых имена неведомы.

А от тех Аблаевых пашенных бухарцев до калмыцкого ламы ходу 2 недели, и река Иртыш остается налево, а идти меж гор каменных, а в горах улусы калмыцкие многие кочевные Аблая тайши, а в горах лес березняк и сосняк. А где гор нет, и в таких местах лесу нет, кроме таволжника, карагальника, и водою скудно. А тот идольский жрец, лама калмыцкий, живет подле реки Иртыша на левой стороне; и поставлены у него две палаты кирпичные, кирпич

жженный смазан известью, а пашню у того ламы па-
шут бухарцы, а родится у них всякий хлеб и овош.

А от того ламы вниз, подле реки Иртыша по ле-
вую сторону до речки Енкуля ходу 3 дня, а выпала
та речка из Камени в Иртыш.

А от речки Енкуля до Долен-карагаю ходу день.
Долен-карагай — калмыцким языком, а по-русски —
стоят 7 сосен.

А от Долен-карагаю до Кабал-Гасуна ходу 2 дня:
Кабал-Гасун — калмыцким языком, а по-русски — па-
лата каменная: кирпич жженный, пустая. Дело ста-
ринное.

А от Кабал-Гасуна до Белых вод ходу 3 дня, все
те места ходить подле реки Иртыша.

А Белые воды слывут, ибо протока течет из Ирты-
ша быстрая, а вода в ней белая, и здесь близко есть
возле реки Иртыша 3 озера: два — направо, а
третье — налево, все соленые. А по-татарски слывет
Ямышево озеро, и здесь кончается царство Сибирско-
го рубежа, а на тех озерах ежегодно ходят из То-
больска и из Томского и из иных сибирских городов
по 30 и по 40 дощаников по соль, и соль собирают
в дощаники из озера самородную в пост успения бо-
городицы. И то Ямышево озеро от реки Иртыша —
верст с 5, а есть исток из Иртыша до озера. А в то
время, как русские люди собирают соль из озера,
учинится ярмарок. И приходят многие тысячи людей:
калмыки, и бухарцы, и татары и торгуют с русскими
людьми. И они продают лошади, и ясырь, и иные ки-
тайские товары. И держат тот ярмарок недели по 2 и
по 3, и русские люди, взяв соль и торгуя, возвращают-
ся к Тобольску, а калмыки и прочие — в улусы свои,
и то место остается опять пусто; а можно бы в том
месте острог построить при реке Иртыше или при
озере. И хлебу родиться можно, потому что земля
добрая. А водяной путь по Иртышу реке вверх до
Тары города ходят недели по 3 и по 4, а от Тары го-
рода до Ямышева озера, до пристанища, с которого
места ходят по соль, ходу 4 недели. А Ямышево озе-
ро от реки — 5 верст. А от того пристанища и от тех
Соленых озер вверх по Иртышу ж водный путь до

Ясана озера, о которого выше того писали, что по-калмыцки Кизылбаш именуется, мелкими судами ходу 20 дней.

А от Соленых озер вниз по Иртышу реке до города Тары ходят дощаником недели по 2 и по 3, и едучи от Соленых озер, на левой стороне реки Иртыша падет река немалая, именованная Камышлов, когорая течет издали из степи и из озер.

А на правой стороне вниз по реке Иртышу, меж Тары и Соленых озер, есть озеро Бараба, и около того озера и далее, близ Томского города, именуется Барабинская волость, и в той Барабинской волости живут татары, которые преже сего платили ясак великому государю и Аблаю тайше, а ныне только великому государю платяг. И те татары говорят по-калмыцки и по-татарски, а жилище их — копают в земле погребы, и князцы у них есть, и городки копаные, и звериные промыслы всякие промышляют.

А от Бараба озера той же рекой Иртышом вниз ходу неделя до Тары города; а город Тара стоит на речке Аркарке, на красном месте, от Иртыша с версту. А Тара город не малый, и служивых людей много, самые военные, ибо тот город есть на татарской окраине.

А от Тары чрез Барабинскую волость до Томского города сухим путем тихим ходом идти месяц.

А от Тары города вниз по Иртышу на левой стороне впадает в реку Иртыш немалая река Ишим, и та река равным расстоянием есть в середине меж городов Тобольска и Тары. При той реке построен острог Ишимский. И судами по той реке ходят, и слободы пашенных людей многие сидят, и места самые хлебородные, и рыбные, и угодные. А вершины ее текут из степи, чрез которую степь дорога идет из Тобольска в Казачью орду и в Бухары. А из Тобольска сухим путем до Ишима реки верст 100. А ниже по Иртышу, от устья Ишима на левой стороне, едучи в Тобольск, течет речка Вагай, а при ней острог Албашский. И от той речки вниз по Иртышу, на правой стороне, стоит село Абалак. И там церковь пресвятой

богородицы с чудотворным образом, которой слывет Абалак.

И от села Абалак недалеко, версты с 2, течет речка малая, именован Сибирка, и чают, что от той речки и царство Сибирское именовано, потому что близ речки лежит пустой городок и шанцы Кучума, царя сибирского, который владел в то время, как приходил Ермак в Сибирь; и место то самое крепкое — остров есть, однако ныне лежит пусто, только тобольские татары для воспоминания нечистой их веры магометской обновили преж сего и ныне обновляют мечеть, в которой по их нечистой вере, приходя, действуют.

А от того места, вниз по Иртышу плавая, на левой стороне до Тобольска с пол 2 версты впадет в реку Иртыш великая река Тобол, а вершины реки Тобола текут из Верхотурской горы, которая по-русски слывет Каменный пояс, а по-еллински Ори Рифея ке Иперворья, а по-латински Монте Рифеи ке Ипербореи, се есть горы Рифейские выше севера. А чрез вершины Тобола реки из Тобольска належит путь до Астрахани. Степью чрез Калмыцкий Дюрбецкий улус да через Бухарский город Югенич и мимо Юрлуковых улусов чрез реку Яик езды пол 4 месяца, а дорогою едучи, озера и реки есть много, а описать отнюдь невозможно.

А по Тоболу реке есть Тарханский острог и иные многие слободы пашенные, и место самое хлебородное. И, едучи из Тобольска по Тоболу реке вверх до устья Тавды реки, ходу 3 дня, на правой стороне. А по Тавде реке вверх до Пелыма города дощаником ходу 16 дней. А Тавда-река немалая, течет из Верхотурской горы, а по ней слободы многие, и татары кочуют, и место самое хлебородное. А близ Пелыма города падет в Тавду реку река Леля.

А от Тобольска ж вверх по Тоболу реке, верст со 100, на левой стороне падет в Тобол Тура, река немалая. А Тура река течет из Верхотурского Камени мимо Верхотурского города, а ниже Верхотурского города падет в ту ж Туру реку с правой стороны река Салда, и недалеко от той реки падет с правой же стороны в Туру реку река Тагиль, и ниже того с правой

же стороны падут в ту же реку Туру река Невака да река Режь, да река Ирбит, да река Тишма, которые все из озера, из Камени текут и впадут в Туру реку, а Тура вместе с ними — в Тобол. А около тех рек и меж ними живут многие слободы и деревни великие, которые падут хлеб, а земля зело хлебородная. А из тех слобод привозят дощаниками Турою рекою, а потом Тоболом и Иртышом хлеб в Тобольск ежегодно служивым людям.

А из Тобольска вверх по Тоболу реке, далее устья реки Туры, впадет в Тобол река немалая Исеть, которая течет из озера из Верхотурского Камени. А в той реке Исете, едучи вверх по ней, падут из Камени ж, из озера река Теча да река Мяс, с левой стороны также река Иртяш, также река Синара, и меж теми реками родится всякий хлеб, и Исетью рекой привозят дощаниками в Тобольск.

А все те вышеописанные реки вместе падут в Тобол реку и вместе с Тоболом впадут в Иртыш. И потом река Тобол течет с рекой Иртышом подле самого города Тобольска, потому что город Тобольск построен на самом берегу Иртыша реки, на высоком месте, на яру, который яр превысокий есть. И тот яр начинается издалека, из степи, из пустого и неведомого места, и потом приближается к реке Иртышу и иногда при берегу реки, а иногда отдаляется до самого устья Иртыша реки, где впадает в Обь реку, а идет все по правую сторону реки Иртыша; а после того приближается с правой же стороны к Оби реке и иногда удаляется и вместе с Обью идет до самого Томского города. И от Томского города до самой калмыцкой степи и пустыни; а сибиряне сказывают простым речением, что идет тот яр по всей земле, а именуют тот яр — Кряж, а татары именуют Қаш, а остяки — Вонт. И поистине тот яр есть как будто гора, потому во многих местах есть превысокий, и лес растет всякий — кедровник, ельник, осинник, таволга и иной всякий лес, и травы многие; и можно бы по нем сыскать руды, где отдаляется в степи; и звериный по нем промысел: много соболей и лисиц и иные всякие звери. И то чудо немалое, что по реке Оби и по

Иртышу, и по Кете нет иной горы или холмов, но везде место ровное, опричь того яра Кряжа, который, будто пояс, проходит и расширяется по всех странах и разделяет реки и озера.

Но мы ныне, оставляя гору или яр Кряж, опять возвращаемся к описанию реки Иртыша и при ней сущего города Тобольска. И понеже описание реки Иртыша от самой вершины ее до самого царства Сибирского стольного города Тобольска опять описали до самого окончания ее (как выше сего видится лист ...), где она, река Иртыш, широким устьем за Самаровским ямом, с 15 верст, под Белогорьем впадает в великую реку Обь и больше того не именуется Иртышом, но называется Обь река до самого Окианского моря, и оттого еще напишем немного о ней, какие народы по ней живут и сколь рыбная, сколь глубокая и длинная и иные, которые к тому делу надлежат.

И потом, кончая о ней, учиним описание Тобольска города и разных дорог, которые из Тобольска идут в разные страны, и иные, которые ведомости предостоят.

Река Иртыш имени русского не имеет, оттого что Иртыш именуется по-татарски, а не по-русски; и не только Иртыш не имеет имени русского, но и Тобол, и Тура, и иные сибирские реки именуются и русскими людьми тем именем, которым именовались прежде взятия Сибири иноземцами — татарами или остяками. Также река Иртыш приняла имя свое от татар, потому что Кучум, царь татарский, владел по Иртышу пространно и не токмо над татарами, но и над остяками и над иными иноземцами, не токмо по Иртышу, но и по Оби реке и по иным сибирским рекам. И ныне, хотя и в подданстве татары живут, однако же великое множество народа и веры их живет по Иртышу и по иным рекам; и простирается не токмо в Сибирском государстве нечестивая вера магометская, но и до Бухарской земли, и за Бухарскую до самой Индии та же нечестивая вера владеет. А по вершине Иртыша, как выше сего написали, по оба берега ее живут разные монгольские народы, а ниже по ней потом живут разные калмыцкие народы, из

которых иные жилищем живут, а иные только кочуют на время при Иртыше. А после калмыков при Иртыше ниже живет народ татарский, смешан с русским до Тобольска города и за Тобольском близ Демьянского яма; и от того места начинаются жители реки Иртыша — народ древний, остяцкий. И они живут смешаны с русскими до самого Белогорья, где кончается река Иртыш и впадает устьем в Обь реку.

А остяки именуют Иртыш Сагашудж, се есть — черная вода, к разделению Оби реки, для того что в Оби реке вода белая и мутная. И там на устье Иртыша имеют большое капище идолов своих; но про народ остяцкий и про веру их пространно напишем в описании Оби реки, потому что они живут больше по Оби реке и по Кете, нежели по иным рекам. А мы опять возвратимся к Иртышу.

А жители реки Иртыша суть народы, сколько выше того именовали. А лес по Иртышу есть разный, и по займищам, что близ вершины ее, суть горы каменные, и лесные, и безлесные. А после того степь великая и песчаная. А потом следует лес тот, который идет и по Оби реке, и по всему Сибирскому государству до самого до Окианского моря, который преславный есть и превеликий и именуется от земноописателей по-еллински «Эркиниос или», а по-латински «Эрциниос силва», се есть, Эркинский лес; и тот лес идет возле берега Окиана и до Немецкой, и Французской земли, и далее, и чуть не по всей земле, оттого и первый лес на свете и преименитый у всех земноописателей есть, однако же нигде нет такого пространного и великого, как в Сибирском государстве. Оттого и жилище разных зверей и особные есть, которые индеже на свете не рождаются, наипаче соболи, которые по-сибирски именуются одинцы, но про соболей напишем во ... листе пространно.

А ветры по Иртышу и по Оби реке наипаче суть северны, ибо государство Сибирское по самый северный вертеж.

А рыбы в Иртыше многочисленны и разные, наипаче осетры, стерляди и иные многие и разные, кроме

белуги; потому и жители той реки больше рыбой питаются.

Про течение Иртыша: при вершине и до Ямыша озера быстра зело, а не так глубока; а за Ямыш озером до самого до устья ее, где в Обь впадает, течет тихим течением, однако же глубока есть, что меньше десяти сажен нет, а тридцать и больше. В ширину или поперек будет сажен по 500 и больше, наипаче за Тобольским городом. Ныне останется писати и про длину ее, которая начинается от самых теплых мест вершины Иртыша; а как исчисляют земноописатели, будет начать вершины ее от четырехдесятого градуса, или степени, и течет до самого шестидесятого третьего степени и больше. И буде воздаем всякому градусу, как земноописатели дают, по осмьдесят верст, то будет, прямо едучи, 1800 верст, а и считая кривость, плес Иртыша, будет длина ее близ 4000 верст; а хотя и так великая река и славна, что Дунай, однако же у земноописателей для неведомости никакого воспоминания не имеет, так что и имени ее нет.

А город Тобольск построен на реке Иртыше, на высоком месте, на яру, и место зело красивое, и множество церквей божьих, и дворов, и людей живут в верхнем городе; также и под горой посад великий, в котором живут множество русских людей и татар. И из Тобольска есть разные пути, которые идут и в Бухары, и в иные государства. А и до Казани есть дорога мимо Тюмени и Уфы, езды есть месяц. Да от Тобольска вверх по Иртышу до устья Ишима реки и по правой стороне Ишима чрез речки Торгой до Камени Олотова езды 3 недели, а от Камени Олотова до речки Кындырли езды 4 недели, а от речки Кындырли до речки Чуя езды 3 дня, а от речки Чуя до казачьи орды, до города Сузана, езды 2 дня, а от Сузана до города Саврана езды 2 дня, а от Саврана до большого города до Юсов, где царь живет, езды половина дня.

А из Тобольска дорога есть во Индийскую землю чрез Казачью орду и через Бухару; а езды до Индии полгода торгом идти, а от верха Тобол реки, от востока под западную сторону, потекла река Яик подле

Аралтовой горы, а на низ плывучи, Аралтова гора на левой руке. А с вершины в Яик реку, с правой стороны, пала река Юрюк-Самар, а ниже Юрюка пала Тругун-Самар, а ниже Тругуна пала Камыш-Самар, а ниже Камыша пала Дюнгил Меньший, а ниже Дюнгила пал Средний; а ниже пал Дюнгил Большой. А с правой стороны, ниже Аралтовой горы, пала в Яик река Вор из горы Урака; а Яик пал в Хвалынское море; а которые иные реки пали в Яик, и об тех реках писано в Московском чертеже. Да от горы ж Урака потекла река Иргыз под восток и впала в озеро Акбашлы. Да в то ж озеро пала река Иргень; а другая Юрюк-Иргыз, а то озеро в Бухарской земле. Да в той же Бухарской земле с востока течет река Сыр и пала в Синее море. А в реку Сыр, с правой стороны, пала река Киндырля из Казачьей орды, и в реку Киндырлю пала река Чуй. Да в той же казачьей орде есть озеро Коль, а в него пала река Киндырлик. А в Киндырлик пала река Сарсы. А по Сырю реке вниз, от Киндырли реки 150 верст, бухарский город Ясырбан, а ниже Ясырбана, 9 верст, город Туркестан, а ниже Туркестана город Арказа, а ниже Арказы, 60 верст, город Ингурган, а ниже Ингургана, 70 верст, Аккурган, а ниже Аккургана, 110 верст, на правой стороне Сыра реки город Сайрак, а ниже Сайрака, 160 верст, город Ташкун. А ниже того города пала в Синее море река Сыр, а из Синего моря потекла река Арзан и пала в Хвалынское море, а в реку Арзан пала река Амедарня.

А те все города бухарские под разными ханами, и из тех городов ходят и торгуют в Сибири, и в Китай, и к Москве те же бухарцы приходят и торгуют.

И про Тобольский город и про дороги, что от него идут, писали довольно, и ныне опять следуем к нашему путешествию.

А от Самаровского яма плыли рекой Иртышом только с 2 версты на низ воды. И потом впали в протоку, которая течет издали, из Оби реки, и падет в Иртыш, и текут вместе с Иртышом до Белогорья верст

с пятнадцать от Самаровского яма и там совокупятся с Обью рекою и вместе текут до моря. И та Обская протока именуется Большая Невулева. И есть и иная протока Обская, от яму направо, и именуется Меньшая Невулева, однако же и та из Большой Невулевы разделяется и течет. И от конца той Большой протоки Невулевы почали плыть против воды в часть света в Асию, к востоку, направо, оставляя другую часть света, Европу, к западу, налево. Да на правой стороне большой протоки — Невулева речка, а впала в Меньшую протоку Невулеву устьем. А меж Большой и Меньшой Невулевы, остров большой. И до начала того острова от устья Иртыша будет верст с 15.

И плавая против того места в полночь, встретили нас в Большой Невулеве льды великие, которые шли из Оби реки. И задержали нас пол 2 сутки, и опять плыли.

Да на левой стороне протоки Невулевы — речка Узин, против острова Мекинина, да на той же стороне, против острова Мекинина, — протока.

Да на той же стороне протоки Невулевы, пониже острова Мекинина, — речка заостровка Аникина, да меж протоки и речки — остров Аникин.

Да против Аникина острова, посреди протоки Невулевы, — остров.

Да на правой стороне протоки Невулевы — юрт Шапшин, от острова Мекинина — пол 2 версты.

Да на правой стороне протоки Невулевы — яр Шапшин, и против яру Шапшина, на другой стороне, — речка, от юрта Шапшина — верста. А повыше яру — речка, а впала в сор.

Да на левой стороне протоки Невулевы вышла протока из той же протоки Невулевы, от яра Шапшина — 3 версты. Да на той же стороне, повыше протоки, — юрт Шапшин.

Да на той же левой стороне протоки Невулевы — протока, а вышла из протоки Невулева, а впала в Обь от юрта Шапшина полверсты. А повыше той протоки с четверть версты, — речка.

Да на левой стороне протоки Невулевы — остров Медвежий, а повыше того острова — яр Медвежий. А

под тем яром — протока Медвежья, от протоки — 2 версты.

Да на той же левой стороне протоки Невулевы — юрт Талимков, от острова Медвежьего — 15 верст. Да от юртов Талимковых пошла протока меньшая — Салымская, а впала в реку Обь.

Да на правой стороне протоки Невулевы, повыше яра Медвежьего за четыре версты, — остров, а против острова — протока, а впала в Обь.

Да на левой стороне протоки Невулевы — протока, от острова — полверсты.

Да на той же левой стороне, повыше протоки, — речка.

Да на той же левой стороне протоки Невулевы — протока Соспас, от юрта Талимкова — верста.

Да на правой стороне протоки, не доезжая Оби за плесом, — протока, от протоки Соспасы — 5 верст.

Да мая в 13-й день стояли на устье Большой Невулевы протоки для льда мая до 15-го числа. А на устье Большой Невулевы протоки, на верхнем конце, по край Оби, — остров, от протоки — 3 версты. И здесь протока Большая Невулева идет из великой реки Оби. И отселе почали плыть рекою Обью против воды. Здесь третья доля от Самаровского яма, а до Сургута 2 доли.

И мая в 15-й день поехали парусом по Оби реке и того ж числа, переехав плес, стояли тут же на Оби для льду ж, и стояли часа с 2, и опять поехали.

Да на левой стороне Оби — остров, от устья Невулевы протоки — 3 версты.

Да на той же стороне Оби, повыше острова с четверть версты, — речка Заостровка.

Да на правой стороне Оби — река Салым большая, а течет из Камени и из озер больших, от речки Заостровки — верста.

Да против реки Салыма — старая Обь, а слывет Люк-пан.

Да на левой стороне Оби вышла устьем верхним Старая Обь Люк-пан, от нижнего устья — 5 верст.

Да на правой стороне Оби — протока Челищева, от устья, верхнего Старой Оби — верста.

Да на правой же стороне Оби — протока же Челищева, от протоки Челищева — 5 верст.

Да на левой стороне Оби, против Челищевы протоки, — речка Заостровка.

Да на правой стороне Оби — остров, да против острова на левой стороне — протока, от речки Заостровки — 2 версты. Да на правой же стороне Оби — Балина Курья, а впала в сор, от острова — 2 версты.

Да на левой стороне Оби — протока Дунина, от Курьи — 2 версты.

Да на левой же стороне Оби — протока, от протоки Дуниной — верста.

Мая в 16-й день стояли от льдов, а поехали мая ж 20-го числа, ибо были льды великие, будто горы, из Оби шли. А на реке Оби, на Селнярском плесе, — три острова, а против тех островов — три протоки, слы- вут прозванием Селнярскими.

И те острова стоят посреди реки Оби, а протоки — на правой стороне. Да против островов, на правой же стороне, — озера, да по конец, вверх едучи Селнярско- го плеса, остров больше подался к правой стороне, к берегу.

Да на левой стороне плеса Селнярского — протока Селнярская же. А подле той протоки — юрты остяц- кие. А плеса Селнярского и протоки Селнярской счи- тают верст с 30. Да на левой же стороне реки Оби — протока Мугалатка, от Селнярского плеса верста, а против той протоки, на правой стороне, — остров Му- галатков, а на левой стороне протоки — озеро.

На правой стороне — две протоки, и те протоки впали в Салымскую большую реку, а от острова Му- галаткова — 8 верст. На той же стороне, в недалежном месте от проток, — остров большой.

На левой же стороне — протока Березова, от вы- шеописанных двух проток — 6 верст, а против той протоки — Березов остров большой, на правой сто- роне. А до Оби ехать тою протокою Березовою верст с 5. А повыше той Березовской же протоки и Оби, на левой стороне, — протока Сынтомина. А от Сынтоми- ны протоки до Юганской Оби — 3 версты; а Юган- ская Обь выпадает с правой стороны Оби.

И идучи вверх, учинится в Оби реке предел, и разделяется река надвое: на Большую Обь и на Юганскую Обь же, а промеж ними — остров великий. А та Юганская Обь и Большая Обь сойдутся выше Сургута тремя плесами, а подле Юганской Оби живут остяки на правой стороне.

Да на левой стороне Юганской Оби — протока Юганская, а меж протокой и Юганской Обью — остров. Да Юганская ж Обь разделилась надвое, а меж того острова от протоки Юганской до острова — 4 версты.

Да Юганской Обью ехали 3 версты и пришли в протоку Большой Оби. А от Юганской Оби той протокой ехать до Большой Оби 6 верст; и Юганская Обь осталась на правой стороне, а Большая Обь — на левой. И с той протоки выехав на Большую Обь, и ехали той Большой Обью от протоки с полверсты и поехали Заостровкой; и промеж них остров большой. А Красноярский яр остался на левой стороне Оби от протоки, которою вышли на Большую Обь, с 6 верст; а именуется Красноярский оттого, что подле Оби реки Большой, на левой стороне, — горы, а на горах — лес большой: сосняк и березняк, и иной.

Да против той же протоки — 2 острова небольшие, и той протоки считают версты с 3. Из той протоки выехали на Большую Обь и той Большой Обью ехали до острова с версту, а как тот остров называют, того сказать ямщики не знают. А подле того острова — протока Тундера на левой стороне, вверх идучи, а на правую сторону останется Большая Обь.

А от острова идти той протокой Тундерой верст с 50. А по ней многие острова и речки, а на островах — остяцкие немногие юрты.

Да вверх же идучи протокой Тундерой, к устью меж Большой Обью и протокой Тундерой — остров на правой стороне. И от того острова та протока Тундера впала в Большую Обь, плесо в Батурино.

А на правой стороне Большой реки Оби — бор, лес-сосняк великий. А от того бору идти Большой Обью плесом Батуриным; и на том Батурине плесо

стоит остров небольшой, от устья Тундры протоки — верста.

На Большой реке Оби стоит посредине остров, от вышеписанного острова небольшого — 4 версты; а от среднего острова до третьего острова тем же Батуриным плесом — 6 верст.

Да на правой стороне — протока Митрофанская, от острова — 11 верст.

А промеж Оби и Митрофанской протоки — остров, а на острове — лес: кедр и тальник, и березняк.

Да из Митрофановой же протоки вытекла протока и впала в Обь, а промеж них — остров.

Из Митрофанова большой протоки вышла протока налево, небольшая, от вышеописанного острова — 2 версты. Да меж Оби и Митрофановой протоки — остров.

Да на левой стороне — протока Кучумова, от Митрофановой меньшей протоки — 5 верст. А от меньшей Митрофановой протоки до Оби реки — 7 верст.

И приехав на Обь, и на левой стороне Оби — протока и впала в Митрофанову протоку, от устья Митрофановой протоки — 2 версты.

Да на Оби ж, на левой стороне, — протока, от вышеописанной протоки — пол 2 версты.

И в том месте Обь разделилась надвое: и одну называют Старой, а другую — Новой. Новая — на правой стороне, а Старая — на левой.

И против Старой Оби, на левой стороне, — протока. А промеж Старой Обью и Новой — остров.

Да на левой же стороне Старой Оби — протока Зырянова, от острова — 3 версты, а той протокой ходу 5 верст, и впадает в Старую Обь.

Да на левой же стороне Старой Оби — 2 протоки: одна — Сухая, а другая — Утопляя, от речки — 2 версты.

Да на той же левой стороне протоки Утоплой — яр Сургутский, а идет на 5 верст, а на нем растет лес: сосняк, кедр и иной лес.

Да на левой же стороне Оби — протока Черная, под яром Сургутским.

А приехали в Сургут мая 23-го числа; а Сургут

стоит на яру, на Оби, на левой стороне. А сказывали, что тут прежде сего бывала Пегая орда остяцкая.

Да против Сургута ж — протока да остров, да ниже Сургута, на правой стороне, речка Сургут впаля в Большую Обь, и потому город Сургут и называют. И город Сургут сделан после города Тобольска первым¹, прежде всех иных городов сибирских, ибо многие остяки живут в Сургутском уезде больше двух тысяч, и для покорения их и собрания ясака от них город построен на яру, на красном месте, при берегу Оби реки; и острог сделан, где воевода живет, который посылается с Москвы, и служилых людей много. А хлеб в Сургуте не родится для стужи великой и болотистых мест, только рыболовья много, и то меняют на хлеб².

Из Сургута³ поехали мая 24-го числа рекою Обью; и на левой стороне Оби — речка Бордакова, от города Сургута в недалнем расстоянии.

Да от речки Бордака вышла протока, и той протокою ехали до Оби, а подле той протоки — яр.

Да из той протоки вышли на реку Большую Обь, а против той протоки, на правой стороне реки, — остров великий, от города — 5 верст. А тот остров стоит меж Большой Обью и Юганской.

Да против того острова река Черная впаля в Обь, а вышла из болот пониже города Сургута.

Да на левой стороне реки Оби — остров Меншиков.

Да посреди Оби реки стоит остров Свиной, против

¹ Лет ныне с 70 из Сургута посланы служилые люди во все сибирские города: в Томский, в Енисейский и в иные, потому что множество было в Сургуте служилых людей. (Прим. автора.)

² А от Сургута чрез Волок до Тургуцкого зимовья озерами и сухим путем ходу 6 недель. А от зимовья вниз по Тазу реке до Мангазейского приморского города езды 10 дней. (Прим. автора.)

³ Около Сургута по рекам — волости остяцкие: на реке Югане — 3 волости, в Балыке реке — волость, в Пиму реке — волость, в Травьюгане реке — волость же, и всего около Сургута в стороне — 11 волостей, а в волости остяков бывает по 40 и по 50, и по 60, и по 70, и по 80 человек, а больше не живет. (Прим. автора.)

того ж Меншикова острова, от острова Материка — 8 верст.

Да на Оби ж реке, на середине, — Утячий остров, от Свинова острова — 3 версты.

Да на левой же стороне — река Почакуйка, от речки Черной — 5 верст, а в ту речку Почакуйку впадала река Травьюган, а против той реки Травьюгана — остров на Оби, на левой стороне, а река Травьюган — на правой стороне. А Почакуйка на левой течет. И от тех рек выплыли на Обь.

На левой стороне Оби — притока Утечь, от реки Травьюгана — 3 версты.

Да на левой стороне реки Оби, а реки Травьюгана на правой стороне — остров Банный, а слывет он оттого, что на нем лес-сосняк, из лесу-сосняку рубят бани.

На левой же стороне реки Оби — остров Лукин бор, другой — Першин, третий — Ломоватый, четвертый — Санин, пятый — Рябиновый, шестой — Березовый. И те острова все остров от острова в недалеком расстоянии; а около них — вода протоками и озера.

Да на правой стороне Оби — протока Никонова, от Сургута — 20 верст.

Да на той же стороне Оби — протока Березова, от Никоновой — полторы версты.

Да на той же правой стороне реки Оби — остров Еловый, а позади его течет река Обь же.

Да на левой стороне реки Оби — остров Ертиков, от Березовы протоки — 12 верст.

Да на левой стороне — остров Микитин, от Ертикова острова — пол 2 версты; да среди Оби — остров Елкин, от Микитина острова — верста.

Да на левой стороне реки Оби — протока Лапчеева, от Елкина острова — 3 версты.

Да на той же левой стороне реки Оби — остров Церковный, от Елкина острова — 2 версты. И из той протоки въехали на Большую Обь, а как выедешь на Большую Обь, и в том месте сойдется Большая Обь с Юганской Обью. И Юганская Обь придет с правой стороны, а Большая — с левой, и совокупаются вместе и текут до самой вершины Оби.

Да против той же Лапчевы протоки, на правой стороне Большой Оби,— 3 острова Асламские Большие; а от протоки Лапчев, Асламского плеса, до устья Прорвы Новой реки Оби езды день, и того будет верст с 50.

Да на левой стороне Оби реки — проточка и подле той проточки была застава от беглых людей, которые бегают снизу и мимо того места; и иными местами и протоками тем беглым людям проехать не можно, ибо в том месте Обь течет без проток. А Юганская Обь сошлась вместе, и подле той проточки поставлен для заставщиков крест.

Да на левой стороне реки Оби — остров, от заставного места — верста.

Да на левой же стороне реки Оби — протока, от вышеописанной — 2 версты, а промеж той протоки и реки Оби — остров, а протокой ехали с версту и выехали опять на реку Обь.

Да на правой стороне реки Оби, на Асламском плесе,— остров, от протоки, как выехали на Обь,— 6 верст.

Да на той же стороне, на Асламском же плесе,— протока, от острова — 5 верст.

Да меж той протокой и Обью — остров Долгий. На Асламском же плесе — остров Небольшой, посредь плеса от Долгого острова — пол 2 версты. А от того острова Обь разделилась надвое; и промеж того — остров; и называют одну — Новая Обь, а другую — Старая. Старая — на правой, а Новая — на левой стороне. И из старой Оби вытекла река Пыномас и впадала в Юганскую Обь, вниз далеко, где Юганская Обь течет особным течением. А от того места, где сошлись Обь Новая и Старая, плесо великое; а того плеса — 5 верст.

Да на правой стороне Аганского плеса — протока, от Обского плеса — 8 верст, да на Аганском плесе — остров небольшой, на левой стороне, от протоки — пол 2 версты.

Да на левой стороне реки Оби — островок маленький, на Аганском же плесе, от вышеписанного острова — 4 версты.

Да на правой стороне реки Оби — юрты зимние остяцкие.

Да на той же на правой стороне — заостровка, а меж той заостровкой и рекой Обью — остров небольшой, от юрт — верста.

А на правой стороне реки Оби и протоки растет лес: кедровник, березняк и тальник. А та заостровка 2 версты. И из той заостровки выехали на реку Обь, на плес Солокова; и против той же заостровки — протока Быстрая, и та протока раздвоилась надвое, на левой стороне. А меж теми протоками — остров.

Да на правой стороне реки Оби — яр Солоков, а на нем растет кедровник, пихта. А пихта подобна есть ели; а яр и горы до самого Тобольска. И город Тобольск стоит на тех же горах. Вверх воды реки Иртыша те же горы. И кедровник пришел до самой Тары и до самого Степного Камени. А вверх Оби те горы и кедровник пришли близ Нарыму до реки Васьюгана, и в том месте те горы та река разделила. А позади той реки Васьюгана пошли горы ж и кедровник того материка до самого Томского города и до самой Калмыцкой степи, и до самой песчаной пустыни. Да посреди реки Оби — остров Караульный, от заостровки — 10 верст; а слывет тот Караульный остров от того, что на нем бывает застава для пошлины великого государя, чтоб не провозили соболей, лисиц и иную мягкую рухлядь тайно и беспошлинно. А посылают на тот остров, на заставу, из Сургута служилых людей — казаков, а от той заостровки до Караульного острова проток никаких и островов нет. И для того на том острове и застава, что тот остров объехать не можно, и ныне тот остров размыла вода и льдами разбила и остался маленок. И в старые годы остяки, как великому государю изменили, великого государя казну разбивали¹ и казаков побивали. И после того их поймали и казнили и опять в подданство привели.

И мая в 27-ой день плыли парусом.

Да на левой стороне реки Оби — протока Арлюк,

¹ В Караульном острове и ныне караула нет служилых людей. (Прим. автора.)

от Караульного острова — 4 версты. А Арлюком протокою ходу 5 верст. А сибирские именуют яр тот вышеописанный и гору — Кряж.

Да на правой стороне реки Оби — протока Выкопина, от Арлюка протски — 13 верст. А меж Обью и протокой Выкопиной — остров Выкопин же. А та протока Выкопина слывет оттого, что живет подле нее остяцкий князец Выкопа¹. А Выкопиной протокой ходу 9 верст. А промеж протоки Выкопиной и Оби реки — остров большой. Да из той же Выкопиной протоки вышел на Обь, на правой стороне, остров небольшой.

Да на левой стороне реки Оби — протока, от Выкопиной протоки — 2 версты, а той протоки 3 версты.

Да на левой стороне реки Оби — протока Карияс, и та протока вытекла из Оби и опять впала в Обь же. А в ту протоку впала речка, по-остяцки Кулюган, а по-русски — Рыбная речка.

Да посреди Оби реки — остров Толобин, против протоки, которая на левой стороне; а слывет тот остров оттого, что живал на том острове остяк Тулоба.

Да на левой стороне Оби — юрты остяцкие, от острова Толобова — 6 верст.

Да посреди Оби реки, на плесе Толобине, — остров, от юрт остяцких — 4 версты.

Да на левой стороне — речка Толобина, от юртов остяцких — 2 версты.

Да на левой же стороне — 2 острова, от вышеописанного острова в полуверсте.

Да на левой же стороне реки Оби — остров небольшой, от вышеописанных двух островов — полверсты.

Да на левой же стороне реки Оби, от берега с версту, — материк лес: сосняк и кедровник, и ельник, и березняк; от тех 2 островов плыли плесом Машоном.

Да на том же Машоне плесе, на левой стороне, — протока Машон, а Обь река идет направо. А от островов до протоки Машона — 15 верст.

¹ 1-ая волость Ваховская князька Выкопы да другого князька Чамки — Сургутского уезду, (Прим. автора).

Да на правой стороне реки Оби, против Машоновой протоки,— протока небольшая.

Да на той же на правой стороне Оби — протока Кирьяс, от Машоновой протоки — 10 верст.

Да на той же стороне — протока Луртомкина, от Кирьяса — 5 верст.

Да мая в 28-й день парусом плыли.

На правой же стороне реки Оби — протока Чухломей, от Луртомкиной протоки — 5 верст. А Чухломей протока слывет оттого, что живет на ней остяк Чухломей. И подле той протоки, на левой стороне,— сор. И в том месте тот остяк тот сор запирает и в нем рыбу ловит.

Да на правой же стороне реки Оби — 2 острова небольшие, от Чухломея — полверсты. А Чухломей протоке 11 верст.

Да на той же правой стороне — юрты остяцкие летние. А против тех юрт, на левой стороне,— юрты остяцкие зимние.

А вышел из протоки Чухломея, на левой стороне — остров большой, посреди Оби реки, от устья Чухломея протоки — с полверсты. А на том острове — юрты остяцкие зимние, да на острове ж — лес: кедровник, березняк, осинник, тальник.

Да на правой стороне реки Оби — остров, от большого острова полверсты.

А на левой стороне реки Оби — река большая Вах, величиной чуть не с Обь, от острова — пол 2 версты. И впала та река Вах в Обь.

Здесь от Сургута до Вахи реки третья доля пути. А до Нарыма еще есть 2 доли.

А по той реке Вахе живут остяки многие, а описание реке Вахе ниже будет, где описание учиним Оби реке.

Да на левой же стороне реки Оби — протока, и та протока впала в реку Вах, от устья Вахи реки до протоки — 5 верст.

Да на правой стороне посреди реки — остров на Ваховском плесе, от протоки — 2 версты.

Да посреди Оби ж — остров, от вышеописанного острова — полверсты.

Да на левой стороне — остров, от острова — 17 верст.

И мая в 29-й день.

Да на реке на Оби, на Колтугорском плесе, — остров, от острова — 20 верст. А меж того острова — протока Колтугорская, и той протоки 4 версты; а на том острове — юрты остяцкие зимние. И по те остяцкие юрты, которые на острове, отошла Ваховская половина, а на том Колтугорском плесе, на правой стороне, — яр Колтугорский, а на нем лес: кедровник, березняк, тальник, осинник и иной.

Да против той протоки, на левой стороне, — протока большая, и та протока впала в большую реку Вах. И выехали из протоки на Большую Обь. И ехали плесом Колтугорским же до плеса Немаскина.

Да на левой стороне, на Колтугорском плесе, — протока, от Колтугорской протоки — 2 версты.

И мая в 29-й день с полудня плыли парусом.

Да на левой же стороне, под Немоскими остяцкими зимними юртами, на Немоском плесе, — протока Старая Кривая Обь, от протоки — 7 верст; а против той старой протоки — остров, на левой стороне; да посреди Оби — остров, от Старой протоки — 15 верст. Не доезжая того острова за полверсты, — юрты остяцкие, калмаковы.

Да на правой стороне — заостровка, а меж заостровкой и Обью — остров небольшой, от калмаковых юрт — 10 верст.

А против той заостровки, на правой же стороне, — лес: кедровник, пихта, тальник.

Да на правой же стороне Оби — протока, от острова и от протоки — 2 версты. И той протокой плыть версты с три. И из той протоки выехали на Обь, на плес Рубашкина; по конец Рубашкина плеса — Сеусова протока, от протоки — 7 верст.

И мая 30-го день плыли ларусом.

Да посреди Оби реки — остров, от протоки — 2 версты; а против той протоки и острова — лес: кедровник, пихта, ельник и иной многий лес.

Да на правой же стороне — остров, от острова — пол 2 версты. Да пониже тех юртов, на правой стороне к Сургуту, — юрты остяцкие Сеусовы.

Здесь половина от Сургута до Нарыма¹.

Да на Рубашкине плесе, на правой стороне, — юрты; да против тех юрт, на левой стороне, — юрты Матчины, от острова — 10 верст.

Да на левой же стороне реки Оби — юрты Чемалкины, от юрт Матчиных — пол 3 версты.

Да на правой же стороне реки Оби, на Рубашкине же плесе, — сор; от юртов, которые на левой стороне, — пол 2 версты; а сору 3 версты.

А сор именуется оттого, что из реки разлилась вода от берега, с 6 верст и больше.

Да на правой стороне реки Оби — протока Троегородская, от сору — 15 верст, а на той протоке, на левой или на правой стороне, — две остяцкие юрты зимние, и той протокой ходу 5 верст². А из той протоки выехали на Обь на Троегородский плес.

Да на левой стороне, на Троегородском плесе, — заостровка, от протоки Троегородской — 5 верст, а меж заостровки — остров.

На правой стороне, на Сажакове плесе, — юрты остяка Сажака, от заостровки — 15 верст.

Да на левой стороне, на плесе Акасамском, — юрты Акасамские; от юрт Сажакowych — 8 верст.

На правой же стороне — протока Панем, от юрт Акасамских — 15 верст.

Да на правой же стороне, на плесе Кыргаткине, — юрт Кыргаткин, от протоки Панемы — 6 верст.

И мая в 31-й день плыли парусом.

Да на левой стороне, на том же плесе, — остров, от юрт — пол 2 версты; да на левой стороне, на том же плесе, — остров, от острова — пол 2 версты. На том же плесе, на правой стороне, — юрты Лявны, от острова — 5 верст.

¹ 2-ая волость Лунпукорская князька Сеуса Арданова. (Прим. автора.)

² 3-ья Троегородская волость князька Пичика. (Прим. автора.)

А после того тот плес Кривой Чулимкин невелик, и на правой стороне — юрты Чулимкины ж¹.

Да на том же плесе, на правой стороне, — протока небольшая, а течет из Оби и опять впадает в Обь, от юрт Лявиных — верста.

На плесе Чулимкине — остров, от протоки — 2 версты. И против Чулимкиных юрт, на левой стороне, — проточка новая, которую мы в первых сыскали.

Да на правой стороне, на плесе Чумине, — юрты Чумины, от острова — 5 верст.

Да на Калымском плесе, на правой стороне, — юрты калымские, от юрт Чуминых — 7 верст. И от калымских юрт выехали на плесо Ослопово, и на Ослоповом плесе, на левой стороне, — заостровка, от юрт — 5 верст.

Да на правой стороне — юрты князька Кондыки Остяцкого², от заостровки — 5 верст. И против тех юрт, на левой стороне, — юрты Пургины. Да на Ослоповом — остров Кондакин, против юрт Кондаковых зимних. Да против того острова, на левой стороне, — 2 острова Еловые, Кондаки ж князька.

Да на правой стороне — юрты остяцкие ж, от Пургиных юрт — 8 верст.

Да на той же стороне — юрты Чигинкины, от юрт от Пургиных — 7 верст.

Да посреди Ослопова плеса — остров, от Кондаковых зимних юрт — полверсты; да против юрт — протока, на правой стороне.

Да на правой стороне — протока, а называют ее Старой Обью; а меж той Старой Обью — острѳв, от протоки — 8 верст.

Да от той же протоки с версту — остров небольшой.

Да на левой стороне — юрты Лондуровы, от Старой Оби — 10 верст. Да меж тех юрт — остров. И от острова ехать Ослоповым же плесом до яра 16 верст, и там Ослопов плес кончается. А сей плес Ослопов есть больше всех плесов, что суть в Оби реке, и вниз

¹ 4-ая волость Чюлымки князька. (Прим. автора.)

² 5-ая волость Кондыки князька. (Прим. автора.)

сверху перебегали парусом день летний. А слывет тот Ослопов плес оттого, что остяк жил знатный при том плесе.

Да против Кондыкиных юрт — сор на левой стороне, а разлился тот сор на 10 верст или больше.

Да на левой стороне реки Оби, на Ослоповском плесе, — заостровка, от сору — 6 верст.

Да посреди Ослоповского плеса — остров небольшой, 8 верст. Да против того — остров же, на левой стороне.

Да по конец Ослопова плеса — остров, от острова — 10 верст, и там Ослопов плес и кончается.

Да на левой стороне реки Оби, на Кичагине плесе, — юрты Кичагины, от острова — 12 верст.

Июня в 1-й день ехали бечевою и шестами.

Да на правой стороне реки Оби, на Кичагине плесе, — яр Весков, а на нем — лес: кедровник, пихта, ельник, таволга и иной многих. Да по конец того Вескова яра — юрты Остяка Веска, от острова — 7 верст.

Да на правой стороне, на том же плесе, — речка, а вышла из Кряжа, из ровного места.

Да на правой же стороне реки Оби, на Кичагине плесе, — протока, а та протока под яром, и той протокой ходу 7 верст.

И с той протоки выехали на Обь.

И на правой стороне реки Оби — яр другой, Весков, а от протоки до яру — 5 верст. А как той протокой шли, и объехали на реке на Оби 3 плеса, а называют те плеса Весковыми.

Июня в 1-й день лес всякий раскинулся. И листва в лесах и на ярах по Оби и по сторонам Оби реки оказалась, однако же холодно было.

Да на левой стороне реки Оби, на Весковом плесе, — протока, от протоки — 2 версты; а протокой ходу верста.

Того же числа с полудня ехали парусом.

Да на левой стороне — протока, от протоки — 3 версты.

Да на той же стороне — протока, от протоки — полверсты.

Да на той же левой стороне реки Оби — юрты Весковы, от протоки — 8 верст.

Да против юрт, на правой стороне, — сор великий, верст на 5 и больше.

Да на левой стороне реки Оби — Тым река и впа-ла в Обь реку издалека, а по ней живут остяки тым-ские князька Тунака¹, от Весковых юрт — 11 верст. А те остяки промышляют зверя соболя, лисиц чер-ных, бурых и красных и бобров, и белок, и иного много зверя.

А выпала та река близ Ваха реки из болот; а вы-ше Тыми, до Байбалакова плеса, 2 плеса.

Да на правой стороне реки Оби — протока, от Тыма — 8 верст.

И на левой стороне реки Оби, на Байбалаковом плесе, — остров, от протоки — 12 верст.

На правой стороне, на том же плесе, — протока, от острова — с версту.

Да повыше той протоки — юрты остяцкие Рыбала-ковы.

Да на том же Байбалаковом плесе — река Обь раздвоилась, а меж того — остров; а одну называют Старой, а другую — Новой; от протоки — 4 версты.

Июня 2-й день плыли шестами.

На левой стороне реки Оби, на Нюнжине плесе, — сор; от Оби, где раздвоилась надвое, — 7 верст. А тот сор разлился на 10 верст.

Да на правой стороне, на том же плесе, — юрты Нюнжины, от сора — 5 верст.

На том же плесе — остров, от юрт Нюнжиных — верста, да посредь того плеса — островок маленький, от острова — верста. Да против того островка, на ле-вой стороне, — заостровка.

Июня в 3-й день был снег, и дождь, и ветры вели-кие, а ехали парусом.

На правой стороне, на том же плесе, — протока Нюнжина, от заостровки — 6 верст. А тою протокой ходу 7 верст.

И с той протоки вышли на Обь на плес Тырлин, и

1 6-ая волость Тымская Тунаки князька. (Прим. автора.)

на Тырлине плесе — протока Васюганская, на правой стороне от протоки Нюнжины — 8 верст.

А Васюганской протокой ходу 32 версты. И посреде той протоки Васюгана — остров небольшой. А от Васюганской протоки до Васюгана реки — плесо Васюганское.

А меж той Васюганской протокой и рекой Обью — остров великий.

Да на левой стороне реки Оби бывали остяцкие юрты многие.

И те остяцкие юрты и остяки живут все по реке Васюгане.

А Васюган река на правой стороне¹. А вышла та Васюган река издалека, из болот, из-под Барабинской волости, а по ней лес: сосняк и кедровник, и тальник, и иной многий лес. А вода в той реке Васюгане черна и впала в Обь.

Да на правой стороне, по конец Васюгана реки, — на берегу юрты остяцкие. А повыше тех юрт есть еще и Сургутские остяцкие юрты по Васюгане реке — многие.

Да повыше тех юрт — юрты ж на той же стороне, зимние, от нижних юрт с полверсты. А те юрты в присуде к Нарыму. И от тех юрт пошли Нарымские остяки до самого города Нарыма.

Да на правой же стороне — протока Еловая, от юрт — 2 версты, а та протока 10 верст.

Да на той же стороне протоки Еловой — деревня русская Федора Попова, а в ней пашню пашут. И та деревня от Демьянского яма первая, где хлеб пашут, да подле той же деревни — сор верст на 6 и больше. И из той протоки выехали на Обь.

Июня в 3-й день ветрами и бурями великими занесло в сор, и в том сору стояли часов с 7. И от того места поехали сорами до протоки Быстрой; а до протоки Быстрой ехали сорами 4 версты. А протокой ходу 7 верст.

А выйдя из Быстрой протоки на плес Обский, на

¹ По Васюгане реке волости князька Караула до другого Уляса Третьева Березана. (Прим. автора.)

левой стороне — деревня русская. И посреди того плеса — остров. А от того плеса до Князь-Иванова протоки ходу 11 верст. А в протоке Князь-Ивановой, на правой стороне, — юрты остяцкие. Да повыше тех юрт — две юрты на левой стороне, остяцкие. А протокой Князь-Ивановой ходу 10 верст. И из той протоки выйдя на плес Обский ж, на левой стороне — юрты, от протоки Князь-Ивановой с версту.

Да против тех юрт, на левой стороне, — протока небольшая, а выше той протоки, версты с 2, юрты ж остяцкие.

Да на левой стороне реки Оби — старый город Нарым, а людей в нем никого нет. А ниже того старого города поставлен новый город Нарым же, от старого города в 10 верстах.

В Нарым приехали июня в 4-й день.

А город Нарым не строен по Оби реке, но на острове близ проточки, которая течет из Кети реки в Обь, однако же и с полверсты не будет дале от реки Оби. А стоит город на выском месте, и острог построен деревянный, в котором сидит воевода. А служилых людей только 40 человек. И около города по деревням пашенных людей немного, оттого что хлеб пахать почали недавно, а хлеба родится немного. А остяков много, и звериного промысла много, наипаче горностаи, которые в Сибирском государстве нигде такие добрые и великие не роятся, кроме березовых и нарымских.

А острог Нарым стоит на левой стороне, едуци на острове, а подле того острова Нарыма, с правой стороны, — протока, и той протокой ехали до Кети.

Да подле острова — сор великий до самой Кети реки. А Нарым острог называют оттого, что тут бывала Пегая орда остяцкая.

Из Нарыма поехали июня в 5-й день. А поехали до Кети реки проточкой. И едуци от острога Нарыма до Кети реки, по берегу, на левой стороне, — деревня русская Петра Гаврилова, казачьего сына, от города в версте. Да от той деревни до деревни пятидесятника Нехорощка — полверсты. А от той деревни — деревня Игнашки Семенова, от Нехорощка — пол-

версты. А от той деревни — деревня Игнашки Семёнова, от Нехорошковой в версте.

Да на левой стороне — деревня Соснина, от деревни Игнашкиной — верста.

Да на той же стороне — юрты остяцкие Келбышака, от деревни Соснины — 2 версты. А от тех юрт в полверсте — остров. Да пониже тех юрт — речка Той-Бехтина.

На левой стороне реки Кети — деревня русская Алатаева, от Нарыма — 15 верст, и в той деревне хлеб пашут. А от Нарыма острога до той деревни Алатаевой на левой стороне лес: кедровник, тальник, пихта, осинник и иной многих лес.

А на правой стороне лес только тальник и осинник, и березняк, и иной немногий лес. Из Нарымского острога ехали парусом. А как из Нарыма поехали, и в то время был снег великий, и было холодно до июня 8-го числа.

И здесь надобно ведать, что те, которые плавают рекою Обью и едут к Енисейскому вверх Кетью рекой, имеют три пути чрез три устья Кети реки. И первый путь есть чрез первое устье и высшего Кети реки, которым и мы плыли. И тот путь лучший и прямой есть. Другой путь есть чрез среднее устье Кети, Обью рекою, а третий и последний путь есть Обью рекой чрез третье и последнее устье Кети реки. И там плавают больше для подвод остяцких, ибо при Оби реке живут многие остяки.

И понеже здесь кончается плаванием нашим славная и великая река Обь, потому что мы налево Кетью рекою плыли к востоку, а Обь река течение свое правит к полудню, для того пристойно будет здесь подлинное описание славной реки Оби учинить и иным рекам, которые в нее впади. И от самой вершины ее до самого устья ее, где в Окианское Ледовитое море впадает, описать, какие народы живут и какие обычаи имеют, и сколько городов при берегу Оби реки суть, и какие горы и леса при ней суть, и сколько видов рыбы в ней есть, и иное, которое надлежит к описанию, по обычаю земноописателей здесь подлинно опишем.

Описание славной и великой реки Оби от вершины ее и до окончания и устья морского ее

Великая и славная река Обь, которая знатна у всех, у древних и у нынешних земноописателей, оттого что Обь реку поставляют рубежам меж Азией и Европой.

И нет такой реки ни величиной, ни глубиной во всей вселенной, опричь Амура, однако же у земноописателей, хотя знатная, однако же только имя ее знают и устье, где впадает в море. А что вершины ее и какие по ней люди живут, отнюдь не знают и пишут ложно имена людям и городам, которых и нет по Оби.

А вершины реки Оби начинаются первые от большого озера Тележского, которое бухарцы Алтын называют, а около того озера кочуют многие иноземцы: саянцы, мундужцы, каиманцы, таутелеуты и яумундужцы, учуги, караганцы. И те все великому государю ясака не платят. А места те зело хлебородные и степные, и леса есть же. А другие вершины есть 2 реки: одна — Бия, а другая — Катуня. И те реки издали текут из степи. И те сойдутся вместе с Обью и текут и потеряют имя свое, и именуется Обь. А меж тех рек есть зело хорошие займища и места хлебородные, и остроги можно поставить. А от устьев Бии и Катуня реки до Китая можно доходить в 2 месяца степью. А после тех рек впадает в Обь большая река Тома, по которой недалеко от Оби стоит город Томский. А близ вершины Тома построен Кузнецкий острог.

А после Тома реки впадают многие реки большие в Обь: река Чулим, река Кеть, Вах река и иные многие реки и речки. А после Томского города по Оби реке, недалеко от устья реки Кети, стоит Нарымский острог. И после Нарымского, вниз плавать дней с 8, стоит по Оби город Сургут. А от Сургута опять до Самаровского яма плыть дней с 4. И тут неподалеку от того места впадает в Обь великая река Иртыш. А от Самаровского яма до Березова города ходят вниз дней в 6. И от того места, где впадает Иртыш в Обь, уchnet Обь река зело простраться. А от Березова, меж

Особской и Обдорской заставами, до Мангазейского моря, до устья Оби реки, где впадает в Океан, в проливу морскую, вниз доходят по той же Оби реке в 12 дней. И тут впадает Обь многими устьями в море, и столь множество воды из Оби впадает в море, что побеждает морскую соленую воду и бывает сладкая и пресная. И посреди той проливы в море течет вода, будто река, и тут зимой дни очень малы и стужи великие. И тут близ моря и устья Оби живут самоедды. А далее живут остяки, по Оби реке множество их, и до Нарыма и дале. А дале их по Оби реке живут татарове; а за Томским городом дале живут калмыки и до самой вершины реки Оби. А около Березова есть капища идольские остяцкие, и про тех пишут земно-описатели, что тут есть идол Золотые Бабы, однако же золотых не сказывают, а что серебряных, деревянных крашенных множество, и медных льют же. И первое, что ловят изо всех зверей, им приносят.

А длина реки Оби зело великая есть, потому что начинается от самых дальних полудневных степных мест и теплых и впадает устьем в Северное Океанское Ледовитое море. А глубина ее зело велика, потому что, когда живет погодые, будто по морю волны ходят, и до самого берега глубока; и разливается по сорам и по озерам, и по лесам. А ширина ее неравная, потому что далее устья Иртыша реки гораздо широка, а вверху иногда к берегу в двух или в трех верстах, только по ней многие протоки и острова есть. А река Обь не каменистая, берега все земляные, и нигде камня нет.

А рыбы всякой в той реке зело множество, а наипаче осетры великие ловят. А особая рыба есть муксун, которая зело добрая. И кажется, что из моря идет. И столь множество по ней рыбы есть, что ни по одной реке и множество и жирней невозможно быть.

А имя ее, кажется, что иноземное, однако же и латинское тоже есть имя Обь, а татарове именуют Обь-Амар. А леса всякого по обе страны Оби реки множество есть, и идут и до самого Океанского моря, и до степи. А гор высоких иных нет, оприч той горы, которая именуется Кряж, которая иногда приближает-

ся к реке Оби, а иногда удаляется. И в иных местах зело высокая бывает, а в иных — не очень. А по тому яру многие травы и корени есть, и идет, будто пояс, далеко до степи и неведомо куда.

А вода в Оби реке зело белая и мутная, не так, как в иных реках, потому из озера течет. А течет Обь не очень быстро, не как иные каменные реки, однако же и не тихая и в иных местах гораздо быстрая, а оттого и не быстра, что зело глубока.

А что земноописатели полагают Обь реку пределом меж Асией и Европой, и то оттого, что чают, что вершины реки Дона недалеко от Оби. А ныне известно, что зело далеко и великое расстояние, и для того лучше бы положили предел Европы вершины реки Дона и, от вершины идучи, прямо до Двины реки и до моря. И так ближний бы предел был, нежели тот, что по Оби реке полагают.

А ныне, по описанию реки Оби, опять следуем к нашему путешествию и описуем реку Кеть от устья ее даже до вершины ее.

И здесь по описанию реки Оби опять возвращаемся к описанию плавания нашего вверх Кетью рекой, откуда оставили, до самого Маковского острога и до вершины Кети реки.

И плавая вверх Кетью рекой, на левой стороне, ниже деревни Алатаевы,— протока, а Кеть осталась на правой стороне, и той протокой ходу с полверсты. И выехали опять на Кеть. И Кеть река раздвоилась надвое, а меж того — остров: одну называют Кеть Старая, а другую — Новой, а меж них — остров. От той протоки до того места, где раздвоилась Кеть,— 4 версты.

Да на правой стороне реки Кети — старая Кетская лука, от юртов Коравандиных — 7 верст.

На правой стороне Кети — юрты Тюнгины, от юрт Коравандиных — 16 верст, да на той же стороне, повыше юрт версты с 2,— устье среднее кетское.

Да на левой стороне реки Кети — Лартицкого остяка Курковы юрты, от устья среднего кетского — 4 версты.

На левой стороне реки Кети — речка Тишпанова,

да на устье Нижнем протоки Тишпановы ж — юрты Тишпановы, от юрт Курковых — 7 верст. А той протокой Тишпановой ходу — 2 версты.

Да на левой стороне реки Кети — прорва Кетская, от протоки Тишпановой — 2 версты.

А той прорвой ходу верста.

Да на той же левой стороне Кети — протока Пураджина, а на протоке, по левую сторону, — юрты Пураджины, — от прорвы Кетской — 3 версты, а ходу по ней — с версту.

Да на правой стороне Кети — Пиковской волости юрты Олрдарга, да на той же стороне, повыше юрты с 3 версты, — протока Паджина, от протоки Пураджины — 3 версты.

Да на той же стороне реки Кети — юрты пиковского князька Этчи, от протоки Паджины — верста.

На той же правой стороне Кети — юрты Пиковской волости Чонжины, от юрт Пиковских — 6 верст.

На той же стороне Кети — юрты Пиковской же волости Паджины, от юрт Чонжиных — 4 плеса.

А под юртами Паджинами — протока Паджина.

На правой же стороне реки Кети — устье последнее кетское, а вышло на Обь.

Здесь половина от Нарыма до Кетского, от юрт Паджиных — 4 версты. Здесь от Сургута и от Нарыма, едучи Обью до 3-го кетского устья, и в то третье кетское устье с Оби в Кеть приезжают.

Да на правой стороне реки Кети — юрты Запорные Кошпактины, от устья последнего кетского — 6 верст.

Да на той же на правой стороне реки Кети — юрты Ивашкины Кетского острога, а от тех юрт пошли кетские остяки; а от Тогорского устья — 12 верст.

Да на левой стороне Кети — прорва Елдерова, да повыше прорвы Елдеровой — плес, от юрт Ивашкиных — 7 плесов.

Да на той же левой стороне реки Кети — протока, а на протоке, по правую сторону, — юрты Елдеровы от прорвы Елдеровы — 15 верст¹.

¹ Прорва именуется оттого, что старую реку покинет, а вновь потечет. (Прим. автора.)

А той протокой ходу — с версту; а из той протоки выехали на прорву, а той прорвой ходу — 5 верст.

А по конец той прорвы, а Кети — по левую сторону вышла Старая Кеть и опять впала в Кеть.

Да на левой стороне реки Кети вышла речка Кетская и опять впала в Кеть, от прорвы — полверсты.

Июня в 8-й день плыли плесом Елдеровым, а тем плесом ходу 5 верст.

А на плесе Елдерове, на правой стороне, — яр Филькин, от речки Кетской — 5 верст; а тот яр будет на 5 верст. А на том яру растет всякий лес: березняк, ельник, кедр, пихта, осинник и иной всякий лес.

А от того Филькина яра шли прорвой Ангиной, а на той Ангиной прорве — кряж Обский. А той прорвой ходу 2 версты.

А та прорва — на правой стороне Кети. А кряж — на правой стороне прорвы. Да на правой стороне реки Кети — протока, от прорвы Ангиной — верста. А той протокой ходу 2 версты.

Да на правой стороне реки Кети — деревня русская Волкова Кетская, от протоки — верста. А от той деревни до Кетского острога — 2 версты.

Июня в 8-й день приехали в Кетский острог. А Кетский острог стоит на красном месте, на том же кряже по правую сторону Кети. А в Кетском дворов с 20, да церковь живоначальной троицы да Николы чудотворца. А поехали из Кетского того же числа, ночью, в 4-ом часу, протокой, а той протокою ходу верста. А та протока выпала из Кети и опять впала в Кеть. А из протоки вышла Кеть.

Да на правой стороне реки Кети — деревня русская, от Кетского острога — 2 версты, а в той деревне — 7 дворов.

Да на той же правой стороне реки Кети — прорва, от деревни русской — 3 версты.

Да на левой стороне Кети — заостровка, от прорвы — верста.

Да на той же левой стороне реки Кети — деревня русская. А прежде того на том месте бывали юрты летние остяка Неугы князька. А в той деревне — 6 дворов, от протоки — 3 версты.

На левой же стороне реки Кети — протока Неугына, от деревни — верста. А той протокой хода 6 верст. А на устье нижнем той протоки, как изменял Ныргей и взял государеву казну и служивых людей побил, казну государеву полонил, и казна государева была в полону на устье нижнем той протоки, в лесу, с год. И опять собравшись, те служивые люди, казаки сибирские, отбили государеву казну у Ныргея и отослали ту казну к великому государю в Москву, и с того времени опять того изменника Ныргея в подданство привели, и почал он, Ныргей, и с людьми своими великому государю ясак платить.

И понеже здесь водяной путь и реку Кеть оставили вправо, к полудню, и здесь кончилось и жилище народа остяцкого, пристойно будет здесь писать вкратце и описание реки Кети, откуда вершины ее, и иное, которое к тому надлежит, также про веру и обычаи остяков.

Река Кеть и вершины ее текут издали, из степи близ Красноярского острога; однако же от Маковского острога вверх по ней струги великие не плавают, ибо вода живет малая. А от Маковского острога еще три днища есть деревня русская при берегу Кети, а при вершине ее живут татары, киргизы и иные. Длина Кети немалая, потому что от устья ее, где падает в Обь, плавают вверх воды недель по шесть и по семь. А из Маковского острога, сказывают, до вершины ее будет плавания столько ж. А ширина ее, где впадает в Обь теми устьями, немалая: каждое устье будет больше Москвы-реки. А в Маковском умалется. И глубина ее немалая до Маковского острога, а рыбы живут всякие, потому что многие реки в нее впадают, и соры, и озера. Только сия река зело тосклива, оттого что жилья по ней нет от Кетского острога до Маковской деревни Ворожейкиной, недель

с пять и больше, опричь остяков. И тех немного. А прежде сего было их множество великое; а почали воевать между собой, и в тех драках много погибло; а иные от мора и от глада примерли, что и в прошлых годах такой глад у них был, что иные из них детей своих поели. А опричь того, река Кеть тоскливая для того, что по ней ни елани, ни поля нет, только лес непроходимый, болота и озера; и потому в Кети вода черная, а места сухого мало, однако же можно б быть в четырех и в пяти местах жилищам, ибо и прежде того в тех местах жилище было.

Но про реку Кеть довольно, а ныне про остяков напишем.

Народ остяцкий древний, как и иные разные народы царства Сибирского. Жители все те от скифов произведены суть, которые после потопа от Иафета, Ноева сына, поколение свое имели. И для того и обычай их, и простонравие. И идолослужение их, как сначала от исполина Неврода приняли, так и держат. Сами себя именуют своим языком, которые по Оби живут и по Иртышу, — кандаях, а нарымские и кетские именуют же себя чугулы. А жилище их начинается от Иртыша и до устья реки Иртыша, где впадает в Обь, и потом по Оби на низ до Березова и до Океанского моря и вверх по Оби реке до Томского города, также и по Кети реке до вершины ее. И то место есть немалое. Только у них, хотя и един народ и вера одна, однако же языки у них живут разные, насилу друг друга выразумеют. Сей народ есть, который от греческих и латинских историков именуется ихфиофаги (хотя об них они только слухом слышали), се есть рыбаодцы, потому что все остяки ловят рыбу всякую множество много. И иные и сырую едят, а иные сушат и варят; однако же соли и хлеба они не знают, опричь рыбы, да корень белый — сусак, который они летом собирают в запас, сушат и зимой едят. А хлебом не могут жить. А которые насытятся хлебом, и те помрут. А жилище их — юрты. И не токмо для ради прокормления своего рыбу ловят, но и платье себе из рыбной кожи делают и сапоги и шапки. А шьют их рыбьими жилами. А ходят они в лод-

ках в самых легких, деланы деревянные, сидят по 5 и по 6 человек и больше. А всегда при них луки и стрелы есть, всегда готовы к бою. А жен у них множество, сколько хотят, столько и держат. Но про них писали и в иных местах; и ныне напишем опять путешествие наше, се есть Маковский острог и волок Маковский до Енисейска.

Маковский острог стоит на красном месте, на Кети реке, на яру, левой стороне; а в остроге — церковь, а дворов с 20, и тут дощаников и каюков зело множество разбитых и целых, потому что здесь пристанище великое государевым людям. А с полверсты от острога есть слобода торговых людей, и тут амбаров множество построено для ради того, что торговые товары свои тут кладут и после того ходят чрез волок.

А от Маковского острогу поехали чрез волок в Енисей. А тот волок держит верст с 5 летней порой, а зимним путем, сказывают, с 50 верст. А по всему волоку зело грязно, и для того везде по нем великие мосты построены ради множества грязей и болот, и речек.

А жилья нет на том волоке, oprичь одного места, только на одном месте есть изба одна, где живут люди. А после волока выходят на еланные места. И тут есть деревня небольшая под самым волоком. А после того недалеко есть деревня большая, в которой острог и церковь. А именуется та деревня — Елан. А из той деревни опять до Енисейска множество деревень и жилья есть, и места еланные, зело хорошие и хлебородные. И сказывают, что во всем Енисейском уезде есть деревень с 500. А везде места хлебородные.

А от того Маковского острога до Енисейского ходят с вьюками 2 или 3 дня, какова дорога. А вьючат все на конях. А кони енисейские зело добрые и великие, домашние с калмыцкими смешаны. А для всякого коня емлют до Енисейска по рублю и меньше,

какова дорога. А на иных местах есть на волоку и горы, а леса везде темные. А есть в иных местах и чистые места на речках, где стоят и отдыхают. А описание реки Енисея не напишем подлинно для того, что по Енисею реке из Енисейска только 2 дня плавали. А после того плаваем по Тунгуске и до самого Байкала. А не пишем про Енисей и оттого, что вершина той реки не знается, откуда начинается, только сказывают, что вершина ее недалеко от обских. И слышатся лебеди, когда кричат, от вершины Енисея и до вершины Оби, как и иноземцы сказывают. А с Енисейского острога до Красноярского ходят сухим путем 10 дней, а водою вверх 3 недели, все меж русских деревень хлебобородных. А из Красного яра далеко еще ходят вверх по Енисею реке. И в Красноярском уезде множество деревень есть и служилых людей с 1000, только всегда опасно от киргизов, их человек с 1000, только гораздо воисты, и язык и вера их татарские. А ходят красноярские по Енисею по хмель, потому что много родится по островам. А до большого порога не доезжая, есть место, утес каменный по Енисею. На том утесе есть вырезано на камне неведомо какое письмо, и меж письмом есть и кресты вырезаны, также и люди вырезаны, и в руках у них булавы и иные многие такие дела. Как сказывают, что в том камне вырезаны на пустом месте. А никто не ведает, что писано и от кого. И за тем местом начинается страшный порог по Енисею, по которому никто не смеет ходить на судах, потому что утесы высокие по обеим сторонам стоят. Только ходят дорогой и обходят тот порог по 5 дней, потому что столько места держит тот порог. А ходят они за порог по хмель на острова. А далее того русские люди не ходят. А сказывают, что Енисей река везде равная величиною есть, река великая, каменная и зело быстрая.

А от Енисейского вниз по Енисею реке, мимо устья подкаменной Тунгуски, до Елогуя, до нижней Тунгуской же реки, до Туруханского острога с небольшими судами ходят в 10 дней. И ныне тут живет воевода, который прежде сего жывал в Мангазеи, потому

что прежде сего от устья Оби реки перебежали парусом и с запасами, и со всем, что было надобно за проливу морскую кочами до устья Тазу реки в 4 сутки. А с устья Тазу реки опять парусом по той же реке бежали до Мангазейского города в 4 сутки. А от Мангазейского до Туруханского, которое тогда было зимовье, на легких судах ходили недели по 3 и по 4; а ныне в Мангазее только зимовье, а живет воевода все в Туруханском, потому что из Енисейского ходят к ним с запасом без трудности.

И ныне тот путь морской чрез Мангазею оставлен. А ходят в Енисейск и оттуда в Турухан. А вверх по реке по Нижней Тунгуске, от Троицкого монастыря хода 4 днища, пала в Тунгуску с левой стороны река Северная. А от Северной реки вверх по Нижней Тунгуске, 2 днища ходу, пала в Тунгуску с правой стороны река Летняя; а выше Летней, 2 днища, по правую ж сторону пала река Светлая. А выше Светлой с правой же стороны, 2 днища, пала река Таймура. А подле той реки огонь исходит из долу, из ровного места; а как на ту расселину дерево положат, и оно станет углем от жара, а огня нет.

А вверх по той же Тунгуске, с левой стороны, пала река Турыга, а выше Турыги пала река Жданиха, а выше Жданихи пала река Розмахниха. А выше Розмахнихи, с правой стороны, пала в Тунгуску ж река Илимнея; выше Илимней разлилась из Тунгуски курья, а на ней зимовье Курейское. А выше курьи пала река Малая Ерома. А на реке Ероме Малой зимовье Тетюйское. А выше Малой Еромы пала река Большая Ерома. А выше Большой Еромы пала река Непа. А выше Непы пала река Балваденка. А по реке подкаменной Тунгуске зимовье ясатное, а в нем живут енисейские служивые люди для государева ясачного сбора.

А от Турухана вниз по Енисею ж реке до Океанского моря, до Енисейского устья, ходу 2 недели. А из устья Енисейского многожды хотели на кочах ехать к Лене реке и не могли, оттого что льды великие ходят по морю и разбивают кочи. А меж Енисеем рекой и меж Леной по тем вышеописанным ре-

кам множество соболей промышляют, потому что нигде же нет мест таких непромышленных, что тут, и для того ежегодно из Енисейска множество людей туда на промысел ходит.

И про Енисей реку довольно написали и ныне опять следуем к путешествию нашему из Енисейска до Байкала.

Из Енисейска поехали июля в 18-й день в вечеру. А город Енисейск стоит на правой стороне, на берегу реки Енисея. А около того острога обошли крепкие места, болота и леса великие. А позади того острога — монастырь всемилостивого Спаса; а стоит тот монастырь на красном месте, посреди болот. А под городом — речка небольшая, и на той речке поставлена мельница. А выше того города Енисейска, за речкой, поставлен острог новый. А строил тот острог стольник и воевода Кирила Елистархов сын Яковлев, для того что в то время приходили войной на Красный яр киргизы, и для опасения тех киргизов, чтобы войной на Енисейский не пришли; тот острог поставлен в крепких же местах. И в том остроге стоит девий монастырь, а в Старом городе и в остроге жилых казачьих и посадских, и всяких чинов людей дворов с 500 и больше, и гулящих, и промышленных людей много. А около Енисейска и на другой стороне реки Енисея русских деревень много. А в них живут пашенные крестьяне. Да против города Енисейска, на другой стороне, — деревня Трескина.

На правой стороне реки Енисея — остров, а против того острова — деревня Вонифантьева, от Енисейска — верста.

На левой стороне реки Енисея — яр, а на том яру — деревня Монастырская, от деревни Вонифантьевы — 3 версты.

Июля в 19-й день. На той же стороне реки Енисея, повыше той деревни с 2 версты, — деревня Потаповская. А против той деревни, на другой стороне, — деревня ж Верхняя. А выше той деревни с версту, на правой стороне, — деревня, а называют ее Верхней, и у той деревни при берегу копают камень и жгут руду железную. Да повыше той деревни, на той же пра-

вой стороне,— речка, а на той речке — мельница монастырская. На той же стороне — деревня Верхняя, от речки с версту. А против той деревни, на другой стороне,— деревня русская, а называют ее Татарской. Да против той деревни Татарской — остров. А против острова — острожок старый, а сделан для того, как заметно было, от киргизов. И в то время тот острожок сделали крестьяне. А пройдя тот остров, на левой стороне — деревня Клеопина.

На правой стороне — деревня Пузанина, от острова — полверсты, а против той деревни, на левой стороне,— деревня Боршевникова.

На правой стороне — деревня посадского человека Второго Игумного, от Пузанины — с четверть версты.

На левой стороне — деревня Гурылева, от деревни Второй — 2 версты.

На правой же стороне — деревня Южакова, от деревни Второй — 2 версты.

На левой стороне — деревня Лисовская, от Гурылевы — верста. А выше той деревни Лисовки — река Березовка. На той же стороне реки Енисея — речка Каменка, а течет та речка из Камени, от речки Березовки — пол 2 версты. На той же стороне реки Енисея — речка, от речки Каменки — пол 2 версты.

На правой стороне — деревня Шадрина, от речки — 2 версты.

На левой стороне — деревня, а называют ее Марково городище. А в том городище живали тунгусы; от деревни Шадрины — верста. А против той деревни — речка; а называют ее Шадрина.

На правой стороне — деревня Борок, от Маркова городища — 4 версты. А против той деревни, на левой стороне,— заостровка.

На правой же стороне — деревня Моклокова, от деревни Борка — полверсты.

А меж деревень — речка Моклокова, а на той речке — мельница, а против Моклоковы деревни — деревня Поханова, а против той деревни — остров.

Июля в 20-й день. На левой стороне — деревня Колесникова, от деревни Похановой — 4 версты. А выше той деревни с версту — речка Рудиковка.

На правой стороне — острог, а тот острог поставлен от киргизов, а против того острога — деревня Рудиковка, от речки Рудиковки — пол 2 версты.

На левой стороне реки Енисея — протока. А меж протокой и Енисеем — остров. А той протокой ходу верста. А против того острова, на другой стороне, — деревня Бурмакина. А повыше той деревни Бурмакиной стоит камень, от деревни Рудиковкиной — 5 верст.

На левой стороне Енисея — камень, а называют его бык, оттого что в том месте река Енисей вельми быстра и в воде камня великие. И об те камня воду бьет, и оттого быстрота великая. А против того места, на другой стороне реки Енисея, — гора каменная, великая.

А выше того камня быка — речка; да на той же стороне, выше речки, — деревня Костылникова, от камня с версту. А против той деревни, на другой стороне, — деревня Малахова. А выше той деревни, на правой же стороне, — деревня Галанина, от деревни Малаховы — с версту. На той же правой стороне — деревня Путилова, от Галаниной — пол 2 версты.

На левой стороне — деревня Штинникова, от Путиловой — пол 2 версты.

На правой стороне — деревня Бузина, от Штинниковой — верста. А выше той деревни — деревня Попова.

На левой стороне — деревня Самойлова, от деревни Бузиной — 10 верст.

На левой стороне реки Енисея — речка, а против той речки — остров, а против того острова, на правой стороне, — село, а в нем — церковь Спаса нерукотворенного. И в той деревне место хлебородное. А выше острова — 2 острова: один будет с полверсты, а промеж них — протоки, от деревни Самойловы и от островов — 2 версты.

А выше тех островов — гора каменная, великая, и идет до самого устья реки Тунгуски. А на горах — камня зело великие, и против той горы река Енисей пошла направо, а идет до Красного яра. И оттоле пошла в степь. А вершины реки Енисея никто не знает, оттого что доходят по ней за Красный яр далеко.

И тут порог непроходимый пятидневный. И по горе пеши ходят за порог и собирают на островах хмель. А из того места еще далее незнатные вершины ее.

А река Тунгуска течет направо и впала в реку Енисей. А меж Енисея реки, где ее устье,—остров. А меж Тунгуской и островом — деревня Стрелкина, от островов — версты с 4.

А не доезжая устья Тунгусского, под горою большою,—быстреть великая. И в том месте — камень великий, а называют его бык. И с того места идти рекой Тунгуской до порогу Стрелочного версты с 4.

Июля в 21-й день. Приехали на Стрелочной порог, а того порога пол 2 версты. И в том месте камня по всей реке великие, и вода зело быстра, и волны великие от камня; только есть небольшие порозжие места, где камней нет, и в те места дощаники проводят канатами великими и бечевами человек с 50 и больше. А как тот порог пройдешь, и посреди Тунгуски реки — остров каменный, небольшой.

На левой стороне реки Тунгуски — камень бык, и в том месте зело быстро; от Стрельного порога — пол 2 версты.

На левой же стороне — речка Блохина, от быка — 3 версты, и на той речке промышляют соболей.

На той же стороне — гора каменная зело высокая, а называют ее бык Татарский. А та гора идет на версту, и под той горой — быстреть великая, и если бы в том месте не было бы парусного погодья, то, кроме великого завоза и бечев, подняться никакими мерами невозможно; от речки Блохины — 4 версты.

А на другой стороне реки Тунгуски — горы великие ж.

На той же стороне реки Тунгуски — речка Татарская, а меж той речки, где впала устьем в реку Тунгуску,— 2 острова; и впала та речка двумя устьями, от Татарского быка с версту.

На той же стороне — столбы каменные, великие, от речки Татарской — 7 верст.

А те столбы на полверсты, а называют их столбами оттого, что камень стоят как быть вытесаны.

На левой стороне — речка Погромная. А против

той речки, насередь реки Тунгуски,— остров великий, Погромный же. А называют тот остров Погромным оттого, что на том острове громили тунгусов; от утесных столбов — 5 верст. А тот остров версгы на полторы.

Да на той же стороне — деревня Плеханова, от острова — с версту. А против той деревни — остров же великий, и на том острове из той деревни хлеб пахивали. А тот остров на пол 2 версты. А ныне та деревня стоит пуста, потому что в той деревне хлеб стал мало родиться. А стоит деревня на красном месте, на горах великих.

На той же стороне — речка Черная, против острова же верхнего конца. А выше той речки с полверсты — деревня Маркова.

Да посередь речки Тунгуски — островов с 10. А называют их Усть-Тасеевские. А позади тех островов — деревня Печкова. А те острова стоят вместе. А повыше тех островов, на правой стороне реки Тунгуски,— река Тасеева, а течет та река из степи и впа-ла в реку Тунгуску, а на устье той реки Тасеевы — остров. А на той реке Тасееве берут слюду. Да с правой стороны впа-ла в реку Тасей река Усолка. И в том месте соль варят, а варят соль из Енисейска. А величиной та река Тасей будет с Тобол реку, которая течет под Тобольским. А по той реке Тасее есть многие русские деревни.

На левой стороне реки Тунгуски, повыше Тасеева устья с версту,— нижнее устье Мурожны речки, а от нижнего устья с версту — верхнее устье. А течет та речка из болот и впа-ла в Тунгуску. А ловят на той речке всякого зверя: соболей, бобров, лисиц, росомах. А от той речки Мурожны пошли горы каменные, зело высокие и крутые, и будут они на 5 верст. А на тех горах родятся соколы. А подле тех гор вода течет зело быстро и вельми в том месте глубоко. А за теми горами каменными — столбы каменные и зело высокие.

На правой стороне реки Тунгуски — остров Еловый, от гор каменных высоких — 6 верст. А против острова Елового, на левой стороне, — речка.

На левой стороне реки Тунгуски — деревня Белоглазова, от острова — пол 2 версты. На той же стороне — ручей, а на том ручье — мельница Привалихина, от деревни Белоглазовы — полверсты.

На правой стороне — деревня Пастухова, от мельницы — пол 2 версты.

На левой стороне реки Тунгуски — погост Рыбный, а в нем — церковь, а жилых дворов — с 6. А тот погост стоит на горе каменной, а тот камень словоет Кровавый, ибо прежде сего бывала драка у тунгусов с русскими людьми, и русские люди, казаки, переимав тунгусов, метали с того камня в воду, и для того тот камень словоет Кровавый; от деревни Пастуховы — 2 версты.

На левой стороне — острова Рыбные, от погоста Рыбного — с версту. А в том месте — островов с 50 и больше. А те острова стоят один от одного в недалеком расстоянии, только их разделила вода. А позади островов, на той же стороне, — деревня Саввы Мокрова, а выше той деревни — деревня Колпакова, от деревни Мокрой — с версту. А под той деревней — речка Малышева.

На той же стороне — речка Рыбная, от речки Малышевой — 2 версты. А подле речки той — деревня Носова, а выше той деревни, версты с 2, — деревня Панова.

На правой стороне — деревня Новопашенных, от деревни Панова — верста.

На той же стороне — деревня Полетаева, от деревни Новопашенной — 2 версты, а подле той деревни — протока.

На левой стороне, выше деревни Пановой, — гора каменная, великая. А повыше той горы каменной — утес каменный, зело велик и высок; а тот утес на пол 2 версты.

Июля в 23-й день. На левой стороне — камень, а называют его бык, и в том месте зело быстро; от каменного утесу — 13 верст. На правой стороне — остров, от быка — с версту, а выше того острова с полверсты — 2 острова. А против островов, на левой стороне, — гора каменная, зело велика и высока.

На правой стороне — речка, от островов — 2 версты. А выше той речки с полверсты — деревня Мокрая.

На той же стороне — остров, от деревни Мокрой — 6 верст. А выше того острова, версты с пол 2, — по правую и по левую сторону горы каменные, высокие.

На левой стороне — камень зело высокий, а называют его бык Вымдомский, и в том месте — быстреть великая, и тянули дощаник завозом великим и бечевою. А именуют тот бык Вымдомским для того, что в том месте дощаник попортило и опрокинуло, и пожитки многие потонули у дворянина московского, прозванием Вымдомский; а шел он по указу великого государя в Илимский острог воеводой; от острова — 6 верст.

А против того быка, на другой стороне, — горы каменные, зело великие и высокие.

На той же стороне — речка, от речки — 5 верст. А от той речки до шиверы Оладыны — 7 верст.

На левой стороне — шивера Оладына, и в том месте зело быстро и, кроме великого завоза и бечевы, не поднимаются. А называют ту шиверу Оладыною для того, что в том месте дощаник попортило у московского дворянина, прозванием Оладын. А шел он по указу великого государя в Илимский острог воеводою и в том месте зимовал, оттого что то место не мог пройти из-за великой быстрины и из-за малой воды.

На той же стороне — речка Ослянка, от Оладыны шиверы — 5 верст, а ниже речки — шивера.

На той же стороне — речка Ослянка ж, от речки Ослянки — 4 версты. А слынут те речки Ослянки для того, что в них каменя оселки, что ножи точат.

На той же стороне — горы каменные, зело высокие. И такой горы от устья Тунгуски реки, высокой и великой, нет; от речки Ослянки — пол 2 версты.

Да против тех гор — остров небольшой на правой стороне; а те гору идут до самой деревни Каменки; а от тех гор до деревни Каменки верст с 20. И на тех горах соколов родится много.

На правой стороне — бык каменный, и в том месте зело быстро; от гор высоких — 11 верст.

На левой стороне — курья, от каменного быка — 5 верст.

На той же стороне — деревня Каменка, а под той деревней — речка Каменка. А по ней промышляют соболей и иного зверя. А та речка вытекла из болот, от курьи — 4 версты. А деревня стоит на красном месте, и место хлебородное.

Июля в 25-й день было парусное погodye.

На правой стороне — речка Манзя, от деревни Каменки — 20 верст.

На левой стороне — остров, от речки Манзиной — пол 3 версты. А ниже того острова — горы каменные, высокие.

Посредь реки Тунгуски — остров, от острова — 4 версты.

На левой стороне — речка Иркинеева. А подле той речки стоит деревня Логинова, от острова — 12 верст. А против деревни — 3 острова.

На правой стороне — яр красный, от деревни Логиновой — 6 верст, а по конец того яра — остров.

На правой стороне — деревня Еремина, а ниже той деревни — речка Пинчуга, от острова полверсты. А та речка вытекла из болот.

На той же стороне — речка Карабула, от деревни Еремины — 5 верст. А та речка вытекла из гор каменных. А выше той речки, на левой стороне, — прилук Бонтиев. А того прилуку 15 верст. Да посередь Бонтиева прилуку — остров. И тем прилуком парусом не бегают, оттого что прилук кривой.

Июля в 26-й день. Посередь реки Тунгуски — остров, от острова — 11 верст, а выше того острова полверсты — остров же.

На левой стороне — шивера Овсяная, от острова — 3 версты, и в том месте — быстреть великая, и подымались на двух бечевах.

На правой стороне — шивера великая и зело быстрая. А против той шиверы, на другой стороне, — место быстрое ж. И те быстрые места перебежали парусом; от шиверы Овсяной — 4 версты.

Посередь реки Тунгуски — остров, от шиверы — 8 верст. А выше того острова, версты с 3, на правой сто-

роне,— остров же великий. А против того острова — остров же небольшой.

Июля в 27-й день. На левой стороне — речка, от острова — полверсты.

На той же стороне — остров, а против того острова, на правой стороне,— остров небольшой, от реки — 11 верст. А до порога Мурского — 8 верст.

И того же числа приехали на Мурский порог. А того порога версты с 2. На том месте камня великие и вода зело быстрая, и волны великие от камня. И только есть небольшие порожье места, где камней нет. И в те места дощаники проводят канатами великими и бечевами. А против того порога, на правой стороне,— река Мура. А выше той реки — горы самые высокие и зело великие и прямые, будто столбы. А на одной горе, на самой вершине, поставлен крест. Да выше того Мурского порога, посередь реки Тунгуски,— остров великий, а на левой стороне — горы великие.

На левой стороне — речка, а против той речки — островов с 6, а выше тех островов — остров же, от порога — 8 верст.

На правой стороне — юрты тунгусские, от островов — полверсты.

На правой стороне — протока, немного выше юрт. А меж той протокой и рекой Тунгуской — остров. А против того острова, на другой стороне,— яр каменный, будто столбы великие.

На той же стороне — остров, от яра каменного — пол 2 версты.

На левой стороне реки Тунгуски — река Чадамец, а вытекла та река из болот и впала в реку Тунгуску тремя устьями. А по той реке Чадамс тунгусов много. И из Енисейска на Тунгуску и на реку Чадамец посылают казаков для ясаку по 10 и по 12 человек, и собирается с реки Тунгуски и с реки Чадамы с тунгусов сороков по 70 и больше.

А едучи до реки Чадамца от яра каменного, который описан выше сего, по реке Тунгуске стоят островов с 30 и больше; а стоят те острова — остров от

острова — в недалеком расстоянии, и полверсты, и по четверти версты, а иные — остров против острова.

На той же стороне — гора каменная, великая, от реки Чадамы — пол 2 версты.

Июля в 29-й день. Посередь реки Тунгуски — остров, от горы каменной — 12 верст.

На левой стороне — река Кода, а вытекла та река из болот, из дальнего места. А по ней живут тунгусы немногие; от острова — 9 верст.

На правой стороне — 2 острова, от реки Коды — 11 верст; а стоят те острова один от одного в недалеком расстоянии.

На той же стороне — зимовье гулящих промышленных людей, которые промышляют соболей; от островов — пол 2 версты. А выше того зимовья, версты с полторы, посередь реки Тунгуски, — остров.

Посередь реки Тунгуски — остров, от острова — пол 2 версты; а тот остров версты на полторы. А против того острова, на левой стороне, — речка, а выше того острова — остров Еловый.

Июля в 30-й день. На левой стороне — зимовье енисейских казаков. А шли те казаки в Илимский острог великого государя с хлебным жалованьем и в том месте замерзли, ибо выше того зимовья есть Кашина шивера, и в том месте зело быстро, и по всей реке лежат каменя великие, а вода бывает мелкая, и дощаник не проходит. И стоят недель по 8 и больше. А только есть посередь реки ворота, и в те места дощаники проводят великими канатами, а тянут воротами и протянуть не могут никоими мерами. И для того недель по 8 и стоят и дожидаются парусного погодья. А как парусного погодья не будет, и в том месте зимуют. А как тянут канатами, и с канатов людей срывает. И утопают в том месте много. И ниже той шиверы поставлены крестов с 40, а иные многие от пожаров пригорели. А та шивера на полверсты, а выше той шиверы, на левой стороне, — речка, а подле той речки — юрты тунгусские.

На правой стороне реки Тунгуски — речка, а против той речки — остров, а выше того острова — 4 острова ж. А те острова — остров от острова — стоят

в недалеком расстоянии по полуверсте; от Кашины шиверы — 4 версты.

На той же стороне — остров, от последнего острова — 5 верст. А ниже того острова, на левой стороне и на правой, — шивера, и в том месте зело быстро; и тянули дощаник двумя бечевами.

На той же стороне — остров, от шиверы — 4 версты.

На той же стороне — остров, от острова — 3 версты.

На той же стороне — река Кова. А против той Ковы реки — шивера Ковинская, и в том месте зело быстро. И горы великие, каменные. А по реке Кове тунгусских юрт много. А вытекла та река из гор каменных. А повыше той реки — юрты тунгусские, а выше юрт — остров, от вышеописанного острова — полверсты.

На левой стороне — шивера Горохова, и в том месте зело быстро, и подымались двумя бечевами; и против той шиверы — горы великие и зело высокие, от реки Ковы — 2 версты. А той шиверы — верста.

На левой стороне — остров, а против острова — остров же, от Гороховой шиверы — 6 верст. А до порога Аблинского — верста.

Июля в 31-й день приехали на Аблинский порог. А тот порог — полверсты. И в том месте зело быстро, оттого что во всю реку Тунгуску лежат каменя великие. И об те камни воду бьет, и для того волны и быстреть великая. А только есть ворота, где можно пройти дощанику, и тянули дощаник великим канатом и бечевой все люди, что есть на дощанике. А только остается на дощанике 5 человек, которые знают ворота, где дощаник проводить. А против того порога горы великие, и тянуть канатами место самое нужное. А выше того порога, на правой стороне, — юрты тунгусские, а выше тех, на той же стороне, — остров, от порога — полверсты.

На левой стороне — зимовье Андрея Афанасьева сына Бармышлова, а шел он по указу великого государя в Якутский острог воеводой. А зазимовал оттого,

что из Енисейска пошел после Воздвижения дня; от острова — верста. А подле того зимовья — речка.

На правой стороне — протока, от зимовья — верста.

На левой стороне — речка, от протоки — 2 версты.

Посередь реки Тунгуски — остров великий, от реки — 3 версты. А тот остров верст на 6. А против того острова — островов на левой и на правой стороне много. Да против того же острова, на левой стороне, — речка.

На той же стороне — речка, от реки — 4 версты.

На той же стороне — речка, от реки ж — 2 версты.

На правой стороне — остров, от реки — 10 верст. А выше того острова с полверсты, на той же стороне, — 2 острова.

Августа в 1-й день. Посередь реки Тунгуски — остров каменный, от островов — полверсты, а тот остров на пол 2 версты.

На левой стороне — гора каменная, зело высокая, от каменного острова — пол 2 версты. А выше той горы с полверсты, на той же стороне, — шивера, а та шивера на версту.

На той же стороне — гора высокая, каменная, и в том месте зело быстро, и подымались двумя бечевами; от шиверы — пол 2 версты.

На той же стороне — речка Киронова, от горы каменной — 6 верст, а слывет та речка Киронова для того, что живал подле нее тунгус Кирон. А выше той реки — остров. А от реки до острова — полверсты.

На левой стороне — речка Нижняя Кежма, от острова — 4 версты.

На той же стороне — речка Верхняя Кежма, от Нижней Кежмы — 7 верст. А та речка впала в Тунгуску тремя устьями. А против Верхней Кежмы — остров версты на 3, а выше того острова — 2 острова небольших.

Августа во 2-й день. На правой стороне — остров, от большого острова — 5 верст, а ниже того острова — островов с 6, маленьких и больше.

Посередь реки Тунгуски — остров, от острова — верста. А выше того острова с полверсты — остров же.

На той же стороне — остров версты на пол 2, от острова — 7 верст. А выше того острова — островов много. А те острова стоят — остров от острова — в недалнем расстоянии и идут до самого устья Илимского. И счесть их никоими мерами не можно, и на другой стороне берега не видишь.

На левой стороне — речка, от острова, который описан на пол 2 версты, — 8 верст.

Августа в 3-й день. На той же стороне — речка, от речки — 13 верст.

На той же стороне — речка, от речки полверсты.

На той же стороне — гора каменная, зело велика, будто столбы, от речки — пол 2 версты.

На левой стороне — остров, от столбов — верста.

На той же стороне — остров, от острова — пол 2 версты. А позади тех островов, на правой стороне, — острова самые великие.

На той же стороне — остров, от острова — верста. А подле того острова, на левой стороне, — горы великие, каменные, будто столбы.

Посередь реки Тунгуски — остров, от столбов каменных — 8 верст.

Посередь реки Ангары — остров, от острова — 9 верст, а тот остров версты на 2. А выше того острова с полверсты — остров великий, версты на пол 3.

На левой стороне — гора каменная, зело высокая, будто стена делана и пряма, от острова — пол 2 версты, а против той горы — острова есть же.

На той же стороне — река Ката, а против той реки, на правой стороне реки Тунгуски, — остров Гургоктов, а слывет тот остров для того, что живал на нем тунгус Гургокта. А река Ката втекла издалека, из болот. А по ней живут тунгусы многие и промышляют соболей и иных зверей и великому государю ясак платят; от горы каменной — верста.

Августа в 4-й день. На левой стороне — остров, от реки Каты — 4 версты. А против того острова, на правой стороне, — остров версты на 4.

На левой стороне — гора каменная, будто стена. А

та гора стоит против острова, который описан, на 4 версты. А выше того же острова — остров великий, верст на 6. А против того острова — горы каменные, будто столбы.

На той же стороне — речка, от гор каменных — 7 верст. А подле той речки — 2 зимовья промышленных людей. А выше той речки — остров невеликий. А позади того острова — остров каменный. А выше того каменного острова с четверть версты — остров маленький. А выше того острова с полверсты и меж теми островами другой берег виден.

На правой стороне — шивера, от острова — 2 версты.

На левой стороне — гора каменная, и в том месте не само быстро, и называют бык Маленький, от шиверы — 4 версты.

Посередь реки Тунгуски — остров каменный, высокий. А против того острова, на левой стороне, — горы каменные. И в том месте зело быстро, и подымались на 2 бечевах; от гор каменных — 3 версты.

Посередь реки Тунгуски — остров, от быстрого места — верста. А против того острова — деревня Илимского уезду; а остров на пол 2 версты.

Августа в 5-й день. Посередь реки Тунгуски — остров, от острова — полверсты. А тот остров на 2 версты. А меж тем островом каменя лежат великие, и об те камни воду бьет, и оттого быстреть великая.

На левой стороне — шивера, и в том месте во всю реку Тунгуску лежат каменя великие. И оттого зело быстро; от острова — полверсты.

На той же стороне — остров, от шиверы — полверсты.

Посередь реки Тунгуски — остров высокий, каменный, от острова — 2 версты. А тот остров на версту. А выше того острова — островов много, и стоят один от одного в недалнем расстоянии.

На левой стороне — речка, а от каменного высокого острова — верста.

На той же стороне — речка, от речки — 5 верст. А подле той речки — зимовье промышленных людей.

На той же стороне — речка, от речки ж — 2 версты.

Посередь реки Тунгуски — остров, от речки — 3 версты.

На той же стороне — быстреть великая, и подымались двумя бечевами; от острова — 7 верст.

Посередь реки Тунгуски — остров, от быстрого места — 2 версты.

На правой стороне — камень Неван. И подле того камня тунгусы рыбы ловят зело много. И по всей реке Тунгуске такого рыбного места нет. А ниже того камня — деревня Черная, от острова 2 версты¹.

На левой стороне — бык Обворотен, и в том месте зело быстро, и подымались великим канатом и бечевою. А слово тот бык Обворотен для того, что никакой дощаник не проходит, чтоб не снесло назад; от камня Невана — 8 верст.

На правой стороне — гора каменная, высокая. А выше той горы, посередь реки Тунгуски, — остров каменный, высокий, будто курган. А называют его Лосем. А против того острова, на той же стороне, — остров такой же. А выше тех двух островов с полверсты — остров высокий же, каменный. А называют и тех Лосями ж, от быка — пол 3 версты, и от того быка до верхнего острова — быстреть великая.

На левой стороне — деревня Сизова, а выше той деревни — речка Карапчанка, от каменного острова Лося — 5 верст.

На правой стороне — остров великий, версты на 4, от деревни Сизовы — верста.

На той же стороне — деревня Бадарма, от острова — 7 верст. А против той деревни — речка Бадарма; а на той речке поставлена мельница.

Августа в 7-й день. На левой стороне — бык, и в том месте — горы высокие и камни во всю реку; и об те камни воду бьет, и оттого быстреть великая. И дощаник тянули великим завозом и бечевою. И та быстреть, и каменя, и шиверы есть небольшие до са-

¹ От сей деревни пойдут илимские тунгусы, и великому государю ясак дают в Илеме. (Прим. автора.)

мого устья Илима реки. А река Тунгуска, где горы каменные, зело узка, и по всей реке Тунгуске такого узкого места нет; от деревни Сизовы — 2 версты.

На левой стороне реки Тунгуски — река Илим. А пала та река Илим в Тунгуску пространном течением. И идучи рекою Илимом вверх, на левой стороне стоит острог Илимский. А от устья Илима реки, где впала в Тунгуску, до Илимского острога ходу дощаником 3 недели. А как бывает вода велика, и в то время ходят недели по 2 и меньше. А до Илимского острога русских деревень и тунгусских юрт много. А вытекла река Илим издалека, из гор каменных. А в реку Илим впала речка Турыга с правой стороны. От Илимского острога до речки Турыги — 15 верст. А от устья той речки ездят сухим путем чрез камень на реку Ангару. И переезжают до Ангары в двое суток. А рекою Тунгускою ходу дощаником от быка до Илима реки — 7 верст.

На правой стороне — остров небольшой. А против того острова — юрты тунгусские, а от реки Илима — 10 верст.

Августа в 8-й день. На левой стороне — юрты тунгусские, от юрт тунгусских — 8 верст.

На правой стороне — остров, от юрт тунгусских — 5 верст. А остров на версту. На левой стороне — остров, от острова — верста.

На той же стороне — речка, от острова — пол 2 версты.

Посередь реки Тунгуски — остров маленький, от речки — 2 версты.

На правой стороне — остров на полверсты, от острова — 3 версты.

Посередь реки Тунгуски — остров, от острова — 3 версты. А выше того острова немного, на правой стороне, — остров версты на 3.

А позади того острова, на той же стороне, — деревня русская. А подле той деревни — речка Едуганка, а выше той деревни версты с 2 — займище Илимского ямского охотника Давыдка.

На левой стороне — протока, от острова — пол 3

версты. А протокой ходу полверсты. А позади той протоки — островок маленький.

На левой стороне — речка, от протоки — 2 версты.

Августа в 9-й день. На той же стороне — речка, от речки — 3 версты.

Посередь реки Тунгуски — остров маленький, от речки — верста.

На левой стороне — остров, а против острова, посередь реки Тунгуски, — остров, от речки — 3 версты. А против тех островов — горы высокие, с правой стороны — каменные, а на левой стороне — песчаные.

А выше тех островов — речка, а от той речки до Шеманского порога — пол 2 версты; и не доезжая [до] того порога, посередь реки Тунгуски — остров, и в том месте начинается быстреть великая.

И того же числа приехали на Шеманский порог. И пристав к берегу, из дощаника выгружали все на берег — обносить порог по берегу горами для легкости из-за сердитого порога, ибо на том пороге дощаников разбивает много, и река простирается поперек версты на 3. А обносить порог 4 версты.

И августа в 10-й день подымались на Шеманский порог, и тянули дощаник великими завозами русских людей и тунгусов человек с 60. А порог на пол 6 версты, и на том пороге по всей реке лежат каменя самые великие и место быстрое; и об те камни воду бьет, и оттого волны, будто горы. И на обоих берегах — утес каменный, зело высокий. А против порога, на левой стороне, — три юрты тунгусские. А тянули дощаник с утра до половины дня. Да посередь порога — 2 острова каменные: и одного называют Долгим. А выше тех островов — протока.

А выше той протоки — три острова каменные.

А против тех островов, на левой стороне, — речка Шеманка. А выше той речки, на той же стороне, — остров. И по всей реке Тунгуске такого нужного места нет, что порог Шеманский, кроме порога Падуна.

И августа в 11-й день, перенося через волок, поехали того же числа после полудня.

И недалеко от порога — бык зело быстрый.

А называют тот порог Шеманским для того, что

живал тунгус Шеман. И Шеманский порог зимою не мерзнет.

На левой стороне — шивера, и в том месте во всю реку Тунгуску лежат камня великие, и об те камни воду бьет, и оттого быстреть великая. И тянули дощаник двумя бечевами. А выше той шиверы — остров, от речки Шеманки — 2 версты.

На левой и на правой стороне — горы каменные, высокие, будто столбы, и в том месте зело быстро. И называют то место бык. И тянули дощаник великим завозом и бечевою. И тянуть канатом место самое нужное; от шиверы — 8 верст.

А те горы и быстрое место на пол 2 версты. А выше того быка — шивера.

А подымались на той шивере двумя бечевами. А выше той шиверы, на левой стороне, — утес каменный.

Августа в 12-й день. На правой стороне реки Тунгуски — остров, от шиверы — полверсты. А против острва — речка.

На той же стороне — остров, от речки — 5 верст.

На той же стороне — остров маленький, от острова — 4 версты.

На правой стороне — остров маленький, от острова маленького — 8 верст.

На левой стороне — речка, от острова — 3 версты.

На правой стороне реки Тунгуски — остров, от речки — 6 верст.

Августа в 13-й день. На той же стороне — горы каменные, высокие, и в том месте зело быстро, и называют бык. И дощаник тянули двумя бечевами, от острова — 9 верст.

Посередь реки Тунгуски — остров великий на 5 верст. А против того острова, на правой стороне, — остров небольшой, от быка — 2 версты.

На левой стороне, против большого острова — заостровка. А выше того острова — другая заостровка. А против того острова, на левой стороне, — острова есть небольшие.

На правой стороне — остров, от заостровки — 2 версты.

На той же стороне — речка, от острова — полверсты.

На той же стороне — протока, от речки — полверсты.

На той же стороне — камень бык, и в том месте зело быстро, и подымались двумя бечевами; от протоки — полверсты.

А против того быстрого места, посередь реки Тунгуски, — островов много и отстоят один от одного в недалнем расстоянии.

Августа в 14-й день. На той же стороне реки Тунгуски — речка, от быка — 10 верст.

На левой же стороне — 2 острова, от речки — 2 версты.

На той же стороне — яр Красный Кочевой, а называют его Кочевым для того, что на том яру был кош московского дворянина, прозванием Хрипунова. И от того яра ходил искать под Братский острог и по иным местам руды золотые и серебряные и на том яру оставлял запасы свои. И в том месте людей его побии тунгусы; от острова — полверсты.

Посередь реки Тунгуски, против Красного яра, — островов с 10; а те острова один от одного в недалнем расстоянии, а величиною те острова по полуверсты.

На правой стороне, против Красного же яра, — остров, от островов, от последнего, которые писаны по полуверсте, — 5 верст. И выше того острова Красный яр кончается.

На той же стороне — остров небольшой, от яра, где кончился, — верста.

На той же стороне — горы каменные, зело высокие, будто столбы, и в том месте — быстреть великая, от острова — полторы версты.

Посередь реки Тунгуски — остров, от гор каменных — 6 верст.

Августа в 15-й день. На левой стороне реки Тунгуски — река Вихарева, а вытекла та река издалека, из гор каменных. А по ней живут тунгусы многие и промышляют соболей и бобров, и иного всякого зверя; от острова — 8 верст.

На той же стороне — остров на версту, и на том острове лесу никакого нет; от реки Вихаревы — 6 верст.

На левой и на правой стороне — горы каменные, будто кладеные столбы, и зело высоки, от острова — 5 верст.

А те горы верст на 11 и больше.

На левой же стороне — шивера, от гор — 2 версты. А от той шиверы до порога Долгий — пол 2 версты. И от того места — быстреть великая до самого порога.

Августа в 16-й день приехали на порог Долгий. А тот порог Долгий на 6 верст.

И во всю реку Тунгуску лежат каменя великие, и об те каменя воду бьет, и оттого быстреть великая. По левую сторону — горы каменные, а по правую сторону — лес. И за тем лесом и за каменьями тянуть великим канатом трудность великая; и тянули дощаник с утра до вечера и тот порог не вытянули. И пристав к берегу и укрепя канатами, стояли до утра.

И августа в 17-й день дощаник тянули до полудня с великим же канатом.

А зимою порог Долгий мерзнет.

На правой стороне реки Тунгуски — 2 острова, от порога — 5 верст; а позади тех островов — заостровка, а тою заостровкой ходу полверсты.

А против островов, по обеим сторонам, — горы каменные, высокие.

Августа в 18-й день. На левой стороне — речка, от заостровки — 4 версты.

Посередь реки Тунгуски — остров, от речки — 2 версты.

А выше того острова — островов зело много, а счесть не можно. А стоят один от одного в недалнем расстоянии.

На левой стороне — речка Еловая, от острова — 6 верст.

На той же стороне — остров Березовый, от острова Елового — 2 версты. А за теми островами — островов много.

На той же стороне — речка Шеманка; а вытекает та речка из-под Илимского острога, не доезжая версты за три и больше. А от речки Шеманки до речки Турыги, что выше Илимского острога, верст с 8.

На правой стороне, на острове, — деревня ссыльного Бориски Московского, от речки Шеманки — полверсты.

На той же стороне — деревня Ильина, от деревни Борискиной — 3 версты. А до деревни Ильиной от деревни Борискиной — островов много.

Августа 19-й день. Посередь реки Тунгуски — остров, от деревни Ильиной — пол 2 версты; а выше того острова — островов много ж.

Посередь реки Тунгуски — остров Сосновый, от острова — 7 верст. А подле того острова и по сторонам — островов много, и счесть не можно, оттого что стоят остров подле острова. А выше Соснового острова, в прилуке, — островки небольшие, и на них лесу большого нет, только тальник мелкий. А от тех островков до порога Падуна — пол 3 версты. И не доезжая порога за 2 версты, по обеим сторонам — горы каменные, зело высоки. И того же числа приехав на порог и уснастя дощаник великими канатами, дощаник тянули.

И как был дощаник на великом заглавке, и на том великом заглавке дощаник задержался и канат великий перервал. И унесло на низ и едва не нанесло на камень.

И августа в 20-й день, выгрузя из дощаника и уснастя канатами великими иными, дощаник на порог взводили.

И как дощаник был на третьем заглавке, выше того места, где канат оборвало, и с того заглавка бросило на камень, и с того камня дощаник сымали многое время. И божиею милостию и великого государя праведными молитвами и счастьем, сняв дощаник с камня, за порог перевели в целости.

И того ж числа приехали к порогу задние дощаники, дворянский и казачий, и дворянский дощаник, выгрузя, за порог повели. И как был на том же месте, на заглавке, где первый дощаник заметало на ка-

мень, дворянский дощаник заметало, и до вечера снять не могли, а ночью сымать никоими мерами невозможно.

И августа в 21-й день сымали с того камня с утра до полудня, и сняли дощаник и за порог провели в целости, однако же с великою трудностью. А казачий дощаник провели в целости и безо всякого застоя.

И нужнее сего порога Падуна и Шеманского по всей реке Тунгуске нет. Только перед Шеманским меньше гораздо, а подъемом нужнее, оттого что во всю реку Тунгуску лежат камня великие, и только есть ворота небольшие. И в те ворота дощаники проводят, и оттого дощаники делают неширокие, чтоб в те ворота дощаник прошел.

А называют порог Падуном оттого, что дощаники разбивает многие. А считают его (протяжением) пол 2 версты, и зимою не мерзнет. Выше порога, на правой стороне, — деревня русская. А близ той деревни — остров великий. Позади того острова — остров же великий, от порога — с полверсты. И на том острове тунгусских юрт много. И от порога Падуна поехали того же числа, ввечеру.

На левой стороне — шивера, и в том месте зело быстро, от порога — пол 3 версты. А прогив той шиверы — остров, и против того острова острова есть же.

На той же стороне — гора каменная, зело высока, и называют гору Гребнем. И под тою горою — быстреть великая. А против той горы, на правой стороне, — гора каменная, а называют ее Гребнем же; от шиверы — 2 версты. А выше тех гор — остров.

Августа в 22-й день приехали на порог Пьяный, а того порога полверсты, и во всю реку Тунгуску лежат камня великие, и об те камень воду бьет, и оттого быстреть великая. И дощаник тянули великим завозом и бечевою. А против порога, на правой стороне, — горы каменные, высокие, а именуют порог Пьяным для того, что подле порога на горах растет корень пьяное, и оттого именуют его Пьяным. А как того коренья человек съест золотник или полгора золотника, и тот человек пьян бывает сутки и шалит пуще пьяного. А выше порога, на правой стороне, —

заостровка, и тою заостровкой ходу версгы с три. Из той заостровки вышли в протоку, а протокою ходу до деревни Бессоновой 2 версты.

А деревня Бессонова стоит на правой же стороне протоки, а ходу ею 2 версты.

И того же числа приехали на Похмельный порог, и на том пороге — быстреть такая же, какова и на Пьяном, только меньше заглавки, и дощаник тянули бечевою, оттого что было парусное погoдьe. А величиною порог на версту, от протоки — верста. А порог Пьяный мерзнет.

На правой стороне — протока, от порога Пьяного — полверсты, а меж протокой и рекой Тунгуской — остров, версты на 3. А от острова до Братского острога — полверсты.

И того же числа приехали в Братский острог, который стоит на ровном месте. В остроге церковь во имя пресвятой богородицы Владимирской. А жилых дворов казачьих с 20. Да под острогом течет река Ока. Она вытекает из степи, и по ней живут пашенные крестьяне и братья*. И от Братского острога реку Тунгуску называют Ангарою

Сентября во 2-й день. На левой стороне — протока, от острова — 2 версты, на той же стороне протоки — гора высокая, и под тою горою зело быстро; от протоки, где началась, — пол 2 версты.

На правой стороне, на острове, — юрты братские, от горы, где быстро, — верста; на левой стороне — 2 островка, от юрт — верста. На правой стороне — деревня Михалева, а стоит на острове, а против деревни, на той же стороне, — остров, и на том острове жители той деревни Михалевой соль варят, а иным варить не дают. На той же стороне — юрты зимние братские, от деревни Михалевой — 8 верст, а те юрты стоят подле той же протоки, и идет та протока до самого Иркутского острога.

На правой стороне протоки, на острове, — юрты братские, от юрт братских зимних — 2 версты. И от

* Буряты.

сего месяца, сентября от 2-го числа, мошки стало мало, а до сего числа, как поехали из Енисейска, мошки было зело много; а оборона от мошек — сетки, и без сетки человек ходить не может полчетверти часа.

На левой стороне — гора высокая, и в том месте зело быстро, и подымались две бечевы, от юрт — 4 версты. И от быстрого места до реки Китоя прогочек и островков маленьких много, и место самое быстрое.

Сентября в 3-й день. На правой стороне — река Китой, а вытекает с Мунгальской стороны, из Камня, а по ней живет братских мужиков много. От той реки Китоя виден Мунгальский камень зело высокий и великий, и от того камня идет мунгальская степь. Против реки Китоя, на левой стороне, — горы зело высокие, от горы высокой 5 верст, и от реки Китоя до Иркутского острога островов зело много, а стоят один от одного в недалнем расстоянии. На левой стороне реки Ангары — камень зело высокий, и под тем зело быстро, а называют его бык, и тянули дощаник двумя бечевами, от гор высоких — 5 верст.

Сентября в 4-й день. На левой стороне реки Ангары — яр каменный, зело высок, и под тем яром зело быстро, и называют бык, и тянули дощаник двумя бечевами, а выше того быка — протока, от быка ж — 5 верст. На той же стороне — гора высокая, каменная, от протоки — 5 верст.

Сентября в 5-й день. На левой стороне реки Ангары — река Куда, течет она из степи, а по ней живут пашенные крестьяне и браты, а на устье той реки Куды займище служилых людей Иркутского острога.

На той же стороне — протока, от реки Куды — 4 версты, а протокою ходу пол 2 версты.

На правой стороне реки Ангары — деревня Монастырская, а выше той деревни с версту — монастырь, а в нем — церковь вознесения христова да три кельи, да братья — два старца рядовых, да священник черный.

До деревни Монастырской от протоки — 3 версты, а от монастыря до Иркутского острога — 3 версты.

В Иркутский острог приехали того же числа в другом часу ночи, а острог Иркутский стоит на левой

стороне реки Ангары, на берегу, на ровном месте, и острог строением зело хорош, а жилых казацких и посадских дворов с 40 и больше, и место самое хлебородное. В остроге построена церковь всемилостивого спаса, а выше острога немного, на правой стороне,— река Иркут, что вытекает из степи мунгальской. По ней живут братья и тунгусы ясачные и не ясачные, и в Иркутском остроге взяты аманаты братские и тунгусские, чтоб великому государю тунгусы и братья не изменили, а братья великому государю ясак платят со всякого человека из холопей своих, кроме женского пола, по соболю и по 2.

И сентября в 7-й день, уснастя дощаник для морского хода, из Иркутского острога пошли в полдень рекою Ангарою же.

На правой стороне реки Ангары — заимка иркутского казака Ильи Могутова, от острога — пол 2 версты; на той же стороне — деревня Вяткина, от заимки — верста, а против деревни — островов маленьких много, и от той деревни шли протокою, а протокою ходу 3 версты; да от деревни Вяткиной видны горы великие и зело высокие, а стоят те горы над морем Байкалом.

На другой стороне, на берегу и на тех горах, во все лето снег не тает.

Посередь реки Ангары — остров, от протоки — полверсты. Посередь реки же Ангары — 3 острова, от острова — пол 2 версты.

На левой стороне — деревня Бешенова, от острова — 5 верст.

Сентября в 8-й день. На той же стороне — деревня Укусусникова, от деревни Бешеновой — 2 версты; на той же стороне — деревня Шукина; от деревни Укусусниковой до деревни Шукиной шли протокою.

На правой стороне — деревня Каргополова, от деревни Шукиной — 4 версты.

На той же стороне — остров, от деревни Каргополовой — верста, а остров на версту ж. Выше острова, с четверть версты, — островки маленькие, а выше маленьких островков — остров великий, а против острова — протока небольшая, а протокою ходу 2 версты,

и из той протоки вышли на большую протоку, а большою протокою ходу 3 версты.

Сентября в 9-й день. На правой стороне — остров, от большой протоки — 4 версты, а выше острова — 3 островка небольшие, а против тех островков — речка Королькова, а вытекает она из гор каменных; на той же стороне — остров, от речки — верста.

На левой стороне — речка, от острова — пол 2 версты.

На правой стороне — остров, от речки — 5 верст.

На левой стороне — речка Быстрая, от острова — 6 верст, а называют Быстрою оттого, что подле речки быстреть великая, и называют шиверою, и против той шиверы, на правой стороне, — гора высокая, на той же стороне — курья, от речки Быстрой — 4 версты.

Сентября в 10-й день. На правой стороне — островок маленький, от курьи — 3 версты, а выше того островка — остров маленький же, а река Ангара от Иркутского острога до самого моря* зело быстра.

На левой стороне — речка, от островков — пол 3 версты.

На правой стороне реки Ангары — остров последний, от речки 3 версты, а выше того острова с полверсты — шивера последняя, и в том месте зело быстро, и горы великие, и река узка. От шиверы до моря — 3 версты, да от того ж острова видны горы на другой стороне моря, которые видятся от деревни Вяткиной.

И сентября в 11-й день приехали к Байкальскому морю на устье реки Ангары, где течет Ангара река из Байкала, и по обе стороны устья реки Ангары — горы великие, каменные, высокие и лесные. Устье Ангары будет шириной больше версты, а из Байкала течет [она] великою быстротою, а с тех высоких гор видать горы за Байкалом, снежные и превысокие, и один край Байкала, который называют Култук. Другой край зело далек, и не видеть, и нигде нет так узко в Байкале, как против устья Ангары; а при устье Ангары пристанищ нет, только все утес да камень, и, одним словом рещи, — зело страшно, наипаче тем, которые прежде сего на нем не бывали, потому что вез-

* Байкал.

де кругом обстоят горы превысокие, снежные и леса непроходимые, и утесы каменные. И у Байкальского моря стояли сентября до 12-го числа, оттого что были ветры супротивные.

И сентября в 12-й день поехали за море греблями, и как были дощаники сѣредь моря, и в то время встал ветер великий боковой, и за ветром большим насилу перегребли море в реку Переемную, однако же снесло ветром [нас] от реки Переемной версты с 4, и приехали в реку Переемную к вечеру; а дощаник дворянский снесло ветром в реку Выдряную; от реки Переемной ходу греблями в тихое погодые день. И у реки Переемной стояли до 14-го числа. И сентября в 14-й день поехали от реки Переемной к реке Мышихе греблями, и не доезжая до реки Мышихи верст за 15, встал ветер супротивный, и волны великие дощаник поворотили назад, в реку Переемную, и в то время дощаник едва на берег не заметало волнами великими. Дворянский дощаник в то ж время пошел было из реки Снежной в реку Переемную, и, не доезжая до реки Переемной верст за 10 и больше, тем же ветром великим и волнами дощаник заметало на берег, однако же ничем не повредило, только волнами великими конопать выбило. Починить дощаник не могли и вынеслись на берег из дощаника, и стояли 2 дня. Посылали людей пеших подле берега на Переемную, и из Переемной послали служилых людей пеших и в лодках, и учинили ворот, и тянули на берег с моря дощаник и починили, и опять поехали в реку Переемную.

И сентября в 17-й день, в ночи, был снег великий; и того же числа из Переемной поехали и бежали парусом до реки Мышихи; а от Мышихи того же числа поехали парусом до речки Мантурихи, и у речки Мантурихи ночевали, оттого что были ветры супротивные, и за ветрами идти было страшно. И сентября в 18-й день из речки Мантурихи поехали к озеру, а называют Прорвою, и в Прорве стояли сентября до 21-го числа.

В Прорву приезжают из Братского и из Иркутско-

го острогов дощаниками для рыбной ловли, и рыбы ловят зело много.

Из Прорвы поехали со всеми дощаниками морем, и, будучи близ Корги, почал быть ветер противный великий и взял дощаник назад, и поворотили опять в Прорву и ночевали там.

И сентября в 21-й день из Прорвы поехали греблями к реке Селенге и, не доезжая до реки Селенги, ехали сорами верст с 20 и больше, а именуется сором оттого, что от берега мель великая до половины моря, и на тех мелях лежат карги наносные. Мель та слывет Каргой, а идет песочный мыс до третьей доли моря Байкальского, и оттого в погоды противное так трудно ехать, и на тех мелях лежат карги наносные деревянные, и те карги объезжают греблями.

И сентября в 22-й день приехали к новому устью Селенги реки, а новым устьем называют его оттого, что прежде сего в том месте не было устья. Устье Селенги реки, которыми она впадает в Байкальское море, много, только через иные прохода нет, оттого что устье засыпает песком река, будучи быстрая, и оттого часто учиняла новые протоки. Где [Селенга] и впадает в море устьем, оно насилу познавается только по каргам, потому что везде озера да болота, до самой материшной земли. Потому без вожа сыскать устье Селенги реки зело трудно, и про Селенгу реку в своем месте описание учиним, а ныне опишем Байкальское море.

Описание Байкальского моря кругом от устья реки Ангары, которая течет из Байкала, и опять до устья той же реки Ангары

Байкальское море неведомое есть ни у старых, ни у нынешних земноописателей, потому что иные мелкие озера и болота описуют, а про Байкал, который толика великая пучина есть, никакого упоминания нет; и потому его здесь вкратце описуем.

Байкал может называться морем и потому, что из него течет большая река Ангара и потом мешается

со многими иными реками и с Енисеем, и вместе впадают в большое Океанское море; и оттого может называться морем, что мешается и с большим морем, и объезжать его кругом нельзя, и потому также, что величина его в длину и в ширину и в глубину велика есть. А озером может называться оттого, что в нем вода пресная, а не соленая, и земноописатели те озера, хотя и великие, но в которых вода несоленая, не называют морем; однако же и завидливу земноописателю можно называть Байкал морем, потому что длина его парусом бежать большим судном дней по десяти и по двенадцати, и больше, какое погоды, а ширина его — где шире, а где уже, меньше суток не перебегают. Глубина его великая, потому что многожды мерили сажень по сто и больше, а дна не сыщут, и то чинится оттого, что кругом Байкала везде лежат горы превысокие, на которых и летнею порою снег не тает.

А в середине Байкальского [озера] есть остров великий, который именуется Олхон. Тот остров стоит посреди в длину мря, кругом имеет больше ста верст, и прежде сего жили на том острове многие братские иноземцы, потому что на том острове горы и леса и степь велика есть, но после того, как погромили их казаки, и с того острова разбежались, и ныне пуст, а зверей всяких много на острове. И опричь того острова, есть иные острова небольшие, однако же немного. А погоды по Байкалу всегда великое, но паче осеннею порою, оттого что лежит Байкал что в чаше, окружен каменными горами, будто стенами, и нигде же не отдыхает и не течет, опричь того, что от него течет Ангара река. В Байкал впадают большие реки, мелкие и иные многие, а по краю, на берегу, везде камень и пристанища немногие, наипаче на левой стороне, едучи от реки Ангары, и оттого разбиает суда часто.

А рыбы в Байкале всякой много, и осетры, и сиги, и иные всякие, и зверя нерпа в нем есть же много. Только жилья немного около Байкала, опричь немногих тунгусов, которые питаются рыбою, потому что близ Байкала пашенных мест нет, и живут по ре-

кам в зимовьях промышленные люди зимою. А лес около Байкала есть, кедровник большой, и на нем орехов много, и иной лес есть же. А вода в нем зело чистая, что дно виднеется многие сажени в воде, и к питию зело здрава, потому что вода пресна. А простирается Байкал пучиною и длиной от востока к западу, и солнце возвышается на Байкале степень, « »;* а зимнею порою мерзнуть Байкал начинает около крещеньева дня и стоит до мая месяца около николина дня, а лед в толщину по сажени и больше, и оттого по нем ходят зимнею порою санями и нартами, однако же зело страшно, оттого что море отдыхает и разделяется надвое, и учиняются щели сажени в ширину по три и больше. Вода из нею не проливается по льду, а вскоре опять сходится вместе с великим шумом и громом, и в том месте будто вал ледяной. И зимнею порою везде по Байкалу подо льдом — шум и гром великий, будто из пушки бьет (неведущим страх великий), наипаче меж островом Олхон и меж Святым Носом, где пучина большая. А иноземцы все, и мунгальцы и тунгусы и иные, называют все Байкальское море своим языком — Далай, се есть море, и иноземцы только два озера великие называют Далай, одно — Байкал, а другое, из которого течет река Аргунь; и о том [озере] учнем писать там, где опишем реку Аргунь, а ныне опять опишем Байкал. И имя Байкала, видно, не русское, а называют его тем именем по имени некоторого иноземца, который жил в тех местах.

Байкальское море объезжают кругом мелкими судами многие недели, и мы здесь опишем его кругом, от устья реки Ангары и опять до устья реки Ангары, потому что кругом объехать его мало что не будет величиною против Хвалынского моря, которое в Астрахани, и против Черного моря, которое идет к Царьграду. И от реки Ангары, едучи по правую сторону многие днища, пристанищ нет до самого Култука, только утесы каменные дощатые, и оттого большими судами ходу нет, только мел-

* Так в тексте. (Прим ред.)

кими судами ходят, и, как живет погодие великое, суда мелкие таскают на берег. На самом Култуке есть река Култушная, и там пристанища есть, а Култуком называют самый край узкий Байкальского моря, где [оно] кончается. А от реки Култушной многое место впадает река Снежная, и там пристанище, а называют Снежною оттого, что в тех горах стоит снег зимою и летом и не тает. Оттуда же река течет третья — река Выдряная, и пристанища, днище плыть от Снежной, а называют Выдряною оттого, что выдр и бобров ловят по ней много. Четвертая река и пристанище — Переемная, а слово Переемная для того, что стоит равно против устья Ангары реки, и те, которые хотят перебежать море через, от Ангары парусом бегут или перебегают прямо, оттого что тут море зело узко. Пятое пристанище и река — Мышиха, днище от Переемной. Шестая река и пристанище — Мантуриха, днище от Мышихи. И по тем рекам по всем зимовья промышленных казаков, которые промышляют соболей. Есть и седьмое пристанище — озеро Прорва, от Мантурихи — днище; а слывет Прорва оттого, что море прорвало берег на перестрелку и учинило озеро, величиною кругом верст на 10 и больше. В то озеро впадает река большая именем Ея, и в той реке рыбы ловят бесчисленно много, и ежегодно приходят дощаники из Братского и Иркутского, и наполняют дощаники всякою рыбою. От Прорвы версты с 3 есть Посольский мыс, а слово оттого, что при том мысе у берега морского стал с судном в прошлые годы сын боярский, который был послан с посольством к мунгальскому хану, и там убит [был] братскими иноземцами. И от того мыса есть дорога, которая идет сухим путем на конях до Селенгинских заимок и до самого Селингинского острова, и направо от того мыса есть степь, и там живут братские ясачные люди, которые платят ясак в Селенгинский острог. А из Прорвы, едучи с днище вверх, будет большая Карга, а Каргой слово мыс песочный, большо́й, который простирается в море далеко, до третьей доли моря. Подле него вода мелкая и карги многие, и то место объезжать зело трудно, и нигде в

Байкальском море нет уже такого места, и по обеим сторонам те карги объезжать будет верст на 12, и обходят те карги шестами и греблями. И за каргами сор великий, и кругом его будет больше двадцати верст, и там в сору суда опускают якоря и стоят в пристанище без страху морского погодья, потому что в сорах вода мелкая. Вода того сора с морем мешается, и из того места ехать сорами подле моря с днище до новаго устья Селенги реки. Те сора, хотя великие, однако же неглубокие, и можно с судами стоять и якоря метать везде по тем сорам, потому что погодье из моря не захватит. Около тех сор сухих мест и пристанищ нет, только болота везде.

А от устья Селенги реки до Сухой реки ходу 2 днища, и тут пристанища [есть] ж, а от Сухой реки до Кики реки ходу днище, и тут пристанище ж. А от Кики реки до Турки реки ходу 5 днищ, и тут пристанище ж. А от Турки реки до озера Котакина ходу днище, и тут пристанище ж. И из того озера в реку Турку впадает исток; от того озера до реки Максимихи ходу по два днища, и тут — пристанище ж. От реки Максимихи до реки Баргузина ходу днище, и тут — пристанище ж. А река Баргузин — река великая, а по ней ходу до Баргузинского острога 5 днищ, и в Баргузинском остроге живут енисейских служивых людей 50 человек, и начальник над ними есть дворянин московский. В то место приходят дощаники с запасом из Енисейска и торговые люди чрез море, и ходят в Дауры запасы для служивых людей, а торговые для торгу. Из Баргузина ходят до Теленбинского и до Нерчинского сухим путем верблюдами и конями чрез превысокие горы, камни, леса и болота, и с великою трудностью ходят, [другого] такого нужного пути нет; а ходят от Баргузинского до Нерчинского острога 2 недели и больше; да и через море, покамест приедут, с великим страхом приезжают, поэтому переезжают чрез море на остров Олхон и подле острова ходят днище, а от острова Олхона до Святого Носа, где переезжают, пучина великая, насилу в полтора днища могут переехать, и в тех местах многие суда разбивают-

ся. Из Баргузинской реки до Чиверкутской губы ходу 2 днища, и та губа выходит из моря. А от губы до Зырянки реки, где Зырянское зимовье, ходу 2 днища. А от Зырянки речки до Большой реки ходу 3 днища. А от Большой реки до Оленковой реки ходу днище, а по тем рекам по всем пристанища есть же. А от реки Оленковой до реки Половинной ходу 5 днищ. А от реки Половинной до верхней Ангары — 6 днищ. И река Ангара именуется к разделению к нижней Ангаре реке, которая течет из Байкала. Верхняя Ангара — река великая, и по ней есть острожек небольшой и зимовья многие промышленных и енисейских казаков. Река Ангара впадает в море тремя устьями; здесь другой Култук Байкальского моря, се есть край. А от верхней Ангары до реки Котугиной ходу 2 днища, и тут — пристанище; от реки Котугиной до Большой реки Бугулдейхи ходу 15 днищ, и тут — пристанище. А от реки Большой Бугулдейхи до губы песчаной ходу днище, пристанище от погоды; а от той губы до другой Бугулдейхи ходу днище, и тут — пристанище. А от реки Бугулдейхи до реки Голоусной ходу днище, и тут — пристанище. А от реки Голоусной до устья Нижней Ангары реки ходу днище же. И здесь кончается описание круг Байкальского моря, от устья Ангары и опять до устья Ангары. Только от верхней Ангары до устья нижней Ангары везде подле моря — утесы каменные и горы высокие, и места самые страшные, и оттого суда часто разбивает, а по Селенгинской стране — земля низкая, и оттого не так часто разбивает, а тот камень, который идет возле Байкала и верхней Ангары, начинается от Севернаго Океанского моря, от устья Енисея реки, где она впадает в море с правой стороны, и идет по Енисею реке и по Тунгуске, и по Ангаре, и потом по Байкалу, и по верхней Ангаре и оттуда прямо простирается и идет до Океанского моря и в море также проходит будто стеною, и никто его конца не знает, а проведать нельзя: льды и погода не пустят; многожды ходили с Лены проведывать, но суда разбило, и сказывают, что тот камень идет до самой Западной Индии,

до Нового Света, но о том камне и об иных олишем во описании великой реки Амура.

[7] 184-го году, сентября в 22-й день приехали от Байкала чрез соры к устью Селенги реки, а река Селенга впадает в море девятью устьями, и мы шли чрез новое первое устье протокою, и протокою ходу версты с 4. Из протоки вышли на Селенгу реку, на большое устье, и в том месте реки Селенги, на левой стороне,— остров небольшой, и до того места сухого берега нет и бечевников нет—шестами да греблями нужно ходить. По всей Селенге реке бечевники худы, оттого что тальники высокие и дороги нет, да и река разделяется во многие протоки, и быстрота великая в ней, и оттого ход труден. На левой стороне реки Селенги— протока, и тою протокою ходят на реку Большую Селенгу, от острова до протоки— 2 версты, а против протоки, на правой стороне,— проточка небольшая, на правой стороне— заостровка, и тою островкою не ходят, оттого что зело мелка; от проточки— пол 2 версты. На той же стороне— юрты братския, а ниже юрт немного— заимка селенгинского казака, от протоки— полверсты, и от того места идут берега чистые, направо степь, в которой кочуют братские ясачные иноземцы, и оттуда идут места хлебобородные, где могут многие пашенные люди жить, потому что и елани, и степи, и лес всякий есть.

На левой стороне— протока, от заимки— пол 2 версты.

На правой стороне— проточка небольшая, и та проточка впадает в море, от той протоки— верста. На той же стороне— протока быстрая, от протоки— пол 2 версты, и от той протоки до большой реки— верст с 7, и вышли на большую реку Селенгу, а против той большой реки, на левой стороне,— остров.

Сентября в 23-й день. На правой стороне— бык, и в том месте зело быстро, от острова с четверть версты. На правой стороне реки Селенги— проточка быстрая, от быка— 3 версты, а повыше той проточки с версту— 2 протоки ж. На той же стороне— деревня Брянских, селенгинских казаков, от проток— 6 верст, и под деревнею— речка, и во всех тех заимках

хлеба пашут много и рыбы ловят много же. На той же стороне — речка Кабанья, от деревни — полверсты. На той же стороне — протока, от речки Кабаньей — с полверсты, и тою протокою не ходят.

Посередь реки Селенги — остров версты на 3, от протоки — 6 верст, а против острова, на правой стороне, — горы высокие, и на тех горах лежит снег во все лето.

Сентября в 24-й день. На левой стороне — гора каменная, высокая, от острова — пол 2 версты.

Посередь реки Селенги — остров маленький, от горы — пол 2 версты.

На правой стороне — остров, от острова — 2 версты. На правой стороне — остров, от острова — верста.

На левой стороне реки Селенги — гора каменная, и в том месте zelo быстро, и якори метали и насилу дощаник сдержали, и называют [место] бык, а против быка, на правой стороне, — остров, от острова — 2 версты.

Сентября в 25-й день. На правой стороне реки Селенги — заимка средняя селенгинских казаков, от быка — 25 верст.

Сентября в [...] день приехали в Ильинскую слободу, а та слобода — большая деревня, оттого что хотят церковь строить во имя святого пророка Илии. В той деревне дворов с 20 и служивых и пашенных людей живут, а хлеба пашут много, и родится во всех в тех заимках из пуда по 20 и по 30 и больше, а хлеб продают по 5 алтын и меньше — пуд; да и пшеницу китайскую и ячмень сеяли, и родится же. В средней заимке служивые люди заводят монастырь во имя святого отца Николы и церковь построили, и в нынешнем году тот монастырь будет построен совсем; а в Ильинской слободе хотят острожек поставить для обереганья. И против той деревни, за рекою, есть речка, и там многие же места пашенные, и по иным местам по реке есть пашенных мест много, только людей мало.

И как приехали до Ильинской слободы с дощаниками, стала пора осенняя и снег и бури великие, и

оттого в тот день стояли, и сентября 26-го опять то же погодие было, и собралися все енисейские служивые люди, которые были в работе на дощаниках, и били челом, чтобы их отпустить назад, оттого что у них запас изошел и пора зимняя. Буде им в Селенгинский острог ехать, и им за море невозможно назад поспеть, оттого что бывает на море погодые великое, и буде в тех числах назад не пойдут, будет нужда зимовать по сю сторону моря и умирать голодом, и от той заимки водою ехать до Селенгинского острога будет с 2 недели, а сухим путем 3 дня ехать до острога, и к даурам ехать из заимки — дорога прямая.

И сентября в 27-й день, видя, что пора осенняя и нужная, отпустил енисейских казаков от заимки на дощанике назад, человек со 100, и послал с ними великого государя отписку к Москве; и, отпустя их, послали в острог и в заимки подводы собирать, коней и верблюдов, а дощаники поставили на добром месте и оставили караул на дощаниках крепкий.

И сентября в 28-й день, как собралися подводы, кони и верблюды, выбрали из артелей по 2 и по 3 человека и взяли их в острог и отпустили из острога для покупки коней и верблюдов в Мунгальскую землю, и в тот день наряжались.

Сентября в 29-й день ехали из Ильинской слободы сухим путем человек с 40 в Селенгинский острог, подле реки Селенги. И на правой стороне реки Селенги — заимка селенгинского казака Ивана Тюхина, от слободы Ильинской — 4 версты, а выше заимки, на левой стороне, — река Итанца. Впадает [она] в Селенгу, а вытекает из озера, и дощаниками и каюками не ходят оттого, что зело мелка, а ходят подле нее сухим путем в острог Баргузин. По той речке по Итанце — степь великая, пол 2 днища ходу, а места добрые и хлебородные.

Сентября в 30-й день. На правой стороне реки Селенги — юрты мунгальские, от деревни Тюхиной — 25 верст, а против юрт, на левой стороне, — река Уда, а подле нее ходят сухим путем в Дауры, а дощаником и каюком не ходят. На той же стороне — юрты мунгальские, от юрт — пол 2 версты, а подле юрт — реч-

ка Иловая. На той же стороне — юрты мунгальские, от юрт — 3 версты. На той же стороне — юрты мунгальские, от юрт мунгальских же — 3 версты. На той же стороне — юрты мунгальские, от юрт — 2 версты. На той же стороне реки Селенги — юрты мунгальские, от юрт — 6 верст.

Октября в 1-й день. На той стороне — река Рангой, а вытекает она из гор каменных, от юрт — 3 версты. На той же стороне — юрты мунгальские ж, от реки Рангоя — 3 версты. На левой стороне реки Селенги — река Хилок, и по ней ехал в прошлые годы Афанасий Пашков с барками недель с 12 до самой вершины ее. И на вершине построил Иргенский острожек, и в том остроге живут русских служивых людей немного, и от того острога ходят до реки Ингоды чрез волок день. Около Иргенского острога — озера великие, и рыбы ловят много, от юрт — 5 верст.

На правой стороне — юрты мунгальские, от реки Хилки — 12 верст.

Октября во 2-й день. На той же стороне — юрты мунгальские, от юрт — 5 верст. На той же стороне — юрты мунгальские, от юрт — 4 версты, а от тех юрт до юрт Лабиных — 5 верст, а до юрт Лабиных мунгалов кочует зело много. На той же стороне — юрты мунгальские, от юрт Лабиных — пол 2 версты. На той же стороне — юрты мунгальские, от юрт — 3 версты. На той же стороне — юрты, от юрт — 5 верст.

На левой стороне — юрты мунгальские, от юрт — 6 верст. А от тех юрт до острога Селенгинского — 3 версты; и в сих местах, на правой стороне реки Селенги, — гора каменная возле реки, и на той горе растет древо небольшое сандал меж камению, и тем красят кожи и иное, что из немецкого сандала.

И октября во 2-й день приехали в Селенгинский острог. Острог Селенгинский стоит на левой стороне реки Селенги, на небольшом яру, и меж острогом и рекой дворов казачьих с 30 есть; и при остроге — церковь великая во имя святого отца Николы, еще не освящена, и оттого обедни в ней не служат. Служивых людей и гулящих будет со всеми человек с 200 и больше, и около острога — сады, и в них родятся ки-

тайские огурцы и чеснок, и капуста, и иное всякое, а хлеб около острога не родится. Только есть река Чикой, которая впадает в Селенгу реку неподалеку от острога, и по той реке многие пашенные и хлебородные места есть; а река Чикой великая и судовая, и по ней лесу всякого много есть, и можно из него острог ставить и суда делать. Река Чикой течет издалека, из того хребта, из которого течет река Ингода и река Онон. И до того хребта кочуют по ней и по тем рекам мунгалы, а около того хребта живут тунгусы, которые никому ясаку не платят, однако же ходят селенгинские казаки и промышляют по тому хребту соболей, а от Селенгинского острога до того хребта ходят сухим путем недели 2 и больше. От Селенгинского острога, на степи верст 12, есть озеро Соленое, и в том озере садится соли ежегодно много, и ныне строили там амбар и хотят соль варить. И от острога же на степи, верст 15, есть место, в котором копают землю и ищут всякие краски и квасцы. Селенгинский острог под енисейским воеводою, который посылает приказчиков над ним, детей боярских, и тот острог лучше всех украинских сибирских острожков, оттого что хлеб родится всякий да и в садах всякие зелия родятся ж и китайские, потому что страна теплая. Рыбы зело много промышляют из Байкала и из реки, лесу всякого много и лугов для сенокоса много, а паче всего можно завести в нем торг великий, потому что Китайское государство недалеко, как ниже сего написано, а мунгалов кочует везде кругом зело много и торгует с казаками; продают коней и верблюдов, и скот также, и всякие китайские товары, а покупают у них соболей и иные многие русские товары, только в остроге русских людей немного и торговать некому.

И здесь кончается Сибирское государство и начинается государство Мунгальское. Мунгалы суть те, о которых пишет библия — Гог и Магог, потому что они называют себя Маголь. И тот род мунгальский зело великий, потому что начинается близ реки Амуре, от степи, и простирается меж Китайским государством и Сибирским царством; и до Бухар, и до самой Индии по степи все мунгалы кочуют под раз-

ными тайшами, и которые близ Китая, живут в подданстве у китайцев, а которые подалее, имеют над всеми тайшами начальника Очироя Саин-хана, который ныне владеет [ими], а в духовных имеют большого жреца Кутухту ламу, и эти кочуют неподалеку от Селенгинского острога, потому что у них городов и сел нет; и оттого кочуют по степям в юртах войлочных для прокормления многого скота их. И понеже от Селенгинского острога ехали в Китайское государство чрез мунгалы енисейский сын боярский Иван Поршенников да торговые [люди] Гаврило Романов с товарищами, да селенгинских служивых людей всего 43 человека, пристойно будет писать их путь, куда ехали в Китайское государство:

От Селенгинского острога ехали около покрова дня, ехали полднице лесами черными и степями до ключей и на тех ключах ночевали, а леса всякого много. Другой наслег [был] от ключей днище, на речке, а леса есть много ж, а шли от ключей лесами всякими, степями. Третий наслег — от речки днище на Буре реке; а течет та река с Чикойского хребта, а впадает в Оркон; леса нет.

А от Буры реки днище до реки Ира, и та река течет с того же хребта и впадает в Оркон; а лес по ней есть тальник всякий.

А от реки Ира в виду — река Шера, а течет с того ж хребта с Чикойского, а впадает в Оркон же; леса нет.

От реки Шеры днище [и будет] река Кара, а течет та река с того ж хребта и впадает в Оркон же; а леса нет.

От реки Қары полднице — речка Битыгей, а течет с того же хребта и впадает в Оркон же; а леса нет же.

А от реки Битыгеи полднице — река Бора, а течет с того ж хребта и впадает в Қару; а леса нет.

От речки Боро днище до речки Дзагдо, которая течет с того ж хребта с Чикойского и впадает в Қару; леса нет.

От речки Дзагдо днище до речки Ногой, а течет она с того ж хребта и впадает в Толу реку; леса нет.

От реки Ногой в виду речка Уи, а течет она из того ж Чикойского хребта и впадает в Толу ж; а леса нет.

От речки Уя треть днища до речки Бургадай, а течет она из того же хребта и впадает в Толу; а леса нет.

А от речки Бургадай идти чрез хребет небольшой, и за тем хребтом — речка небольшая; и на том хребте есть лес всякий: сосняк и лиственник и иной всякий.

И от той речки в виду — река Тола, и по той реке живет Кутухта лама, а Кутухта лама слово оттого, что он над всеми жрецами начальник, как у нас митрополит, и в том месте построил капище своим идолам великое, каменное, будто город, а мастера, которые делали то капище, приведены были из Китая. Да и по той же реке Толе, пониже немного Кутухты, есть город каменный пустой, и около стены его починки немного надобно, а город — самый крепкий. И тот Кутухта желает мира с государскими людьми; и в прошлом, в [7] 183 году, посылал с посольством к великому государю к Москве с поминками и чаем, что, буде они увидят силы государские большие близ рубежа, не учнут отпираться от подданства. А около того Кутухты многие тысячи жрецов живут, у которых нет ни жен, ни оружия, а почитают его и слушают вельми мунгальские все тайши. И там забавились около Кутухты... дни*, покамест дали провожатых и вожей. Сказывают, что недалеко от Кутухты есть гора, и в той горе — руда золотая, и плавят от Кутухты золото; однако же то дело еще не подлинно. А река Тола течет с восточной стороны, с хребта, от Ононской вершины, а от той реки идти ключами и колодцами 10 дней до степи Гоби.

И та степь есть пустая, которая у всех земноописателей славная, потому что начинается из Индии и идет меж Китайским государством и продолжается до самого до Севера, и конца ее никто не ведает — будто море, и оттого в ней никто не живет, потому что ни кормов, ни воды, ни дров нет, только дресва

* Так в тексте. (Прим. ред.)

да песок, а еству варят аргалом. И той степью ехали три дня.

И от той степи ехали без дров 7 дней до речки Анбучи, и на той речке — караул крайний китайских ясачных мунгал. А от той речки ехали степью до китайского города до Калгана 13 дней без дров, только колодцы, да ключи, да аргал.

Да не доезжая города Калгана за день, речка Хара Булха Сун, и там на Калгане задержали их 45 дней; и послали [китайцы] по степи проведать, потому что не верили им и то чаяли, что с войною идут, и расспрашивали их про посла, будет ли от великого государя посол и отповедь против листа государя их есть ли, но потом отпустили их. И ехали до Царства 6 дней степями, а все жилые люди, города да села есть и реки большие. И как они приехали в Царство и что учинили, о том есть ведомость, и писано о том к великому государю, к Москве. Ехали они от Селенгинского острога до Китайского государства 12 недель, а назад ехали недель 7 без простоя, и можно ехать скорее, как буде конный ход, только бы тайши не задержали, а мунгалы им, государевым людям, никакого задору не учинят, только коней крадут по ночам.

А Селенга река не правит течение свое к китайскому пути, а отшибется далеко направо, и в нее текут реки многие, вышеописанные и иные.

На правой стороне реки Селенги — река Кемник, а вытекла из каменных гор, а не доезжая Кемника реки, камень караульный на степи, на правой стороне, а караулили на том камне мунгалы русских людей, когда [эти] ставили острожек, от реки Чикоя — 9 верст. На той же стороне — река Зида, которая течет с хребта с Байкальского, а ширина ее будет с Чикой реку, и лес есть всякий, от Кемника речки 20 верст.

На левой стороне — река Бура, а течет та река изпод востока и степи и впадает в Оркон, а ширина ее будет с 2 сажени печатных, а леса нет, от реки Зиды — 80 верст.

На той же стороне — река Иро, а течет с востока и из степи и впадает в Оркон, а ширина ее будет са-

жен с 30, и лес есть всякий, от реки Буры — шесть верст; а в Иру реку впадает река Тола да река Шара.

На правой стороне от реки Селенги — река Оркон, а река Оркон великая и течет издали, из степи, а впадает в Селенгу реку, а лесу по ней всякого много, а от Селенгинского острога ходу до устья орконского 2 дня. И иные многие мелкие и большие реки неведомые впадают в реку Селенгу, однако же не знатны, оттого что казаков далее острога дней с 5 мунгалы ездить не пускают, чтоб проведать вершину реки Селенги. Однако же то ведомо подлинно, что от селенгинского острога ходу 2 недели сухим путем есть великое озеро, которое именуют мунгалы Косогор, и из того озера течет исток большой в Селенгу реку, и чают, что оттуда будет вершина Селенги реки, как и иных больших рек от больших озер начинаются. То озеро, сказывают, едва могут мунгальцы перекочевать в 3 месяца кругом, а в нем всякая рыба есть, и сказывают, что и пашенные неподалеку от него живут, и чают, что можно прямой путь сыскать чрез него в Китайское государство. А по Селенге реке можно ехать большими судами далеко вверх, потому что река большая; но есть дорога [и] степью, которая от Иркутского острога по реке Иркуте вверх, где ныне иркутские казаки ставят новый острожек для привода в подданство многих иноземцев; дорога та идет вокруг байкальского Култука и потом степью и ведет далеко вверх по Селенге реке, где кочуют Очирой Саин хан и иные многие мунгальские тайши; и тем путем ездят, когда не могут Байкальского моря проехать из-за погодыя.

Понеже от здешних мест неподалеку от Байкальского моря начинается вершина великой реки Лены, и оттого пристойно будет здесь писать вкратце и про ту реку, потому что во всем Сибирском государстве только и большие и славные 4 реки есть: первая — Обь, другая — Енисей, третья и после тех двух течет Лена, а четвертая и последняя есть река Амур.

И вершина реки Лены начинается от Байкальско-го камня, и тут недалеко по вершине построен Вер-холенский острог, и оттуда течет река Лена к северу и умножается многими сторонними реками, потому что из Енисейска вверх по Енисею и по Тунгуске и по Илимум рекам до Илимского острога ходу 6 не-дель; от Илимского острога чрез волок до часовни и до реки Муки ходу 2 дня, а от часовни вниз по рекам, по Муке да по Купе, да по Куте и по Лене, мимо устья рек Киренги до Чючюя, до Витима, до Олекмы, до Якутского острога плыть 2 недели; а от Якутско-го острога по Лене ж реке до моря — 3 недели; а от Якутского ж острога до Алдана реки до перевозу езды сухим путем неделя, а с перевоза до Верхоянского зимовья езды 4 недели, а под ним — река Янь; а от Верхоянского зимовья ходу 3 дня, а под ним — река Индигирка, а от Зашиверского до Алазейского зи-мовья ходу 4 недели, а под ним — река Алазея; а от Алазейского на Калым реку до Среднего зимовья хо-ду неделя, а от Среднего зимовья до Верхнего ходу нартами 3 недели, да от Среднего ж до Нижнего зи-мовья ходу 3 недели. В тех зимовьях живут служи-лые люди для [сбора] государева ясака, а в те реки, кои под зимовьями, заходят с кочами с моря русские торговые люди, а на море ездят из Якутского острога Леною рекою.

А ниже якутского острога впадает в Лену реку с левой стороны река Вилюй. А от устья Вилюя ре-ки, вверх по Вилюю ходу по 3 недели, впадает в Ви-люй река Варна с правой стороны. А выше Варны ре-ки, ходу неделя, на левой стороне из реки Вилюя огонь исходит, а как вода весною разольется и то место покрывает, и не знатно то место будет, а как вода сойдет, и огонь по-прежнему исходит и не пламенем, а если древо положить на ту рас-селину, и оно истает углем, а пламенем не горит. Выше того огня вверх по Вилюю, ходу 2 дня, с ле-вой стороны впадает река Росольная, а подле нее из земли ключ кипит и проливается в ту речку, а из то-го ключа соль садится всякий год, а бела, как снег, а подобием, как варена, толочь не надобно, а столь

солка, как на нажженое на что канет, и то место сволочат, как от огня, а укусом прикусна без меры, а человеку не вредит.

От Лены по Олекме реке вверх, мимо устья Ньюзы реки, до устья Тунгрия реки ходу дощаником на легке 6 недель, а по Тунгирю реке вверх же до Даурского волока ходу неделя, а у того волока, над рекою Тугирем, построен для запаса острожек государев Тугирский. От того острожка чрез Каменный волок и по Урке реке вниз до Амура реки, до того ж Даурского Лапкаева городка, ходу 10 дней, а чрез тот волок путь гораздо нужен и худ. И тот Лапкаев городок есть Албазинский острог, потому что в прошлые годы по той дороге чрез волок приехал Черниговский и построил Албазинский острог.

И только Лена река есть в Сибири меж больших рек, которой владеют его, великого государя, люди от вершины ее даже до устья морского, а вершинами Иртыша, Оби, Енисея, Амура, Селенги все иноземцы владеют. И по Лене реке было прежде сего скудно хлебом, а ныне везде хлеб родится, потому что поселились русские люди и пашут хлеба много и проводят до Якутского и далее.

И то место, что есть меж Леной и Амуром, зело великое и пространное, потому что идет великий хребет меж ними, и хребет этот начинается от Байкала и идет и до моря и в море далеко, и никто обходить его не может ни сухим, ни морским путем, и тот есть нос морской, который именуется земноописателями Канинос, а нашими — Собачьим; и со стороны того хребта все реки текут в Амур, а с другой — все реки текут в Лену. И тут, по тому хребту и по тем рекам, родятся самые добрые соболи и лучше всех сибирских, что слывут ленские, даурские, собачьи, и называют их одинцами, и тут множество соболей и мест, непромышленных и еще непроведанных, много есть, наипаче около моря. И по тем хребтам множество иноземцев разноязычных живут, и у иных есть и пращи, чего нигде в ином месте в Сибири нет. А соболь — зве-

рек зело предивный и многоплодный¹, и нигде ж на свете не родится, опричь в северной стране, в Сибири, а в Сибири родятся добрые, наипаче у моря и где холодные места, а где места теплые и степные, тут худые соболи родятся. А родятся они вдруг по 5 и по 6, зверек редкостный и красив, а красота его приходит вместе со снегом и опять со снегом сходит, и тот есть зверек, что у греков у старых и у латинов именуется золотая кожа, и для той кожи греки-аргонавты ходили по Черному морю и после того вверх по рекам сыскали ту кожу, как историки пишут. И столь многоплодный есть тот зверек, что будто неистощаемый источник. И оттого написали здесь про соболей, потому что лучше всех по Лене здесь родятся.

В Селенгинский острог приехали октября во 2-й день, и, едучи к острогу через многие мунгальские юрты, встретили нас мунгальские люди в вооружении, человек по 5 и по 10, и спрашивали нас: куда идем, потому что опасались войны; и им сказал, что идем в государский острог, а из острога наряжаться в Китай с посольством, и буде у кого есть кони и верблюды на продажу, и они бы приводили в острог. И они говорили, что не верят, оттого что прежде сего таких людей вооруженных и в панцырях не видали, однако же в острог приедут. И стояли в остроге октября по 4-е число, и, видя, что на продажу мунгальцы в острог скота не пригоняют, отпустили служилых людей для покупки скота в дальние мунгальские улусы, а сам возвратился назад, в заимку, того же числа иным путем, не тем, которым ехали подле реки в острог.

И октября в 7-й день приехали опять в заимку и из заимки провожали коней, верблюдов и товар за реку Селенгу, а сами за рекою в шалашах жили ноября до 3-го числа. И того числа приехали из мунгал служилые люди с конями и верблюдами и сказали, что они жили* долго оттого, что скоро коней и верблю-

¹ По-латински и по-гречески именуется соболи — зибелине. (Прим. автора.)

* Т. е. отсутствовали.

дов купить не могли и потому ехали в дальние улусы к Цынбену тайше и там покупали дорогою ценою, рублей по двадцати и по двадцати по пяти и больше, а коней по семи и по девяти и по десяти рублей и больше.

Ноября в 4-й день наряжались к пути и вьюки на верблюдов готовили.

Стан 1-й. Ноября в 5-й день поехали с острова и переезжали две протоки льдом и ехали по левой стороне реки Селенги, а дорога была зело худа, оттого что горы и утесы великие; ехали верст с 8 и стояли возле реки на лугу и ночевали.

Стан 2-й. Ноября в 6-й день ехали вдоль реки ж, возле утеса, и переехали реку Итанцу, и поехали верст с 7 лугами, и опять хотели переехать другой утес у берега воды, и никакими мерами проехать не могли, оттого что вода была и льды великие: и опять назад возвратились и стояли на лугу, и стояли там ноября до 8-го числа, подождали, покамест река станет. В это время посылали людей по сторонам проведать, как бы те утесы объехать, и не сыскали; и того же числа хотели ехать за реку и погнали наперед быков, и те быки, не дошед до половины, проломилась; и, видя, что со вьюками переехать за реку не можно, назад возвратились, одних быков вытащили, а иные потонули. И того же числа приехали из Нерчинского с отпиской казаки, с которыми писал Павел Шулгин, чтоб ехать в Китай через Дауры, а там уже подводы готовят.

Стан 3-й. Ноября в 9-й день переехали за реку, и как объехали те великие утесы, за реку опять переехали и ехали по лугам верст с 20 возле реки Селенги, и ночевали на устье реки Уды.

Стан 4-й. Ноября в 10-й день ехали по реке Уде, с левую сторону, борами и степью и переезжали речку маленькую и ночевали подле реки Уды, от стана — 25 верст.

Стан 5-й. Ноября в 11-й день ехали по той же реке лугами и степями и ночевали у той же реки, от стана — 20 верст, и от сего места отпустили нерчинских казаков в острог известить, что уже в Нерчинский

идем и чтоб к приезду готовили подводы, коней и верблюдов. И на тот стан приезжали четыре человека мунгальцев и сказали, что слышали стрельбу и оттого приехали; и, накормя их, отпустили, и от сего стана до самого Нерчинского людей иноземцев не видали.

Стан 6-й. Ноября в 12-й день ехали по той же реке, от стана — 35 верст, и ночевали, и в том месте, где стояли, впадает в реку Уду речка Турба, а речка Турба вытекает из гор каменных.

Стан 7-й. Ноября в 13-й день ехали по той же реке 55 верст и ночевали, а в тех местах от реки Уды степь в ширину — версты по три, а за степями — горы, а на горах — лес всякий, и места самые добрые, и конские кормы хорошие, и солонцы многие; и лучше тех кормов, что по Уде, скоту не надобно; и у реки Уды можно и острог ставить, и суда делать, и места хлебородные сыскать можно.

Стан 8-й. Ноября в 14-й день ехали по той же реке и переезжали речку Ону, а та речка впадает в Уду; и ночевали у речки Уды, от стана — 45 верст.

Стан 9-й. Ноября в 15-й день ехали по той же реке верст с 40 и ночевали.

Стан 10-й. Ноября в 16-й день ехали по той же реке Уде до половины дня, и, оставив реку направо, ехали налево. Река Уда течет из хребта, и по ней казаки промышляют соболей, и ныне на устье реки Уды есть зимовье казачье. Ночевали у речки, и на той речке дров много, от стана — 55 верст.

Стан 11-й. Ноября в 17-й день ехали степью и чрез небольшие хребты, приехали к речке Погромной, а Погромной потому слывет, что по той речке в прошлом в [7] 183 году даурские казаки нерчинские да из Албазинского острога громили мунгал, неясчных людей, а тех мунгальцев зовут (Тобунутами), и они обиды чинили государским людям многие, а было их с 3000, и кочевали подле Уды и после погрома разбежались далеко, и ныне кочуют они по Онону реке в степи, от речки — 45 верст.

Стан 12-й. Ноября в 18-й день ехали чрез лесные хребты и потом степью, от стана — 45 верст, и при-

схали к Еравинским озерам и ночевали у озера Еравни, не доезжая до острога за 8 верст. Выше Еравни озера, версты с 4,— озеро великое Икер, а около Еравни озера — два озера великие, и будут те озера кругом верст по 20 и больше, и рыбы в них — шуки и иных всяких — есть много же, а называют их Еравинскими, одно — большим, другое — средним, третье — меньшим; из тех озер пошли истоки и впадают в реку Витим, а по реке Витиму промышляют по хребтам соболей, и лучше тех соболей нет в Сибири; а Витим река впадает в реку большую Лену, а дощаниками до его истока не ходят, оттого что пороги зело велики, а река Лена впадает в море студеное, в Океанское. И Лену опишем в своем месте.

Стан 13-й. Ноября в 19-й день приехали в новый острог, на Еравню, а караван отпустили прямою дорогою до речки, от острога 13 верст, и ночевали. А острог Еравинский недавно построен, после погрома Тобунутов, и построен, чтоб оберегание ясачных людей было, а строены только башни да дворов с 6, да служилых людей [есть] человек с 15; а стоит острог меж лесом и озерами в крепком месте, и можно около острога сыскать пашенные места. А встретили нас за 10 верст от острога десятник и служивых людей человек с 15 со знаменем да ясачных тунгусов человек с 10 и взяли нас в острог, и смотрели строения их, и во время свое будет тот острог великий, потому что место, где можно жить многим людям. А от острога Еравни ходу день до Иргенского острога.

Стан 14-й. Ноября в 20-й день ехали степными местами и лугами, и лесом 35 верст, а стояли у речки маленькой и ночевали.

Стан 15-й. Ноября в 21-й день встретил тобольский казак, который послан был из Селенгинской заимки в Нерчинский острог для уготовления подвод и провожатых и с ним прислано из Нерчинского острога для оберегания 10 человек; да из Теленбинского острога встретил сын боярский даурский, а с ним человек с 15 со знаменем, да с ним же было тунгусов человек с 10. И ночевали у озерок маленьких, от речки — 48 верст.

Стан 16-й. Ноября в 22-й день ехали лесными местами до озера Горохова, от озерок — 44 версты, а летом в тех местах — грязи великие, а зимою место кочковатое от Еравнинского острога до самого Теленбинского острога; и ночевали у озера, а [от] озера Горохова до Теленбинского острога — 10 верст.

Ноября в 23-й день ехали лесными местами и лугами и того же числа приехали в Теленбинский острог, и стояли от острога с полверсты на солонцах, а в острог приехали в полдень. Острог Теленбинский стоит у озера Теленбы, близ берега, а в остроге поставлена часовня да жилых казачьих дворов с 13, а казаков [есть] человек с 30, а в остроге есть две пушки небольшие, одна медная, а другая железная, а острожек маленький. Около острога ясачных тунгусов человек с 200 и больше, а ясак великому государю платят по 5 соболей с человека, и в том взяты у них в острог аманаты; а в Теленбинском остроге хлеб продают по полтора рубля.

Стан 17-й. Ноября в 24-й день поехали из Теленбинского острога в полдень и от острога версты с три переезжали небольшую реку Конду, а от реки Конды ехали через хребты великие и ночевали у речки маленькой, от Теленбинского острога — 20 верст.

Стан 18-й. Ноября в 25-й день ехали через хребты великие и лесные, а потом степью, и приехали на реку небольшую Читу и у той речки ночевали, от стана — 35 верст; а река Чита вытекает из гор каменных и впадает в реку Ингоду.

Стан 19-й. Ноября в 26-й день ехали чрез хребты лесные, и по хребтам — ломы великие, и приехали к речке Микишиной, и ночевали, от реки Читы — 25 верст.

Стан 20-й. Ноября в 27-й день ехали через горы и хребты высокие и ночевали у речки маленькой, от стана — 28 верст.

Стан 21-й. Ноября в 28-й день ехали лесными местами и степями и переезжали через речку Кручину и стояли у озерка, от речки — 15 верст.

Ноября в 29-й день ехали чрез хребты и горы и ночевали под хребтом, от стана — 20 верст.

Стан 22-й. Ноября в 30-й день ехали чрез хребты степные и лугами до речки Толочи, и от сей речки до Нерчинского острога хребтов лесных нет; и у той речки ночевали, а ехали хребтами и лугами до речки 35 верст и ночевали. Речка Толоча впадает в реку Ингоду.

Стан 23-й. Декабря в 1-й день ехали от речки Толочи¹ степями, а потом выехали на реку Ингоду и переезжали ее и стояли у реки Ингоды, от речки Толочи — 40 верст.

Стан 24-й. Декабря во 2-й день ехали вдоль реки Ингоды степными местами и лугами и стояли на острове реки Шилки, а реку Шилку называют так оттого, что [здесь] река Ингода впадает в реку Онон (река Онон вытекает из мунгальской степи, и по ней кочуют мунгалы), и от того места называют Шилкою, что две реки сошлись вместе и на устье тех рек был острожек Шилский, от реки Ингоды, где стояли,— 35 верст.

Стан 25-й. Декабря в 3-й день ехали вдоль реки Шилки лугами и степными местами и переезжали речку Жорнокопку, а называют ту речку Жорнокопка оттого, что вблизи лежат жернова большие, каменные, выделанные, и чают, что в тех местах жили китайские люди. И, оставя реку Шилку направо, ехали налево и переезжали хребты голые и луга и потом приехали к реке Нерче, где и ночевали, от стана — 55 верст, а от сего стана до Нерчинского острога — 6 верст. А про реку Ингоду и про Онон, и про Шилку будет описание там, где опишется ниже сего великая река Амур.

Декабря в 4-й день ехали лугами и переезжали реку Нерчу, и из Нерчинского острога встретили служилые люди с двумя знаменами, с ружьем, и как к ним приблизились, казаки из оружия стреляли, а мы также из оружия стреляли. В то время было в остроге ясачных тунгусов и братских много. Острог Нерчинский стоит на левой стороне реки Нерчи, на ров-

¹ Здесь встретил из Нерчинского приказчиков сын с знаменем, а с ним 30 человек казаков, и ехали до Нерчинского вместе. (Прим. автора.)

ном месте, а ниже острога река Нерча впадает в Шилку. В остроге — церковь воскресения христова, а жилых дворов казачьих — с 60, а служилых людей, кроме промышленных, — человек с 200.

Стан 1-й. Декабря в 19-й день поехали из Нерчинского острога и ночевали у реки Шилки, от острога — 5 верст, а как ехали из острога, тогда и переезжали реку Шилку, а река Шилка великая.

Стан 2-й¹. И декабря в 20-й день ехали по Шилке ж реке до полудня и, оставя реку Шилку, которая течет к полуночи, налево, поехали по речке, которая впадает в Шилку, и от устья той речки поехали направо, к востоку, лугами и лесными местами, и ночевали вблизи нее же, от стана — 25 верст; да по той же речке можно быть пашенным местам, оттого что во многих местах есть лес березник. Из Нерчинского же острога есть иная дорога, ближе, через хребты к Унде реке напрямик, только по той дороге ездят легким конем, а караваном ехать нельзя, оттого что хребты высокие и места грязные.

Стан 3-й. Декабря в 21-й день ехали по той же речке немного и, оставив вершину ее налево, поехали направо по хребтам лесными местами и выехали на вершину иной речки и оттоле на степь; и переезжали реку Унду и, оставя реку Унду, поехали по степи по иной речке, которая впадает в Унду, от стана — 35 верст, и ночевали. Дорога есть и по Унде реке, только вож сказал, что зело худа, кочковата и караванам ехать трудно; а река Унда невелика, а вытекает из гор каменных, а впадает в реку Онон, а внизу реки Унды кочуют мунгалы.

Стан 4-й. Декабря в 22-й день ехали по той же речке степью до полудня и, оставя речку направо, ехали через хребет налево и опять приехали к реке на степь, и ночевали на острове реки Унды, от стана — 45 верст; и в том месте, по обеим сторонам реки Унды и по хребтам, лес большой всякий.

Стан 5-й. Декабря в 23-й день ехали по той же

¹ Верст здесь не знают, только мы по походу и месту поставили. (Прим. автора.)

реке Унде до полудня и, оставя вершину реки Унды направо, поехали налево, по иной речке, от стана — 38 верст, и ночевали меж хребтами на лугу, и в тех хребтах был снег небольшой, а дорога кочковатая.

Стан 6-й. Декабря в 24-й день ехали через хребет лесными местами небольшими и выехали на реку Гайтимура, и по той ехали немного, и ночевали, от стана — 35 верст.

Стан 7-й¹. Декабря в 25-й день ехали подле реки Гайтимура и стояли у ключей, от стана — 20 верст, а река Гайтимур и вершины ее остались направо, и та река Гайтимур внизу — река большая, и кочуют по ней мунгалы и тунгусы, и впадает в реку.

Стан 8-й. Декабря в 26-й день ехали через хребет небольшой и выехали на ключи, на вершину речки Бюрзи, от реки Гайтимура — 29 верст, а ехали степью. По той реке Бюрзе с дровами зело скудно, только тальник небольшой, и то сырой; и снега, и стужи были великие, а кормы худые, оттого что у той речки кочевали и кормы вытравлены; а ехали по той речке до великой реки Аргуни и от сих мест пошли степями, через хребты без лесов.

Стан 9-й². Декабря в 27-й день ехали все степью, по той же речке Бюрзе, а в ту речку Бюрзю многие речки со сторон впадают, и вблизи нее везде степь, и хребты чистые, и лесу нет, только по речке лес мелкий — тальник сырой, воды нет: мерзнет до земли, от стана — 45 верст.

Декабря в 28-й день ехали через речку Бюрзю и оставили речку влево, ехали степью чрез хребет голый и спустились к реке Аргуне. Речка Бюрзя впадает в реку Аргуню устьем недалеко от того места, где приехали к Аргуне, а по ней не ехали оттого, что она от дороги идет влево далеко, и приехали к реке Аргуне и стояли на острове меж рекой Аргуней и протокою, от стана — 30 верст.

¹ Подобаает ведать, что те станы были такие, что, как начнет заря рассветать, ехали тихо, ступью; на станы ставились в поужинки, а иногда больше и иногда меньше для дров и корму, и для воды. (Прим. автора.)

² Здесь везде ехали без дороги, степью, потому что есть только шлях кочевных людей. (Прим. автора.)

Стан 10-й. Декабря в 29-й день стояли у реки Аргуни весь день для опочиванья скота, и из-за стужи и кормов коней и верблюдов пристало много и захромали, и шили им башмаки половинчатые; а дрова — тальник небольшой сухой, а иного лесу нет, а корму и воды много.

Описание Далая и Аргуни реки

Река Аргуня¹ — имя ей иноземское, как и иных рек в Сибири; и та река течет, как и Ангара, из Байкала, так и она течет пространном течением из великого озера Далая, и течение ее начинается с полудня к полуночи (потому что Далай лежит на полдень), и течет к полуночи долгим течением. Однако же еще ту реку никто не проведал в длину, от устья ее и до вершины, до Далая. В прошлые годы ходили казаки судами по ней, однако же доехать не могли из-за скудости запасов и назад возвратились. Река Аргуня большая и глубокая, и в ширину и в длину велика, и суда любые великие могут по ней ходить от устья и до вершины, а рыбы, сказывают, в ней много, как и в иных реках, которые текут из больших озер. Лесу от вершины ее, от Далая, по ней нет и по сторонам, опричь тальника небольшого, а внизу по ней далее [от пути шествия их] горы по ней высокие и на них всякий лес, из которого можно острог ставить и всякие суда делать, а выше по ней хребты высокие, а лесу на них нет.

Далай озеро² именуется иноземским званием «море», и хотя то большое озеро нынешними людьми не проведено подлинно, однако же ежегодно ходят с торгом даурские и нерчинские казаки, и иное слухом, по расспросу тамошних людей, проведено, что то озеро Далай зело велико, что края на другой стороне

¹ Аргуня впадает в Шилку и от того места меняет имя свое, и называют ее великою рекою Амуром. (Прим. автора.)

² Далай озеро зимою мерзнет глубоко. (Прим. автора.)

берега не видеть. И с высокой горы смотрели трубою, однако же берега не видеть, а в Байкале другой берег можно видеть; и сказывают иноземцы, которые вблизи него кочуют, что насилу во все лето кругом озера могут кочевать. И то озеро Далай мешается с великим морем Океаном, что и Байкал, потому что река Аргуня течет из него и впадает в Амур, и оттоле впадают в большое Океанское море. Лесу вдоль того озера нет, только высокие горы без лесу, а около него кочуют тайши мунгальские, потому что солонцы и кормы вокруг него большие. На одном краю озера Далая кочуют также мунгалы, подданные китайские, которые всякий хлеб пашут, и от того места начинается государство Китайское. И сказывают, что от того места до государства Китайского доходят в четыре недели, только тот путь еще не проведан, оттого что из наших людей никто тем путем в Китай не ходил.

В озеро Далай впадают многие великие и малые реки, нам неведомые, откуда текут, только сказывают иноземцы, что по одной из тех рек именем...* В день пути от Далая есть город великий, каменный, со всяким строением, и палаты в нем каменные целы. Говорят, что в том городе от мору люди все пропали, и осталось имение их все там; и иноземцы в тот город идти не смеют, а смотрят все издали, а иные говорят, что от войны запустело. Глубина Далая, кажется, зело велика, потому что не токмо есть рыба всякая, великая и малая, но и кит, который есть в море,— рыба большая, и нерпы в нем есть, потому что летом будто великий корабль ходит по морю и волны великие учинит и погоды, и оттого иноземцы не смеют по нем далеко плавать, потому что у них судов больших нет да и малых суден немного. И из Нерчинского острога до Далая ездят налегке в 5 дней и в 6 и всякий торг торгуют. И оставя Далай, описав,

* Здесь пропуск. (Прим. ред.)

¹ От Нерчинского острога первых кочевных людей видели. (Прим. автора.)

что только про него ведаем, паки возвратились к Аргуни, к путному шествию своему.

Декабря в 30-й день от Аргунского острова ехали через реку Аргуню по льду и потом переехали хребет степной¹ и выехали на реку небольшую Хабур. Едучи к реке, ертаул наш прибежал и сказал, что видится на степи табун и скот; и послал проведать служилых людей, а они стояли при той же реке, на острове; а дров, сухого тальника, много и воды также. В ту же ночь приехали казаки, которые посланы были, и привели одного тунгуса и сказали, что сыскали они юрт иноземских с 10 и больше, и, увидя их, иноземцы, взяв детей своих, разбежались, а иные за оружие принимались. Однако же взяли из них одного и расспрашивали, и назвался он родом тунгус, роду Тагачирского, и племя его ясачное великого государя и живут в Нерчинском, и он за своими же вскоре едет там жить. И спрашивали коней у него и подводы и на продажу коней и скота, и он говорил, что их малолюдство и скотом нужно, только недалеко от них по иной реке Гану живут намясинские тунгусы, у них всякого скота много, потому что никому ясака не платят, и он пошлет к ним, чтоб они не испугались и в рознь не разбежались, и чтоб послали и мы от себя человека, чтоб им о том же говорил. И послали с ним тунгуса вожа (был с нами взят из Нерчинского вож каргачинский тунгус, китайский подданный, который в прошлом году на свадьбе убил человека и бежал в Нерчинский, а без вожа было нам ехать невозможно). И приказали вожу сказать им, что ведаем мы вину их, что чинит им страх, потому что многожды великому государю изменили и людей побили, однако же мы не войною идем, а идем от великого государя, от его царского величества к китайскому хану, и для того б они пришли и подводы и корм привели и торговый и не опасались бы ничего. И в ту ночь, на-

¹ От Нерчинского острога первых кочевных людей видели.
(Прим. автора.)

поя и накормя тунгуса, отпустили к намясинским тунгусам с вожом, от реки Аргуни до Хабура — 20 верст, и ночевали.

Стан 11-й. Декабря в 31-й день оставили реку Габура и ехали версты с 3 по другой реке Тербула степью, а леса по той речке много. И, переехав через речку, подымались на степь, и на правой стороне степи стоит городок земляной с башнями, а внутри того городка сделан другой городок, земляной же, а в них 4 ворот проезжих. Сказывают, что [тут было] постановление китайских людей и что по степи таких же городков много пустых; и, едучи от того места по степному хребту, опустились на Ган реку.

По всем горам и холмам караулили нас намясинские тунгусы, иные с оружием, с куйками и с копьями, а иные прежде еще юрты свои и табуны отогнали далеко, и по всей степи люди бежали, а мы с караваном ехали строем с береженьем, и издали по степи караван зело велик виделся, и издали неведающим мог казаться человек с тысячу и больше. И ехали потихоньку до Гана реки 25 верст и стояли на крепком месте, а из степи посылали к ним людей переговоров вести, а они отнюдь не приступали и от нас бежали.

В тот же день на становье приехали вож тунгус, вчерашний тунгус и с ними третий и говорили, что они намясинским тунгусам сказали, чтоб те приехали без страха,— как им приказал,— однако же они не верили, а стоят все вооружены, и нам показали их, где они стоят по хребтам с оружием и караулят нас. И опять послали к ним вожа тунгуса, чтоб они остались у них в аманатах, покамест сами приедут к нам. Они поехали и некоторое время спустя возвратились и сказали, что тунгусы им не верят, а дали б им в аманаты казаков. И послали к ним двух человек казаков, и те казаки остались у них в аманатах. И приехали из тунгусов на стан три человека лучших людей и говорили, чтоб на них не пенял, что они не верили, потому что ведают они вину свою пред великим государем — обещали ясак давать великому государю и не платили. И чаяли они, что конечно вой-

на идет на них, и оттого разбежались врозь с женами своими и с детьми, а ныне видят они и верят, что посольством идем, потому что караван с верблюдами и с товарами. Ныне же просили отпустить их к своим наскоро, оттого что жены их и дети от страха зябнут на степи, а завтра пораньше будут опять. И отпустил их, и они казаков наших также отпустили, и те казаки сказали, что были они все, тунгусы, в куюках, с копьями неподалеку от нас, а жены их и дети были от них далече, потому что всю ночь бежали.

И на другой день приехали на стан лучшие люди и привезли на корм барана большого и опять говорили, что виноваты пред великим государем и чтоб великий государь изволил вину их оставить, а они, что им прикажет посол, то и будут чинить. И посол им сказал, что великий государь подданных своих жалеет и не хочет губить, как они сами видят, и что вчера можно было внезапно погубить их с женами и с детьми; однако же еще ныне великий государь вину их оставит, только чтоб впредь к тому не согрешили и при том сколько-нибудь дали б подводы и корм и привели на продажу коней и скот. И они обещали, что все учинят, только били челом, чтоб с того места не ехать.

Стан 13-й. И генваря в 1-й день ехали немного по той же реке, верст с 8, и стояли для корма и для [связи] с намясинскими мужиками; и ехали они с караваном видеть, где кочуют, и меняли коней немногих с нашими людьми, и вернулись в юрты свои. К вечеру приехал на становье старейший их тунгус, будто для верности в аманаты, и опять привезли на корм барана. Он говорил, чтоб подождал их, тунгусов, и будут они с конями и с подводами; и ночевали они в обозе, человек с 7.

И генваря во 2-й день опять ехали по той же реке Гану для корма, и опять приехали и иные намясинские и там подождали; ехали 12 верст и ночевали.

Стан 14-й. Генваря в 3-й день стоял в том же месте; и приехали намясинские мужики, лучшие люди, человек с 20, и привели в поминки послу коня, и того коня не принял, только велел им подводы дать, сколь-

ко возможно, и служилым людям меняли б и продавали коней и верблюдов и иное, что есть, и потчивал их вином и табаком. И продали они и променяли служилым людям коней с 20, а верблюдов не могли менять, и говорили они, что к вечеру или завтра сколько могут собрать подвод приведут и ясак станут платить в Нерчинском, только они боятся мунгальского Даин Контайшу, потому что тот им велит ясак платить себе, а не великому государю. И посол им говорил: буде они ясак великому государю платить не станут, и великий государь не токмо на них, но и на Даин Контайшу изволит указать поиск, как недавно было над братскими мужиками. Хотел он, Даин Контайша, их оборонять, а не мог, и невозможно им, намясинским мужикам, жить самовольно меж рубежами великого государя и китайского хана, и тот путь будет очищен. И они обещали впредь быть у великого государя в вечном подданстве и поехали в юрту свою, а подводы хотели привести к вечеру или к утру.

Генваря в 4-й день стояли до обеда, а намясинские не пришли, и видели, что они только обманывают, а подвод не дадут, потому что те намясинские мужики — воры великие, и нет таких меж всеми тунгусами. Мужеского роду их будет человек с двести, и сватались с мунгалами, и живут в тех местах самовольно, никому ясака не дают. В прошлом году ходили на них нерчинские казаки, человек с триста, и из-за великих дождей реку Аргуню не могли переехать и возвратились назад и только те намясинские — препона путешествующим в Китайское государство из Сибири. И можно было бы и ныне их усмирить, только слух не прошел бы в Китай, что иду посольством и войною. Жили они преж сего в Баргузинском остроге и в иных местах и многие воровства и убийства служилым людям учинили, и походы на них были многие, однако же им ничего не учинили, и из тех мест бежали и живут за Аргуню рекою самовольно. И видя, что они в тот день до обеда не приехали, и того же числа взяли дров на верблюдов, сжали через степь, а река Ган осталась влево. И та

река немалая, и по ней лесу всякого много, а впадает она в реку Аргуню.

Стан 15-й. И в тот день ехали до вечера до ключей и ночевали без дров, а от реки Гана до ключей — верст с 30; и в тот день оставили на степи двух верблюдов государских: не могли их поднять, и пропали. Также у реки Хабура оставили присталого верблюда ж государственного у тунгуса Эреннеля Токумова сына, да и кони по той степи остались многие.

И генваря в 5-й день, видя, что кони и верблюды пристают многие, а от Игнатия Милованова, который послан был в Китайское государство известить, никакой ведомости нет, выбрал одного тобольского сына боярского Ивана Неприпасова да с ним трех человек служилых людей, вожа тунгуса, да толмача и послал их наперед себя о двух конях наскоро. Приказал им ехать с великим поспешением, и куда поедут, везде велел ставить знаки, оттого что у нас иного вожа не было, кроме того, что послали с ними; и когда будут в Каргачинах, где китайские люди и рубеж, чтоб они сказали [китайцам], что идем с великим поспешением, только пристали кони и верблюды, и чтоб навстречу прислали подводы наскоро; и что они [китайцы] скажут, чтоб послали навстречу двух казаков известить. Также приказал, чтоб они ехали с великим поспешением к наунским воеводам и объявили, что великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всей Великой и Малой и Белой России самодержец, послал с великим поспешением посольство к государю, к богдыханскому величеству для его, великого государя, надобных дел. А еще ранее для того же послал к ним Игнатия Милованова известить про приезд, однако по сие время от него, Игнатия, ведомости нет, и поэтому сызнова послал известить вас, чтоб послали наскоро подвод, сколько надобно, и корм и провожатых, потому что кони и верблюды пристали многие.

Стан 16-й. И того же числа, отпустив их, ехали через хребет, на котором был березник черный, и потом степью верст с 20, и стояли на реке Миргене. По той речке — дрова, тальник небольшой, да источник в ту

речку впадает и всю зиму не мерзнет, и в нем ловят рыбы много; и на том источнике действовали освящение воды Иордановой.

Стан 17-й. Генваря в 6-й день ехали через хребет степной потихоньку, по следу и по признакам тех, которых послали наперед, верст с 17, и стояли на ключах, под хребтом, и на тех хребтах лесу березнику черного много.

Стан 18-й. Генваря в 7-й день ехали через хребет верст с 20 и там сыскали, где ночевали наши передние; и стояли на речке Каникале; и на той речке дров зело мало, а есть только тальник мелкий, и тот сырой, а по хребтам, подалее речки, леса много, березника. И в том месте служивые люди, которые ездили по дрова, привели одного старика и двух молодых иноземцев, в расспросе сказали, что они барбутского роду, а у них ввечеру были те люди, которых послал наперед, и извещали про наш приезд, и оттого они с юртами стояли близко и, что будет нам надобно, готовы служить, а они платили ясак прежде сего великому государю, и взят от них лучший их человек. Слышали они, что тот человек сослан к Архангельскому городу. И буде великий государь изволит им отдать [этого человека] назад, и они будут ясак платить великому государю по-прежнему, а род их великий. И говорили ему [старик], чтоб он ночевал в обозе и был вожем до реки Кайлара и, буде надобно, и далее. И он сам в обозе ночевал, а людей своих отпустил в юрту и велел им привезти корму и на продажу коней и скота. И на другой день приехали люди его и привели большого барана на корм и на продажу 6 скотин, которых тотчас и купили.

Стан 19-й. Генваря 8-й день взял того старика в вожи. От речки Каникала ехали через хребты и степями до самой реки Кайлара 38 верст и там ночевали. А Кайлар река небольшая, однако же судовая, течет с полудня к полуночи и впадает в реку Аргуню далеко внизу, и там — сказывают — река великая. Не доезжая до реки Кайлара верст за три, озерки небольшие ключевые, и в них рыбы много; а по реке Кайлару всякого лесу много и острог ставить и суда

делать можно; и по ней внизу кочуют многие мунгальские люди, и следы видели многие, а людей не видали. И по степям проводывать служилых людей посылали, однако же никого не видали. И от Нерчинского до рубежа китайского никого не видали, кроме мясинских и баргутских мужиков. И того старого мужика спрашивали про реки и про озеро Далай, потому что он зело знает, а что он сказал, то писано в своем месте.

Генваря в 9-й день ехали от Кайлара реки через нее и потом по реке Дзадуне, от устья ее, меж гор каменных высоких, и та река меньше Кайлара и впадает в Кайлар, а лесу по ней всякого много, и места степные хорошие. И в тот день отпустили баргутскаго вожа назад, оттого что след наших людей, которых послали наперед, знатен был. И как возвратился тот старик назад, приказал ночью коней стеречь накрепко, оттого что в тех местах барсов много и коней по ночам бьют.

Стан 20-й. И в ту ночь, где ночевали, не сыскали четырех коней и поутру сыскали след конный и человеческий, и, конечно, украдены были баргутами; а ехали 20 верст и ночевали.

Стан 21-й. Генваря в 10-й день ехали по той же реке Дзадуне 25 верст и ночевали: и в том месте дров много ж, и от того места начинается дорога тележная китайская, а телеги у них о двух колесах, однобычные.

Стан 22-й. Генваря в 11-й день оставили реку Дзадуну направо и ехали через степной хребет и спустились на реку Унеру, и та река впадает в Дзадуну, и дров по ней, что и по Дзадуне; ехали 25 верст и ночевали, и тут было три ночи с того времени, что проехали наши люди.

Стан 23-й. Генваря в 12-й день ехали по той же реке Унере до полудня и потом, оставя реку Унеру направо, ехали направо же по устью речки Улучи. Та речка впадает в Унеру, а лесу по ней немного, только тальник мелкий, однако же от сих мест по обе стороны на горах леса много всякого, а снега не было; а ехали 35 верст и ночевали.

Стан 24-й. Генваря в 13-й день ехали по той же речке Улучи и до самой вершины ее верст 12 и, едучи по вершине ее к хребту, где предел меж Сибирским государством и Китайским учинится, встретились с нашими посланными людьми, а с ними китайские ж люди были. И как встретили, и как приехали, и что говорили, о том о всем написано в своем месте в Китайской книге, а мы здесь кончаем путешествие наше через Сибирское царство, и здесь, на вершине речки Улучи, под китайским хребтом Таргачинским,— край и конец всего Сибирского государства, которое, дай боже, распространится еще вместе с благочестием от конца и до конца земли.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

І. НАКАЗЫ И МАРШРУТЫ, ДАННЫЕ СПАФАРИЮ ПЕРЕД ОТПРАВЛЕНИЕМ ЕГО В КИТАЙ¹

1. Наказ, данный Спафарию при отправлении его послом в Китай

Лета 7183 году, февраля в 25-й день, указал великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всей Великой и Малой, и Белой России самодержец, ехать Николаю Гавриловичу Спафарию для своих, великого государя, дел к китайскому богдыхану в послах; а ехать ему из Москвы на Сибирские города, на Тобольск, а из Тобольска на Китайское государство на калмыцкие улусы, проведав подлинно, какими местами ближе и податнее.

Да про то ему, Николаю, проведать всякими мерами накрепко, будет [ли] впредь у царского величества с китайским богдыханом дружба и любовь и ссылка будет [ли] и в Китайское государство от государевой отчины, от Сибири, на которые земли и улусы или кочевья ходить податнее и не будут ли

¹ Это первое приложение к издаваемому путешествию Спафария по Сибири заключает в себе весь географический материал, которым располагал путешественник при отправлении из Москвы относительно различных путей в Китай; из наказов, данных Спафарию, можно судить о географических задачах его посольства. (Прим. Ю. В. Арсеньева.)

впредь в тех местах над государевыми людьми какие шкоды; и сухим путем или водяным, или горами. И сколько от которого города и до которого города, или улуса до улуса, верст, или миль, или днищ.

И на чем сухим путем ходят, на лошадях ли, или на верблюдах, и сколько от которого города за провоз найму с вьюка дают; и в который китайский крайний город из улусов или из каких ни буди мест приезжают. И сколько в Китайском государстве от которого города и места до которого ж города и места дорогою верст, или миль, или днищ считают. И на одно ли место и города в Китай дорога лежит, или разные дороги; и будет разная, и какую дорогою ближе и бесстрашно. И какие люди по дороге меж Сибири и Китайского государства живут, и которые князьки особные живут, и великому государю они послушны ли; и каковы имена тех князьков и [из] которых улусов, и нет ли где от них проезжим служилым и торговым людям шкоды. Или из тех князьков есть иные государю и непослушны, а голдуют кому иному; и какими промыслами промышляют — о всем о том однолично ему проведать всякими мерами накрепко многими ведущими людьми до пряма. А проведав про то все достаточно, написать в статейный список подлинно, по статьям, порознь всякую статью, именно, и все Китайское государство; и от Тобольска по дороге до порубежного китайского города изобразить все землицы, города и путь на чертеже. Да и во всем ему, Николаю, будучи в Китайском государстве и едучи дорогою, великого государя делом промышлять и вести всякие проведывать по сему великого государя наказу, и смотря по тамошнему делу и как его бог вразумит, и великого государя именованье и честь остерегать и искать везде великого государя имя и во всех городах и местах выславливать и говорить то, чтоб было государскому имени к чести и к повышенью.

И как из Китая отпущен будет, и ему, выехав из китайских рубежей, для проведывания прямого пути к Москве на Астрахань послать, из которых мест пригоже, тобольских детей боярских двух человек доб-

рых да с ними подъячего добра и велеть им всем изыскивать путь на Астрахань, чтоб впредь могли из Москвы для торгового пути и промыслу ходить в Китайское государство через Астрахань.

И как они тот путь отыщут и в Астрахань придут, и из Астрахани ехать им к великому государю к Москве. А самому ему, Николаю, с хановыми послами, буде с ним будут отпущены, ехать к Москве тем же путем, которым он ехал в Китайское государство. А на Москве явится и всему тому статейный список и описание Китайского государства и дорог, на которые места из Москвы в Китай и из Китая к Москве ехал, подать чертеж в посольском приказе боярину Артемену Сергеевичу Матвееву да дьякам — думному, Григорию Богданову, Ивану Евстрафьеву, Василию Бобинину, Степану Пояркову, Емельяну Украинцеву.

2. Докладная выписка, служащая дополнением к предыдущему наказу

За Китайским государством на востоке, во Океане море, от китайских рубежей верст с 700 лежит остров зело велик, именем Япония.

И в том острове большее богатство, нежели в Китайском государстве, обретается, руды серебряные и золотые и иные сокровища. И хотя обычай их и письмо тожде с китайским, однако же они люди свирепые и оттого многих иезуитов казнили, которые для проповедывания веры приезжали¹.

Меж востока и полудня, за Китайским государством, лежит остров именем Фромоза, который не так велик, как богат. И пишут, что недавно голландцы морем приходили и завладели тем островом и крепость учинили.

¹ Почти тождественны сведения о Японии, которые сообщил Спафарий в своем статейном списке. «В Пекине, — говорит он, — приходили к нему, Николаю, два иезуита, и Николай спрашивал их, откуда они в начале и как пришли в Китай. И они говорили, что многие годы есть, как они пришли впервые из японского острова, который остров превеликий и богатый от Китая — 700 верст, и, по их речам, недалеко будет от устья Амурского». (Прим. Ю. В. Арсеньева).

В порубежных на полуднях лежит Индия. И как пишут иезуиты, с караваном сухим путем приходили от стольного города китайского Камбалыка до стольного ж города индийского царя Агра в 214 днях и с выюками, потому что часто приходят караваны сухим путем из Индии в Китай и из Китая в Индию.

А на запад порубежными с Китайским государством суть степи — пустыня, в которых кочуют многие народы калмыцкие и татарские.

А на северную страну живут татары мунгальские, которые и прошлого года присылали послов своих и ныне к его царскому величеству посылают; а с тем мунгальским есть порубежное Царство Сибирское.

А на докладной выписке помета дьяка Василия Бобонина такова:

Написать Николаю (Спафарию) в наказ, чтоб он обо всем том проведаль именно и в статейный список написал.

3. Справки об отправлениях в Китай Федора Байкова, Сейткула Аблина и Игнатия Милованова, доставленные из сибирского приказа в посольский приказ в 1675 г.

В прошлом, в 7182 году, июля в 13-й день, в сибирский приказ к окольничему к Родиону Матвеевичу Стрешневу в памяти за твоею, Васильевою, приписью написано: великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всей Великой и Малой, и Белой России самодержец, указал прислать в посольский приказ к тебе, боярину к Артемону Сергеевичу Матвееву, и к вам, дьякам — думному к Григорию Богданову, и к Ивану, и к Василию, отпуск в Китайское государство Федора Байкова и приезд его к Москве, а также отписать, на которые города в Китайское государство путь належит, летом и зимою одним ли путем ездят и водяной путь есть ли.

И по указу великого государя в Сибирском приказе выписано: отпуска Федору Байкову в Китайское государство из Сибирского приказа и приезда его в

Сибирский приказ не было, а отпуск ему был из приказа большой казны.

А во 177 году по указу великаго государя послан в Китайское государство тобольский бухаретин Сейткул Аблин с товарищами. А в статейном списке Сейткула Аблина 183 написано: ехал де он из Тобольска в Китайское государство мимо Тары города до Ямыша озера. А от Ямыша сухим путем на Аблаев улус; а от Аблаева улуса на урочище, на Акбазар речку, а с той речки в улус к Чокуру-Абаше. А от Чокура-Абаша на Сенгин улус, а от Сенгина улуса на Мунгальскую землю, до улуса Елдены тайши, а от Елденева улуса до мунгальского тайши Катана-Баатыря улуса. А от Катанова улуса мимо Лабина улуса до улуса Спина-хана. А из того улуса до границы Китайского государства, а от границы к китайской каменной стене, к воротам. А из Китайского государства ехали через Мунгальскую землю на калмыцкий Паганев да Араптаров тайш улусы, а от того улуса к Ямышу озеру. А от Ямыша озера водяным путем в Тобольск в судах, в которых приходят в Тобольск к Ямышу озеру по соль.

Да из Тобольска водяным и сухим и зимним путем ходу в Дауры¹ мимо Мургут, Нарым, Кецкой, Енисейск. А из Енисейска таким же путем да через Байкал море до Нерчинского и Албазинского Даурских острогов; а другой путь — мимо Илимского.

А по отпискам из Даур Данилы Аршинского, и по челобитной, и по сказкам даурских служивых людей, ход в Китайское государство из Даур от Нерчинского де острога на лошадях верхи до Аргуни реки; а живут де в тех местах нерчинские государевы ясачные люди торгуты. А от Аргуни до Гана и до Кайлара рек; а меж теми реками кочуют мунгальские царя Чеченкановы люди баргуты. И от Кайлара к Зайдуну реке; и подле той реки живут временем

¹ Это — путь, избранный Спафарием после расспросов, которые он делал в Тобольске, хотя по наказу ему предлагалось ехать в Китай чрез калмыцкие улусы, то есть путем Байкова, Сейткула Аблина и Перфильева. (См. первую отписку Спафария к царю в приложении II.) (Прим. Ю. В. Арсеньева).

богдойского царя люди торг чинить, кочевьем, и хлеб сеют. А от Науни до стены и города каменного; а в городе живут богдойского царя люди. А от стены из городов в Китайское государство мимо каменных семи городов; а живут в тех местах китайские ж люди. А от Китайского до Нерчинского острога вниз Амуром рекою в судах до Албазинского острога сухим путем на лошадах до людей богдойского царя. А ныне на тех местах, которыми в Китайское государство ходили Федор Байков и Сейткул Аблин, какие на путях иноземцы живут и в Китайское государство теми местами идти можно ль, того неведомо, и о том из Сибирского приказа в прошлом, во 182 году, июля в 17-й день в посольский приказ к тебе, боярину к Артемону Сергеевичу Матвееву, и к вам, дьякам, к думному к Григорию Богданову, и к Якову, и к Василию, писано.

4. Выписка о пути Игната Милованова¹ из Нерчинского острога до Китая (1670 г.)

Августа в 29-й день в Сибирском приказе даурские служилые люди, которые присланы из Даур с листом богдойского царя в Москве, Игнашко Милованов, Антошка Филев, Гришка Кобяков, как они посланы были из Даур к богдойскому царю в посланниках, по допросу сказали:

В прошлом де, во 178 году, апреля в 9-й день по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича... послал их, Игнашку и Антонку, и Гришку, да с ними даурских же служилых людей 3 человек из Даур из Нерчинского острога Данило Аршинский к богдойскому царю с его, богдойского царя, даурскими людьми, которые приехали в Нерчинский острог для торга с Шарадаем с товарищами. А что им богдойскому царю говорить, и о том дал им Данило Аршинский наказную память.

¹ Этот же Игнатий Милованов отправлен был Спафарием в Китай из Енисейска с известием о посольстве,

И ехали де они, Игнашка с товарищами, к богдойскому царю из Даур от Нерчинского острога на лошадях верхи до Аргуни реки семь днищ; а та река велика, и большими судами ходить можно. А живут де до той реки государевы ясачные люди тунгусы Нерчинского уезда, а за тою де рекою государевых ясачных людей нет¹.

А от Аргуни реки до Гана реки ехать мунгальского царя Чеченка новыми людьми баргутами два днища; а те де баргуты кочевные. А Ган река мелка, местами на лошадях переезжают; а широтою будет с Москву реку.

От Гана до Кайлара же реки ехали три днища; а Кайлар река такова ж широка, что и Ган река, а бродов чрез ту реку нет, потому что глубока. А меж теми Ганом и Кайларом реками кочуют те ж баргуты. А те де две реки они перевозились в батах, а делали они те баты сами.

От Кайлара реки ехали к Задуну реке до брода с полднища и меньше и через ту Задун реку переехали на лошадях. И та Задун река мелка и узка. И подле той Задуну реки ехали вверх до камня полтора днища; а тот камень невысок; на лошадях верхи и на телегах ездить можно. А подле Задуну реки живут временем богдойского царя люди торгочины.

А от того камня до ясачных даурских пашенных людей богдойского царя и до Науна реки ехали три днища. А Наун река велика и глубока: большими судами ходить можно. А живут меж камнем и Науном рекою богдойского царя люди торгочины кочевьем и хлеб сеют. А у той Наун реки встретили их, Игнашку с товарищами, богдойского царя два боярина да дьяк,

¹ Итак, граница русских владений в 1670 году считалась по р. Аргуни. Между тем, в издаваемом путешествии Спафария находим известие, что граница Сибири с Китаем проходит по речке Улучи, под хребтом Таргачинским (Хиньган). Такое разногласие объясняется новыми завоеваниями русских в пятилетний период (1670—1675 гг.), о которых находим сведения в отписке енисейского воеводы Приклонского 1675 г. о походе албазинского приказчика Михаила Черниговского в Китайские улусы р. Гань (Доп. к Акт. Ист., VI, № 133); эти местности были тогда приведены в ясачный платеж. (Прим. Ю. В. Арсеньева.)

да с ними сорок человек служилых людей, и их приняли и везли с собою вместе наскоро на заводных подводах до Китайского государства; а до Науна реки ехали они на своих лошадях.

И от Науна реки ехали до стены каменной 10 днищ... А от Нерчинского острога до Китайского государства подле рек леса: топольник, осоковник, ивняк, черемошник да в редких местах сосняк; а на степях местами — черносливник и орешник. Да до Китайского государства за четыре днища лес: дуб, липняк, клен, ясень.

5. Досмотр Ново-Селенгинского острога и его окрестностей, произведенный в 1673 г. тобольским сыном боярским Степаном Поляковым

(Список с доезду Полякова вытребован был из Сибирского приказа для сообщения Спафарию пред его отправлением.)

182 года, июля в 15-й день в указе великого государя из Сибирского приказа в посольский приказ за приписью дьяка Григория Порошина написано:

В нынешнем, во 182 году, июля в 13-й день в указе великого государя в Сибирский приказ за Васильевою приписью написано: великий государь указал прислать в посольский приказ тобольского сына боярского драгунского строя капитана Степана Васильева сына Полякова, и для чего он послан в Селенгинский острог, отписать, и с чем прислан и какие с ним есть чертежи.

И то все прислать в посольский приказ к отпуску в Китайское государство переводчика Николая Спафария, не замотчав.

И по указу великого государя в Сибирском приказе выписано: «В прошлом, во 179 году, июля во 2-й день, по указу великого государя послана его, великого государя, грамота в Тобольск к боярину и воеводам, ко князю Ивану Борисовичу Репнину с товарищами, велено послать из Тобольска в Селенгинский острог из тобольских детей боярских доброго и знатного человека, чтобы досмотреть тот острог, впредь великому государю прочен ли и ясак в сборе

и прибыль из того острога будет ли; и близко того острога какие иноземцы живут и ясак великому государю учнут ли платить, или близко того острога живут калмыцкие или мунгальские люди, и не чают ли от них к тому острогу прихода и служилым и промышленным людям обид и разоренья. А как тот сын боярский из Селенгинского острога в Тобольск приедет, о том велено отписать и его список прислать к Москве».

Вследствие этого указа воевода тобольский Петр Михайлович Салтыков, сменивший князя Репнина, по возвращении из Селенгинского острога сына боярского, драгунского строя капитана Полякова, отправил в Москву вместе с представленными им «списком досмотра с чертежом всяких крепостей».

А в Сибирском приказе тот Поляков подал доезд за свою рукою да два чертежа: один — Селенгинского острога, который писан в Тобольской отписке, а другой чертеж — сверх Тобольской отписки — Енисейска и Селенгинского и иных острогов; и Даур, и Мунгал, и Китайского, и Никанского государств. И про тот чертеж, что сверх отписки Тобольской, он, Степан, в Сибирском приказе сказал: делал он тот чертеж подлинный, едучи из Тобольска к Москве на дороге, на Чусовой в Строгонове городке, сам, оттого что в Селенгинском остроге и в Енисейске иконников не было и писать некому. А в Тобольске оттого чертежа не делал, ибо посылки себе к Москве не чаял. И тот чертеж подал он в Сибирском приказе с тем Селенгинским чертежом и статейным списком, оттого что он, Степан, в тех местах бывал. И по указу великого государя из Сибирского приказа в посольский приказ к тебе, окольничему к Артемону Сергеевичу Матвееву, да к дьякам сын боярский драгунского строя Степан Поляков и два чертежа¹ и досмотру его, Степана, список послан с подьячим с Алексеем Чехихиным.

¹ Второй из этих чертежей, представлявший всю местность от Енисейска до самого Китая, мог быть особенно полезен для Спафария и, вероятно, дан был ему из Москвы. (Прим. Ю. В. Арсеньева).

Список с доезда

«181 году, ноября в 23-й день, по указу великих государей и по государевой грамоте и по тобольской наказной памяти боярина и воеводы князя Ивана Борисовича Репнина с товарищами послан из Тобольска в новый Селенгинский острог драгунского строя капитан Степан Поляков для дозора нового острога и каковы в нем крепости, и около его какия есть угодья, и много ли пашенных земель, и какие живут люди, и то писано в сем списке ниже сего порознь, по статьям именно.

«И по его, Степана Полякова, досмотру новый Селенгинский острог поставлен в Мунгальской земле на устье Чика реки над Селенгою. И с прихода от Селенги с западной стороны стены мерою 28 сажен 1 аршин; а в стене поставлены две избы, а на верх изб свершено по башенному. А на одной избе наверху на башне поставлена караулка теплая, мшеная, с печью для зимнего караула. И меж избами в стене острожной порозжие большие ворота, и над воротами поставлена бревенчатая часовня. А с прихода к киоте образ грозных сил воеводы Михаила архангела. А от ворот на правую руку до избы в стене — 40 острожин, а от избы на правую ж руку в стене до угла острожного — 60 острожин. А на левую руку, идучи в ворота, от ворот до избы — 30 острожин. А из избы, на левую ж руку, до угла острожного — 70 острожин. А с северной стороны стена мерою 19 сажен, а в ней — 220 острожин. А в том остроге поставлен к востоку малый острог, в малом остроге, в стене, поставлены две избы, а на избах поставлены вышки, а свершены по башенному; одна вышка выше большого острога, и видеть в поле далеко, и на той вышке в летнее время живет караул.

«А острог сверху покрыт тесом и средний бой, а блямы намощены тесницами, по шести и по восьми тесниц.

«А на остроге катки кладены следи для приступного времени. А в большем остроге кругом поставлены 12 амбарцев их казачьих для летнего времени. А кругом всего острога и около церкви надолбы.

«А за острогом в надолбах поставлена церковь божия во имя нерукотворенного образа господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, а другой престол — образ во имя Михаила архангела, а 3-й престол — во имя Николы чудотворца и с деисусами, а деисусов — три пояса с апостолами и с праздниками господними и с пророками. А от острожного угла до церкви — 17 сажень 1 аршин; а поперек по паперти — 5 сажень, да от алтарного угла на восточной стране — 4 сажени.

«А за острогом к Селенге реке от казачьего строения поставлено изб и дворов 21 двор.

«А вниз по Селенге реке, от Селенгинского острога ехать легким конем 2 дня, построена заимка, а на заимке поставлено 6 изб и дворов.

А в прошлом, во 128 году, Енисейского острога казачий десятник Любимко Федоров на той заимке для опыта и поселения на великих государей вспахал 3 осминника, а на 3 осминниках посеяно 4 пуда ржи ко 179 году; а в ужине той ржи было на тех трех осминниках 4 сотницы 40 снопов, а в умолотах вымолочено того хлеба 84 пуда. А во 179 году он же, Любимко, вспахал на великих государей десятинку ко 180-му году и посеял на ту десятину 5 пудов ржи; и в 180 году в ужине — 6 сотниц 89 снопов, а в умолоте — 92 пуда ржи. И обоего за расходом 166 пудов. А у него же, Любимки, на его заимке на себя и на служилых людей ко 181 году своей пахоты вспахано и посеяно 29 десятин, и около их казачьей заимки, выше и ниже, пахотной земли по его, Степанову, домотру, человек на 60 и больше будет. Да в 180 году у него же, Любимка, вспахано и посеяно на великих государей ко 181 году полторы десятины и посеяно полвосма пуда ржи.

«А около Селенгинского острога кочуют мунгальского Очироя-Саина хана и Гыгана хана многие люди. А есть тунгусы, живут по сторонним рекам: вверх по Хилку и по Чикою. А от Селенгинского острога до тех тунгусских людей конем ехать 5 дней, и живут вверх по тем рекам многие неясачные тунгусские люди за мунгальскими людьми, а ясака они

великим государям не платят; а немногие люди тунгусские платят ясак мунгальским тайшам.

«А вверх же по Селенге реке ехать дней с 10 конем и больше, и в ту Селенгу реку пал исток с правой стороны, из Косогора озера, а то де озеро Косогор zelo велико, и около того озера живут люди сидячие и кочевные, баргуты и тувинцы и тунгусы, и по их иноземской сказке будет луков сот с пять и больше. А селенгинских служилых людей малолюдство, и тех неясачных людей великим государям в ясачный платеж и в вечное холопство привести невозможно, потому что те люди стали за мунгальскими людьми, а с мунгальских тайшей и с их улусных людей ясачного платежа потому не чаю, что мунгальских разных тайшей и их улусных людей многолюдство и ясак платят те мунгальские люди своим мунгальским ханам и тайшам.

«А соляное озеро — от Селенгинского острога по нем ехать день целый, и соль садится бела, и урядна, и солка; а около Селенгинского острога рыбные угодья и зверей ловят много.

«Да он же, Степан Поляков, Табунуцкого мунгальского лаба именем Сорзея да манзея его Чанбая спрашивал: от Селенгинского острога до Китайского государства много ли езды. И тот Табунуцкий лаба и манзей сказали: ехать де от Селенгинского острога до Китайского государства тихою ездою, со вьюками, конем — месяц, а верблюдами идти и быков и овец гнать от Селенгинского острога до Китайского государства, ехать самую тихою ездою — полтора месяца. А в Китайское государство чрез Селенгинский острог дорога путем ехать — близко, а подъемами перед иными дорогами будет в полы. А от торговых людей в пошлинах будет великим государям сбор и прибыль большая, а в ясашном сборе великим государям будет сбор и прибыль большая ж. А как будет в Селенгинском остроге многолюдство, и буде великие государи извелят прислать в Селенгинский острог людей на прибавку, и братских и тунгусских неясачных людей и иных можно будет привести под государскую высокую руку и в ясачный платеж. А

которые служилые люди ныне в Селенгинском остроге, и тем служилым людям великим государям службы показать некем, и прибыли от них не будет, и приказного человека у них нарочитого нет же. А по его, Степанову, досмотру и дозору, в той земле и в Селенгинском остроге божиею милостью и государей счастьем и святою его государскою молитвою однолично будет прибыль большая, а жить в той земле и быть в Селенгинском остроге опасливо и с великим береженьем.

«181 году, генваря в 20-й приезжали в Селенгинский острог из каменного города от мунгальскаго Кутухты ламы посланники для послования и торга, мунгальские люди 6 человек, именован Шабанай-Зайсан, Чиндобини, Билкиту, Ирника, Карча, Кичикту, и дозорщику Тобольского города, драгунского строя капитану Степану Полякову, на посольстве и в речах своих сказали: есть де Тола река, а пала в Оркон, а Оркон пала в Селенгу выше Селенгинского острога. И по Толе вверх поставлен город каменный, а в том городе живет большой Кутухта лама всей Мунгальской земли. А ставили де тот город 7 лет в нынешних недавних годах. А от Селенгинского острога ехать конем 10 дней. А в том городе у них родится золото, и плавят на хана на Очироя-Саина мунгальского, а мастера де у них свои, Мунгальской земли. А ту де речь говорили на посольстве не скрытно, а толмач был Селенгинского острога служилый человек Иван Григорьев Бородой, и при многих служилых людях.

«А служилых людей в Селенгинском остроге сто сорок девять человек».

6. Маршруты на реку Амур, данные Спафарию (из Москвы)

На великую реку Амур плавною идти:

Не доплыв до Якутского острога за пять дней, впа-ла в Лену реку Алекма река; в том месте острожек великого государя Алекминский. И тою рекою Алекмою вверх до реки Тугура дощаниками — недель шесть, а легкими судами — недели четыре.

А Тугуром рекою идти до Тугурского острожка шесть дней вверх же; а ныне тот острожек пуст: запустел при воеводе Голенищеве-Кутузове. А от того Тугурского острожка чрез Тугур реку и чрез Нюгзю реку волоку сухим путем — десять дней до края Амурской реки великой.

А зимним путем нартами пять дней идти.

А перешедши волок на устье Урки реки, делать суда на Амуре великой реке, а в том месте никаких людей нет.

А пониже того, плыть день, стоит городок, Албазин слывет, живут ныне в нем казаки, которые сбегали с Илимского острога. На Амуре реке, на берегу, тот городок.

Другой ход на ту ж великую реку Амур:

Из Якутского острога плыть Леною рекою до Алдана реки сутки.

А Алданом идти вверх семь недель и меньше, [если] только ветров навстречу не будет, до Тонтора реки; а тут, на Тонторе реке, великого государя ясачное зимовье к Якутскому острогу.

Да Тонторою рекою идти вверх же неделя до Катыма реки.

Да сухим путем идти волоком пять дней до Зеи реки, тут суда делать.

А Зеєю рекою вниз в Амур реку великую плыть недели две и меньше, [если] только ветров не будет.

А в том месте по Зее реке живут многие люди: тунгусы и дауры, пашенные, а не воинские, хлеба у них и животины всякой много.

А Алданом рекою идти на великую реку Амур ближе и кормнее, и лучше Алекмы реки, и порогов нет; а Алекмою рекою двенадцать порогов великих.

**1. ОТПИСКИ СПАФАРИЯ К ЦАРЮ
АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ,
ПОСЛАННЫЕ ИМ ПО ПУТИ ОТ ТОБОЛЬСКА
ДО КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ**

1. Отписка из Тобольска от 15-го апреля 1675 г.

Тобольские, государь, жители, русские люди и бурхарцы и татары, говорили, что тот путь, которым они

ехали с Федором Байковым и с Сейткулом (Аблиным), хотя в то время была нужда великая и путь непрямою из-за скудости в прокормлении их и лошадей также из-за степи и безводного места, однако же, государь, путь их безопасен был; а ныне слышали они подлинно, что у мелких калмыцких тайшей промеж себя началась война великая. И в прошлом году грабили и убивали многие тысячи торговых людей и послов калмыцких, которые были отпущены от тебя, великого государя, с Москвы; и поэтому, государь, тот путь ныне зело опасен, а если бы, государь, и опасенья не было, однако же путь этот самый дальний и нужный, потому что и Федор Байков, и Сейткул Аблин ходили по три года. Говорили они, государь, что путь прямой и безопасный, водой только чрез твои, государевы, города, из Тобольска до Енисейского острога, а от Енисейска до Селенги — в 3 месяца; от Селенги, сказывают, путь до Китайского государства — 4 недели. Итого будет во всем из Тобольска — 4 месяца до Китайского государства. Также мунгальские, государь, тайши, которые живут меж Китайским государством и Селенгинским острогом, в прошлые годы присылали к тебе, великому государю, посланников своих и обещались тебе, великому государю, служить и говорили: буде ты, великий государь, изволишь послать в Китайское государство послов и посланников, и они учнут им давать корм и подводы и провожать их и всякое вспоможенье станут чинить до Китайского государства и назад; и оттого, государь, тот путь будет податнее.

Да oprичь тех людей, сыскал я (в Тобольске) казака, которого Данила Аршинский посылал в прошлые годы из Нерчинского острога в Китайское государство; а с ним было еще 5 человек казаков, товарищей. И они, государь, в Китайском государстве были и к тебе, великому государю, от китайского хана привезли лист, который ныне из посольского приказа со мною, холопом твоим, послан для вразуменья китайскому языку; а тому, государь, как прислан,

четвертый год. Тот же казак сказывал: буде какая препона учинится, что от Селенги ехать в Китайское государство невозможно, и тогда, государь, есть из Селенги [другой] путь, которым ездят на Нерчинский острог, откуда и они отпущены в Китайское государство. А ходу, государь, до него, Нерчинского острога, 10 дней чрез твоих, великого государя, ясачных людей, и от Нерчинского острога до рубежа Китайского государства ездят чрез твоих же, великого государя, ясачных людей только 5 дней. А в порубежном китайском городе живет князец — воевода того же города, который и по-русски умеет, и тот князец с 60-ю человеками китайцев провожал тех казаков до самого Нерчинского острога, и лист, который послал к тебе, великому государю, Данило Аршинский, отдал от китайского хана тот же князец в Нерчинском остроге. И после того, государь, тот же князец приезжал в Нерчинский острог трижды и спрашивал: есть ли от великого государя на богдыханов лист отповедь. И для того я, холоп твой, посоветовался с боярином и воеводою Петром Михайловичем Салтыковым и, взяв господа бога на помощь и пресвятую богородицу и твоими, великого государя, праведными молитвами и счастьем, пойду водою чрез Селенгу; только, государь, ожидаю полой воды. А из Тобольска пойду рекою Иртышом и Обью безо всякого мотчания на Енисейск и из Енисейска на Селенгу. И боярин Петр Михайлович Салтыков с товарищами готовит суда и провожатых и что надобно в пути, чтобы никакая мешкота не учинилась. И уповаю на бога, что скорым временем после Георгиева дня отпущен буду из Тобольска, и я, холоп твой, к тебе, великому государю, отпишу. Да и для того, государь, холоп твой водою пойду, что прежний путь знаем как дальний и опасный. А буде, государь, сей водяной путь вельми податен и полезен твоим, великого государя, посланным и торговым людям, и чаю, государь, можно тогда сыскать и водяной путь до самого Китайского государства. Когда ж, даст бог, приближусь к порубежным городам, и из Тобольска, государь, боярин и воевода Петр Михайлович Салты-

ков с товарищами о моем, холопа, приезде пошлет наперед, в Енисейск и в Селенгу, чтоб были струги и гребцы готовы.

2. Отписка из Самаровского яма от 10-го мая

Из Тобольска, государь, отпущен я, холоп твой, мая в 3-й день рекою Иртышом на трех дощаниках. И приехал мая в 5-й день на Демьянский ям и того ж числа, переменяя гребцов, поехал тою же рекою Иртышом. И мая в 8-ой день приехал на Самаровский ям с великою нуждою, оттого что бури великие северные супротивные и стужи великие [были], а река Иртыш поперек и глубиною, что Дунай. А от Тобольска до Самаровского яма по росписи,— что я, холоп твой, расписал деревни и реки, и Остяцкие юрты, и идолов их, и всякие иные урочища,— будет водяной путь верст с 500. А ночь здесь насилу 5 часов, и то светла. А отселе, государь, недалеко река Иртыш впадает в великую реку Обь. А от Тобольска, государь, и до Оби реки рекою Иртышом гребут вниз воды, а Обью, государь, ехать мне против воды, и потому грести нельзя, а перебегают парусом. И север останется на левой стороне, где Иртыш, совокупясь с великою рекою Обью и с иными многими реками и переменя имена иным рекам на свое имя— Обь, пространним течением, будто море, впадает в Океанское северное и ледяное море и чинит предел между двумя частями света, меж Асией и Европой; и то, что от Обь реки на левой стороне есть, то все земноописатели считают Европой, а что на правой стороне, то Асией считают. И я, холоп твой, ныне оставляя Европу на лево, к западу, перебегаю парусом во Асию, направо, к востоку, Обью рекою против воды, моля преблагого бога, который дал толикую препространную власть над Европою и над Асией тебе, великому государю, вашему царскому величеству (как иному из христианских монархов никому не дал), дабы распространил царство и государство вашего царского величества и над иными частями света и победоносцем объявил.

А всем рекам и урочищам учиню я, холоп твой, подлинный чертеж и роспись (хотя со мною и чертежника нет), и как аз, даст бог, вашим, великого государя, счастьем по благополучном совершении вашей, великого государя, службы возвращуся к Москве и твои, великого государя, пресветлые очи увижу, тогда обо всем, что ведется, превысокую ведомость тебе, великому государю, объявлю. И едуци отселе, и впредь из твоих, великого государя, городов и острогов учну писать к тебе, великому государю, для ведомости моего пути.

Писана на Самаровском яму мая в 10-й день. И под тою отпискою прислан чертеж и тот чертеж вклеен в столп¹.

3. Отписка из Сургута от 24-го мая

Едуци от Самаровского яма, государь, Обью рекою до Сургута, во многих местах встретили меня льды самые великие, что горы, и снега и стужи такие, что понудили меня, холопа твоего, стоять с дощаниками у берега и обороняться лесом и бревнами ото льдов, чтоб дощаников не разбили. И ехал я подле берега меж льдов до Сургута потихоньку, покамест Обь ото льдов очистилась. И мая в 23-й день приехал я, холоп твой, в Сургут.

4. Отписка из Нарыма от 5-го июня

В Нарым, государь, приехал я, холоп твой, июня в 4-й день, однако ж с великою нуждою, оттого что по Оби реке было великое наводнение и разлилось по полям и по лесам, будто море; и погода сильная, и стужи и снега по нынешнее число. И в Нарыме, переменя гребцов, поехал чрез Кетский и Маковский острожки до Енисейска июня в 5-й день; оставляя Обь реку направо, к полудню, поехал Кетью рекою налево, к востоку.

¹ По словам Ю. Арсеньева, чертежа в архивном столбце не оказалось. (Прим. ред.)

5. Отписка из Енисейска от 18-го июля

Поехал я Кетью рекою к Енисейску, июля в 7-й день приехал в Маковский острог и, взяв подводы в Маковском, поехал через волок, сухим путем, в Енисейск того ж числа. А в Енисейск приехал июля в 9-й день. И, приехав в Енисейск, сыскал твоих, великого государя, служилых людей и гостя Евстрафия Филатьева, человека Гаврила Романова, которые в недавних днях приехали из Китайского государства чрез Селенгинский острог,—потому что они в прошлом, [7] 182 году, в августе месяце поехали из Селенгинского острога степью через Мунгальскую землю в Китай с торгом,—и сказали, государь, мне, холопу твоему: как они приехали в порубежные города Китайского государства, и спрашивали их, какие они люди и есть ли у них твоя, великого государя, грамота. И они сказали, что приехали с торгом из порубежных городов. И китайцы им не верили, были в подозрении, чтоб за ними не было войска, и оттого их под тем городом задержали пять недель, покамест посылали проведать по всей степи. И как проведали, что никакого войска нет, отпустили их в Китайское государство, в город Камбалык¹.

И дали им в Камбалыке подворье и позволили торговать, только торг их был зело некорыстен против прежнего, оттого что у китайцев началась война с Никанским царством. И то Никанское царство не иное, опричь старого Китайского царства, потому что ныне лет с тридцать завладели Китайским царством татары, а поколение царское бежало в дальние приморские китайские страны, и то ныне называют богдыхановы татары Никанским царством². И ныне собрали они никанские войска, и посылал против них богдыхан дважды по сорок тысяч, и все побиты никанскими. И ныне собирают новое войско и хотят посылать на никанцев. И в Камбалыке говорили им тайно русские перебежчики, что если бы были в Даурах

¹ Пекин.

² Речь идет о покорении маньчжурами Китая. (Прим. ред.)

твой, великого государя, ратные люди, тысячи с две, то ныне можно бы в подданство привести под твою, великого государя, высокую руку не токмо всю Даурскую землю, но и все, что есть до самых китайских высоких стен, оттого что ныне богдыхан в великом бессилии пребывает, от казаков имеет великий страх и в великом смущении от никанской войны.

И они возвратились назад в марте месяце тем же путем, которым ехали в Китай, в Селенгинский острог, и ныне идут к тебе, великому государю, к Москве и объявят обо всем, что они в Китае видели и слышали.

А в Енисейском, государь, сыскал я, холоп твой, послов мунгальских, которые едут к тебе, великому государю, к Москве: два от Кутухты ламы жреца их духовного чина, потому что он, Кутухта лама, начальник их веры до самой Индии; а другой посол от Учюроя Саи — хана мунгальского, а третий — от брата его, с небольшими поминками, по их обычаю; и дали мне, холопу твоему, письмо к Кутухте ламе и к хану мунгальскому, буде мне случится путь через Мунгальскую землю, чтоб учинили всякое вспоможенье.

И ныне я, холоп твой, июля в 18-й день поехал из Енисейска вверх Енисеем рекою; и того ходу будет дня с два, а потом идти Тунгускою рекою до самого до Байкальского моря, вверх же по воде. И как я буду у Байкальского моря, буде успею ранее осенних погодей, тогда можно ехать через твоих, великого государя, ясачных людей до самого китайского рубежа, минуя всех чужеземских владельцев. А буде, государь, захватит меня погода осенняя, тогда никакими мерами перебежать парусом прямо в Баргузинский нельзя, оттого что море зело лютое и сердитое, и каменистое; и когда, государь, бывает и пособная тишина, и тогда насилу перебегают парусом в неделю. Только, государь, поеду направо на устье Селенги реки: и то в пособную тишину можно перебежать в сутки, оттого что только губа морская лежит до Селенгинского устья и оттуда недалек и Селенгинский острог. И буде, государь, из Селенгинского остро-

га не будет какого-либо опасения, тогда можно мне, холопу твоему, ехать чрез Мунгальскую землю в Китай тем путем, которым ныне другие приехали из Китая. А буде какое будет опасение, и я поеду опять через Дауры, оттого что лучше и честнее ехать до самого рубежа Китайского государства через твое, великого государя, государство, нежели чрез иноземские, также и оттого, чтоб и китайцы узнали, что меж твоим, великого государя, государством и их государством нет иного владетеля и они соседи и порубежные с твоим, великого государя, государством суть. А из Селенгинского острога есть прямой путь, которым ездят через [поселения] твоих же, великого государя, ясачных людей и [твои] остроги до самого Нерчинского острога, минуя всех чужеземских владельцев до самого Нерчинского ж и до Даур; и так, или вышеописанным путем, или тем — безопасный путь будет до самого Китайского государства...

6. Отписка из Селенгинской заимки

В нынешнем, великий государь, в 7184 (1675) году, сентября в 6-й день писал я, холоп твой, к тебе, великому государю, из Иркутского острога, что пошел к Байкальскому морю рекою Ангарою. И сентября в 10-й день приехал я, холоп твой, на устье моря со всеми дощаниками, и сентября в 11-й день перебежали за море парусом. И как были среди моря, и в то время стал ветер и буря великая, однако же к самому вечеру впали в пристанище, в реку Переемную, а дощаник, на котором были дворяне и дети боярские, заметало ветром, от реки Переемной в днище, на морской берег. А люди из дощаника вышли в целости. Также и рухлядь от воды ничем не вредила. И на другой день посылал твоих, великого государя, служилых людей, и дощаник добыли и чинили. И починя, государь, привели дощаник в реку Переемную. И сентября в 17-й день из реки Переемной поехали на море, к устью реки Селенги, и, едуци, государь, были на море бури и ветры великие, и немного, государь, и разбило бы все дощаники, однако же, милостию божиею и твоими, великого государя,

праведными молитвами и счастьем сентября в 25-й день приехали в деревню, которая от Селенгинского острога в двух днищах, и того ж числа твоих, великого государя, служилых людей отпустил в Мунгалы для покупки верблюдов и коней. И как те служилые люди, купив верблюдов и коней, приедут, и я, холоп твой, из заимки пойду тотчас, не мешкая ни за чем, в Дауры, на Нерчинский острог. И отселе, государь, сказывают, что до Нерчинского острога ходу тихим ходом две недели. От Нерчинского, государь, острога до порубежного китайского города, из которого послан в прошлые годы лист к тебе, великому государю, от китайского хана, две недели ж, и путь все чрез [поселения] твоих, великого государя, ясачных людей, а не чрез иноземцев. И послал я, холоп твой, наперед себя к даурскому приказчику, чтоб он известил в порубежных китайских городах о том, что идет от тебя, великого государя, к китайскому хану посольство.

7. Отписка из Нерчинского острога от 19-го декабря

Сентября в 25-й день из Селенгинской заимки, собрав коней, поехал я сухим путем в Селенгинский острог, а водяным путем не поехал, оттого что до Селенгинского острога ходу две недели, а сухим путем — три дня, и было время осеннее и стужи, и водою ехать нельзя. И енисейских казаков, которые были в гребцах, отпустил я за море, покамест было им время переехать море в Иркутский острог. А я, холоп твой, собрав коней и из служилых людей человек 40, поехал степью чрез Мунгалы в Селенгинский острог для того, чтоб отпустить в Мунгалы для покупки коней и верблюдов, на чем бы подняться на твою, великого государя, службу.

И, едуци степью, встретили меня многие и разные во оружие мунгальские люди, человек по сто и больше, которых многие тысячи кочевали меж заимкой и острогом. И спрашивали, государь, меня, холопа твоего, какие де люди, что прежде сего таких людей не видали. И я, холоп твой, им говорил, что мы твои, ве-

ликого государя, люди и едем по твоему указу в Селенгинский острог для твоих, великого государя, дел посольствоваться к китайскому хану. А они говорили, не идем ли мы, холопы твои, войною, ибо видели оружие многое и панцыри; и я, холоп твой, им говорил, что ты, великий государь, желаешь мира, а не войны и чтоб они в Селенгинский острог для продажи пригнали коней и верблюдов. И, едучи, государь, в острог, служилые люди из оружия стреляли многое время, а они, государь, ко мне, холопу твоему, приезжали многие и били челом, чтоб из оружия впредь не стреляли, ибо жены их и дети и скот от того пугаются.

И как я приехал в острог, и они приехали многие, а с ними табунский лаба, которых в прошлом году даурские казаки погромили, и жалобу творил, что де невинны были тебе, великому государю. И я ему сказал, что они твоим, великого государя, служилым людям и ясачным многие обиды учинили, как и ныне мунгалы чинят и даурским служилым людям и ясачным, потому что в недавние дни мунгальцы отогнали из-под Селенгинского острога весь табун коней. Также и в прошлом году табун их коней и скот отогнали все же; и какая тогда дружба, если хан их посылает к тебе, великому государю, послов своих, а люди его беспрестанно твоих, великого государя, служилых людей и ясачных побивают и грабят.

В Селенгинском остроге жил я три дня и, видя, что мунгальцы в острог на продажу коней и верблюдов не пригнали и от острога откочевали в дальние места и не верили мне, что я еду для твоего, великого государя, дела в Китай, а будто еду на них войною, отпустил я для покупки коней и верблюдов твоих, великого государя, служилых людей из Селенгинского острога. И жили они в Мунгалах многое время, а ездили в дальние улусы и покупали дорогою ценою, поэтому в большой заимке стоял я ноября по 5-е число.

И как приехали твои, великого государя, служилые люди, искупя кони и верблюды у мунгал, и я из Селенгинской заимки поехал степью тотчас новым

путем, которым прежде сего никто не бывал, в Дауры. На другой день встретили меня десятник с двумя казаками, которых послал из Даур, из Нерчинского, Павел Шульгин и все служилые люди. И писали ко мне и словесно объявили про братских иноземцев, что тебе, великому государю, изменили и после того приходили силою и табун из-под острога отогнали, в другой раз коней у твоих, великого государя, ясачных иноземцев, у тунгусов [забрали]. И Контайша присылал в Нерчинский и просил аманатов и ясырей и хвалится войною. И оттого пристойно, государь, чтоб я поехал чрез Дауры.

От Селенги реки поехал степью в новый Даурский острожек, в Еравлю, а в Еравню, государь, приехал ноября в 19-е. А из Еравни приехал в Теленбинский острог ноября в 23-е. А из Теленбинского острога едуци, до Нерчинского острога за 4 дня, встретили меня нерчинские казаки, человек с 30, и сказали мне, что в недавние дни те же братские иноземцы отогнали всех достальных коней из-под острога, с тысячу, и казака одного увезли и оттого до острога ехать надобно с великим береженьем, чтоб мунгалы и братья на меня не ударили. И милостию божиею и твоим, великого государя, счастием приехал я в Нерчинский острог в целости декабря в 4-й день.

В Нерчинском, государь, остроге собрались твои, великого государя, ясачные иноземцы тунгусы, тебя, великого государя, благодарили. Гантимур князец и прочие благодарил, что ты, великий государь, изволил прислать посольство свое и рати для оберегания их и для установления мира с китайцами, ибо они от китайцев имеют великое опасение. А про иноземцев сказали: как эти слышали, что твои, великого государя, люди идут в Дауры вновь, и Контайша, и братья испугались и откочевали далече в степь по Онону реке.

И я, холоп твой, отселе взял подводы и вожей и поехал в Китай декабря в 19-й день на Наун реку, где живет воевода китайский, который в прошлые годы приезжал в Нерчинский и лист тебе, великому государю, послал. А сказывают, что тихим ходом до того

места ехать 3 недели. А наперед себя послал я, холоп твой, на Наун реку к тому воеводе еще из Енисейска даурского сына боярского Игнатия Милованова, который был еще прежде сего послан в Китай из Нерчинского, а из Китая с листом к тебе, великому государю, был послан к Москве; только, государь, Байкальское море его задержало, и оттого замешкался. А из Нерчинского, государь, острога отпущен он ноября в 9-й день к тому воеводе на Наун реку и по се время еще с отповедью не приехал, оттого что он поехал чрез Албазинский острог, окольную дорогою. Однако же я, холоп твой, не ожидая его отповеди, из Нерчинского острога поехал, ибо все иноземцы сказывают, что китайский хан от тебя, великого государя, посольства с великим желанием ожидает.

И, едуци, государь, к порубежным городам, буде какая встреча будет от китайцев и что учинится в порубежных городах, о том о всем учну я, холоп твой, писать к тебе, великому государю. А прежде, государь, сего не писал к тебе, великому государю, ибо чрез Байкальское море водяным путем из-за зимнего времени ехать нельзя, а сухим путем проходу нет, оттого что Байкал море ставится около Крещения. А отселе, государь, мне, холопу твоему, ехать есть большая река Аргуня, и до нее тихим ходом ехать 10 дней. Та река, как сойдется с здешними реками, с Шилкою и с Нерчею, меняет имя свое и именуется великой рекой Амуром, которая течет до Китайского моря. Та, государь, река Аргуня течет из превеликого озера Далая, и то озеро Далай больше, нежели Байкал, и в нем и киты морские есть. А кочуют, государь, там разные иноземцы. И отселе можно водяным путем ехать большими судами по Шилке до Аргуни и от Аргуни на Далай. И поэтому я, холоп твой, отселе взял казаков и, едуци, буду смотреть тамошние места, можно ли, государь, острог поставить, и я чаю, что чрез Далай можно сыскать водяной путь до Китая. И про то про все и про китайские ведомости учну я, холоп твой, писать к тебе, великому государю.

Китай

О П И С А Н И Е ПЕРВОЙ ЧАСТИ ВСЕЛЕННОЙ, ИМЕНУЕМОЙ АЗИЕЙ

в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями

Вся вселенная земли в нынешнем веке премудрыми на четыре части разделяется. Первая часть и большая именуется Азия, вторая — Европа, третья — Ливия. Четвертая — Америка, или Новый Свет, потому что не очень давно испанцами сыскалась. О тех трех частях света нам ныне писать не требуется, здесь точию об Азии напишем, в которой состоит и Китайское государство.

Азией именуется первая часть всего света, которая честнейшая есть всех иных частей, из начала избранная была. Имя же ее Азия принято от греков древле, ее же земноописатели нарекли по имени некоторой жены древней греческой. И от тех трех вышеописанных частей света Азия отделяется таким образом: от востока отделяется Океанским восточным морем, а от запада — Белым морем¹, которое и до Цареграда доходит. И после того протокою Черного

¹ Эгейского моря.

моря, тем же Черным морем и до Азова и от Азова рекою Доном вверх его, а от вершины Дона прямо идти до Оби реки, до Обского берега в Сибири. Также вверх по Оби реке до устья Обского, где пойдет Обь река в Северное Океанское море, а от севера отделяется Азия одним Океанским Северным и ледовитым морем. От полудня же разлучается Азия Индийским и Черным морем¹. Итак, что есть от устья Оби реки, идучи вверх по ней, также и с Обского берега, даже до вершины Дона реки, и до Азова, и до Цареграда, все, что есть направо, Европой именуется, а все же, что есть на левой стороне, именуется Азией. И того ради царствующий град Москва по большей части будет в Азии, нежели в Европе, и не токмо величиною Азия есть больше иных частей света, но и обилием всяким, что человеку надобно, наипаче же древностью превосходит все части, потому что в Азии рай сотворен был от бога, такоже и первозданные наши праотцы Адам и Ева тут же созданы были, и тамо род их пожил и до потопа. Такоже и после потопа из Азии разделилися все языки и жилия во иные части света: в Азии началась вера, обычаи гражданские, грады строить, письмо и учение оттуда началось. В Азии спаситель человечества изволил воплотиться и жить и за род человеческий умереть, и оттуда наше спасение христианское началось.

И оттого по достоинству иных частей света благороднейшая Азия есть, и хотя величиною своею Азия многие же и великие государства объемлет, потому что в длину 6800 верст, а в ширину 6100 верст, однако же ни единое государство изо всех сравниться с Китайским государством не может, потому что старее государство [это] всех иных государств.

Было у них гражданских обычаев и учений искусство, чего у иных ни у которых государств не было, а у иных было. Потом история и книги их начинаются прежде воплощения спасителя близ 3000 лет, и тому ныне 4544 лета, и еще тогда у них было учение, и звездословие, и иные старые инструменты, и книги в

² Красное море.

то же время деланы были, наипаче же уложение законов гражданских. И еще с того времени написано, как и поныне в старых их книгах явно пишется, и что много говорить, самые дела их и время объявляют, старину и благородие их показывая. Прежде же всех объявляют их дела шелковые, ибо пишут в древнейших их книгах, что шелк у них начали делать прежде воплощения 2800 лет, а от создания мира 2648.

И отселе учились все языки на свете деланию шелков, и не только шелк от них взят, но и художество ходить по морям матицами, такоже пушки великие и пищали лить, такоже и книги печатать, о чем ниже сего пространнее объявим. А для лучшего здесь разумения древности государства их напишем вкратце из летописца книги, их китайских царей родословия.

Глава первая

КОГДА НАЧАЛОСЬ ЦАРСТВО КИТАЙСКОЕ И СКОЛЬКО ИХ РОДОСЛОВИИ, И КНИГИ ИХ КОГДА НАЧАЛИ ПИСАТЬ, К ТОМУ ЖЕ И ЛЕТОПИСЦЫ

Нет такого государства на свете иного, которое бы любило паче писание и учение, яко же китайцы. И для того у них зело старые книги сыскиваются, в которых они пишут подлинно, не токмо как началось их государство и царство, но и обычные гражданские дела и уложения известно написаны суть.

И так в старых книгах их писано, что царство их началось лета от создания мира 2642, тому ныне 4545, прежде воплощения Христа спасителя 2867 лет. А прежде того времени, хотя и было государство их, однако же сами китайцы говорят, что прежде всего было подлинно у них написано. А с того времени почали царствовать и книги писать: и в первых пишут, что было у них подряду семь царей, один за другим выбраны вольным выбиранием из народа, и владели они по ряду лет 660 до 2207 прежде спасителя. А после того избрания царей были цари по наследничеству их.

И первый у них царь выбран был именем Ива, который родословие свое постановил и именовал Гия, и тако наследники его царствовали лета 439, от лета прежде спасителя 2207 до 1767 4 лет, и тогда то родословие скончалось и началось иное родословие царя Ксанга. И они царствовали лет 644, до пришествия Христова 1122 лета, и после того взял царство иной некоторый царь, именем Хева, и угасил вышереченное родословие, и постановил свое, и именовал по имени своем Хева. И оное родословие больше всех царствовало, потому что владели лет 856, прежде пришествия [Христа] 1122 лета, и пребывал до 266 лет прежде пришествия. И по скончании того родословия началось иное — именем Чина, и то только 60 лет царствовало.

После же того постановилось иное родословие именем Хана, и они царствовали лет 530, после пришествия Христова 264 лета; и после того стало родословие Кин, которое владело 155 лет, после спасителя лет 419; и тогда пять царей вдруг восстали, которые между собой великие брани учинили, покамест один из них всех одолел и постановил новое родословие, и именовал Танга, которые царствовали лет 195, до после спасителя 618 лет. И паки царство разделилось на многие части изменников, пока один из них всех преодолел и постановил родословие свое, и именовал Сунга, и они царствовали лет 660, до после спасителя лета 1278. И в то время было то родословие в великом богатстве и силе, однако же произволением божиим калмыки с мунгалами и татарами и с ними славный Чингис-хан, от которого родословия от Чюртин Хан и Аюка Тайша и иные суть. И те, собравшись с великим войском и пришедши, одолели все Китайское государство, и родословие Сунга угасили, и новое свое постановили, и именовали Иувену, и владели калмыки только лет 90, до 1368 лет после спасителя. И тогда в первых китайцы начали воевати и владетися иноземцами.

И с теми калмыцкими войсками приехал в Китай венецианец Марко Павел¹, который из Царьграда в

¹ *Марко Поло* (1254—1323), известный путешественник.

Персиду кораблями приходил, а из Персиды сухим путем в Китай, и он впервые писал книгу про Китай. А прежде сего и не знали в Европе, есть ли на свете Китайское государство или нет, и многие говорили, что тот Павел ложно написал.

После же того китайцы видели, что калмыки забыли храбрость свою, и опять собрались и выгнали всех из Китая вон, и выбрали своего царя, и именовали родословие Таиминга, и то родословие владело лет 277, до лета от пришествия Христова 1644 до наших времен, а тому ныне лет больше 30. Видя разных изменников в Китайском царстве и что царство разделили и разорили порознь восточные мунгальские татары и аюки, восстал живущий за большой стеною востока народ небольшой и незнатный, у которого и хана не было, рыболовцы, и именуются они джурджи, а нашими — джучеры. Тии, дед нынешнего хана, разбойническим обычаем в зиме по льду рекою за большую стену прошел, и после многих боев с китайцами завладели едва не всем Китайским государством и до сего дня владеют. Оные же нами и мунгалами, и калмыками, и бухарами именуются богдойские, и то имя они и сами не ведают от чего началось, ибо о сем нас в царстве своем вопрошивают, отчего зовем богдыханом, ибо из их рода первый китайский хан стал отцом нынешнего богдыхана именем Шунхи.

И тот по китайскому обычаю постановил новое родословие свое и именовал Тайцынга, которое и до сего дня в Китае царствует. А ради каких причин началась с китайцами война и какие бои чинили, и как завладели Китаем, и о том пространно писано в особой книжице о татарской войне¹.

И ныне государство Китайское здесь паки следует ко описанию, и первое начать нам подлежит, откуда началось имя Китая, и о сем зри в нижеписанной сей главе.

¹ М. Martini. De bello tatarico. Antverpiae, 1654.

ИМЯ КИТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ОТКУДА НАЧАЛОСЬ
И КАК ОНИ САМИ СЕБЯ ИМЕНУЮТ

Китайское государство многие и разные имена издревле и ныне получило, потому что старый и первый земноописатель греческий Птоломей именует китайцев сыны Хетей, также и Серика, се есть шелковое государство. Арапы же и турки, и кизылбаши, и индейцы именуют Китай Хатай Хуты, также и чина Мачин, а калмыки и бухары, и татары, и мунгалы, и мы, русские, именуем именем Китай; а немцы и голландцы, и португальцы, и гишпанцы, и вся Европа именуют их латинским именем Хина. И то чудо большое есть, что ни единого имени из тех вышеписанных китайцы не знают и не именуют себя теми именами.

А нынешнего века ученые люди именуют Китай последней Азией оттого, что сюда от Китая и до Оби реки нет Азии, а оттого что от Китая начинается царство и города и гражданские дела в Азии, потому что Сибирское царство, хотя и в Азии есть, однако же недавно начали селиться в городах, в крепостях и селах. Прежде сего иноземские люди¹ жили, как дикие звери, иные по лесам и по горам, другие же по степям кочевали без домового строения.

А нынешние богдойские татары, которые владеют Китаем, именовали китайцев прежде сего и ныне — се есть варвары, также именовали и никанами, то есть худой хлоп, и те два имени были в поругание китайцам, а прежде сего именовались богдойские. Того ради разумеют и сами китайцы, что те два имени поругательство им суть, но претерпевают сие, иных бо имен отнюдь не знают; а никанцы и наканское царство,— наши сказуют, что есть иное царство никанское за китайским, а то лгут, потому что то же царство китайское есть никанское. Токмо богдойские поругают китайцев, оттого что многие страны их полудневные не хотят в подданстве быть, и сначала еще

¹ Местное коренное население. (Прим. ред.).

бой учинили с богдойскими и доньне воюют. И оттого китайцев именуют богдойцы по разным именам никанов, се есть худым холопом. Напротив же того китайцы поругаются и именуют их варварами, сыроядцами и разбойниками. И есть великая недружба между обоими народами, как иногда худой народ турский завладел царством греческим напрасно, так и ныне худой же народ богдойский завладел неправедно пребогатым царством китайским.

Китайцы же сами себя и царство свое именуют Хунхуз, се есть средний сад или средний цвет, также именуют и Кунхве, то есть среднее царство потому, как они чают, что царство их среди земли есть, и иные государства на свете ни во что почитают, и говорят, что все иных земель люди варвары суть и глядят одним глазом, а они обоими. Царя же своего именуют китайцы Хоанкий, се есть миродержец, также и земной бог, потому что они не чают иного на свете царя, кроме государя своего, и те два вышесписанные имени у китайцев старые и обычные. Однако же по времени меняют и они имена многожды, смотря по царскому родословию. Также ныне и от богдойских [времен] царство их именуется Тайцынг, которое прежде того именовалось Тайминг, а прежде 18 лет именовалось Тайвенг, и то есть царство Иповагов, сие есть коноядцев, потому любят и китайцы весьма конское мясо.

Именем Хина называют их немцы и иные иноземцы; началось или от родословия царского чина, или оттого, что сионским языком Хина знаменует презрядные земли и преизобильность. А наипаче чают, что начиналось оттого, что есть город китайский именован Хинхей, и из того города китайцы выходят с торгом и торгуют в Индии и в иных странах с немцами и с португальцами. И от того города Хинхей именовали царство Хина, а у земноописателей великое есть согрешение и ложь и до сего дня, потому что они чают и пишут чертежи свои, что есть государство Китай или Хатаи, и иное государство есть — Хина и Хима, разделяется от Китая большою стеною, а за стеною,

где река ныне Амур и Шингал¹, и Сибирское царство, они пишут, что есть китайское государство превеликое, и те города, которые суть в Хине. Они же пишут, [что] тут, в Сибири, Камбалык Квинзое² и прочие, и пишут, что царствует над ними великий хан татарский; и Сибирского царства не зная, от Оби реки и до большой стены Китайской все под тем же ханом приписуют, и то все ложно, потому что сюда от большой стены и от Китая нет никакого царства и нет никаких городов, опричь мунгал, которые кочуют по их обычаю, иные — подданные богдыхану, а иные — и не подданные, а иных никаких людей жительства нет, как о том и прежде сего, а наипаче ныне сами видели, сюда идучи от стены, и спрашивали, потому что ни один народ русский не ходил в Китай разными путями и воротами, и оттого мы ныне лучше свидетельствуем самозрительно.

И для лучшего уразумения не токмо писали в книге, какие люди живут около Китая и около большой стены, но и в чертежи начертили, до Китая какие люди живут и какие реки и места суть, и все именно и подлинно писанию предали, как в чертеже объявлено будет; и оное дело новое, потому что Китайского государства чертеж знает вся Европа подлинно, знают и иезуиты.

А что от Китая сюда, к Сибири и к мунгалам, никто до сего времени не знал, как о том и иезуиты, будучи мы ныне в царстве, поговоря с ними, удивлялися.

Г л а в а т р е т ь я

КИТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО С КЕМ ГРАНИЦУ ИМЕЕТ И КАКОВ РУБЕЖ ЕГО, И КАКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Китайское государство с востока пределяет восточный Океан, и того ради море оное китайцами именуется Хантунг, се есть Восточное море, также и кречета именуют Хантунцынг, се есть Восточного моря

¹ Сунгари.

² Пекин.

птица, а ловят оную около устья Амура, а слывет у них — орел малый. А то Океанское море от севера к востоку, а от востока к полудню, а от полудня к западу едва не все Китайское государство окружает.

А с полуночи от богдойских и от иных народов мунгальских, которые живут около большой стены и реки Амура и Шингала, разделяется превеликою и преславною стеною, и тут приближается с рубежом к Китайскому государству Сибирское царство, чрез Нерчинский и Албазинский Даурские остроги. И та большая стена, о которой многие писали и хвалили, начинается от моря, от страны Леоатунга, неподалеку от Шингала реки, и в море валены будучи великие камни серые, где кончается великий нос морской Корея, который по-китайски именуется Хаосиен, и то государство — подданное китайцам.

И от того места строена та стена и идет чрез высокие каменные горы без урывки, и потом по степени простирается к западу на 1500 верст до берега великой Желтой реки, и после того паки возвращается к северу, и тут кончается, о которой стене ниже страннее напишем.

А Китайское государство после большой стены разделяется от мунгалов и от калмыков большими пустынными песочными местами, которые безводны, и пески бестравные во иных местах по десяти дней ходу держат. И об оных мунгалах и калмыках написали в татарской книжице пространно.

А от полудня Китай разделяется государством Сифан и иным, где приближается к Индийскому государству.

И тако в длину будет все китайское государство, по мере земноописателей, 30 степеней, и всякая степень по восьмидесяти верст. И тако длина будет Китайского государства 2400 верст, от морского носа Нинква до Амасийских гор, а в ширине 20 степеней, то есть 1600 верст, и то только считаем, что есть ограждено большою стеною, а за стеною многое место владеют мунгалы.

И так Китайское государство не так велико, как множественно городами и людьми наполнено, что во

оном не имеет на свете равности. А китайцы бо свое государство пишут на чертежах четверугольным. Иезуиты же лучше описывают, как луна не само полна.

Буде же станет кто смотреть постановления места того государства, может говорить, что аки иной свет есть разделен от вселенной, оттого что отовсюду приступы к нему нужные, аки бы от естества загражден от иных государств, потому что от морской стены берег мелкий и наполнен камнем тайным чащею. Также в том море непогоды живут суровые и вихри великие, и оттого великим и малым кораблям без вождя приступить не можно, а хотя и приступит, а пристанища не отыщет. Понеже от стороны северной — пустыни и горы и леса, а на горах великая стена, весь Китай окружающая. А с запада — пустоши песочные и превысокие горы Амасийские и до самого Океанского моря разделяют. И тем одолено есть и отложено Китайское государство от всех иных государств.

Глава четвертая

КОЛИКИЕ ДОРОГИ МОРСКИЕ В КИТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КАК ЕЗДЯТ В КИТАЙ МОРЕМ НА СУДАХ

Дороги в то Китайское государство хотя и нужные, однако же многие, и никогда так, как ныне, сскались. И первый путь морской нашли португальцы, когда они нашли восточную Индию и бережные страны взяли, и после того из Индии они плыли в Китай к приморской стране и город Квантон¹, тому ныне полтора ста лет и больше. И тогда меж португальцами и китайцами учинились ссоры и бои морские многие, и побито португальцев много, и взяли у них китайцы шесть кораблей великих, в том числе и посла португальца, которого задержали в Пекине в тюрьме, пока он умер; люди бо его обвинили, аки бы он лазутчиком пришел в их государство. И после того паки португальцы плыли в Китай, и, будучи на море,

¹ Кантон.

взял их ветер великий и унес к японскому превеликому острову и государству: прежде бо сего никто не слышал на свете про японский остров, о котором напишем особо.

Португальцы же приехали вторицею в Китайскую страну Хвантунг и помирились с китайцами, и начали торговать в Китае, и потом, видя китайцы корысть от того торга, позволили португальцам в той стране на море, на острове, крепость строить, те же великую крепость построили и именовали Макао, который ныне город великий стал у португальцев, и в нем многие служивые люди живут, тут же бискуп и многие митры католические, и иезуитов множество. И оттуда по всему Китайскому государству ходят к Японскому острову и к иным островам. И так от того времени начали торговать китайцы морским и сужим путем и живут в мире между собою и до нынешнего времени, только та страна Хантон против богдойской взбунтовалась.

Из той страны фарфоры и иные китайские товары чрез Персию и Индию в Царьград привозят. Ныне же, тому лет 30, голландцы, видя корысть португальцев, посылали в Пекин в Китайское государство послов своих морем же трижды, чтоб постановили между собой торг. Однако же, потому что противостояли [этому] из Макао португальцы, а в Пекине — иезуиты, голландцам китайцы в торге отказали и говорили им, что хорошо сделали, приехавши, а гораздо бы учинили лучше, чтобы и отнюдь не приехали.

Сие видя, голландцы, что послов их позорят и в торге отказывают, перестали посольствоваться, а говорили про них португальцы, что они морские разбойники и от них никакого добра ждать. И только два государства те христианские доселе пословались с китайцами морем, и тот путь морской первый есть в Китай, а из голландской или из португальской земель морем-океаном год плыть до Китая или и меньше, ежели какие погоды потребные будут. Только бывают нужды по морю от непогоды и от воды, и от иных, и потому многие умирают на дороге. Однако же морской путь имеет многие города приморские ки-

тайские и крепости с пристанищами, и оттуда ходят китайцы с торгом в Индию, и индийцы ходят же в Китай морем.

Голландцы же держат близ тех стран. остров на море именем Фромоза¹ и оттуда приходят в украинские города и втайне торгуют с китайскими воеводами. И та первая дорога в Китай морская — к разным городам и пристанищам, и можно ходить тем путем и до самого стольного города Пекина морем, и потом четыре дня большою рекою вверх до того же города Пекина.

Другой путь морской в Китай, хотя еще не знатный, однако же подлинно есть, потому что на устье реки Амура, где падает в Океанское восточное море, лес есть великий и всякий, из которого можно суда какие-нибудь делать и морем ходить в Китай, и оттого бо места недалеко и до Китая, только же одна трудность есть, что нос морской великий государства Кореи обойти и прийти в страну Леоатунг и потом в Тиенжин город², пристанище более всех в Китае. И от того города рекою только 200 верст до Пекина. А от всего Китайского государства чрез тот Тиенжин город ходят морем и реками в Пекин.

А на устье Амура реки, по левой стороне, море мерзнет, а на правой — только берег один, а далее пучина не мерзнет, и оттого можно всегда плыть в Китай тем людям, токмо тем еще морским путем никто не ходил в Китай. А казаки наши, которые прежде, 20 лет до сего, воевали с китайцами на Амуре и на устье Амура, сказывают, что от устья Амура вверх плыть два дня, где есть место в утесе акибы копано, и на том месте нашли колокол китайский повешен, более 21 пуда, и тут нашли в трех местах китайское письмо в каменных скрижалях, и иноземцы сказывали нашим казакам, что в древних летах некоторый царь китайский ходил из Китая по морю на Амур и тут для признака и воспоминания покинул то письмо и колокол.

¹ Тайвань.

² Тяньдзинь.

И тем путем морским не только в Китай можно ехать, но и в Японский великий остров, где больше 100 рвов серебряной руды копаются, потому что из устья Амура от высокого камня видится далеко на море остров великий, и тут иноземцы шляпы будто немецкие из того острова принесли казакам, каковы носят японские жители; португальцы и иезуиты там многие живут.

Тут же, недалеко от устья Амура, нашли наши казаки разбитый великий корабль немецкий, какие ходят к Архангельскому городу¹, и тот знак есть, что неподалеку и Китай и Япония, ибо ходят беспрестанно с торгом португальцы в Японию. А когда казаки были на устье Амура, гиляки², народ, который живет при море, сказали казакам, что от устья Амура по берегу морскому можно ехать в семь дней в каменный китайский город, где серебро рождается. Казаки же из-за малолюдства не смели ехать; также гиляки сказали, что и реки большие падают по той стороне в море, и о том напишем в описании реки Амура.

Кроме тех путей, иного морского пути в Китай нет, потому что англичане и голландцы неоднократно трудились, чтоб от Архангельского города Северным океаном ездить в Китай позади устья Оби и Енисея и иных сибирских рек, и тот путь гораздо был бы близок и подателен ходить с торгом в Китай и в Индию. Но никакими мерами не возмogli проехать, оттого что летом по морю ходят льды великие, а зимою глубоко мерзнет, также и темнота на том море есть, и оттого многие корабли разбиваются, а иные и назад возвратились, однако же и ныне трудятся проведывать оную дорогу. Но определил бог север стужою крайнею и темнотою, где только удивляться человеку, а видеть нельзя, и там, пишут мудрые, акибы бездна морская есть под самую северную звезду. А иного пути морского нет в Китай, и не только морского, но и реками пути не сыщется

¹ Архангельск.

² Нивхи, народность, живущая у устья реки Амура и на о. Сахалин.

в Китай ехать, потому что две реки великие, которые в Китай текут пониже Пекина, и оные текут из степи, где мунгалы и калмыки живут, и лесов и городов нет. Кроме того, все Китайское государство от устья Амура реки ограждено горами великими, каменными и стеною до песочной пустыни до Гобей¹; а реки, которые текут с того камня, те, что вершины за камнем, текут прямо в Китай и оттуда в море. А те, что вершины их по сю сторону камня текут, или в Амур, или в Наун, или в Шингал, или в Далай, а ни единая река не проходит чрез камень в Китай. Только, едуци мы ныне от Науна, на половине дороги в Китай пришли к реке Шара Мурин в полудни, а к вечеру пришли к иной реке — Лохану, и обе те реки совокупляются, и бывает река велика, и течет сквозь камень и большие стены. По той реке по льду ходили богдойские и взяли недавно Китай, и по той реке растет лес всякий, и жилья много, и можно суда делать, и в Китай проехать, в страны Леоатунг. И о том и асканьяма нам сказал и иные, что тут есть озерки и в них раковины, а в раковинах дорогой жемчуг сыщется, как и мы ссыскали.

А кроме оных путей, водяного нет, только, может, ниже Шингала реки, буде впадет какая река в Амур из Китая, или от устья Амура направо впадет в море, или в Далай большое озеро, или из Далая в Китай течет, но те места оставили будущим проведать; а те места и прошедшие пути довольно писали, и ныне о сухих путях напишем.

Г л а в а п я т а я

КАКИЕ СУХИЕ ПУТИ В КИТАЙ И КУДА ЕЗДЯТ РАЗНЫЕ НАРОДЫ ИЗ СИБИРИ И ИЗ ИНЫХ ГОСУДАРСТВ, И КОТОРЫЙ ПУТЬ ВСЕХ ЛУЧШЕ И БЕЗОПАСНЕЕ ЕСТЬ

Хотя прежде сего и многие пути были, через которые ездили разные народы в Китай, однако же ныне лучше прежнего и больше объявились от индий-

¹ Гоби.

ской и от персидской стран иезуитами и от севера, из Сибири, нашими русскими людьми. Первый путь сухой есть из Индии, чрез который ходили иезуиты в Китай для проведывания Китая от большого индийского царя именем Могола, и ехали они с большим караваном, людей до пятисот, и ходили больше года. Оный же путь зело труден и опасен от разбойников, и ехать пустынею и горами, как они о том пространно написали. И тот путь первый и крайне сухой, потому что Китай подле моря сухим путем из Индийской страны разделяется.

Второй путь есть, которым ездят из Персии, и тем путем можно ехать и из Астрахани, которым ездили иезуиты, но и бухарцы непрестанно ездят же чрез город Самарх и Туруфан, и Кабул, и иные бухарские города, также и через Балантола¹, где Далай лама живет. И тот путь зело нужен из-за безводных мест и песков, на многие бо дни возят с собою воду, и от безводия многий скот помирает.

Также страх велик есть от кочевных калмыков, которые громят караваны великие, как и в прошлых годах учинили, и тем путем приезжают в крайний китайский город Сукчи, где родится корень ревеня, и тем путем ездили и тобольские с бухарцами для ревеню, потому что тут сеют и продают ревеня, и оттуда весь ревеня в Европу приходит; а из Сукчи города до Пекина, до царства Китайского, возле большой стены, больше месяца ходу будет.

Третий путь есть обычный, байков², которым бухарцы и калмыки, и наши русские люди, и иные многожды ходили, из Тобольска до соленых озер по Иртышу дощаниками, а оттуда сухим путем калмыками и мунгалами до красного китайского города Кокутана, который строен за большою стеною на степи для бережения от калмыков, и оттуда в две недели ходят до Пекина.

Оный путь нужен безводных ради мест и опасен от калмыков, потому что часто между ними бывают

¹ Тибет.

² Ф. И. Байков, русский посол, направленный в Китай до Н. Спафария (1654—1656 гг.).

войны, и оттого караваны грабят, как и в прошлых годах, больше тысячи человек калмыки убили и разграбили. И те два пути вышеописанные можно проведать лучше от Люкая тайши, куда ближе и безопаснее, потому что и он из того колена степных калмыков, и те дороги тем разнятся, что приход разный есть, чрез стену большую разными воротами, а чрез иные места проехать нельзя, кроме того, где ворота построены у большой стены. А между теми дорогами есть и иные мелкие дороги, которыми ездят в Китай подданные их и порубежные мунгалы и калмыки, потому что многие ворота в стене есть, только те дороги большие, чрез которые обыкли великие караваны ездить.

Четвертый путь есть новый, ныне сыскан: от Селенгинского острога степью, чрез одну Мунгальскую землю, где Очерой Саин хан и Кутухта лама владеют, ходу восемь недель со вьюками, как в прошлых годах ходили торговые и служилые люди. Только небольшая нужда есть там, что не во многих местах воду с собою носят и дров не обретается, паче же всего опасно от кражи, потому что мунгалы по ночам крадут коней и верблюдов, и надобно беречь накрепко, а иного страха и опасения от разбойников нет, только поминки дать Очерою хану и Кутухте, и они дадут провожатых даже до Китая. И тут по край стены те дороги Тобольская и Селенгийская вместе совокупаются, и до Царства через одни места ездят.

Пятый путь есть в Китай — через Нерчинский острог в Дауры на Наун реку и оттуда в Царство, которым и мы ныне путем ехали. И сей путь ближе всех вышеописанных от Российского государства и от рубежа его, ибо от Нерчинского и до реки Науна, где живут жительством китайцы и дауры, можно ехать в три недели со вьюками на своем скоте, и тут воеводы дают подводы и корм даже и до Царства. Сколько же от Нерчинского до Науна, и столько же от Науна до Царства, и так можно ехать без всякого опасения от иноземцев, ибо до Аргуни реки живут ясачные государевы иноземцы, а за Аргуною неболь-

шие смиренные мунгальцы, которые больше боятся русских людей.

Итак, та дорога лучше, что от Нерчи и до Царства, везде воды и реки, к тому же и лес есть, а опасения и кражи никакой не имеется, да и поминков ни которому тайше не давать, корысть же в китайском торге останется русским людям, а не иноземцам. И ныне дорога через Бокальское море¹ на Селенге легче, не так, как прежде сего через Баргузин была, ибо ныне нашли мы с Селенги и до Даурских острогов новый гладкий путь по Уде реке, и ныне тем путем все служивые и торговые люди ездят из Сибири в Дауры, потому что через Баргузин море Байкал лютое и горы высокие.

Шестой путь есть — последний [из] всех сухих путей и от Российского государства последний и ближний, также и всех путей безопаснее, а от Албазинского острога и реки Амура до той же Науна реки и до жительства в десяти днях со вьюками ехать.

И тут между Сибирским государством и Китайским не живут никакие иноземцы и не ходят, кроме русских и китайских народов, и между собою торгуют, и зимою соболей по Амуру реке вместе промышляют, и опасения никакого нет. А из Нерчинского до Албазина плыть по Амуру реке на низ пятеро суток, а сухим путем — в две недели, а вниз Албазина плыть неделю. На низ же по Амуру до Зии реки плыть неделю же, и тут хотели ныне Албазинские казаки поставить острог. От Зии же реки до Шингала плыть на низ неделю же.

И тут, по тем рекам, родится виноград, хлеб и всякие овощи, и та же река Наун и Шингал, и по Шингалу многие подданные китайцы живут, а Шингал по-китайски слово Шунгоа. На устье же Шингала можно и острог поставить, и тогда китайцы не могут судами по Амуру ходить. Сыщутся же и реки такие, которые текут из Китая в Шингал.

Асканьяма, китайский боярин, объявил нам, что от Наунских ворот, чрез которые мы ныне в Царство

¹ Байкальское.

проехали стену большую, и до края большой стены, что начинается от моря, восемь ворот на большой стене, и через те ездят разные подданные китайцы торговать в Китай, иные же иноземцы никакие не ходят. А на Науне можно торговать китайским товаром, потому что наунские в Царство ходят непрестанно и дешевле продают, чем мунгалы.

Седьмой путь ныне объявился, новый, через мунгал Чечен хана и Далая, большого озера, о которой дороге асканьяма объявлял, что ближе ее нет, оттого что из Нерчинского до Далая ездят в неделю, и тут близ Далая живут подданные китайцы, хлеб пахут и ездят до Царства в телегах на быках в три недели. А на Далае озере можно острог поставить, а от Далая течет Аргуня, большая река, в Амур, и по ней можно судами ходить, и тамо близ Аргуни нашли ныне иноземцы руду прямую — свинец, и тут можно сыскать олово и серебро, оттого что ямы видятся копаны старые, и иноземцы сказывают, что родится и донныне. В Селенгинском остроге будучи, посылали для торга и проведывания той дороги людей к Себденю Контайше, который брат есть Чечена хана; и тот обещался, что можно государских людей провожать до Китая со своими людьми без всякого опасения хотя [бы] трижды на год. Буде со вьюками, в 5 недель ездят, а буде на конях, — в три недели, и хотя не начнут пускать в Царство, однако же можно торговать и на край большой стены, в заставном городе. И для того ныне послали служивых селенгинских с небольшою государскою казною к тому тайше, чтобы и ту дорогу проведать, одна ли с тою дорогою, которую асканьяма сказывал, что близ чрез Далай, или иная. Да он же, асканьяма, объявлял, что от Наунских ворот и дороги до Данайских¹ ворот — ходу неделя.

А от Далайской до Селенгинской дороги — неделя же, а от Селенгинской до Тобольской дороги — 10 дней, те дороги и ворота сделаны таким обычаем, что равным расстоянием едут все к стольному северному

¹ Далайский.

китайскому городу Пекину, который город построен для обережения [от] богдойских и калмыков и мунгалов равным расстоянием, от большой стены только верст 130.

Кроме же тех дорог и вышеписанных путей, не только из Российского и из Сибирского государств, но и из иных государств нет и не будут, понеже Китайское государство лежит по край и в начале востока и идет к полудню, и ни единое государство не приближается так близко, как Сибирское, наипаче же к стольному их городу, потому что от Албазина и до стольного Пекина города можно на конях в 3 недели доехать. А реками, аще бы были таковые, чтобы текли вниз по Амуру, и тогда можно и ближе быть, и такового дела бог время покажет.

Глава шестая

КИТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА СКОЛЬКО ГОСУДАРСТВ РАЗДЕЛЯЕТСЯ И СКОЛЬКО В НИХ ГОРОДОВ ВЕЛИКИХ И МАЛЫХ И НАРОДА

Царство Китайское, тому ныне лет 3900, от царства Шуна разделено было на 12 государств, после того от наследника его Ива — в девять, потому что тогда северные страны китайские были, ибо рубежом была великая река Кианг. А после того потихоньку взяли полудневные страны и научили их китайским обычаям и гражданским законам, и тогда разделили царство свое в 15 государств, которые и донныне так стоят. Имена же тех китайских стран по-китайски суть сии:

1. Государство у них есть Пекин, по имени царствующего града, которое именуется и Пехели.

2. Киантунг. 3. Киангиан, или и Алкинг. 4. Хикиан. 5. Фокиен. 6. Квантунг. И те государства все лежат близ моря Океана, и после тех начинаются те, которые далеко от моря стоят к северу: 7. Квансий. 8. Кианксий. 9. Гункван. 10. Гонан. 11. Ксанси. 12. Гак. 13. Сухуен. 14. Квенхеу. 15. И дальнее, недалеко от Индии, есть Иуан.

Кроме же тех 15, еще есть великая страна Леоатунг, которая близ Пекина, где начинается великая стена. Также имеет и государство Корею, которое есть нос великий в море, и тут хан есть, только поддан китайцам, и те два государства близ Амура лежат. Кроме же того, многие и великие суть острова, между которыми два большие и богатые:

1. Ханиан остров. 2. Хексан и иные многие к северу и к востоку, также и носы великие в море прилежат. Один словется Тунг, от которого до Японского острова ходят по морю 40 часов, а города превеликие и пребогатые во всех тех Китайского государства суть, числом 150, а меньше тех, только не малые же — 1226. Все же те города ограждены большими стенами каменными и шанцами, только, кроме тех, многие места и крепости, и замки, и села великие суть, что больше городов наших, и толикое множество есть, что и числа знать не можно. Токмо, одним словом сказать о Китае, что если бы была та стена большая обведена вокруг всего Китайского государства, можно бы было говорить, что весь Китай один город есть, понеже город от города в виду, и село от села ближе, и место везде жилое, а пустого ничего нет.

И из тех городов большие построены суть по берегам по большим рекам, по которым и судами ходят, и предместья их построены великие и прекрасные, и загородные дворы и сады, в которых китайцы летом гуляют. И ныне северные страны от татар разорились, однако же и нынелюдно, а что в полудневных — гораздо люднее есть. Большие же города от меньших не величиною разделяются, токмо воеводскою честью, по обычаю уложения их китайского.

Суть же и малые города больше и богаче стольных, потому что те стольные только единою честью превосходят, а людьми и богатством многожды меньше есть, числом же вышеписанных 150. Стольные же города именуют китайцы Фу, а меньшие города именуют Хеу, или Хиен, к тому же суть многие крепости и села великие, что множеством людей и богатством с теми городами равны, наипаче же те, которые они именуют Хин. А потому что не ограждены стенами ка-

менными и не имеют своих особых воевод, и владеются городами воеводами, оттого и именем городским не именуются.

А о множестве людей, что есть в Китае, и сказать нельзя, ибо не токмо по городам и по селам, но и по рекам и по всяким дорогам всегда великое множество ходит, аки войско или ярмонка какая. И оттого, как впервые португальцы приехали в Китай, спрашивали китайцев, не по десяти ли ребенков вдруг жены их родят, потому что видели бесчисленное множество людей везде. Также они говорили, что в Китае города есть ходячие, понеже по всем рекам великое множество судов, и на тех судах живут китайцы жительством и держат на судах свиней, уток и куриц, и всячину, и живет на одном месте по 1000 и по 2000 судов, аки города, и движутся на иное место со всем, где им любо, по разным рекам. И тако не меньше живут на водах, нежели на суше, наипаче же в полудневных странах, и на тех судах делают всякие шелковые дела.

Буде же поверим китайским подлинным книгам, в которых они истинно пишут людей всех стран и городов, сколько числом есть во всем Китайском государстве, и то кажется бесчисленным, потому что они прилежно пишут обо всех, что, кроме царского колена людей, и кроме бояр и начальных людей, и кроме скопцов и военных, и жен, и ребят, и жрецов их, мужского пола 58 миллионов, и 914 284, а во всяком миллионе по тысяча тысячей числом. А буде начнем исчислять жен и ребят, то соберется больше 200 миллионов, которое число китайцы всегда без всякой трудности могут знать, потому что обычай у них такой, что всякий жилец должен под смертным заказом пред воротами дома своего повесить таблицу, и на той таблице написано число и чин всех людей, которые живут в том доме. И над всеми десятью домами десятник поставлен, и именуют его Тифанг, и тот прилежно смотрит всегда то дело, и число всегда избирает, и подает воеводам. Сие же наипаче хранится тогда, когда война бывает, потому что, буде есть какой лазутчик или иноземец, тотчас тем сыщут. А бу-

де бы не было войны между ними и не вместилося бы в Китайском государстве людей, и то все учинилося от древности государства и оттого, что Китай страна здрава, и оттого моры и другие немощи не бывают.

Глава седьмая

КИТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПОД КОТОРЫМ НЕБЕСНЫМ ПОЯСОМ ЛЕЖИТ И ПОД КОТОРЫМ СКЛОНЕНИЕМ, КАКОВО Ж ИЗОБИЛИЕМ В ЗЕМЛЯНЫХ ПЛОДАХ И ПРОЧИХ

Царство Китайское хотя немного лежит под запаленным поясом, а большая часть его лежит под мерным и растворенным поясом. И так восходит от второго склонения до шестого, и оттого день большой, летний, восходит до 15 часов, а и 13 часа растет до 15, и то бывает на острове Ханиан, также и в государстве Пекина, и в Леоатунге. А понеже Китайское государство великое есть, и времени расстояния разные суть, как во иных землях, инде теплое, а инде же холодное пременение. Также и в Китае не везде равно, потому что в тех странах, которые лежат к северу, многажды стужи великие и снега, долго стоящие, бывают, также и реки льдом покрыты долго стоят. А в полудневных странах великие жары бывают, и оттого все индийские овощи тут обильно рождаются, а в северных странах не так, как виноград и иные овощи разные рождаются, а индийские не все из-за стужи.

Везде же Китайская земля весела, как при море, и на суше, поля и реки везде изрядные и деланы, и не можешь ведать отчества, так изрядные поля от китайского художества устроены, обилиями бо превосходят и красотою паче иных, и, одним словом рещи, что во иных землях разве особо сыщется, в Китае же все вдруг найдешь, и наудачу, что иных земель желал бы кто видеть, яко же Китай.

В Китае же многие вещи рождаются, которые нигде инде не рождаются, и можно говорить, что Китай на

земле есть, яко дорогой камень в перстне, и больше обрящешь богатства в одном Китае, нежели во всех иных землях, только пряные зелия из Индии приходят, и то так близко, что аки бы домашние из-за непрестанного в нем торга; и о Китае можно говорить [больше], нежели про Рома.

Древле некоторый философ сказал, что все иные земли да поступятся Китаю, потому что везде родится тут естество всякое, и, говорить поистине, все надобное человеку на свете к прохлаждению и к богатству там с излишеством обрящешь.

Ибо первое дело у китайцев постановлено: пашни паче всего наблюдать, и почитают их паче всех иных ремесл. Говорят бо они, без пашни человеку жить невозможно. И того ради пашенных они ничем не избегают, и о том у них крепкое постановлено уложение, ибо вся земля делана и пустого места мало сыщешь. Где же пески неплодные, там художеством своим они плодovиты делают. Также, где безводные места, там везде копаны протоки из рек и приведены в те места, и оттого везде китайцы могут ходить по суху и по рекам.

Хлеб же у них родится всякий, не только пшено сорочинское, но и иные роды многие, которых и у турков не имеется, ржи же и не сеют. Скота же у них всякого довольно, коровы, овцы, козы и кони, а наипаче свиней у них много, а род у них особый, собою великие, черные, уши большие, и без них никакого дому нет. Понеже китайцы иного мяса так сладко не едят, как свиное, и для того они гораздо их зимой и летом кормят до жирности, и вкусом наших сладче. У иных же суть и кони, и моки, и ишаки, и при том еще собаки, которых у бояр, как пиршество бывает, первее поставляют, и собачье мясо продается дороже иных мяс. Суть же у иных всякие птицы, гуси, утки, курицы и голуби и прочие, также боб и горох, и чечевица, и иные такое же множество суть. А луку, чесноку, редьки и моркови, и иные травы и того множество, не только разный род есть, что и по всей Европе такого нет, ибо они многие ничего не едят, кроме травы.

Рыбы у них весьма много есть из моря и из рек и озер, и в Пекине всякая рыба морская и разная, ибо из моря на судах живых приводят по рекам, они и рыбу кормят, как иного скота и птиц, ибо где сеют пшено сорочинское, тут везде копаны протоки с водою, и в тех протоках кормят всякую рыбу. В мае же месяце на судах маленьких рыб продают, и, купив их, кормят, пока вырастут, иных же во льду живых держат весь год, а иных солят и сушат, как и в иных государствах.

Шелку толикое множество у них родится в одной стране китайской, Хекеанг нарицаемой, нежели во всем свете, ибо по дважды на год черви ролят шелк. Пишут же старые их книги, что есть тому ныне 1500 лет, как начали в той стране промышлять, и то подлинно есть, что подлинно шелковому промыслу от китайцев и иные государства научились, и не токмо то одно, но и пушки лить, и ходить по морю матицами навывкли, также и книги печатать от китайцев в Европе научились. Потому что, когда калмыки и татары взяли Китай, с ними пришли в Китай патер Одерик и Антон, армянин, и Марко Павел, венецианец, и подлинно они в Европу из Китая те художества принесли.

А бумажного семени нет больше 900 лет, что и китайцы от иных приняли, однако же ныне множество родится того, что можно всего света людей платьем бумажным одевать. Есть же у них и лен, только не умеют такого полотна делать, есть и конопель, из него же летнее платье строят. Шелк же собирают они тот, который, аки паутина, по деревьям и по траве весится, и из того делают платье же крепче прямого шелка.

А овощей суть в Китае, всяких ягод великое множество; есть такие, что в Европе не только не родятся, но еще таких и не видали, токмо аминдали и оливы нет. И оное изобилие, которое в Китае есть, наипаче родится от рек и от озер, также и от китайского художества и работы их, реки же и озера многие и частые, которые, опричь рыбы, напояют пшеничные пашни, ибо по дважды сеют и жнут. К тому же, через

те реки и озера везде ходят и торгуют между собою от города до города. И от города Макао португальского, больше 2500 верст, все ходят на судах, только один волок ходу на день, к тому же и из Хикианга и до Сухуен через всю длину Китая на судах ходят же. И ни единого города нет в Китае, чтобы не было при нем реки или протока копанного судового.

Руд бесчисленное множество и всякие, также зело богатые и обильные, а золото и серебро под смертью заказано и постановлено у них, чтоб не копали из земли, ибо они говорят, где де руды родятся в земле, тут живут и пары такие смертные, что причиняют людям моровое поветрие. И потому царям надобно наипаче радеть о здоровье людей, нежели о богатстве золота и серебра, ибо золото и серебро делано ради людей, а не люди для золота. И оттого золото непрестанно копать запрещено, и портить землю, и людей губить, а золото вольно всякому из речных берегов и из песков собирать.

И тако множество у них есть золота, которое у них не вместо денег ходит, и продают оное золото, как иной товар, и меняют вместо денег, потому что печатных денег нет, чтобы не чинилось воровство, только льют то сребро коробками маленькими, и плиты льют. Серебро оное весом весят ланами, а лана, по-нашему, весом восемь гривен, а в лане — десять чинов, что у нас — 10 золотников, а в золотнике их будет восемь копсек. Только же и у них в серебре воровство многое чинится, понеже мешают свинец и медь, и оттого всякий человек имеет при себе вес и ножницы, и теми серебро режут и смотрят. Но, хотя о том и заказ крепкий у них есть под смертью, однако же, не смотря на то, воруют.

Также родятся у них, кроме золота и серебра, иные всякие руды. Се есть ртуть, медь красная и желтая, олово, свинец, железо, киноварь, квасцы и иные всякие краски. К тому же, у них делают такую белую медь, будто серебро, и ту дороже продают желтой меди, и из желтой меди делают они деньги величиною как двойной золотой, и именуют они их чосы, и ходят

на лану серебра по 1400, и на те часы всякие мелочи покупают, а из железа льют пушки и колокола, и котлы, и прочие.

Глава восьмая

КАКАЯ У КИТАЙЦЕВ ВЕРА И ОТКУДА ОНИ ПРИНЯЛИ, И КАК В ДРЕВНИХ ВРЕМЕНАХ ХРИСТИАНЕ БЫЛИ

Трегубая есть вера китайская, ибо на три статьи разделяется. Первая и старейшая есть философская. Вторая — идолослужительная. Третья — эпикурская или безбожная. И у китайцев те три статьи именуются Санкао, се есть трегубное учение, однако же философская честнее оных двух и словом и делом, потому что люди той статьи или того чина владеют всем Китайским государством, потому что в философии у них бывают бояре и воеводы, и начальные люди. А простых и неученых к чести отнюдь не допускают.

И по-китайски та статья или чин философский именуется Юкяо, и тот чин познает, что на свете краснейшее начало, и то почитают вместо бога.

Ибо многие их книги философские древние пишут, что есть небо, и есть краснейший царь, и тот есть, кто всем миром правит, и пишут, что естество и существо его не знают. Также и как почитать его, недоумеют, и оттого они рассуждают, что лучше его ничем не почитать, нежели почитать и согрешать. И того чина люди иного ничего не делают, кроме того, что всегда смотрят и радеют, как можно лучше править и владеть народом, обычаи и всякие нравы добрые прилежно учить, и разделяется философия их на трое, ибо о трех делах труждаются. Первое — о небеси, что и какое есть, второе — о земле, что есть и какая. Третье — о человеке, что есть он и каково надобно ему быть, и говорят они, что в тех трех статьях весь мир держится, и для того именуют те три статьи санкай.

О небеси же учат они, что родится все, что есть на свете, от неба и портится от него же. Как небо

движется и звезды, и тако причиняют на свете дожди и прочая. Учат же и о звездословии и календари сочиняют, а о земле учат — о землемерии, о пашне и о прочем. О человеке же учат, что надлежит обычаем и нравом последовать, ибо человек — животное словесное и разумное, и то учение о человеке разделяется на пять статей. Первое — об отце и сыне, как надобно сыну послушну быть отцу, пречудное и несравнимое пишут. Второе — о муже и о жене и о брате, и как надобно между собою жить. Третье — о царе и подданных его, как им быть послушными ему и как царь любит их, яко отец. 4. О друзьях, что есть дружба и как им между собой жить. 5. О братьях, как надобно большему любить меньшего, а меньшему как быть послушну большему.

Кроме же тех пяти статей, еще есть у них 3000 приказаний об обычаях и нравах и гражданских добрых делах. И во-первых, о вере и разуме, смирении и храбрости, и воздержании, наипаче же о терпении и правде, к тому же паче ту добродетель хвалят, когда человек, сам себе рассуждая и познавая себя, иного не осуждает; и та у них краснейшая добродетель. Тот чин не радеет о том знать, что впредь будет, а наипаче учат настоящие дела [ибо даже] что видит человек своими глазами, [и то] едва может добро править, [сколь же] труднее невидимое и будущее править и разуметь. Также научают все добродетели прилежно делать, душевные и телесные, и так говорят, всегда добро делай, не ради какого воздаяния или хвалы, но ради того, что на свете нет иного дела лучше того, нежели добро делать, полно тебе и та честь, что можешь добро творить.

Суть же такие у них приказания многие, что и древние наши философы не токмо [не] написали, но и во сне не видали.

Вторая статья, или чин идолослужительский есть, который у них именуется Ксекиао, и та прелесть пришла в Китай после воплощения Христова, она же разделяется на двое, одно — душевное, другое — телесное. Душевное учит, что душа человеческая после смерти внидет в таких зверей или в скоты, которые

суть подобны нравам и желаниям того человека, и тут наказуется. И потому учат, чтоб всяк воздержанье имел от всех желаний; они же учат, что по смерти человека нет ничего, ни воздаяния, ни наказания. Такоже и на сем веке ничего нет: ни правды, ни истины, ни зла, ни добра, токмо, как нам кажется, так оное и есть. А другое телесное идолослужение учит: первое, что идолам поклоняться, также когда душа после смерти человека войдет во всякий скот и зверей, и тут ради грехов своих наказуется; и что живет на свете, ничего не едят из-за той веры китайцы, и вера их смешная, они и сами жрецы их посмеиваются о том, только изобретена для того у них, чтоб народ боялся и делал доброе, а от грехов хранился.

Третья статья есть, или чин эпикурский, который ни бога, ни идолов не знает, только говорят, что нет на свете лучше того, как всегда прохлаждаться. К тому же бесчисленные лекарства и ества вымышляют ко всяким телесным наслаждениям и прохлаждениям и обещают, что чрез лекарство могут делать и человека, чтоб не умер, и всегда того ищут; большая часть их есть волхвы, и та вера их и чин хуже и скарденейше всех в Китае есть.

Чин же философский христианскую веру любит, оттого что и они также учат добрые дела творить, а от злых храниться, и оттого склонны в христианскую веру, и многие из них ныне католики суть. Приняли же они, китайцы, философскую веру от начала света после потопа, как и иные языки, как приняли, так и держат сначала и до сего дня. А те два чина по разным временам приняли из Индии и от иных разных пограничных народов, потому что в Китае всякий человек, что может, то и верит, и какую веру хочет, таковую и принимает, о том ныне и заказу нет, меняют многие свою веру в один год многожды, как им полюбится.

Христианская же православная греческая вера была в Китае и проповедывалась вначале в Индии старым апостолом Фомой, и из Индии чрез наследников того апостола проповедана была и в Китае, и великое множество христиан было в Китае, и был мит-

рополит под Александрийским патриархом, как о том пишется в древних соборных правилах, а подписался он [как митрополит всея Индии] и Хины, се есть Китай митрополитом.

Также и Марко Павел венецианин пишет, что при нем было в Китае множество христиан, к тому же не в давних летах нашли мраморные скрижали, а в них вырезаны были сирийским языком письма, им же ныне лет с 1000, что в Китае была вера христианская и архиепископ, и церковный чин был же, и иные признаки многие суть, что были в Китае, конечно, христиане.

И видели иезуиты у китайского боярина колокола медные, и на одном был крест вверху сделан, и около него было письмо вырезано греческое, и просили у него иезуиты, чтобы продал или дал переписать письмо оное, но тот ему отнюдь не продал и списать не дал. Также нашли и раки такие в реках, которых прежде сего никогда не видали, и на спине у них начертан был крест белый, и иные признаки многие такие христианские недавно в Китае почали быть. И иезуиты толкуют то, что в скором времени будет Китай в католической вере, потому что и в Америке, в Новом Свете, прежде пришествия католиков такие же признаки объявились, также и во Японском острове. Мы же толкуем, что помощью божиею и царского величества счастием скорым временем в Китае будет православие греческое, и о том в ином месте напишем.

В Китае же жили долгое время христиане и умножились, а после того враги христианской веры — бусурманы и бухарцы — оклеветали христиан китайским боярам, будто хотят они бунтовать и Царство взять. Оттого над ними гонение великое учинилось, иные казнены были, иные же от христианства отрицались, иные врознь разбежались. Церкви же и монастыри их в капища идолам переменили, тому уже ныне лет больше 100, и от того времени, убоявшиеся оказаться христианами, не смеют. А в Индии есть больше полутора ста тысяч христиан и доныне, в Китае же есть католиков больше 100 000, потому что

во всех стольных городах иезуиты и их костелы, только в одном Пекине больше 20 000, ежедневно прибавляются.

Г л а в а д е в я т а я

КИТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВЛАДЕЕТСЯ ЦАРЕМ ИХ И БОЯРАМИ, И СКОЛЬКО У НИХ ПРИКАЗНЫХ ПАЛАТ, И СКОЛЬКО У НИХ В ГОД ДОХОДОВ СОБИРАЕТСЯ

Китайский хан самовластный и единоначальный есть, ибо един он владеет над людьми и над всем богатством их, и что он хочет, так и делает, и оттого совершенная монархия есть, и царство их идет по наследству от отца к сыну. Когда же у того царя детей не останется, тогда избирают из тех, которые ближние царской крови суть, а когда суть дети, тогда большего сына избирают на царство, а прочие дети все имеют имя и честь ханскую, власти же ни над чем не дают, только каждому дают великий город и палату со всяким строением и удовольствием. Также служба и расход у него все против ханова, токмо никакой власти над городовыми не имеет, притом и серебра, что на расход ему надобно в год, всего ему вдруг не дадут, чтоб он не учинил никаких бунтов, но в три месяца подают уроком. И из того города вон выходить заказано под смертною казнию.

И так только от одного и по рассмотрению его владеется все Китайское государство, что никому не вольно без его ведома тронуться. А бояре и воеводы и все начальные люди от него одного посылаются во все Царство.

Приказов у них или канцелярий, которые владеют всем Царством, построено в самом китайском городе Пекине числом шесть больших да к тому в прибавку девять меньших. Первый приказ у них есть, в котором ведают начальные люди, как у нас разряд, и в том приказе отпуск есть всем боярам и воеводам, и называется по-китайски липу. Второй — доходов и расходов, и тот именуется гупу. Третий у них есть чиновный, и тот знает всех приходящих чужеземцев и по-

сланников, и весь чин их и обычай, и именуется у них липоу. Четвертый, где воинские и служивых людей дела управляются, и тот именуется у них пинкпу. Пятый приказ есть, который ведаёт всеми строениями городскими и домовыми, и ханскими и всенародными, и тот называется у них кинкпу. Шестой, в котором всех виновных судят и казнят смертью и иным наказанием, и то именуется у них гинкпу.

Но хотя у них есть и иных девять приказов, меньше тех, как мунгальский, так и астрологийский, аки бы дворцовый, однако же они под теми же шестью приказами бывают, ибо те шесть приказов не только всякими делами всего государства ведают, но и вся дума, которая у них есть, все в них содержится, потому что из всего государства воеводы пишут о всяких делах в те приказы. В первых бо пишут к хану, и тот по своему рассмотрению, в который приказ хочет, и посылает то дело, и они, рассмотря дело, подлинно удумают, и после думы пишут в письме свое намерение и подают хану, и он по своему хотению, как покажет, так и делают.

И из-за множества дел и чтобы не чинилось в делах какое погрешение, избирает хан из всего государства небольших крайнейших философов умных, и тех держит хан при себе, и именуют их хановы помощники, а чин по-китайски колао, или кансианг, то есть правителей помощники. И те колао в Китае первые люди после хана, и о всяких делах когда думает хан, и они при нем предстоят, и они во всяких делах ему советом пособляют, и только они хана китайского видят, а иные бояре отнюдь никогда же, и то редко в Китайском царстве.

Но хотя китайский хан и гораздо нечасто из своей палаты вон выходит, однако же всегда он знает о всем государстве и о воеводах всех стран, как живут и что у них делается, ибо хан ежегодно посылает от себя человека аки бы посла во все китайские страны. И тот имеет великую власть от хана и надсматривает над всеми воеводами, и проводывает прилежно о всяких делах, и после того по-прежнему прихо-

дит к хану, и на письме ему подает обо всем, что видел и слышал, и тогда он о всем рассуждает.

И воистину глаголати, на свете нет иного государства такого, где бы так трудились, как китайцы, чтобы лучше и правдиво править своим государством, и едва не лучше ли всех иных правят, потому что сколько тысяч лет есть, что китайские философы не труждались в ином деле так, как возможно сыскать лучше путь такой, чтоб государство их правдиво и непорочно править и содержать. И Китай есть то государство, о котором древние мудрецы говорили, что то государство есть счастливое, в котором философ царствует или царь яко философ делает, ибо всегда с великим рассмотрением и разумом царством своим правит и владеет.

О доходах же, которые идут китайскому хану, хотя можно и не верить из-за множества, однако же надобно знать и то, чего в Китае нет, ни один человек есть, который бы хотя пядью земли владел, а хану бы не дал дани.

И оттого превеликие доходы собираются, что, кроме всех расходов ханского двора и [двора] братьев и кроме того, что расход чинится в воинских делах, собирается в казну ежегодно китайскому хану больше 60 миллионов червонных золотых, а во всем и с прогорами ежегодно собирается в казну больше полутора ста миллионов червонных золотых. А из той казны такое у них есть постановление, что и сам хан не может взять без ведомости тех, которые постановлены начальниками к казне, токмо все, что есть, собирается на одном месте. А когда надобно хану, тогда на письме посылает и просит у тех начальников казны, сколько ему потребно и хочет, в чем уже отнюдь не смеют отказать ему. Однако же те доходы ныне, при владении богдойских, из-за непрестанной службы zelo умалилися, однако же и ныне еще великие доходы бывают, оттого что они возьмут со всех стран десятую часть со всего, что родится на земле.

К тому же и хан их имеет места такие, где про-

дают всякие товары и вещи и самую мелочь, и иные у них суть разные вымыслы, от которых великие доходы казне их собираются.

Г л а в а д е с я т а

КАК КИТАЙЦЫ ИМЕНУЮТ СВОЕГО ЦАРЯ И КАК ПОЧИТАЮТ ЕГО, И КАК ЖЕ НАЗЫВАЮТ БОЯРЕ ЕГО, И ЧТО ИМ ОТ ЦАРЯ ЖАЛОВАНЫЯ .

Китайский народ как превосходит иные народы в разных делах, так и в почитании хана своего лишни бывают, ибо именуют его Тиенку, и тем именем они называют бога, небо и сына неба. И хотя они своего хана и богом земным нарицают, наипаче же иноземцам, когда к ним с посольством приходят, однако же они больше чают, что он сын неба, но не тако же, что он родился от неба, но оттого, что он выбран от неба и от всех, что есть на свете, людей и воцарился среди всей земли в Китае. Ибо они чают, что государство их стоит посреди земли, а народ весь называет его Хоанктих, се есть миродержец, или земнодержец, и тем разделяют от небесного царя, которого именуют Ксанктий.

Первый же китайский царь именовался Хоанктий, который царствовал до пришествия спасителя за 2697 лет, и оттого что он был царь храбрый и достойный и царствовал счастливо, и все наследники его тем же именем именовались, и не только наследники, но и все бывшие по ним китайские цари и до сего дня Хоанктии именуются, как у немцев и у римлян от первого кесаря все бывшие и донныне сущие кесари именуются.

Чины боярские в Китае многие суть, иные древние китайские, иные же прибавили татары богдойские, как взяли царство их. И первый чин у китайцев и ныне у богдойских есть колаи, о которых написано выше сего, что они помощники хановы, потому что хотя есть и братья хановы и имеют честь великую, и называются ханчики, однако же они в дела народа не

мешаются, только живут в палате своей со всяким удовольствием, караульщики у них стоят с сулемами, с копьями и с сайдаками, также и у всех бояр и начальных людей караул пред воротами стоит же.

Другой чин у них есть ториханба, и того чина люди бывают только те, которые суть племянники хановы, и те не мешаются же в дела гражданские, только они владеют войском и посылаются против неприятелей воеводами, и оттого они всегда перед ханом ходят с сулемами. Колаи же и чиновные люди все без сулем ходят. И тот признак, что те воинские, а другие гражданские; также и племянники хановы носят на шапках павлинье перье, и наперед шапок некоторый признак золотой, и оттого знается, что племянник его, и то павлиное перо носит и комната ханова.

Третий чин есть у них алихамба, и тот чин владеет приказами теми меньшими девятью, ибо в тех шести приказах больших по колаю владеют, и те алихамбы перья носят же.

Четвертый чин есть у них асканьямы, и те в больших и в меньших приказах сидят по два и по одному, и они в приказах суть, как и у нас думные дьяки, ибо пишут молодые подьячие, а справливают старые, и после того смотрят дьяки и думные люди, и они не прочитывают уже, а как чтут, аки бы поют.

Пятый чин есть у них дзаргучей, как у нас дьяки, и тех во всех приказах помногу живет, каков приказ ни есть, и посылаются по всяким делам к послам и посланникам. Они де приставлены и в город, как возьмут послов пред хана или к столу, все они ходят. Когда же посылаются далее на службу, тогда именуют их мантамами, и тот чин дзаргучеев есть у них меньше всех, а в меньших приказах которые сидят, и иные из них суть, и тот чин уже ханом пожалован, и именуются алихахавы, как был пожалован некоторый иезуит, который у нас был приставлен, ибо он был в том приказе начальником, где словословие непрестанно смотрит.

Всех же тех бояр и начальных людей китайцы единым нарицают именем фолфу, а иноземцы называют их мандаринами, то есть повелителями, ибо они

с великим повелением владеют над теми, кто приказаны им. А толикое множество бояр и начальных людей есть в Китае и столько чинов, что невозможно человеку все разуместь, и потому каждые три месяца печатают книгу и в ней пишут имена их, отчество, чин и степень всех китайских бояр. И то дело зело им надобно, ибо кто хочет о чем бить челом или писать к ним, и тогда ведает имя и чин его, и было время такое, что было чиновных их людей 11 000, кроме тех меньших, которые не все в книге пишутся. Всяк же из них чин свой бережет и знает, как почитать друг друга по чину своему. А когда они посылаются воеводами, тогда они великою властью владеют над людьми, и никто против них противиться не смеет. Когда же они посылаются на то воеводство, тогда не только ссуды им всякие из казны даются, но все, что им потребно к дороге, и посуду и корм, притом же еще и челяди, и, одним словом, что им надобно, все из казны дается. А когда будет им перемена, тогда всю посуду и что было дано ему из казны, вольно ему без всякой порухи себе взять, а новому воеводе из казны же, что ему надобно, все вновь выдается. Жалованье же боярам и чиновным людям всем идет на год по толику лан серебра, каков и чин его есть, прежде бо сего, при китайских царях, было им жалованье великое, а ныне при богдойских, из-за беспрестанной службы весьма уменьшилось, и едва в половину против прежнего дается, ибо тогда давали со излишеством, ныне же дают, чтобы только было кормиться ему честно.

Большие бояре, как ходят в город, носят [их] на носилках покрытых, а носилки построены, как чину его надлежит, и пред ними и за ними людей ходит множество и кричат, чтобы отступались с дороги. Аще ли по случаю встретится с ним боярин меньшего чина, тотчас с коня слезет, также и простые люди то ж чинят, и с коней и с ишаков всякий слезает, покамест он пройдет. Также и перед ханчиковыми дворами, где они живут, с коней слезши, проходят, а меньшего чина люди ходят на лозах и на конях и так же, как встретятся, почитают друг друга взаим,

как чину его надлежит. Серебра у них на уздах или на седлах, или на иное что не кладут, только медь или железо позолочено, а посуды серебряной у них довольно, и честные люди из серебряных пьют и едят.

Имя богдыханово отчего началось, никто не знает, потому что асканьяма нас спрашивал, отчего зовем богдыханом, и мы говорили, что слышим от калмыков и от бухарцев, и от вас самих, ибо и вы сами его именуете тако же, и знатно то, что имя сие мунгальское, как еще был в тайшах и не взято было Царство их. И как взяли Китай мунгальцы, опять тем же именем его по-прежнему называют, к тому же бухарцы и калмыки и мы, слыша от них, так же называем, а китайцы того и не знают, но хотя и называют, однако не очень они любят того называть тем именем, а отчего, мы не ведаем.

Г л а в а о д и н н а д ц а т а я

КАКАЯ ПРИРОДА КИТАЙЦЕВ И ЛИЦОМ КАКИЕ СУТЬ, И КАКОВЫ ПРИРОДНЫЕ ИХ ОБЫЧАИ, И К ЧЕМУ НАИПАЧЕ СКЛОННЫ

Еще в древних книгах писал Аристотель о асианском¹ народе, что азианцы разумнее суть европейских народов, а европейские народы гораздо храбрейшие суть азианцов. Подобно же и ныне о китайцах таковые речи можно говорить нам, ибо китайцы пред нами, европейцами, суть в храбрости, аки жены перед мужьями, а в разуме гораздо превосходят, потому что зело превосходят остроумием, ибо хитрые вымышленники, лукавые обманщики, и ко всякому делу догадательны, и всегда тому рады, как бы обмануть иноземцев, чтобы тем показали, как превосходят разумом своим все иные народы. И потому всегда притворяются, будто препростые суть и правдивые, дабы тем иных обмануть, к тому же непостоянны, всегда смотрят, чтобы корысть получить, но правда,

¹ Азиатском.

что труждаются и работают непрестанно, голода же ни часу не могут терпеть, до полудня как им не есть, чают, что уже умрут.

Телом они весьма легки, пеши много ходят и на себе много носят, летом же наги до пояса и без шапки на солнце в жару стоят на пашнях, на полях и в городах, и работают так, что невозможно больше того о них сказать. Люди собою здравы, еще из молодых лет привыкают к работе, а больных людей или расслабленных и нищих гораздо мало у них увидишь. Все, что есть, хотя малое нечто, не попустят они потеряться и собирают лоскутья кожаные малые и иное что-либо, всякие кости, перья, волосы всякие, еще же и самый скареднейший от всяких скотов кал собирают, и из того они вымышляют и делают себе корысть.

Но хотя они и богаты суть, а не стыдятся тем торговать и говорят, что лучше есть корысть, нежели честь. Торговые же у них зело хитрые и лукавые, все радеют обмануть, и не стыдятся они просить, что стоит рубль, за то и сто, ибо как много оговаривано было их, для чего так бесстыдно просить дерзают, и они на сие ответственуют, ты де дай меньше того, ибо и я словом у тебя не взял оногo, также и в покупке по тому ж с уменьшением дают. Но только еще назначится утренняя заря, и они, вставши, работают и ходят по улицам, и кричат, продаючи всякую мелочь и всякий товар.

Натурою же они суть таковы: лицом иные белы, как и европейские, только нос тупой, бороды редкие, глаза маленькие и долгие выпучились, и лица широкие, четверугольные как у мужей, так и у жен их. Ежели же у кого красные и черные волосы, того весьма не любят, и страшны им кажутся такие волосы, и ни единого человека [не] увидишь с такими волосами.

Разум же их и хитрость показывают всякие шелковые дела, которые к нам приходят, также посуды фарфорные, сундуки, писанные золотом и своею олифою, которую именуют цые; также и иглою шьют всяких птиц и зверей, как бы живых. Еще же у нас

ходят худые их дела: кости, дерево, корольки, янтарь, ямша и всякие крепкие мраморы, и дорогие камни, которые гораздо режут и алмазят. Делают они из смолы янтарь литой, что не познаешь, аки бы неприродный, делают же и стекло из сорочинской пшеницы весьма светлое, только не так, как наше, и скоро бьется. Пишут и живописное, только худо, не умеют бо еще мерить и краски творить на олифе. А птицы и всякие цветы не так красками, как шелком вышивают гораздо выше живописного. А понеже они нашли прежде наших искусство пушки лить, порох делать и книги печатать, и матицы морские, и иные множайшие художества.

К тому же, и то показывает хитрость их, что есть у них птица домашняя, аки ворон, шея у нее долга, ту птицу научают они ловить рыбу, как собаки зайцев, и кладут на шею ожерелье железное, чтобы она рыбы большой не проглотила, и так они ловят рыбу носом, и когда великие рыбы берутся, и одна другой пособляет, и люди собирают рыбы в лодку, за всякую же птицу хану дань платят.

Благодеяние же все по природе любят, и те, которые делают, хотя они во многих скаредных делах валяются, однако же гораздо бережно делают, и всячески вымышляют, чтобы никто ничего не догадался. Превосходят все народы в почтении родителей и учителей своих, потому что сказуют, не послушну ему быть им и не служить во всем, досадить в чем-нибудь — грех смертный есть. Хотя честь у них и меньше учеников, однако же всегда ученики почитают их и дают честное место им, и что им надобится просить у них, не давать им — смертный грех, сказуют. Ничего у китайцев так не мерзко, как слово или дело, или признаки такие, в которых есть свирепство или ярость, и оттого они всегда гнев в ненависть таят и притворяются во всяких делах, и никогда не носят с собою никакого оружия.

Оружия же они и всяких воинских дел гораздо не любят, потому что, говорят они, оружие носить и войны делать — разбойническое дело, а не челове-

ческое, ибо человеку подобает жить между собою в совете и смирении, а брань и война — звериный обычай, а не человеческий. Имеют же служивых людей китайцы, точию они воинских людей ничем не почитают и к тому еще и поругаются, наипаче же у них учение в чести немалой имеется.

А пражданские дела, и почитание между собою, и посещение паче всех иных народов хранят, и всегда честное место дают старейшим. Гостю подают тому, который приехал из дальнейшей страны, не почитают они никого отчеством или именем, только столь старейшие, его позовешь, и столь честнее ему, однако же во оных названиях имеют они степени свои. А что же попросту «я» или «ты», те речи только говорит господин к слуге, а они между собою весьма учтиво повитаются, и знает всякий свою степень.

Привыкают же с молодых лет, как говорить с другими и как назвать себя и иного, а в гости между собою часто ходят и ко всем приходящим гостям благодатнейше суть. И во всех поступках, в хождении и в славе весьма смиренны, что лучше невозможно тому быть, наипаче же начальные их люди, философы постоянство, учтивость, смирение и крайнюю доброту показывают. На улицах кричать или пьяну ходить, или шуметь, или глазами играть, то у них признак есть злого человека, а божиться или скверных слов отнюдь не услышишь. Когда же между собою витаются, руки вместе складывают и стоят оба равно, и кланяется один другому, говоря по своему языку «джа джа», учтивее ж «джинг», и правую руку держит гость. А когда ходят, с левой стороны держат, чтобы маخالкою не отнимал ветер от другого, ибо каждый человек летом в руках носит махальце от жары. И оные вышеписанныя речи, чтоб знал всякий о прямых китайцах, которые и никанцами именуются, написали. А богдойские, которые ныне владеют Китаем, иные имеют обычаи, как о том писали в книжце о татарах.

**КАКОЕ У КИТАЙЦЕВ УЧЕНИЕ И КАКОЕ У НИХ ПИСЬМО,
И КАК ИХ ПОЧИТАЮТ, И КАКОЕ У НИХ ДОХТОРСТВО,
И КАКИМ ОБРАЗОМ ЛЕЧАТ,
И КАКОЕ КОРЕНЬЕ УПОТРЕБЛЯЮТ**

Учение их и грамоту и как почитают, из сего можно познать, что ни одного человека нет, который бы был неучен и неграмотен. Ибо невежу и простеца не припустят ни в какое хотя бы малое начальство, а кто больше учен есть, и толь наипаче большую честь получает, и от учения у них всякое благородие начинается.

Не сыщешь и между мужиками, который бы до пятнадцатилетнего возраста грамоте не обучен был, и не сыщешь такого, который бы писать не умел. И так в Китае не смотрят благородия и не смотрят того, кто от кого родился, кроме родословия царского, тот бо у них благороднейший есть, который учнейший, и тот большую честь получит, который грамоту больше знает, хотя он и от простых людей родился.

И хотя они так учение почитают, наипаче европейских, однако же небольшое у них учение, ибо, во-первых, грамматики не имеют, ни риторики, ни философии, ни иного учения, кроме звездословия, и то несовершенно, потому что они смотрят только знать впредь будущее. Философия же у них есть древняя, написана только та, которая научает добрые нравы иметь, и о всяких добродетелях добре они написали.

И всяко труждаются к тому, как лучше народом править, однако же гораздо остроумны суть, ибо иезуиты многие книги перевели на их китайский язык, как цифирные, землемерительные и иные прочие поучительные, и они изучились. Многие книги напечатаны у них о дохторстве и домостроении, и об иных многих художествах; а что же в дохторстве, искусство большее есть у них, нежели у наших дохторов.

Но хотя наши превосходят их учением, ибо многие из наших диспутуются и думают, а они лучше и скорее лечат всякие болезни, и имеются у них книги многие дохторские, в которых в лицах написаны вся-

кие травы, коренья, камни. Также всякие болезни и признаки их и лечба, и все, что надобно дохтору, жгут, что им надобится, и травы и корения варят и дают больным. А что жилу отворить и кровь пустить, отнюдь того они не делают, а когда видят, что кровь лишняя, тогда они лекарством прохлаждают тело и постом убавливают кровь, и дают на том пример сицевой: когда котел кипит и пловет, тогда не надобно из него уху лить, только надобно огонь убавливать, и тако устоится. Таким же образом и кровь человеческую надобно убавлять и прохлаждать; и такоже смотреть жилу гораздо превосходят наших дохторов, и имеют они множество премудрых приказаний. И так они в том весьма искусны, что от смотрения жилы познавают всякие тайные раны где-нибудь.

И познавание жилы у них на всякой руке на шесть частей разделяется, три признака больше да три — меньшие, и всякий признак разделяется на всякую часть тела. Первое — к сердцу, другой — в селезенке, третье — к желудку, так и прочие ко иным частям. А когда дохторы у больного жилы смотрят, тогда смотрят более получаса, так что скучно бывает больному и пристоящему, однако же тотчас познает болезнь у человека и в которой части тело болит, и прямо рассуждают и лечат легко.

Дохторов же алхимистов в Китае много, и обещаются не только золото из олова и из иных делать, но и бессмертие обещают лекарством человеку получить, и тако [и] в европейских странах предивно лгут, и многих безумных, которые хотят скоро обогатиться от них, обманывают. Корений же и трав у них всяких множество, а дороже всех и прехвальнее корень есть гинзен, который родится неподалеку от устья Амура реки, и именуют его так, ибо всякому человеку он пристойит, и именуют [тот корень] гин, что по-китайски [значит] человек. И тот корень варят и дают тем, которые слабы от долгой немощи, и великую помощь подает. Такоже многожды раз и тем помощствует, которые при смерти лежат, и исцелевают, а если же здоровому человеку дать, гораздо вредит, ибо

умножит пары телесные и кровь умножает. Продают оный корень весьма дорого, за фунт того корня дают по три фунта серебра, и нет такого китайца, чтобы не было у него такого корня. Также и иные многие корни продают в аптеке во всякие лекарства, которых иных и в Европе нет.

Письмо характером китайцы пишут, как первый царь Фохии вымыслил после потопа в 300 лет, когда еще владели сыны Ноевы, и характер их не таков, как у иных народов,—слагается литерами. Ибо они вначале вымыслили писать о воздухе и всяких птицах живописью, и что на водах всякие рыбы, на земле же всякий гад и скот, а после же вымыслили также писать покороче, иным характером, или начертанием, а потому что у них нет никакого письма, только признаки такие живописные, всякий знак держит одно слово.

И потому столько у них признаков таких, что, который из них не зело научен, тому уже подлежит не меньше 80 000 признаков знать, а ежели кто больше знает, и учение ему больше есть. Однако же всякому человеку, который хочет несовершенно знать, по крайней мере не меньше 10 000 признаков подлежит ведать. И тако надобно иметь великую память, ибо трудность немалая, потому что у них ни литер, ни сложения нет, только сколько слов и речей знать, столько надобно и признаков знать, и оттого они почитают ученых и всякую им честь отдают, ибо ведают они, что с великою трудностью учению их и грамоте научаются.

Пишут они не пером, как наши, только живописуют кистью, как малюют живописцы, а чернильниц у них нет, только чернила на камени трут и тут, собирая кистью на бумаге, пишут живописью оные признаки. Пишут же не так, как наши,—прямым характером на бумаге, но начинают сверху, будто столп, и сходят на низ. А когда читают, тако же, как турки, от права на лево обращаются, и чтуще, аки поют по своему обычаю, будто песни.

Везде же у них по воротам и на дверях, и на стол-

бах письма китайские на бумаге приклеены, в которых пишут разумные речи и притчи свои, и всяк мимоходящий прочитывает.

Г л а в а т р и н а д ц а т а я

КАКИЕ У НИХ ПРИРОДОЮ ЖЕНЫ И КАК ОНИ ЗА НИХ СВАТАЮТСЯ, И КАКОЕ У НИХ ПЛАТЬЕ, КАКИЕ ЖЕ У НИХ ЕСТВА И ПИТИЯ

Жены у них возрастом против мужей гораздо малы, а лицом чисты и красивы. Они же наипаче у жен смотрят красоту не на лице, точию на ногах, которая у них имеет малые ноги, та и прекрасна есть. И того ради, только еще родится женский пол, тотчас ноги стесняют и свяжут всячески, чтоб отнюдь не росли более, и так у китайцев у жен их ноги маленькие, как ребячьи, что едва могут ходить. Еще же смотрят, чтобы была малого возраста жена.

И то удивительно, что в таком разумном народе сицевой худой обычай прившел, что теснят женские ноги, и оттого они муку великую терпят, чтобы тем угодить мужьям своим. А буде кто спрашивает их, для чего так утесняют ноги, и иного ответа не могут дать, кроме сего, что древний у них обычай, тому ныне 2800 лет и больше, по примеру царицы Махией, царя Хей, который в то время царствовал в Китае, ибо та царица с младенчества утеснила ноги свои, и оттого что малы ее ноги, так прекрасная стала, что после смерти ее между богинь китайских исчисляется. И с того времени и донныне все жены китайские так ноги утесняют, что и они красивейшие будут.

Иные же говорят, что то дело они творят по приказанию мудрых людей, чтобы женам не ходить по улицам не добровольно, но и по нужде, но сидеть в доме, и из-за такого стеснения ноги их всегда больны бывают.

Сватаются они гораздо разным обычаем от нашего. Который скуден из народа, жену от родителей ее купит и, когда хочет, ее продаст; а честные и богатые

Люди тако: муж дает приданое жене, а родители женины против того же дают или и больше того, а ни жених не видит невесты, ни невеста не видит жениха, и никакого разговора между ними нет до времени, пока родители между собою чрез посыльщиков переговоят, и так сватовство проходит. После же того затворяют невесту на носилках, и многие люди провожают, зажегши свечи, хотя [и] в полдень, приносят к жениху и дают ему ключи [от] носилок, и он сам отмыкает, и какова она есть, примет. К тому же, еще при жене мужу держать наложницу невозбранно, а буде умрет его жена, возьмет другую, по ней и третью, или сколько он хочет. А ежели которая жена детей не родит, и то у них весьма позорно и несчастливо им кажется. Жены, которые овдовеют, чтобы они жили честно. И тем вдовам, которые живут честно, сделают столпы каменные и пишут на них вирши похвальные им в вечное воспоминание, а жены честные по смерти мужей своих никогда замуж не ходят. Невозможно же сказать, как китайцы держат взаперти жен своих, и так берегут по природной своей ревности, что не токмо когда она со двора идет, но и где в доме живет в великом бережении.

К тому же и дома у них так построены, чтоб она отнюдь не видела кого и ее не видел бы никто, и оттого не часто им позволяют со двора ходить. А буде когда нужды ради поволит сойти, то есть у них нарочные такие сделаны носилки, и в них затворяют так крепко, чтобы ничего не видела и никто бы ее не видел же, и так ее отпускают.

Платье у них женское безмерно хорошее, и так покрываются, что, кроме лица, иного ничего не видеть, только мало ноги не прикроет, для того чтобы виделось то, в чем они красоту быти чают, се есть ноги. А платья их шиты шелком, всякие птицы и цветы на них вышиваны, головы вяжут разными цветными связками, а между связок кладут каменья дорогие и весьма пригожи оттого бывают. Руки свои хранят в рукавах, которые, как и платья их все, шелковые, а из рук у человека взять что жене, нет такого обычая, но кладут на стол, что подают, и оттуда они покрытыми

руками возьмут. А тешатся жены в Китае всякими птицами, есть же у них кошки пестрые, которыми они всегда утешаются.

Мужское платье широкое, и рукава широкие же, платье долгое, до земли, и наперед, как и у озяма, под пазухою пуговица, а цветы любят черные и вишневые, и одежды их честные, сказати правду, как у старцев, а богдойские носят по своему обычаю мунгальское платье.

Китайцы же волосы свои отнюдь не убавливают и еще, сколько возможно, растяг, и ежедневно чешут, и собирают их в узел вверх головы, и имеют они сетки волосяные, и тою вяжут волосы вверх головы своей, и шапку носят круглую из камыша или из иного чего плетеную, всякий по чину своему такую и шапку носит, и от той шапки чин его познается. А бояре и чиновные люди носят платья особые, всякий по чину своему, как надлежит по древнему их обычаю.

Ествы у них разные и хорошие, и никогда они не едят руками или ножом, но есть у них две спицы толщиной в лебязье перо, и теми они зело искусно едят, а делают они те деревянные и костяные и из иных материй, а все, что есть еств, жестоко раздробят порознь, и всякое мясо или иное что едят теми спицами на фарфоровых посудах или ценинных зело чисто. Есть же у китайцев стулья и столы, не так, как у иных азиатских народов, ибо у них сесть на землю, говорят, что мужики и варвары так сидят. Они же садятся на стулья хорошие, аки на немецкую статью деланы, на столах и на скатертях едят, и мню, что вся Европа от китайцев взяла тот обычай, понеже китайцы старее всех европейских иных народов.

Питие у них разное есть, которое делают из сорочинского пшена и из иных, а винограду у них много, вина же виноградного не делают, ибо у них делают вино из пшена, из иных же — иное питие, что именуют тарасун, есть же иное, аки романея. Китайцы же всякое питие теплым пьют, а холодного отнюдь, хотя бы вино или чай, или воду, или иное что, а наипаче чай беспрестанно пьют. И к тем теплым питиям привыкают с молодых лет и зело хранят здравие, понеже

тем жажду гасят и всякие мокроты сушат, и оттого они отнюдь не плюют, и камень внутри у них не родится, также и камчужной болезни нет, руки не болят, ни желудок, и гораздо здоровее бывают, нежели наши европейские. Богдойцы же варят еще чай с молоком, с маслом, с мукою и с солью, и то именуется чай богдойский, а китайцы чай варят только с одною водою.

Г л а в а ч е т ы р н а д ц а т а я

КАКОЕ У КИТАЙЦЕВ ГОРОВОЕ СТРОЕНИЕ И КАКИЕ У НИХ КОЛОКОЛЬНИЦЫ, КАКОЕ ЖЕ ДОМОВОЕ СТРОЕНИЕ

В Китайском царстве городское строение чуть ни везде равное есть, потому что у них города построены четверугольные, и разделяются большие от меньших величиною и многочисленностью, а в строении везде равны суть, ибо сделаны или кирпичные двойные, и между ними земли насыпано, или из сеченого камня. А на пестрелках везде по стене башни и бойницы построены, как и в Европе видится в старых стеновых строениях, во всяких же строениях городских вокруг всякого города ров копан, и едва ни во всех городах во рвах пущена вода и обведена круг городов, а при них есть и реки большие. Во всяком же городе двойные ворота построены, и во всяких воротах двойные двери сделаны, кованы железом, а подъемных мостов у них, как у немцев, к воротам нет, и между теми воротами оставлены площади для стояния караула воинских людей.

А как проедешь первые ворота, других же вскоре не увидишь, ибо другие наком сделаны, а не прямо, и у первых ворот сделана двойная стена, и кажется так, что будто башня, а у иных городов между тех ворот лежат по три и по четыре пушки железные, длиною по полтора и по два аршина, лежат так брошены на землю без всякого строения. Тут на карауле стоят немногие люди с палками красными, и повешены на них сагадаки и сулемы, а над теми воротами

сделаны высокие и пространные башни для стояния воинских людей, аки бы оружия хранительница. Дело самое хорошее, кабы были воинские люди в храбрости, а у китайцев храбрость, как у жен, и те башни именуют китайцы муенлеу.

За воротами же везде в городах построены у них дворы загородные, зело великие, и многажды у них больше люди живут в них, нежели в городе. Все те большие городá и малые — неподалеку от стены, в красивом месте, и где жительства больше, тут построена колокольница девятипоясная или семипоясная, строение зело пречудное и превысокое, и те построены у них оттого, что они чают, [что] в тех башнях содержится всякое доброе счастье всем городам.

Строение же тех башен и колокольников такое есть: построена она восьмиугольная, из сеченого камня или кирпича, стена внутренняя сделана из многоцветного мрамора, который так гладко сделан, что светлее зеркала сияет, внешняя же стена сделана из фарфоровой земли и расцвечена всякими цветами и птицами. Вышина же иных башен и колокольников больше ста сажень, также и ширина к тому немалая, и ходят на ней круглою лестницею, которая строена по край башни между двумя стенами, и оттуда выход есть на всякий пояс, а пояс тот сделан около той башни, резан из доброго мрамора, и на тех поясах сделаны решетки железные позолоченные, и таких есть поясов на башне девять или семь, а по всякому поясу, наипаче в верхнем, повешены суть колокольчики маленькие; и во время ветренное сами звон прекрасный учинят. На самом же верху колокольницы сделан и поставлен идол — города хранитель, из меди вылит и позлащен, и строения лучше тех башен у китайцев нет.

Также есть у них в городах иная башня, которую они именуют кулеу, а мы можем именовать часовой башней, потому что в той башне вода льется из одной посуды в другую, и тут стоит человек приставлен, который, видя, что исполнится посуда, бьет час в большой бубен, который при себе имеет, и тотчас же ставит перед башнею таблицу, на которой назначен час

дня великим письмом китайским. В той же башне многожды собираются начальные люди и пиршествуют.

Тот же человек смотрит во всех городах, где пожар учинится, и тотчас он бьет в бубен, и люди собираются и тот пожар гасят. У них бо есть о сем смертный заказ, кто небрежением своим пожар учинит, таковых смертью казнят.

Дома у них городовые не очень искусны, понеже они наипаче смотрят, чтобы им была прохлада, нежели красота, а сделаны оные поземные из кирпича жженого или сырого, а вверху связки все деревянные, крышки деревянные же, а сверх дерева все дома их покрыты черепицею.

Лучше же всех тех есть, в которых живут воеводы и начальные люди, и те можно называть палатами. Во всех же больших городах есть таких палат по двадцати и больше, а в меньших городах — по восьми, в самых же малых — по четыре. Все же те строены одним подобием из царской казны для воинских и городских начальников, и большие те палаты так построены, что, кроме себя, имеют пять или шесть площадей великих, и перед теми площадями построено по одной палате проходной, такоже и трое ворот, а из них средние — большие. А по обеим сторонам ворот сделаны львы великие, мраморные; и за средними воротами сделаны решетки красные, и по обеим сторонам чердаки, и тут стоят трубачи их и бубны и музыки китайские. И когда выходит вон воевода или начальный человек или придет, то играют во все музыки, и на той площади стоят люди, которые приходят судиться или с иными делами, а по сторонам той площади сделаны избушки, в тех живут начального человека люди. Такоже тут построены две палаты великие, в которых принимают гостей, честных людей, когда придут посетить начальников, и в тех стулья и столы поставлены и все, что надобно к принятию. И когда придут тут, городовые люди сидят по правую руку, а воинские — по левую. После же той площади еще построены трое ворот, и средние зело великие. По тем средним ходят только честные люди, а дру-

гие, что по сторонам, всяк ходит, и те трое ворот огворяются тогда только, когда воевода сядет судить.

А после тех трех ворот еще есть площадь великая тут, построена на больших круглых столбах, по край той площади построена палата великая, и та именуется у китайцев таиг, и в той палате сидя, судит воевода. По сторонам же той площади сделаны дома, в которых живут приказные его люди, и те приказные люди, хотя и переменяются воеводы, а они отнюдь не переменяются, и кормятся они из ханской казны.

А после той площади и иная площадь, честнее оных, и та у них именуется сутанг, то есть тайная, и в ту только разве по дружбе воеводской впускают кого, там живут домашние люди его. И потом есть великие ворота, и за теми воротами живут жена и дети воеводские, там все палаты зело пространные, чистые и прекрасные, и в них сады и леса, и озера устроены, и все, что надобно к прохлаждению и чистому житию.

Также в городах немалую красоту делают своды каменные многие, которые построены мраморные, вырезаны великим изрядным художеством, что лучше того быть не можно. И оные сделаны таким обычаем, как иногда у римлян славным воеводам и честным людям строены бывали в вечное воспоминание, и тут на тех сводах вырезаны и выписаны дела с похвалою того человека.

И тако городам немалые красоты чинят, и мосты каменные такие строят, каковых ни в одном государстве нет, ибо все строение мраморное, и заборы по сторонам сделаны, и львы каменные вырезаны великим художеством, а такое строение мостовое зело стройно, что лучше того не можно быть.

Г л а в а п я т н а д ц а т а я

**КАКИЕ У КИТАЙЦЕВ ДОРОГИ ПОСТРОЕНЫ,
И КАК ВСЕ ГОРЫ У НИХ ПРЕУКРАШЕННЫЕ СУТЬ,
ТАКОЖЕ КАКИЕ СУДА
НА РЕКАХ ПРЕКРАСНЫЕ У НИХ СТРОЯТСЯ**

Нет ни единого дела в Китае, что дивно всем входящим иноземцам, как строение всенародных до-

рог и путей, ибо сделаны для легкости пути шествующим таким обычаем, что лучше того людям делать невозможно. Ибо, в первых, все дороги сравнены и потом пос[т]ланы каменем, наипаче во всех полудневных странах китайских, в которых не очень ходят на конях и на телегах, и не только по ровным местам так построены, но и в превысоких горах; где надлежит прямая дорога, рассечены высокие горы и утесы и верх их сравнен, и великие юдоли наполнены, и, где надлежит прямо, тут и построены.

На каждых же десяти верстах китайских построены башни караульные небольшие, и тут живут гонцы, которых как наискорее гоняют, и подают, где надобно, указы ханские и от воевод.

И оттого никакого нового дела не делается во всем Царстве, чтоб не было всем ведомо, а во всяких восьми караулах по 80 верст, что есть ход одного дня, сделаны великие палаты для того, что когда случится проехать тою дорогою воеводе или каким начальным людям. Построены же те палаты из ханской казны, их называют кункван и иелли; и тогда те воеводы или начальные люди посылают наперед письмо, в котором они пишут чин свой и дело, за которым они посланы, также напишут тот день, в который приехать имеют на оное место. Там тогда готовят все из ханской казны, что надобно к пути, не только что пить и есть, но и коней и носилки, работников и суда, буде им надобны будут, ибо должны они, тут живущие, что воеводами пишется в том письме, все готовить, что и именуется в них пай.

Не только все вышеписанные всенародные дороги так устроены, но и все речные берега везде построены, что оба берега речные расчищены по пяти сажень в ширину, чтобы не было никакого леса, который бы задержал тех, которые тянут суда на бечеве. А во иных местах и речные берега построены сеченым камнем, также во многих местах устроены превеликие каменные мосты с великим художеством и крепостью, и в тех делах ни один народ на свете не может сравниться с китайцами.

По сим же делам не меньше работают китайцы

в преукрашении всех, что есть в государстве их, гор, и в том преизлище труждаются, ибо чают они, что на тех горах счастье их содержится и всякое благополучие есть. Сказывают они, что на тех горах живет змий-дракон, великий, крылат, четвероногий, и именуют они его Килин, того дракона почитают они начальником и головою всех счастливых и благополучия. И оттого они гробницы свои на тех горах строят и всякие горы глубоко копают, и ищут жилы горные, чтобы им получить гроб счастливо и в земле благополучной погребстися.

Ищут подобия головы и сердца или хвоста драконова, ибо они чают, что, буде в такой гробнице будет кто сохранен, тогда все его наследники будут в великом счастье и благополучии, и оттого они не щадят всяких и великих проторей на то, чтоб учинить по хотению своему. И для того прибыточества ходят многие люди по всему Китаю, а такие мастера [суть], что то одно дело делают и ищут на горах счастья так, как и те, которые смотрят на звезды, также на лицо и на руки человеческие; и в тех делах они зело бешеные суть, что те солгут, то они и верят им так, как богу, и непрестанно в таковых баснях труждаются. А о гробницах таких мнится мне, что такое дело вымышлено неким философом китайским, тем учил он китайцев, дабы они к мертвым своим были склонны и почитали их.

На всех китайских горах великие села построены, также гробницы зело прекрасные, сады и боры хорошие, тут же на превысоких горах работают они и сеют пшеницу. И тако китайцы трудами своими не опустят никакого места неделано и неустроено.

А где леса хорошие и места красные, тут у них построены великие капища идольские и тут живет множество старцев их, о которых напишется ниже сего. А в дальних местах и в тесных живут еще иные люди, аки дикие звери, и самим китайцам еще не подданны.

Суда морские или иные, или каторги у них сугь многие, построенные из царской казны на воевод и бояр, которые суть зело прекрасные, что никто не

может верить письму, пока сам не увидит. Те суда сделаны будто превысокие палаты деревянные, по сторонам разделяются во многие чуланы, а посреди стоит великий дом, и в том доме построены прекрасные столы и стулья, двери и окна все вырезаны великим художеством и расцветены всякими красками и золотом. А вместо стекол режут тонкие раковины или полотно шелковое тонкое с воском, и на тех писаны всякие птицы и цветы, и кругом всего судна сделаны перила красные, по которым ходят гребцы и работники. Оные же суда все выолифлены, а внутри все написано золотом и красками: птицы, города, войны и иные красоты, дела зело преискусного, и прохладное в них житье, длина и ширина будет их против каторги, также и высота.

Лестница ходить на судах построена великая, а на носу построен чердак великий, прекрасный, и тут живут трубачи и литаврщики, и иные их музыки и тут беспрестанно играют. А когда слышат иные суда и как скоро встретятся, всякий по своему чину, как знает, так и поступает, и никакие между ними драки и ссоры не бывают, ибо так постановлено у них накрепко, что всякий знает себя. И того ради на всяком судне на носу написан всякий чин великим и золотым письмом, и оттого всяк познает судна того воеводы или боярина. По сторонам же тех судов стоят великие и разноцветные знамена шелковые, к тому же посреди тех судов мачты и паруса. И когда ветер есть, и тогда бегают парусами, а когда ветру нет, и тогда тянут бечевою или гребут веслами, а покрай весла сделан, аки рыбий хвост.

И из того можно познать китайский вымысел, ибо больше тянет один китайчанин, нежели восемь человек европейцев, и они гребут, гребни из воды не вынимают и не пихают, только в воде будучи. А так легко гребут, что от одной гребни правится и ходит. Суда же у них по всяким рекам разные деланы, и толикое множество, что в иных государствах на свете столько нет.

**КАКИЕ У КИТАЙЦЕВ РЕКИ ВЕЛИКИЕ,
И ОТКУДА НАЧИНАЮТСЯ, И КУДА ТЕКУТ,
И КАКИЕ СТРАНЫ ПРИ НИХ СТОЯТ**

Хотя и многие реки в Китае суть, по которым всякие суда ходят, однако же большие суть и славнейшие две реки.

Первая река у них и славная есть *К и а н г* именем, се есть сын моря, и тако называют оную величины ради. Та река разделяет все Китайское государство надвое, на полудневную и на северную страны, и течет с запада к востоку, имеет же разные имена по странам, по которым она течет.

Течение же той реки начинается от высоких гор *Мин*, и оттого в начале называется *Минкианг*, и после того течет близ стольного города страны *Сухуен*, который именуется *Гвей*. И от того места та река разделяется на многие протоки и многие острова делает, и потом течет великою быстротою близ города *Синчин*, и тут именуется паки *Акианг*. И после того собирает многие меньшие реки и течет близ города *Суй*, и в себя емлет великую реку *Магу*, и после того опять близ города *Хункин*, и паки совокупляется с великою рекою *Па*, и именуется она тем же именем.

Потом же, возвратившись, течет в страну *Хункванг* и опять именуется *Такиан*, неподалеку от города *Кинхеу*. И до того места течет та река чрез многие горы каменные, и пороги великие, и рытвины страшные по ней, однако же китайцы художеством своим теми местами без вредительства плавают. И из того места опять тихо течет к стране *Кианксий*, и тут чрез два большие озера течет, и тогда получает себе имя *Кианг*, при городе *Киукианг*. И с того места и до моря больше ста миль течет зело тихо и пространно, ибо широта ее на две мили бывает, и тако всякие суда и корабли ходят парусами даже и до моря без всякой препоны.

А хотя столь далеко от моря и до того места, однако же вода из моря в сутки прибывает и убывает, многие рыбы морские в том же месте вверх воды ходят,

и после того всю страну Нанкинг напояет и приходит к стольному полудневному китайскому городу Нанкинг. После же того течет близ города Хинкианг и оттуда прешироким устьем впадает в Океанское море, и на самом устье ее есть остров, и на том острове построен город, в котором живут многие служилые люди и корабли ради обережения, а по обоим берегам той реки многие великие и малые города и села построены и жительства всякие от вершины ее и до устья.

Вторая река есть именованная Хоанг, се есть Желтая, или земляная, ибо цвет ее таков, и кажется аки бы озеро, но быстрота ее и скорость великая, потому что против иных рек вверх воды вдвое тянут бечевами. Ширина оной реки есть половина мили, а длина больше 800 миль, вершина же той реки есть в горах Кфенкун, и оттуда больше ста ключей на одном месте собирается. И после того течет к северу, к стране Хоанг, и паки возвращается в страну Ксенсий, к востоку, и потом паки обращается к северу, и через многие степи и песочные пустыни течет к полудню, и опять возвращается в Китай, и чрез страну Ксантунг в море впадает.

Река оная в Китае величиною и славою вторая есть, ибо та река течет из чужеземских гор, из которых текут великие реки индийские Ганг и Инд и иные многие. И тако река та, аки бы иноземская, отмстит-ся китайцам, которые зело не любят иноземцев, ибо у них такое древнее и первое уложение постановлено, что отнюдь иноземцев никаких в свое государство не пустят. Та же река мстит-ся им оттого, что многие страны китайские, чрез которые она течет, потопляет и водою разрушает, ибо беспрестанно берега свои перемениает и течет близ большой стены многим местом. И потому чрез ту большую стену сделаны ворота, которые именуют Се; разделяет же [река] страну Ксенсий от Ксансий и иные многие страны заливаает, пока мутна и сердита впадает в Океанское море, а в давних годах было течение ее через Пекин и Ксантунг. И сие видя, китайцы, [что], где она течет, везде разоряет оные бо страны на ровном месте, убоились,

чтоб их не потопило, и прокопали великую протоку и поворотили в иные страны, только оставили для воспоминания малую проточину.

Вода в ней такая мутная, что по ней у китайцев и притча стала быть. Когда они похотят говорить о невозможных делах, тогда фабулу ту употребляют, что де, когда Желтая река чиста и светла будет, тогда и то дело сделается. Но о сем говорят китайцы, что ни в тысячу лет вода в Желтой реке чиста не будет, а которые по ней плавают, кладут в воду ее квасцы, и так всю тину на дно собирает, ибо в воде той реки четвертая доля тины есть.

Итак, здесь о сих двух реках довольно писано, о прочих же китайских реках напишем особо, во своих им особых китайских же стран описаниях.

Г л а в а с е м н а д ц а т а я

ОПИСАНИЕ БОЛЬШОЙ СТЕНЫ КИТАЙСКОЙ, КОГДА ПОСТРОЕНА, И КЕМ, И ОТКУДА НАЧИНАЕТСЯ, И ГДЕ КОНЧАЕТСЯ

Преславное многими историками древними и новыми написано о сей большой Китайской стене, которая обведена около государства Китайского. Она сделана и построена Ксием, старым царем китайским, который постановил родословия своего книгу, который всех китайских царей воинскими и всякими иными делами и строением зело превосходил. Тот царь Ксий был вначале ханом небольшим и после того победил родословие Хева, которое царствовало в Китае, и все Китайское государство под себя привел. И потом собрал великое войско и, прийдя в Богдойскую и Мунгальскую землю, до конца их завоевал и разорил.

И, ведая непостоянство их, что они опять воровским обычаем по-прежнему придут в Китай пленить и воевать внезапно, вымыслил сие дело предивное, чтобы вовеки задержать их от тех загонов, и построил большую стену, чрез которую отнюдь им невозможно будет в Китай проехать. Начал он то дело делать в 22-ом году царствия своего, прежде воплоще-

ния Христова за 215 лет, тому ныне 2900 лет, и в пяти летах всю ту стену построил, ибо бесчисленное множество людей на то дело собрано было изо всего Китайского государства. Из десяти по три человека собраны были, и было такое множество людей, что с камнем, кирпичом не ходили на высоту стены, но друг другу подавали из рук на руки, и до стены все было теснение людей. И оттого так скоро сделалось, что начали делать в разных местах, и с великою скоростью совершали, ибо от царя жестокий заказ постановлен был под смертным запрещением, ежели кто не построит ту стену так крепко, чтоб, где камень с камнем сомкнен с известью, тут и гвоздь железный через то место не прошел, того смертью казнить.

А построена та стена таким строением, что на низ кладен камень дикий, сеченый, великий, а вверху кирпичи великие жженые с известью кладены, а во иных местах вся стена из камня дикого строена. Высота ее пять сажен и больше, а ширина близ двух сажен, а вверху зубцы деланы и бойницы частые. Начинается же та стена от пролива морской страны Леоатунг, неподалеку от реки Амура, где река Яла впала в тот же пролив, а начинается она за многие версты далеко из моря, потому что ради основания той стены царь Ксий многие корабли наполнил рудою железною, и так из самого моря начинается стеновое строение и окружает кругом без урывку четыре большие страны китайские.

Именуют же китайцы ту стену Ванлихинг, се есть 10 000 верст, и то они хотя и говорят, однако же не истинно, ибо стена в длину простирается в 1500 верст или больше, русских, только они тем хотят показать величину той стены, и оттого так говорят.

Начало же ее от пролива морского, и простирается до города Кин, где горы лежат близ Желтой реки, и иногда идет прямо, иногда же криво, смотря по местам, строена, однако же без урывку стена идет, и нигде нет порозжего места, кроме того, что к северной стране, недалеко от города Сифена страны Пекина, где небольшое место держат страшные и неприступные горы.

Такоже, где Желтую реку чрез ворота Се пропускают, в тех местах небольшие урывки есть, а инде везде себе равная, ибо [где] меньшие реки текут чрез стену, сделаны своды, будто мосты в стене, и так под стену в Китай текут. И та стена везде равная построена по степи, которая немного близ стены есть, но и по горам больше построена, по самым верхам и по краям высоких гор, и на перестрелках построены суть башни и бойницы, также и ворота построены на тех местах, где дороги приходят. Тут же, близ ворот, построены городки и крепости для бережения стены, ибо живут в тех городках служивые люди, которые берегут стену и ворота. И когда было Царство у китайцев, тогда с востока и к западу, от начала и до конца стены, китайский царь держал служивых людей по одному миллиону, которые берегли стену и города и крепости, которые при стене лежат. И тако та стена окружает всю страну Леоатунг и потом страну Пекин, Ксансий, и Ксенсий, и иные. Дело превеликое и пречудное, которое еще знали в древних временах по достоинству и считали бы стену ту между теми семью дивами вселенной.

И оная стена и до нынешнего дня стоит цела, только в небольших местах начала рушиться, однако же китайцы назначили людей, которые то дело делают, и что попортится, паки починивают.

Глава восемнадцатая

**КИТАЙСКИЙ ЦАРЬ,
КОГДА БЫЛО ЕЩЕ ИХ КИТАЙСКОЕ ВЛАДЕНИЕ
ПОД НИМИ, КАК СВОИМ ПОКАЗАЛСЯ,
И КАКАЯ У НЕГО ПЕЧАТЬ,
КАКОЙ ЦВЕТ И УКРАШЕНИЕ ДВОРА ЕГО,
И КАК ОНИ ЖЕНИЛИСЯ ПРЕЖДЕ**

Когда прежде сего еще было Царство под китайским, а не богдойским владением, тогда китайский царь по воле своей так себя объявил, что в палате своей, где на высоком месте была построена окончина великая, сидя на своем месте, аки некоторый бог их, показался. И держал на руках доску костяную, кото-

рою лицо свое, когда хотел, покрывал, чтоб никто его не видал, к тому же другая дщица сделана была над ханскою шапкою, и от той дощечки повешены были на витках предорогие каменья так, что все лицо и чело его покрывали, и глаза тех, которые смотрели на него, аки иное солнце сиянием своим омрачило.

Нынешний же богдыхан, хотя и держит обычай китайский, однако же шапку и платье носит по обычаю мунгальскому, и объявляется большим людям часто, не так, как прежние китайские цари себя содержали. Только как выходит из палаты вон, тогда из улицы все выбегают и караулы стоят, чтобы никто на него не смотрел.

Печать китайских и богдойских ханов есть вышеописанный дракон — змий крылатый, и хотя того змия пишут везде на камках и на иных местах, однако же тот дракон имеет четыре ноги, а на ноге по четыре ногтя. А тот, который на печати и на платьях ханских пишется, имеет пять ногтей и тем разделяется. И не токмо на листах та печать дракона пишется, но и на всех платьях и на посудах золотых и серебряных; на кровлях же и в палатах тот же дракон везде живописан, и за бога и счастье причитают его, и одним словом сказать, что нет такого места или дела ханского, в котором бы не был живописан тот змий-дракон.

Платье, которое носит хан и племянники его, и все его дворовые люди, цвета желтого [и] не только платье, но и посуда, кровли и всякие материи, и здания [все], что есть ханское, все желтого цвета, и везде видимо есть желтое. И того цвета никто не смеет ни дракона, ни желтого носить, кроме тех, которые рождены от ханского колена, а кто сыщется в таком цвете, тотчас смертью казнят того. Тот обычай у китайцев и ныне у богдойцев накрепко остерегается.

В свадьбах прежние китайские ханы с нынешними гораздо разнились, ибо нынешний богдыхан избирает от благородных ханов и тайшей мунгальских и емлет в жены себе дочерей их, а не из народа. Китайские же ханы не смотрели на благородие, только собирали из всего царства своего девиц прекрасных и из тех, которая лучше и угодна, избравши, возьмут

в жены себе; но и бояре китайские охотники бы были взять ханских племянниц, ибо те всегда живут в палате в сохранении и никогда вон не выходят, но никакой оттуда им пользы и помощи нет.

Прежде сего у ханов китайских одна была жена честнее всех и первая, которую можно именовать настоящею ханскою прямою женою, кроме же той, наследники, его дети, берут по девяти жен, только те меньшие жены именуются. И после того еще по 36 жен и те все еще женами же именуются, а потом того вдвое или втрое наложниц собирают, и те уже не именуются женами, но наложницами. Первая та жена одна только с мужем сидит и пьет и ест за одним столом, прочие же все, яко служительницы, предстоят и служат при той, а сидеть при ней прочим не довелось. Дети же всех тех жен не знают иную мать назвать, кроме той первой жены. Те же ханские жены и боярские, такоже и все живут в великом заключении, крепком заперты.

И на головах те царские жены носят камни дорогие, к тому же носят зарукавье на руках и на ногах, потому что они чают, что вся красота в ногах содержится.

Глава девятнадцатая

КАКИМ ИДОЛАМ ПОКЛОНЯЮТСЯ КИТАЙЦЫ, И КАКИЕ ИМЕНА ИДОЛАМ, КАКИЕ ЖЕ И КУМИРНИЦЫ ИХ

Выше того писали, что китайская вера на трое разделяется, и первая философская, она же и старейшая всех, всем Царством владеющая, наипаче же из них благоприятная, и прехвальная, и оному чину последуют, и имеют вместо бога первого философа и начальника веры их Конфуция именем, его же и поучение и приказ исполняют. Философы китайские не поклоняются идолам, только одного бога познавают, и того именуют царем небесным, и тому, повелевают они, как только одному хану, надобно жертву приносить, а не всякому человеку. И того ради хан китай-

ский имеет две великие и прекрасные кумирницы, построены в двух столицах своих, одна в полудневной столице Нанкинг, другая в северной — Пекине, и из них одно кумирище небу, а другое — земле. В тех кумирницах прежде сего был обычай, что сами ханы жертвы приносили, а ныне вместо них бояре приносят жертву: волов, овец многих зело и иное, по обычаю их.

Философы же китайские свойственные себе кумирницы построили своему начальнику и богу Конфуцию, и те во всяком городе прекрасно устроены, при которых и школы их китайские поставлены. В том же месте построена палата, в ней первые философы их живут, и в месте того кумирища поставлен Идол того Конфуция, наполнен везде разными письмами*. А где нет Идола его поставленного, и там имя его написано превеликими золотыми словами, а по сторонам поставлены и иные идолы, меньшие, учеников его, которых они аки бы святых почитают. В то кумирище, когда луна полная бывает и новая, тогда все начальные городовые люди приходят и учителя своего поклонами и коленопоклонением почитают, свечи и кадила по их обычаю поставляют. И тому Конфуцию многие разные статуи сделаны, большие и малые, которые и с собою носят.

Другой чин, о котором выше писали, идолослужительский, и тот чин имеет в городах и на горах многие кумирницы, и в тех кумирницах, больших и меньших, бесчисленное множество поставляется идолов золотых, серебряных, земляных, мраморных, и деревянных, и медных. И из того чину живут там будто пустынники, и те головы и бороды непрестанно бреют, и иные многие их идольские обычаи имеют.

Третий чин епикурский, и того чина жрецы их изгоняют бесов из людей и из домов, и пишут имена их в желтой бумаге, и клеят на домовых стенах. Также они дожди великие задерживают и, когда надобно, отпускают, к тому же обещают, якобы могут всякое счастье причинить, и иные многие бесовские обычаи

* Разукрашен разными изображениями.

творяют, о которых множества ради здесь писать не подлежит.

Из оных трех чинов их толикая прелесть умножилась и толикое идолов множество, что исчислить никак невозможно, ибо не токмо в кумирницах их многие тысячи разных идолов поставлены суть, но и в домах в особых местах, на базарах, улицах, на судах и на палатах. Идолы поставлены: разные болваны многоглавные и многоручные, мужского пола и женского, стоглавные и сторучные, выкрашены всякими красками и золотом, иные же живописные на стене, на досках и на бумагах, и во всяких делах написаны.

Кумирницы же их, хотя многие и разные суть и сделаны прекрасным и великим художеством и многими проторами, однако же во всех городах первое капище построено всех идолов, и тут они непрестанно жертву приносят, свечи и кадило поставляют. Также же есть и другая кумирница во всяком же городе, и та назначена духу-хранителю того города, и в той, ныне хотя и есть идолы, однако же было время, что никаких не было, всегда воеводы того города, когда поставляются, клятвою себя утверждают, что правдою и верою будут судить, и наводят того духа себе отмстителем.

Кроме же тех капищ или кумирниц, делают многие капища, капище неба, луны, богу воинскому, миру, рекам, богу морскому, царю, птицам и иные бесчисленные имеют. Только когда хотят основать их, всегда смотрят счастливое место, где бы была голова или хвост, или ноги драконовы, как выше писано, и многие таковые прелести имеют, где отворять двери или окно, направо или налево, из того счастье или несчастье познают.

А ученые люди их на три статьи идолов разделяют, на небесных, земных и преисподних. Небесных же еще разделяют натрое, и первого бога именуют Фе, и тем темно познают тайну святой троицы, а одним словом рещи, китайцы держат все то идолослужение, которое еще с начала света и до сего дня китайцы, японцы и индейцы и многие народы сибирские и до сего дня держали и держат. А кто хочет видеть

подлинно живопись тех идолов их, может видеть в иезуитских книгах, где пишут о Китае, в книге посольства голландцев в Китае, ибо там подлинно и явственно написано.

Г л а в а д в а д ц а т я

КАКОЕ У КИТАЙЦЕВ ВОЙСКО И ОРУЖИЕ, И КАКОЕ У БОГДОЙЦЕВ ВОЙСКО И КАКИЕ СУДА МОРСКИЕ И БОЕВЫЕ

Хотя китайский народ есть азийский, [однако] тот же обычай имеет в войске, как и европейский: ибо все войско их содержится в конных и пеших, и у конных оружие есть сулема, на то подобие, как у нас сабля, только короче сабли и железо худшее, и так не опоясываются, как мы, чтобы можно было спереди саблю вынуть, но они только сзади вынимают сулемы свои. Также имеют оружие — сагайдаки и луки добрые, которые китайцы сами делают, и стрелы искусные, добрые же, деланы на калмыцкий перевод, и из лука стрелять горазды. К тому же имеют копья деревянные и каменные, щиты и шлемы, кюяки и панцыри, и всякия збруи. Пешие же у них то же оружие носят, как и конные, и хотя у них пушки железные есть, исстари вымышлены, также имеются у них и пищали, однако строю никакого нет, чтобы тягости не носили. У иных по охоте и имеются, но только палят без замков и кремня фитилями, и не таким обычаем деланы, как наши, и пушки держат на один случай, когда город осядут и стены разбивают. Искусных же пушкарей не имеется, разве беглецы от португальцев и голландцев, те умеют и научают их из пушек стрелять.

А во время баталии никакого у них строю нет, смешаны бьются пешие и конные, и всякий, как может и управляется, и где время застанет. Также в осаде городов не умеют они никаких вымыслов делать или подкопу, или иного чего сочинить, кроме того, что осадят и поморят голодом, иного же ничего не творят.

В боях же и в штурме зело боязливы и несмелы, ибо китайцы живут всегда в мире, воинских же дел

не любят и не привыкают, позор великий у них есть, [если] который человек учится воинскому делу, и едва не вместо разбойника того имеют. И оттого не стыдно у них, видя на себе войну, подарками откупаться и постановить мир, чтоб не учинить войну. А в собрании войска у них бывает великое множество, пеших и конных больше 100 000, только войско их самое плохое, как видно из того, что небольшие богдойские мунгалы взяли все китайское государство, да и природа китайцев не склонна к воинскому делу, склонна же к земледелию, к торгу и к иным промыслам. Богдойские же мунгалы, которые ныне владеют китайским государством, такой же строй имеют войску своему, как и китайцы, ибо порубежные с ними суть, войско же более конное у богдойцев, нежели пеших. К тому же богдойские люди воисты, не так, как китайцы, потому что с молодых лет к земледелию и ко иным искусствам не привыкают, кроме того, что учатся из лука стрелять, ловить ходить, разбойническим обычаем грабить и красть. Ибо они люди степные, и оттого они могут труды понести и всякую нужду терпеть, как и татары, а бой они чинят больше наглым набегом, скоростью, нежели явно, но хотя они лучше в баталии китайцев и легки, однако же и они той же страны люди и не так сильны и смелы, как европейские, как то мы ныне видели, когда прежде сего, сказывают казаки, с ними воевали по Амуру, что сто человек наших против тысячи их и больше стоит и одолевает. И потому они сами удивляются во всяких делах смелости наших людей.

У нынешнего же богдыхана начали пушки делать великие, длиною больше сажени печатной и гораздо толстые, которых наделано с 300 и послано в службу, где бьются с китайцами, иные же и в Царстве имеются, и наши казаки видели, делают у них и порох, но против нашего пушечного плоше. К пищалям нашим они весьма охоту имеют и приказывают с бухарцами, чтобы они промышляли из Руси, и за одну пищаль дают по сто рублей, и привыкают стрелять из них, и сказывают о нынешнем хане, так стреляет гораздо, что и птицу на воздухе убивает.

И хотя имеются у китайцев и у богдойцев пушки и пищали и иное оружие, однако же они не знают ходить так, как водится по военной науке, и оттого можно небольшим войском европейским смирать их. Ибо европейский народ в храбрости смелый, и оружие стройное, в воинском деле обученный, лучше и сильнее оных китайцев.

...Судов же морских и боевых у них зело много, и лучше бьются на воде, нежели на сухом пути, не имея в воинских делах искусства.

Итак, здесь до сего места писали общие всенародные дела китайцев и государства, и обычаи их, и иные дела, которые надлежат ко общему же и всенародному описанию. Ныне же паки напишем особое описание всех вышеописанных пятнадцати стран китайских, в которых какие у них города стольные и меньше тех, какие в них реки и горы и какие диковины обретаются, и какой плод земля родит, и иное, что надлежит к тому описанию, начиная от первой страны Пекина, где есть Царство, и до последней. Потом же напишем страну Леоатунг, также и государство Корей, которое есть нос великий в море, а после того писать будем описание и Японского острова.

Глава двадцать первая

ОПИСАНИЕ ПЕРВОЙ СТРАНЫ ЦАРСТВУЮЩЕГО ГРАДА ПЕКИНА, КОТОРЫЙ НАРИЦАЕТСЯ ПЕЖИН, ИЛИ ПЕХЕЛИ

Первое место даем Пекину, стране первой китайской, ибо первая есть чином и честью и имя имеет со столичного и царского города Пекина, се есть северный царствующий город, и именуется так для того, чтоб разнилася от другого царствующего города, полудневного, Нанкинг именуемого. Подлинное же и свойственное имя той страны Пехели именуется. Та страна с древних времен начала быть столицею ханов китайских, наипаче же тех, которые владели после воплощения Христа спасителя. Здесь родословие Леова, здесь Кина и здесь Ивена, здесь же и ныне

еще богдойские мунгальцы столицу свою постановили и родословие новое Танцынгу начали.

И сия страна великие имеет рубежи, понеже с востока имеет проливу морскую, которая лежит между Китаем и между государством Кореи, которое по-китайски именуется Кангай. А между востоком и севером имеет рубежом страну китайскую же Леоатунг, которая лежит неподалеку от устья Амура, а с севера имеет пределом большую стену вышеписанную, которая построена с нахождения мунгальцев в Китай. С западной же стороны во страну Гансий разделяется с великих гор Хенг, а с полудня разделяется страной Хонанг, большой Желтой рекой, также разделяется страна Ксантунг рекой Гвей, и так вся страна Пекин троеугольная есть, а в прежних временах той страны разные имена были, понеже именовалась Уеу, Икий. А страна Пежин имеет восемь городов превеликих, и всякий из тех восьми городов имеет под собой иные небольшие города многие, и так всякий большой город под ним сушей с городами и уездами едва не сделают целую страну. Понеже с теми восьмью большими городами в той стране Пекине 135 городов.

И все те города ограждены крепкими каменными стенами, и около их рвы великие копаны. Кроме же тех городов, есть и иные многие места великие и крепости, которые в чертежах для множества не вместятся писать, только, одним словом рещи, великие жительства в той стране суть и множество сел в той стране есть.

Растворение же воздуха в той стране во временах бывает такое, что больше стужи, нежели возвышение солнца, и не превосходит больше 12 ступеней, однако же холодные стужи стоят четыре месяца, так что реки мерзнут крепко зело, кони и телеги и всякие тягости чрез них безопасно проходят. И из тех рек великие льдины секут и держат летом для прохладения своего, а не для питья, ибо они отнюдь холодного не пьют, но всегда теплое пьют, а паче чай днем и ночью употребляют.

А в тех четырех месяцах все суда и корабли их стоят, во льдах замерзнувши, где время их захватит,

а та зима подлинно ежегодно начинается с 15 ноября и держит даже до марта месяца и больше. А тот лед наипаче одним днем мерзнет, а когда начнет таять, тогда многие дни тает, и тает сисподи, а не сверху.

Только то чудо, что та стужа, ежели [бы] была в Европе, нельзя было бы вытерпеть, а европейския люди, в Китае живущие, не требуют себе теплых изб, ибо кажется им тепло, и сие бывает оттого, что земля той страны селитрена, и оттого поземельные пары бывают. Летом же, хотя нечасто, дожди бывают, однако же поутру вся земля кажется мокрая, и как солнце взойдет, сушит землю, и из того делается пыль весьма мелкая, которая с ветра, как облако, подымается, и так в избы дверьми и окном сквозь проходит, и осяжает [на] всякие вещи.

Книга же китайская, в которой написано есть число народа всего Китайского государства, описует, [что] во стране Пекине во всех городах семей 418 989, а мужей 3 миллиона 452 тысячи 254 человека, кроме бояр, начальников и воинских людей, волхвов, жрецов и ребят и, кроме тех, которые суть племени ханова.

Десятину дают со всякого хлеба, с пшена сорочинского, с пшеницы, с проса — по 601 тысяче по 133 больших мешков, шелку-сырцу — по 224 китайских фунта, шелку деланного — по 45 тысяч, по 145 фунтов, бумаги хлопчатой — по 13 тысяч, по 748 фунтов, и те фунты китайские больше нашего полутора фунта. Также дают для прокормления ханских коней сена по 8 миллионов больших снопов и по 737 тысяч, соли по 284 пуда, а во всяком пуде их по 124 фунта. И таких пудов соли берегут на год по 180 тысяч по 870, и то все собирается на ханский двор.

Кроме же того, есть великий приход денежный, который собирается с пошлины и с иных сборов, пошлины же только собираются со своих, а с иноземцев ни с кого не емлют, и той малый приход есть, как сравнить против иных стран, ибо земля страны Пекина негодная есть и песочная, хотя и везде ровная, но не так, как в иных странах. Народ же той страны, против иных стран, ко всякому учению искусством есть тяжелый и непонятный, а к воинским делам лучше,

также и все китайцы, живущие в северных странах, в делах воинских искуснее тех китайцев, которые живут в полудневных странах, а полудневные лучше северных разумом, учением и учтивостью.

Какие же диковины сыщутся в сей стране, напишем в описании больших городов, только в Пекинской стране есть особый обычай: сделают они телегу одноколесную, и ту телегу один человек пихает двумя палками легко и скоро, и на оную кладут великую тягость, иногда же и людей сажают, и скоро ходят, как на конях, и чаятельно, что из того произошли басни таковые, и написали в Китае, как бы парусом на телегах бегают, как на судах по морю.

В Пекинской же стране есть белые кошки, и волосы у них длинные, как у немецких маленьких собак, и уши длинные, теми жены китайские тешатся, а оные кошки мышей не ловят. Есть же и иные кошки, пестрые, которые ловят мышей, и тех китайцы не любят. Ничто же иное китайцы так [не] любят и [не] почитают, как дело всякое древнее и долговременное рукоделие. Тому ныне близ 400 лет, палата ханская внезапно загорелась, и все, что в ней было: золото, серебро и медь, сгорело и, слившись вместе, учинилось, как иное что. И из того китайцы начали делать посуды и становить дороже золота и серебра, а наипаче кадиланицы, в них же у них разные духи курят и посуды же делают, в которых траву чай варят. Не только же таковые посуды почитают, но и все, что есть древнее дело, любят китайцы, как инструменты, древние книги, письмо, каменья, на которых они чернила трут, и все, что ни будь древнее, любят и почитают китайцы и японские жители, что паче дорогих камней и жемчуга дороже купят оные древности, нежели те дорогие каменья и жемчуги. Оные же древняя рукоделия именуют они кутунг.

А что пишет Марко Павел венецианин, что был в Китае и Маджине, конечно, что он Китаем именует те страны шесть, северные китайские страны, а Маджином именует те девять полудневных стран китайских, понеже ныне турки, кизылбаши, бухарцы, когда приходят в Китай с караванами, Китай Хатаем называ-

ют. И избирают из себя лучшего одного человека, и именуют его как послом от султана турецкого или от шаха персидского, и то все ложно говорят, ибо те государи отнюдь не посылают в Китай послов своих ради позору своего. А посланниками называются торговые турки и кизылбаши ложно, избравши от себя подарки, и дарят хану иногда львов живых, которые в чести немалой в Китае обретаются, ибо у китайцев львы не рождаются, только есть множество бобров и барсов.

А оные послы турецкие ложные в три года один раз приходят, и так иезуиты сказывают, что и сами китайцы ведают, как ложным посольством приходят как бы от государей своих, только ради торгу и корысти принимают и не отказывают.

Итак, здесь писали многое о многих, ныне же время писать о тех восьми больших городах той страны, к тому же в первых еще напишем о первом царствующем их городе Пекине.

Глава двадцать вторая

ОПИСАНИЕ ПЕРВОГО, СТОЛИЧНОГО И ЦАРСТВУЮЩЕГО ГОРОДА ПЕКИНА, В КОТОРОМ КИТАЙСКИЙ ХАН ЖИТЕЛЬСТВО ИМЕЕТ

Первый и владеющий город в Китае есть Пекин, о нем же и выше писали, и то имя толкуется, что северная столица, а свойственное имя китайское древнее того города есть Ксунтиен, се есть небу послушный. В том городе возвышение солнца есть 40 градусов или степеней, и тот город Пекин есть столичный.

Имеет под собой иные меньшие города, числом 24, и над ними владеет как глава и метрополия. Ведать же подобает, что все города большие владеют меньшими, которые под ними суть, таковым же обычаем творят и китайцы, что малую страницу делают и в ней сущие города и уезды.

И тем двадцати четырем городам имена суть сии: Ксуни, Ханкпинг, Тунг и прочие, и из тех городов суть и иные, большие и богатые, которые китайцы имену-

ют Хеу, а меньшие Геен. Имя же того города много раз переменялось по родословию китайских ханов, а то минское родословие, которое владело прежде богдойских и именовалось Пекин и Ксунтиен, и теми именами и до сего дня именуется. И оный город Пехели превеликий, его же Марко Павел венецианин именует Камбалик, и ныне все турки и татары и бухарцы Камбалыком же называют, то есть государский город. И тот венецианин когда был в Китае, тому уже лет с 400, когда калмыки и татары взяли Китай.

Сей город Пекин зело преукрасил Хан Танкунг, который владел им тому ныне лет близ 300, ибо он первый [из] интанминского родословия оставил столичный город Нанкинг и пришел в Пекин. Тут он постановил столицу свою для того, чтоб можно было ему и легко задержать мунгальцев, ежели они хотят находить на Китай, ибо ближнее место от Пекина. А построил он тот город Пекин таким обычаем: не сделал кругло, но четвероугольные стены круг города сделал, а всякий угол стеновой по десяти китайских верст, а всякая верста китайская имеет 360 сажен. Толщина же той стены больше 3 сажен, и ходят люди по ней на конях и пешие, вышина же ее будет с кремль царствующего града Москвы, а между теми стенами сыпана земля, также и башни поставлены мерным расстоянием. Около же городских стен ров выкопан, и по некоторым местам вода пущена, ибо из дальности, с гор, приведена река в город и разделяется на многих местах.

А вокруг города Пекина 12 ворот великих, и через те ворота изо всего Китайского царства приходит множество людей всякого чина. Тут все бояре и начальные люди, и те, которые ходят писатися между учеными; хотя бы человек какого чина ни был, в Пекин должен приходиться потому, что оный город в Китае голова всему государству есть, и из того города начальство и чин дается всякому человеку. С того же города всякая власть начинается, и в нем всего Китайского государства богатство собирается, и всякие торги и товары в нем происходят, но все обретается в Китайском том государстве и с излишеством в нем

сыщется. Нет ничего такого, что бы не нашел в том городе на прохлаждение или на иной промысел, но все удобно сыскать можешь.

В том городе великое множество людей, в том городе есть всякие чины, иноземцы, бухарцы и татары, калмыки, мунгалы и португальцы, в части же индийцы, арабы и турки, а вне города есть семь мечетей магметанского и бусурманского закона.

Также есть в оном городе многие тысячи судов ханских, кроме бесчисленных, которых всякий чин и народ имеет, и те суда и бусы и всегда иного ничего не делают, кроме того, что день и ночь ходят вниз и вверх и привозят всякия товары, что потребно. Ибо китайцы вымысленно, трудясь, сделали, что через все Китайское государство можно судами ходить, оттого что, где надобно, реки по своему течению завернулись, тут протоки копаны, и через те протоки прямо отовсюду приходят в Пекин город. И не только изо всех северных стран, но и из полудневных суда пространный ход имеют. И то чудо великое, что из естества художеством своим сделали китайцы на многие тысячи верст водяной путь.

И все те реки и протоки собираются в великом городе и пристанище всего царства Тиенжине, и в том городе все таковые суда и бусы изо всего государства собираются же и потом из Тиенжина вверх водой ходят в Пекин.

Но хотя тот город Пекин и в неплодном месте построен, однако же, что надобно человеку, все сыщет, и для того у китайцев есть таковая пословица: хотя де в Пекине ничего не родится, однако все есть, и всячина сыщется.

А в том же городе предместье, или загородные дворы, многие суть и великое строение, как бы иной город, и тут множество людей никанцев живет, ибо богдойские китайцев или никанцев едва не всех в предместье поселили. Также и всем иноземцам, кизылбашам, бухарцам и калмыкам и прочим в тех загородных дворах назначают жить. Только нашим, португальцам же и голландцам дают в городе дворы жить, иному же никому.

И в тех предместьях за городом всякие торги и всячина, что и в городе есть, и за городом сыщется. А никанцев или китайцев богдойцы высылали из города оттого, что с ними война бывает, и опасаются, чтобы от них не учинилось какой измены в городе.

Город Пекин с полудневной стороны две стены имеет, крепко устроены, и они сказывают, что можно по тем стенам двенадцати лошадям бежать без всякой препоны, ибо зело широки, между стенами сыпана земля накрепко. А от стороны северной только одной стеной ограждена, и все те стены около города из жженого большого кирпича, только под исподом основание из сеченого дикого камня под всеми теми стенами делано, а от большой стены, которая окружает Китай, недалеко Пекин, больше 100 верст нет.

Нанкинг же город, полудневная китайская столица, большой есть и величиною и строением, стенами же и крепостью не меньше города Пекина, а Пекин превосходит Нанкинг множеством людей, бояр, начальников и воинских, но об этом городе на своем месте напишем.

В городе Пекине в ночи караулы живут по стенам и по улицам, а в день на воротах берегут скопцы, которые собирают пошлину от всех проходящих своих в город, а от чужеземских не берут, в прочих же городах не берут и от своего, кроме того города жителей.

А в Пекине городе на мале есть такие улицы, которые бы не постланы были камением, и на улицах копаны колодцы, а по обе стороны улиц копаны борозды великие и приведены к реке и к озеру. И когда бывает дождевая вода, и теми бороздами та вода из улиц и переулков сбегает, и из дворов на улицы выведены трубы для дождевой же воды. Однако же от множества телег, людей и скота, что ходят по улицам, грязи великие бывают зимой и летом, летом же наипаче пыль великая есть, и та пыль не только по улицам людям досаждаёт, но и в избах везде марает всячину. И оттого люди, там живущие, наипаче жены, всегда носят на глазах сетки черные, а из-за грязей и величины города есть кони, ишаки, лозы, носил-

ки, в которых недорого нанимаются и носят людей, кому куда надобно.

И о том поставлены у них росписи, какие званием улицы и переулки и имена всех начальных людей, и так можно человеку ходить скоро небольшими прото-рами, куда ему потребно будет.

В том же городе великие палаты построены всяким боярам и начальным людям, которые, хотя так не устроены, как в Европе большие палаты каменные и мраморные, однако же чистотой и пространством превосходят. Также в нем построены бани каменные и сады хорошие строены всякому на прохладу, а в садах делают горы рукодельные, в которых пиршествуют и прохлаждаются летом.

В оном же городе Пекине есть и колокола самые великие, и один колокол весом 120 000 фунтов, и бьют они в колокола 3000 пудов молотами.

А [с] дровами в Пекине гораздо скудно, и есть у них камень черный, который горит, как дерево, и тем топят избы, у иных же печи деланы под полками, и тем согревается вся изба.

Также построены великие и прекрасные кумирницы и колокольницы большие, а изо всех тех кумирниц есть пять кумирниц больше и краснее всех, к тому же два костела иезуитские, один старый, а другой новый, который от богдойских татар поволен делать. И в тех костелах живут иезуиты издавна, как были еще никанские цари.

А около того города родятся всякие овощи и всякий хлеб, также и винограду много, и из него вина не делают.

Итак, о городе писали довольно, ныне же о ханских палатах напишем.

Г л а в а д в а д ц а т ь т р е т ь я

ОПИСАНИЕ КРАСНОГО ГОРОДА, В КОТОРОМ ЖИВЕТ ХАН КИТАЙСКИЙ, И ПАЛАТЫ ЕГО, К ТОМУ ЖЕ ОПИСУЮТСЯ ГОРЫ И РЕКИ, КОТОРЫЕ СУТЬ ОКОЛО ПЕКИНА

Красный ханский город построен в городе Пекине и начинается с полудневной стены пекинской, и оной место между тех двух стен исполняется, и тот город

Н. Милеску Спафарий в Китае.
Рис. худ. Л. П. Григорашенко.

ханский меньше есть, нежели в Нанкинге который построен, только сей краснейше того и прохладнее, ибо ныне неживущий там хан [город] ежедневно портится, а пекинский с хановым житием ежедневно украшается.

Величеством же и красотою тот город превосходит все европейские королевские города, и вокруг него расстоянием на 12 верст китайских, русских же будет с излишеством, и имеет четверо больших ворот ко всем четырем сторонам света, а наипаче ходят в тот город полудневыми воротами. Оный красный город окружают три стены высокие и крепкие, которые строены большим кирпичом жженым и выкрашены были всякими красками, ныне же от древности едва познавается.

И в первых двух стенах живут выбранные служивые люди, которые берегут ханское здравие и город, также и скопцы, и в тех стенах ходят бояре и все приказные люди и докладывают о ханских делах.

В третьей стене, которая больше места содержит, нежели те две стены, и в той живет сам хан, и в оной стене не пускают никого ходить, кроме скопцов и жен тех, которые живут при хане. И тут прекрасные палаты, сады великие, леса, пруды и горы деланные, и всякий прохлад ханский.

И там между жен есть многие и разные чины, одна точною жена есть ханова, прочие же мало не все наложницы. А чин женский есть у них, как и у турков, понеже иные из них суть казначеи, иные комнатные, иные же платья подают, а иные одевают хана, и такие многие чины суть.

И как китайские ханы были, сказывают, что в том городе было по 5000 жен, а ныне, как взяли богдойцы Китай, сказуют же, что не больших жен хан держит при себе.

В первой палате сам хан живет, и та большая и лучшая всех, понеже он в той палате особно живет, а в другой палате живет первая жена ханская, в третьей же — дети его, в четвертой — мать его, ханова, ибо у них всем особные построены палаты, и дети их, когда в возрасте будут, и им особные же строят пала-

ты. Также и наложницам всем особные палаты, и скопцам, и жрецам, и иным многим дворовым людям палаты же, и сказывают, что при китайских царствах с 15 000 всяких людей в той палате было, а ныне живут немногие люди.

В том последнем городе, в котором хан сам живет, многие сделаны львы мраморные, столпы и статуи резные изрядного художества, мосты и прекрасные забрала и иные многие вещи на прохлад и на утеху преискусно построены. Весь же тот город и палаты покрыты черепом железным* муравленным, ибо тот цвет ханский есть. А что же строено из дерева, и то все золотом и всякими красками расписано и олифой китайской выолифовано.

Палаты же у них не по нашему обычаю, хотя и каменные построены, кирпичные стены, но потолок деревянный, на высоких столбах круглых, вырезаны и позолочены, к тому же и столпы красками выкрашены. А через тот весь город река издалеча приведена и разделена по многим местам города того, а над нею мосты мраморные зело хорошие построены и пруды великие каменные, и в них суда потех ради прекрасные устроены и введены.

Также построены руками горы каменные, и на них лес и всякие вещи сажены, также и сады со всякими странными вещами, и, одним словом рещи, [нет ничего] краснейшего и хорошего, что родится на земле в Китае, чего бы не было в том ханском городе. Также и из иных государств, что доброе или хорошее привозят, то все в ханской палате собирается, и того ради в нем великая красота и сокровище есть. А при том же городе есть роща прекрасная, сажена нарочно для ханской потехи.

Около же Пежина, к северу, есть гора высокая, недалеко от города, и тут — кладбище китайских царей, зело прекрасно устроено. Суть же и иные многие горы, в которых их китайские веры построены прекрасным обычаем, а во иных родится камень черный, ко-

* Читай: желтым.

торый китайцы жгут вместо дров. Также суть и реки многие, наипаче же протоки выкопаны, и камнем берега выкладены, и из тех иные в ханский город приведены, а иные в Пекине городе, чрез которые великие суда ходят в разные города.

Место, на нем же стоит город Пекин, зело прекрасное, ибо везде около города места ровные и везде жительства, палаты и сады построены.

Г л а в а д в а д ц а т ь ч е т в е р т а я

ОПИСАНИЕ ВТОРОГО БОЛЬШОГО ГОРОДА ПАОТИНГА, И ПРОЧИХ ШЕСТИ ГОРОДОВ, И ТЕХ, КОТОРЫЕ СУТЬ ПОД НИМИ МЕНЬШИЕ

В той же стране второй и великий город по Пекине есть именован Паотинг, и тот город зело велик и прекрасен, а под собою имеет меньше себя 20 городов, и в том городе есть превеликие капища, также и иные строения прекрасные. В сем же городе делают питье тарасун, которое лучше всех питей, какие в Китае суть, к тому же и овощей множество в нем родится, около же города горы превысокие, прекрасные и реки небольшие, которые текут в море.

Третий большой город есть по Пекине именован Хокиен, который имеет под собою меньше себя 18 городов, и те города все, вышеписанные и нижеписанные, хотя и меньше больших суть, однако же и они тем же подобием строены, как и большие. И тут в городе у них и вне города стены каменные, и все строение каменное равно, только тем разнствуют, что тот столичный город есть, а те меньшие суть.

В том городе Хокиене превеликие четыре капища идольские, и около того города многие реки суть, которые текут в Восточный океан, также и земля около того города зело хлебородная, и степи великие, которые идут до самого Восточного океана, и на тех степях с морской воды родится соль. Около того города горы прекрасные, при которых есть озерко зело глубокое, в котором, ежели по случаю кто бросит камень какой-нибудь, вся та вода краснеет, как кровь.

А когда листья падут с дерева в него, тотчас перемениются в ластовицы и взлетают, и то бывает так, как и в аглинской земле рождаются утки из таких же листов.

Четвертый в той стране по Пекине город большой есть именован Хинтинг, город велик и многолюдный, а под собою имеет 32 города, меньше себя. В том городе есть пречудно построено капище, зело превысокое о пяти статьях, и в том капище есть идол женского пола, великим художеством сделан, именован Квонин, вышиною же тот идол — 73 аршина. И многие иные капища в том городе построены суть, наипаче же главнейшие пять и прекрасные, и иные строения хорошие.

И близ того города есть гора зело высокая, и там же источник исцелительный, и у того построен прекрасный идольский митр, в котором их многие старцы живут, который построила царица некая китайская, как в том источнике исцелилась. Суть же и иные горы около того города, в которых многие капища построены, и там всякие травы сыскиваются.

Пятый большой по Пекине город по имени Ксунте, и имеет под собою меньше себя 9 городов, и хотя немногие, однако же все великие и многолюдные, и земля около них зело овощна и хлебородна, и многие реки и озера имеет, в которых всякие рыбы и раков множество. В тех озерах сеют некоторый овощ, который родится четвероугольный, и внутри бело, и везде в Китае тот овощ в озерах сеют и продают. Тут же родится зело мелкий песок, с которым китайцы алмазят всякие дорогие каменья и ценные посуды делают. И около тех городов горы многие и реки, около которых есть и травы лекарственные, и источники целительные.

Шестой по Пекине той страны большой город есть именован Квангпинг, и тот город имеет под собою меньших 9 городов, и в том городе многие прекрасные капища построены, также и в меньших его городах многие строения преизрядные суть.

Седьмой большой город той страны есть именован Таминг, который стоит к полудни, имеет под собою 11 меньших городов, и тут есть реки большие. Около

тех городов места хлебородные, и в нем многие и прекрасные капища, и в едином из них есть древнейший герб царя Кави, которому больше 4000 лет, также горы великие и озера суть.

Осьмой большой по Пекине город есть той страны именем Иунпинг, под которым есть шесть меньших городов, и в том городе два великих капища, и та страна близ морского носа Канг лежит, и, хотя гористая, однако же все, что надобно, в ней родится. Там родится и славный корень гисзень, который зело дорого в Китае продается и во многие лекарства употребляют, наипаче тем, которые не могут обмогаться; и тут есть близко горы высокие, на которых есть озера великие и источники теплые.

В сей Пекинской стране суть еще три города крепкие, построены против мунгальского нахождения неподалеку от большой стены пекинской, и тут живут многие служивые люди. И около тех городов родится зело много винограда, но китайцы из него вина не делают, ибо довольствуются тем вином, которое делают из пшена. Также в тех городах есть превеликие мосты каменные, построены на больших реках, а кроме тех городов, есть еще большие крепости, числом 14, которые построены для бережения той же большой стены, между которыми есть единая крепость именем Сивен, которая имеет городовую честь, и тут множество служивых людей собрано живет, и посылаются по иным крепостям для обережения.

Тут близко родится в горах хрусталь и мрамор красный, и мыши великие желтые, кожи которых носят китайцы. А между теми крепостями есть еще две крепости большие, одна на острове Ку построена, именем Ксанхай, и тут многие суда и служивые люди живут против мунгальцев, неподалеку от страны Леоатунга.

Больше же всех тех крепостей и пристанищ, что ни есть в Китае, построен есть близ морского пролива Канга город именем Тенжин, и в нем собираются все реки, которые суть в стране Пекине, и текут в море.

И так сказуют иезуиты, что во всем Китайском государстве стены такие крепкие, и коликое богатство,

и колико кораблей и судов морских, и колико товаров множество, не только в Китае, но и в иных государствах на свете столько нет. Понеже из всего Китайского государства все, что есть лучшее товаров и богатства, морем и сухим путем через тот город в царствующий град Пекин идет. Но, одним словом рещи, пристанища такого во всем Китае нет, ибо больше 20 000 судов морских в том пристанище всегда обретається.

Г л а в а д в а д ц а т ь п я т а я

ОПИСАНИЕ ВТОРОЙ СТРАНЫ ГОСУДАРСТВА КИТАЙСКОГО ИМЕНЕМ КСЕНСИЯ, СКОЛЬКО В ТОЙ СТРАНЕ ГОРОДОВ И ЧТО СЫСКАТЬСЯ МОЖЕТ, И ЧТО РОДИТСЯ В НЕИ

Вторая страна по Пекине китайская есть к западу именем Ксенсий, и хотя не так велика, как страна Пекин, однако же древностью и всяким изобилием далече превосходит. Ибо первая страна есть, в которую вначале китайцы переселились жить, а страна та зело хлебородна и скотородная.

Люди же гражданские и жены всех иных китайских стран жен красотою зело превосходят. А Ксенсий именуют китайцы оттого, что лежит оная страна к горному западу и разделяется от Пекина через горы Хенг, а предел той страны к северу есть. Большая же стена без урывка с востока к западу идет, а за стеной пустыня песочная, которая у китайцев именуется Ксамо, и после того разделяется от иных стран китайской великой рекой Желтой, которая течет с севера к полудню.

В стране же Ксенсий есть большие как бы столичные пять городов, а под теми меньших 92 города, кроме крепостей многих, о которых в своем месте напишем. А по книгам доходным той страны пишут, что в ней больше пяти миллионов пяти тысячей мужей, кроме жен и детей, имеется. Хлебного и всякого окладу с пшеницы и прочего дают хану десятину, пшеницы ежегодно по 320 000 мешков, разных поставов шелко-

вых по 4770, пятьдесят фунтов их шелку, сена дают по 630 000, соли по 420 000 пудов в год, а в пуде их 124 фунта, кроме того, что собирается со всяких пошин.

Винограда в той стране родится зело много, во всем Китае столько не родится, а вина они из него не делают, только сушат и продают. А иезуиты делают из него зело доброе вино и оттуда посылают во весь Китай, и выбывает над ним в костелах их служба.

В той же стране бывает пречудное дело, ибо есть там как кладези, огненные, узкие, и те так деланы, что над ними кладут котлы и горшки со всякими яствами, и тотчас без дров сварится, что им надобно. А тот огонь не светел собою, но только как бы ветер дышит, и для того дрова не загораются, да и сверх того огонь сбирают в толстый камыш, и носят по базару, и продают сколько кому надобно, делают же такие места, чтоб котел вместился, и варят, что надобно. Тут же родится камень черный, которой во всем Китае вместо дров продают.

В той же стране есть многие костелы иезуитские, в которых многие католическую веру приняли и содержат.

Той страны есть столичный и большой город именем Таивенг, который и первый есть той страны, имеет стены зело крепкие, и кругом расстоянием та стена три мили. В том городе зело прекрасные строения суть, наипаче же палата ханская, ибо в том городе в древних временах многие ханы жили, и зело многолюден есть град тот.

Тут же при городе течет река великая, она же напояет всю страну оную, а близ города, на горах, построены прекрасные гробницы и вырезаны из белого мрамора, вырезаны же и всякие звери и птицы. Там же насажены кипарис и всякие древесна по чину, и всякое строение так красно устроено, что и у древних, мнится, римлян такого не было.

Под тем городом есть еще меньших 25 городов, над которыми тот владеет как глава и метрополия, и те города крепкие же и многолюдные. В той стране родится и дорогой корень гинзен, и мускус, и краски

лазоревые зело добрые во оной стране роятся. Во всем же городе построены капища прекрасные, а между ними есть одно капище, в котором вырезана некоего царства статуя из целого предорогого камня.

Четвертый большой город той страны именован Луган, под которым есть меньше его 8 городов, и в том большом городе два капища прекрасные и палата ханская зело стройная. Страна тех городов, хотя и небольшая есть, однако же хлебородная, и что надобно, в изобилии родится.

Пятый большой город той страны именован Фуенхеу, и под тем городом есть меньше того 8 городов, в том городе делают вино из пшена сорочинского, лучше которого в Китае нет. В том же городе есть четыре капища великих и палата ханская, а около того города есть много городов и реки и горы, и на тех горах есть источники теплые.

Кроме же тех больших городов, есть еще три города меньшие, которые именованы китайцами Хеу, а под собою имеют меньше себя 11 городов, и около тех городов родится гинзен и мускус. Также в тех городах суть капища великие и прекрасные, и тут течет река большая Желтая и иные реки, а горы такие высокие той страны суть, что едва человек, будучи на них, и отдохнуть может.

Кроме же тех городов, есть еще 14 крепостей, которые построены для обережения большой стены, и из них оные от больших городов только имени городского не имеют, а в них множество служивых людей имеется.

Г л а в а д в а д ц а т ь ш е с т а я

ОПИСАНИЕ СТРАНЫ ТРЕТЬЕЙ КИТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ИМЕНЕМ КСЕНСИЙ, СКОЛЬКО В НЕЙ ГОРОДОВ И ЧТО РОДИТСЯ

Страна Ксенсий едва не всех китайских стран старее и краснее есть, ибо из старины была столицей многих китайских царей, и тако они пишут, пишут о сем, что прежде всех иных стран начали селиться у

китайцев. Ибо китайцы как бы после потопа с запада пришли и поселились по самому краю востока, и считают они оную страну между северными странами, однако же лежит к западу, которое место именуют китайцы одним словом Сифан.

А стена большая всю ту страну ограждает и разделяет от мунгальского народа часть большой стены, до берега большой реки Желтой, а после того разделяет оную та же большая река и преширокие степи песочные и безводные, и так безопасная из тех стран есть.

Та же река Желтая разделяет между ней и между страной Ксенсий. А в той стране, пишут, что одних мужей, кроме жен и детей, близ 4 миллионов, и десятую дают ежегодно с пшеницы близ двух миллионов мешков, шелку сырцу — по 360 фунтов, шелку деланного — 9208 фунтов, бумаги хлопчатой — 17 172 фунта, китаек — 128 770, сена — один миллион, и 514 749 снопов, кроме тех доходов, которые собираются с пошлины и из иных доходов.

Имеет же под собою 8 больших городов, а меньших — 170 городов, кроме крепостей и замков воинских, которые там суть.

В той стране 19 воздухов тихих*, и страна зело плодovitа, и реки и источники в ней суть многие, а наипаче в той стране родится золота многое множество. Но хотя у них и великий смертный заказ есть, дабы отнюдь не копать никаких руд, однако множество людей ходят по рекам и по речкам и собирают песок речной и, вымывая, в нем золото выбирают.

Той страны народ имеет нравы добрые и к учению склонен, не так, как в иных странах северные китайцы.

То в той стране весьма худо и гнусно, что дожди частые бывают, не так в иных странах, и с того родится множество сверчков, которых весь народ китайский, выходя из городов, побивают и собирают их, и едят. Однако такое множество их есть, что на по-

* Так в оригинале. Читай: умеренный климат.

лях и по лесам с оных зеленеется, и так много летает, что и самое солнце помрачают.

В оной же стране родятся многие лекарственные корения, наипаче же ремень, который не родится дикий, как мнят многие, но сеют в садах с великим бережением, и именуют его китайцы тайхоан, и вешают его на стенах, ибо, на солнце высушась, потеряет силу свою. Из оной страны и из другой китайской, именем Сукчень, весь ремень во всю Европу приходит, понеже торговые люди через Астрахань и Персию возят, а в иных местах не родится, и не сажают так, как там родится по Ангаре и по Селенге рекам, только же не копытчатый.

Турки и бухарцы через Самархан город ежегодно собирают караваны ложным составом, приходят в Китай и посланника от себя как бы в салтана своего избирают, чтоб тем посольством лучше торг свой умножить. Однако же и китайцы остерегают то накрепко, не впускают в Китай, в самый Пекин, кроме посла с небольшими людьми, а достальной караван удерживают в городе Канхву и Сучки, где ханский наместник живет и бережет накрепко, чтоб калмыки и бухарцы не учинили какое нахождение на те края.

И оные торговые турки и бухары провозят с собою между иным товаром камень яшму, который у китайцев великой ценой покупается, и именуют его Ю. Покупают те торговые оный камень в Индии, в городе Иаркен, и тогда сыскивается столь велик камень, как ручной кулак, и многой ценой и безмерной покупается, ибо тот камень сам китайской хан на поясе носит, также и большие его бояре, как [и] меньшие, по нем с золотом или с серебром, или с костью во образ того всякий по чину своему делают. А те торговые покупают у китайцев и мускус тогда, когда китайцы торговые люди, как слышат караваны их, привозят к границе кигайской вышеписанных городов.

Мускус, который привозят к ним, туркам и бухарцам, родится таковым образом: есть в той стране зверек маленький, подобен оленю, только шерсть на нем черноватая и рогов не имеет, и у того зверька при пупке родится как пузырь, тонкий и мягкими волоса-

ми кругом оброслый. Того зверя иногда ловят и снимают тот пузырь, иногда же само спадшее находят, а китайцы именуют того зверька ксе, а мускус именуют гекианг, се есть того зверька ксе обоняние и мясо, и покупают того зверька дорогой ценой, и едят китайцы охотно.

Оный же мускус не точию [во] всей стране родится, но и в Сукчи и во Унан, странах западных китайских, родится же довольно. А когда тот пузырь со мускусом чистый бывает, так крепко пахнет, что тем обонянием и чувство побеждает, а торговые в том немало лукавствуют, что, взявши кожу того зверька, пузыри такие же делают и наполнят кровью и иными внутренними того зверька, смешав не со многим мускусом, продают и обманывают торговых.

Пробуют же или искушают оный мускус, чистый или нет, таким образом: кладут его в морскую лохань и после, взяв его, взвешают, ежели тяжелее будет прежнего, тогда чистый есть, ежели же не тяжелее, тогда уже смешанный и фальшивый есть.

В той же стране делают из бараньей и из козьей шерсти изюди добрые и иные материи, также разная ковры, а наипаче делают шляпы, вверх, как немецкие, а кругу нижнего нет, и те шляпы носят никанские люди.

Оную же страну, наипаче славную, учинил древний камень, который нашли тому ныне лет с 50, а в нем вырезано было китайским и сирийским письмом лета от воплощения спасителя 630 лет, тому же ныне больше 1000 лет. На том камени писаны были имена тогдашних китайских царей, также имена епископов и священников тогдашних, которые были начальниками в Китае, когда была православная вера, когда еще исстари заведена была с наследников старого апостола Фомы. Тут же на камени вырезаны было вкратце и премудро китайским письмом все тайны христианской веры. Камень же тот длиной десяти пядей, а шириной пяти, толщиной де в пядь, и того у китайцев несть честнее, что письмо или какое-нибудь дело старинное. И оттого, как нашли в земле его и, рассмотревши, познали, что то старое письмо, тот-

час они, списавши, напечатали листы и для ведомости во все Китайское государство послали, которое, яко древнейшее, [на] весь Китай с великою похвалою приняли.

Глава двадцать седьмая

ОПИСАНИЕ ПЕРВОГО И СТОЛИЧНОГО ГОРОДА СТРАНЫ КСЕНСИЙ ИМЕНЕМ СИГАНА, СКОЛЬКО ПОД НИМ ГОРОДОВ, ЧТО В НЕМ СЫЩЕТСЯ

Сиган — столичный город страны Ксенсий — между большими и богатыми китайскими городами прекрасным считается, стена кругом того города на 15 верст, и такие стены имеет прекрасные и крепкие, что китайцы имеют* их «стены золотые», красоты ради и крепости их. На той стене построены башни высокие и великим художеством сделаны, и по мере построены, а ворот имеют четверо, на четыре страны сделаны для легкого бережения.

Городовое в нем строение зело старое, три родословия в нем царствовали, се есть Хева, Цына и Хана, и оттого тот город везде исполнен есть прекрасными строениями, и не только в городе, но и около города везде предивные здания суть. Наипаче же украшает тот город место то, где построен есть, ибо стоит на берегу большой реки Квеи, на красном и высоком месте. И в том городе построены суть три моста каменные великие и прекрасные над тою рекою Квеи, строены же суть из белого великого камня, и вместо перил львы великие вырезаны. Также есть и колокольница девятипоясная, построена зело высокая; внутри мрамором обложена, и в городе есть озеро великое, ограждено на 10 верст, и в том озере китайцы на судах привыкают биться и делают комедии. В сем же городе имеются семь великих палат и 17 оград великих, которые все покрыты каменным сводом, и в тех китайцы гуляют.

Есть тут же древних царей предивные гробницы

* Именуют

и капища премногие, и между ними 11 лучше и краснее тут же и костел католический, в котором многие китайцы и татары, принявшие католическую веру, службу свою справляют. Сей город прежде всего разные имена имел, а последнее родословие Танминга именовал Сига, то есть «покой западный». Около же того суть места прекрасные, исполнены везде овощами всякими, а владеет меньше себя 36 городами, около же тех мест множество оленей, коз и зайцев. Также тут родятся нетопыри, как великие курицы, и тех китайцы едят паче всех иных яств.

Там же родится на горах трава, кто ее ест, тотчас всякую печаль изгоняет и творит радость и смех. На тех же горах родится земля зело белая, которую именуют китайцы квейки, се есть боярская жена, ибо той землей моются жены, и лучше всяких белил очищает и гладит лицо и все шадрины.

На тех же горах есть источник, водою подобен хрусталию, а естество его пречудно, ибо хотя само неглубоко, однако же на дне так тепло, что невозможно в нем руки держать, а вверху так холодно, что не может человек терпеть.

Тут же есть гора именем Тайпе, которая у китайцев несчастливой считается, а на той горе, сказывают, когда случится бить в бубны, тотчас начинается гром и молния начинает быть. И того ради у них заказ есть великий, чтобы отнюдь в бубны не бить.

А река Квей ту страну всю течением своим наполняет и плодovitую чинит, и после впадает в большую реку Желтую, и около тех городов есть озера великие, сделаны при прежних царях, которые войска свои обучали биться на судах. И на тех озерах палаты великие и сады прекрасные построены, в которых комедии и иные потехи делали. Тут же есть великое озеро, именем Силен, в котором некоторый царь сделал великую рыбу каменную и положил в том озере, дабы был признак плавающим, куда потребно. И та рыба признак дает, когда будет дождливое время, шумит и тем знак дает. И баснословят китайцы, как бы некоторый царь видел во сне рыбу ту, которая

просила у него молить*, и на другой день уловил такую живую рыбу, и паки велел опустить в воду. А когда после того начали ловить, и нашли в рыбе два зерна жемчужные такие, что свет сами собой дали и так пременялися, как луна на небесах пременяется, и убывает, и прибывает. И оный жемчуг, сказывают, и ныне в Китае сыскивается в ханской палате, а цена тому толикая, что никто против иных дорогих жемчугов того оценить не может.

Второй большой город той страны есть именован Фунгцянг, и тот город стоит на северном берегу большой реки Пинг, и имя то Фунг у китайцев знаменует птицу Финин**, которая птица у них зело редко объявляется. А когда она объявится, то в великое счастье всему государству знаменует, и живописуют ту птицу китайцы, как бы имеет перья всякими цветами, и красками расцвечивают также и пишут оную во всяких дорогих коврах и платьях, и по той птице именуют как бы счастливый этот город. Положением тот город зело велик есть и прекрасен, и строение в нем изрядное, а около того города воздух зело добрый и земля плодородная, что пять речек через оную текут. А около тех мест стоят горы высокие, как валы городовые.

Имеет же под собою оный город меньше себе 8 городов, в тех странах много попугаев и иных птиц родится.

Тут же родится змий зело черный, и из них сочиняют многие лекарства против многих болезней, в той же стране сыскивается рыба такая, которую сушат китайцы и делают из того как пыль некоторую, и кладут меж шелковых материй, и бережет от всякой кори.

Там же горы высокие, между которыми есть одна гора, которая есть подобием изображена, как петух, а когда хочет быть непогодь, тогда бывает великий шум, что слышно в дальних местах. Также суть и иные горы высокие, на которых родятся соколы и ор-

* Просила пощады.

** Птица Феникс, по преданию, возрождалась из пепла.

лы многие, которых обучают китайцы всякую птицу ловить, тут же текут три реки великие и между теми — озеро великое же.

Глава двадцать восьмая

ОПИСАНИЕ ОСТАЛЬНЫХ БОЛЬШИХ ШЕСТИ ГОРОДОВ ТОЙ ЖЕ СТРАНЫ КСЕНСИЙ И ПОД НИМИ СУЩИХ ГОРОДОВ И ВОИНСКИХ КРЕПОСТЕЙ

Третий большой город той страны Ксенсий именован Ханхунг, который построен между двумя реками, именуется Хан, и хотя везде около него горы высокие, однако же везде земля делана и плодovitа. На тех горах с пчел множество родится меду, также мускуса, киновари, и из зверей — оленей, коз диких и медведей множество, которых китайцы едят, ноги же медвежьи в первых и честных яствах ставят.

Тот город владеет меньше себя 16 городами, и те города построены все по горам, а большой тот город зело многолюден и крепок, ибо, где он стоит, горы и леса окружили то место. Да в том же городе есть пять капищ прекрасных, между которыми есть одно пречудно, сделано на имя некоего воеводы, который устроил дорогу между столичным городом Сигана и между этим городом, потому что там превысокие горы суть и ежели вокруг обходить оные, то будет на 2000 верст, прямо же через горы — верст с 80.

Тот же воевода неподалеку от тех мест победил неприятельское войско, которое бежало кругом тех гор, но тот, хотя упредить их и встречу найти, понудил все свое войско оные горы чеканами рассекать, и ископали глубокие дороги между гор, что едва видится небо между обеими стенами, и так оногo неприятеля догнал. А где по той дороге были пропасти и юдоли глубокие, и их наполнили землею и мосты с горы до горы сделаны.

И та дорога устроена так, что четыре коня рядом вместятся, а на мостах забрала построены и земля насыпана, чтоб прискорбно не было проходящим, ибо высокие мосты и человек на них не смеет смотреть.

Ту дорогу ныне китайцы с великим бережением имеют и всегда починивают, и там построены села и избы покоя ради приходящих, и такое пречудное дело мало сыщется во ином государстве, и для того тому воеводе китайцы сделали капище в вечное воспитание.

На одной же из тех гор сделана статуя из самородного камня на имя некоторой жены прекрасной, в иных же горах там суть преглубокие пещеры, а между ними гора некоторая, которая именуется Вуту. На той горе родится земля красная, как сурик, и из того делают китайцы лекарство составное, тензуй именуемое, которое дают китайцы против всяких отрав и против огневицы, а в Европе того лекарства дохторы не знают.

Около тех же мест есть две реки, одна именуется Хан восточный, а другая—Хан западный, и по ним ходят великие суда с города до города.

Четвертый большой город той страны есть именем Пинглианг, который имеет под собою меньших десять городов, и хотя земля та гориста, однако же зело плодovита, и в том городе есть три капища большие, красные, также и палата ханская всемерно хорошая. Неподалеку от того города есть гора великая, именем Ио, и тут роятся камешки, как алмазы, светлые. Также есть там преглубокая пропасть, через которую делана дорога ханская, и вся устлана большим четырехугольным камнем, и столь глубока она пропасть, что едва видно по ней ходить. Река Кианг течет неподалеку от того города и, минуя иные города, близ столичного города впадает в реку Гвей.

Пятый большой город той страны именем Лианчо, славный тот город оттого, что большая та стена Китайская близ того города кончается. Тут же на горах, неподалеку от Желтой реки, родится множество золота, и везде: по горам, и по речкам, и по пескам — довольно, по тем же горам множество быков диких, барсов, из которых китайцы делают шубы, и именуют то китайцы пау, к тому же родится множество баранов великих, как калмыцкие, также яблoк и дулий множество.

В том городе есть капища три великие, и тот город имеет под собой меньших себя 5 городов, около же тех мест — горы каменные, через которые, как через ворота, течет великая река Желтая, также и река Иао неподалеку же стоит.

Седьмой город той страны есть именован Книгианг, который прехвальный есть для крепости стены и глубины рвов, и против мунгалов есть оборона великая, ибо многие крепости построены близ большой стены. Земля та была прежде мунгальская, а взял у них Ксий, царь китайский, и оградил большою стеною везде. В том же городе есть три капища великие, и в одном из них написано пречудно 37 царей китайских, родословие Хева.

Родится здесь пшеница сорочинская, которая, как пургация, чистит тело, также и удержание мочи упущает. Есть же трава, как желтые волосы, которую китайцы именуют кинзу, се есть золотой шелк, а вкус ее горек, и та трава лечит всякую коросту и всякие шелуди, также родится некоторый боб, который побеждает всякие отравы.

А тот город владеет пятью меньшими себя городами, и около тех мест горы высокие, и в одной из них есть 27 болванов резных, тут же суть реки многие и озера, в которых соль родится.

Восьмой большой город той страны именован Ианг, который построен близ большого озера, в том городе есть ограждена превысокая гора, и на ней всякие прекрасные строения. И она земля была исстари мунгальская, которую взял царь Ксий и оградил большою стеною, и тот город владеет 19 городами. Там на горах родится из камня как деготь, который у них вместо свеч жгут. Тут же родится множество соболей и мрамор разный, там родится цвет, именован меутан, который у китайцев к великой чести, и тот подобием как шапошник и больше, красный и желтый, во всяких посудах у китайцев честных людей имеется.

В том же городе — два капища великие, и неподалеку от города гора высокая, а в ней пещера, и в той пещере с 1000 болванов разных, резных из крепкого

камня, и тут как бы жил некоторый пустынный — царь китайский. Там же, на горах, родится киноварь, и тут река Кета, и в ней вода легкая, что никакое судно не может плавать, тотчас утонет, как на воздухе.

Кроме же тех городов, еще есть крепости и города воинские, иные в большой стене, иные же за стеною, против государства Самархана и калмыков, из которых девять суть больших, а 14 — меньших.

В самой же большой стене построено 6 крепостей, а в воинском городе Кенгеу живет наместник ханский, который никому не послушен, кроме хана китайского. И тот город зело крепок, и множество людей в нем служивых, из которых берегут от калмыков, около же того города и далее начинается пустыня песочная, в которой ни воды, ни дров, ни травы нет, которая китайцами именуется Ксамо, а европейские именуют Лоп.

Там же есть город прекрепкий, воинский, именем Сокчи, в котором обретається воевода, и тот город разделяется надвое, в одном живут турки и бухарцы, в другом же китайцы и иные иноземцы торговые, которых изо многих государств собирают торговать, да в тот же город и наши тобольские русские люди приходили и купили ремень и прочее. Оные же места пустынные именуются у их иноземцев Каракитай, се есть черный Китай, [у?] тех воинских городов есть горы высокие, на которых множество коней диких и кур волосатых, и мускуса множество. И на одной из тех гор есть превысокая старая колокольница и мост каменный, пречудно устроенный одним сводом с горы до горы, длина его 400 аршин, а в вышину 50 аршин, под него же течет великая река Желтая. Китайцы же именуют тот мост Летучим мостом и сказывают, что три года строили до совершения.

Тут же, близ города Сукчи, есть озеро великое, которое именуют китайцы Синим морем, и при нем иные многие озера, в которых ежегодно соль красная и белая самородится.

**ОПИСАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНЫ КИТАЙСКОЙ,
ИМЕНЕМ КСАНТУНГ, СКОЛЬКО В НЕЙ ГОРОДОВ
И ЧТО РОДИТСЯ В НЕЙ**

Четвертая из северных стран китайских есть Ксантунг страна, которая, как превеликий остров есть, ибо с севера, востока и полудня окружается морем, а с запада везде реками разделяется, и с севера лежит страна Пекин, а с полудня — Нанкинг. Земля той страны есть плодovitа, всякий хлеб и овощи роятся, но хотя когда и вредят пружи, однако же столь плодovitа земля, что, говорят китайцы, в один год что родится, будет на десять лет чем им кормиться. В той же стране птицы, а наипаче куречь яйца зело дешевы, также и курицы дикие, перепелки и зайцы дешевые, и множество оных есть, ибо китайцы нигде так не ловят, как в этих местах. А рыбы же столь много ловят по морю и по рекам, что на одну деньгу можно купить больше 10 фунтов.

А паче дивно есть, что в той стране бог им даровал самородный шелк, ибо некоторые черви сами роят по лесам и по полям белый шелк, как и настоящий, длинный, а не круглый, который собирая, китайцы делают из него всякие шелковые дела, которые, хотя не так мягкие, однако же крепче настоящего.

В той стране роятся черносливы зело хорошие, дулии и груши всякие, которые сушат и продают везде, также родится некоторый овощ, именем суку, таковые овощи взяты были в Москву с нами, который овощ ни в котором государстве, кроме Китая, не родится. Особо же тот овощ так сушат, как винные ягоды, и продают во всем Китае, а когда он свеж есть, будто яблоко наливное, а внутри есть ядра по 5 и по 10, а когда свежи, гораздо добры.

В книге китайской, в которой пишут людей, в той стране по переписи больше 700 000 семей, а мужей 6 миллионов и 700 000, точию народ той страны склонен к работе и к воинскому делу, нежели к учению. И для того многие здесь разбойники живут и бунты многие против царей делают, ибо народ жестокий,

сказывают, что родящихся младенцев своих зимою погружают в проруби, чтоб они терпеливы были.

А столько в той стране разбойников, что и на картах, которыми они играют, тузы и короли — славных их разбойников и бунтовщиков лица и имена напечатаны для того, дабы играющие разбойники всегда помнили и боялись, чтоб и они также не погибли.

Нынешнею же богдойскою войною зело разорилась та страна, ибо люди смелые и непокорные, и много раз над богдойцами бунтовали, и оттого множество народа побито и земля запустела.

Во всей же той стране есть шесть городов больших, а меньших 92, десятины же приходит разной: пшеницы и проса на год — по 28 000 000 с излишеством мешков, шелку деланного — по 55 000 фунтов, бумаги хлопчатой — 52 000 с излишеством фунтов, сена снопов — по 39 000 000, кроме пошлины, которая на трех местах собирается на реке Юн, ибо по той реке изо всего Китая все суда ходят со всякими товарами в царствующий град Пекин. И хотя они зело малу пошлину берут, однако же подлинно сказывают, что из той пошлины собирается ежегодно по десять миллионов червонных, кроме того, что возьмут начальники.

Наипаче же богатит ту страну река Юн, берег которой выкопан и построен великим художеством, потому что вода в той реке в иных местах есть мелкая и не могли бы доходить большими судами в Пекин. И для такого прохода сделано на той реке больше 20 порогов из крепкого сеченого камня, только оставлены ворота, что можно судну пройти, и те ворота держат великими брусьями. И как придет судно, чтобы пройти, тогда, сперши ворота, пустят судно с водою, и проходит до другого порога, и так все пороги пройдет.

Воду в той реке на порогах прибылую пускают из большого озера, которое также построено каменными порогами, ибо озеро то выше реки стоит, и пускают

воду, сколько потребно. И на тех порогах люди поставлены, которые оные суда проводят.

А начинается то дело с самого берега великой реки Желтой и идет до Квеи реки, а оттуда в Пекин.

Первый и столичный город той страны есть именован Цынак, город великий и украшен всяким строением и вельми многолюден, стоит в месте водяном, ибо около города и в городе великие озера, и оттого везде в городе судами ходят. Мосты же везде построены каменные, а наипаче два зело великие над теми озерами.

И в том городе жил хан китайский, который убит богдойскими войсками. После него остались прекрасные палаты великие и сады многие, и там идольские капища многие, десять же из тех весьма пречудные, и между теми еще есть одно капище, которое именуется тунго, и то превосходит всех иных красотой, ибо построено с древнего царя Хоанктея. В том капище жили 72 хана китайских, которые как бы старцы тут обретались, и оттого оное капище всяким строением украшено, и ныне множество старцев в нем обретается, которые у них бонзы именуются и доходы великие имеют.

Тут же на горах есть гробище построено и костел католический, а в нем два иезуита, которые многих из китайцев крестили.

Толикое же есть в той стране обилие во всем, что ни одной стране из северных так не изобилует, ибо всякого плода и овощей и всякого скота множество есть.

Имеет же под собою 30 меньших городов, и около тех городов горы высокие, между которыми есть одна именован Таи, которая в вышину 40 верст китайских, 14 — наших, и говорят они, что сверху той горы, когда впервых петухи поют, тогда можно солнце видеть. Тут есть многие пещеры и капища идольские, в которых бесчисленное множество их пустынников живет, тут же есть многие озера, в которых всяких цветов множество, и многие реки и источники обретаются.

ОБ ОСТАЛЬНЫХ ПЯТИ БОЛЬШИХ ГОРОДАХ
ТОЙ СТРАНЫ И ЧТО В НИХ ОБРЕТАЕТСЯ

Второй великий город той страны, именем Иенхеу, который лежит между двумя реками большими, и та земля зело плодovitая, и рыбы множество в реках и озерах. Имеет же под собою тот город 27 городов меньших, а между теми есть один город именем Цынинг, который величиною и многолюдством и богатством едва не превосходит и самый большой столичный город. Ибо построен близ берега вышеписанной большой реки Юн, посреди вышеписанных порогов, и потому все суда, которые в Пекин идут, тут пристань имеют и платят пошлины, и бывает торговых людей в нем множество.

Вышеписанный же большой город Иенхеу того ради славен есть, ибо в нем живал хан китайский, и наипаче же почтен для того, что в тех местах родился славный их бог и философ китайский именем Конфуций. Родился же он там близ того города во ином городе именем Цеу, и тут 15 великих капищ сделаны и украшены художеством, и тут ему и иным идолам [есть] многие гробницы, а наипаче славнее есть того Конфуция гора в другом городе именем Кинхианг, где прежде сего золота много родилось, также и иные многие горы, в которых многие и великие села, и тут всякие овощи родятся.

Тут же есть две реки, одна именем Квей, другая же Су, и на тех местах больших 5 озер, между которыми одно именем Луй, се есть гремительно, понеже посреди того озера есть камень великий, у которого голова, как человеческая, а тело, как драконово. О сем китайцы пишут, что когда кто бьет брюхо того камня, тотчас дает шум, как гром. И около того и иные меньшие озера.

Третий большой город той страны есть именем Тунханг, который стоит в ровном и плодovitом месте, и оттого всякие плоды и овощи, какие надобны человеку, в изобилии родятся, а паче всего множество в нем шелку родится. Город славный и прекрасный и

имеет под собою 18 меньших городов, между которыми есть один именован Лицынг, который многолюдством, и богатством, и красотою ни мало отстоит от славных больших китайских городов, ибо построен на том месте, где вышеписанная протока Юн и река Квей сошлись. И оттого изо всего Китая суда и товары там приходят, и тут имеются трое начальников, которые собирают с них пошлину.

В том городе есть всякие прекрасные строения, а наипаче превосходит всего колокольня, предивным строением устроенная, которая строена за городом восьмиугольная с девятью статуями, се есть девяти поясов. Высота той колокольни 450 аршин, а ширина ее довольно напротив вышины сделана, внешняя стена ее прекрасная и тонкая фарфоровая, со всяким рукописанием живописным украшена. Внутренняя же стена многоцветным мрамором обложена, а стены ее так светлеют, что, как зеркало, пречистое сдают лице, а восходят на нее по круглой лестнице не посреди, но по краям, между двумя стенами. И из той лестницы на всякий пояс есть сход, и около тех поясов строены забрали мраморные, прекрасные, также и решетки железные кругом позолочены.

И круг тех девяти поясов такие своды есть, и по тем поясам, наипаче с вышним, есть колокола маленькие повешены, которые, когда ветер бывает, тогда сами дают звон согласно. В последнем же верхнем поясе, на самом верху колокольни, есть идол медный позолоченный, на имя того, кому та колокольня поставлена, а около колокольни той многие капища идольские предивным и прекрасным строением деланы, не меньше древних римских строений.

Такие же колокольницы девятипоясные суть многие в Китае, краснее той и лучше, ибо они чают, что в тех колокольнях содержится счастье всего города.

Близ того города есть гора высокая, которая именуется Звонный Камень, понеже на той горе могила высокая в 200 сажен, которая, хотя тихонько перстом кто прикоснется, якобы бубен, звон издает.

Неподалеку же от тех мест есть озеро великое, именован Го, в котором царь китайский Квей множест-

во журавлей кормил, и донныне у китайцев тот обычай есть, что на дворах держат оленей и журавлей, оттого что они долголетно живут, и мнят китайцы, что кто держит оных в доме и смотрит на них, и тот с того долголетно жить будет.

Четвертый большой город той страны есть именован Цынгхеу, который имеет под собою 14 меньших городов, и в том городе из-за близости моря и множества рек такая дешевость есть во всяком харче, что едва во иных местах сыскаться может, а наипаче рыба, ибо только с ящуров рыбных кож великую прибыль получают. Сей город наипаче славен есть для того, что в нем прежде хан китайский владел.

В сих местах обретається камень в коровьих желудках, который именуют китайцы неухоанг, се есть желтость коровья, ибо родится желт едва не с гусиное яйцо, и то хвалят китайцы дохторы, наипаче же камень безоара, и они дают против всякой мокроты и многих болезней и говорят, что зело холоднее, так что в кипячую воду хотя мало с него зерно положится [холодна станет].

Там близ есть горы великие, на которых множество сел, также и проливы морские, которые окружают многие города, тут же острова, на которых родится трава, которая, сказуют китайцы, когда едят кони, резвость и силу им подает.

Пятый большой город той страны есть именован Тенхеу, который стоит на острове морском в добром пристанище, где стоит великий караван морских судов для охранения моря. И сей город имеет под собою 8 меньших городов, и в том городе есть 3 капища больших, а наипаче диво есть, что там родится камыш великий четырехугольный, а не круглый, как водится, тут же и раков множество в реках родится.

Тут же близ и горы высокие с жителями есть и близ них источник, из которого течет вода теплая и холодная.

Шестой большой город той страны есть именован Лахеу, который построен на морском носу и с трех сторон проливается морем, а с одной стороны сухо, под собой же имеет семь меньших городов, кроме

крепостей, которые построены на приморском берегу, в нем есть пять больших капищ, и при нем горы высокие близ морского берега и две реки небольшие. А на море есть острова многие, и в одном из них 5 философов в старых летах скочили в море и утонули, ибо Ксий царь весьма не любил учения.

Больше же всех тех островов есть остров именем Ксамуен в Канге морской проливе, где судовое пристанище есть великое, и тут множество судов, которые ходят в Пекин и в Леоатунг, тут есть и руды великие золотые, но только берегут оных накрепко, чтоб никто не копал.

Кроме же тех городов, есть 13 крепостей, которые построены больше иных городов, и в них множество служивых людей, ибо построены суть на устье рек и моря, и караулят море и реки и всю страну ту.

Г л а в а т р и д ц а т ь п е р в а я

ОПИСАНИЕ ПЯТОЙ СТРАНЫ КИТАЙСКОЙ ИМЕНЕМ ХОНАН, СКОЛЬКО В НЕЙ БОЛЬШИХ И МАЛЫХ ГОРОДОВ И ЧТО В НЕЙ ОБРЕТАЕТСЯ

Хонан страна имя свое получила с места своего, ибо стоит к полудневной стороне, к реке Желтой, которая разделяется на страны Гансий и Пекин, китайцы же о том говорят, что та страна посреди земли стоит, ибо они мнят, якобы, кроме китайского, иного государства нет на свете, а Хонан страна среди Китайского государства, и для того они баснословят, что и та страна посреди земли стоит.

Издrevле же то было китайских царей жилище, ибо великая река Желтая через всю ту страну течет и по ней, что надобно, привозят в изобилии.

Оная же страна зело плодovита и красна, ни единого бо места нет, где бы жительство не было и не делано, только же к западу немногие суть горы, и тут всякие леса и овощи, а на полях всякие овощи и пшеница родятся, и скота множество, воздух же везде благорастворенный. В сей стране частые города, большие и меньшие, местечки и крепости, что нигде простого

места нет, а овощей европейских всяких множество, и все, что потребно человеку к прохладе и житью, в ней недорогой ценой можно сыскать. И того ради ту страну китайцы именуют сад и ветроград, ибо часть восточная той страны так построена, что многие дни ходишь между садов и деревень.

По переписи китайской книги описуется в той стране семей 590 000, а мужей 51 миллион, а дань дают пшеницы — 2 миллиона 500 000 мешков, шелку деланого — по 9900 фунтов, не деланого — по 23 500, китаек — только 340 тюней, ибо там не родится бумага. Сена — по 2 миллиона по 290 000 снопов.

Городов больших в той стране 8, меньших же 100, кроме крепостей и городков, о которых ниже напишем.

Первый и столичный большой город той страны есть именован Кайфунг, который зело велик и многолюден и приукрашен был всякими строениями, а тому ныне лет 50, когда восстали бунтовщики в Китайском государстве, писано о том в татарской книге, и осадили тот город на многие месяцы. А после того с Желтой реки вода весь город с людьми потопила и разорила, ибо тут близ течет река Желтая, которая течение имеет выше того города, как тот дистанцию имеет. И оттого берег той реки больше 3 верст устроен большим высоким каменем, как валом, который держит реку, чтоб не разливалась.

Когда же оный город осажден был, тогда они сами, городовые люди, немного тот вал сбивали, хотя потопить войско бунтовщиков, напоследок же вода и сама, развалившись больше того места, город, людей и все, что в нем было, потопила, там же погиб и костел с иезуитами.

В том городе прежде сего жил хан китайский; но хотя тогда с воды и разорился, однако же паки строением новым украшен, и больше десяти капищ идольских имеется.

Под собой же имеет меньших себя 34 города, между которыми один именован Сынцынг, который ради рождения Хоанктя, второго царя китайского, зело славен, и в нем множество всяких прекрасных строе-

ний, палат, колоколен, гробниц, капищ, предивно устроенных. В другом же из оных городе, именован Хине, есть сад великий, огражден стеною, и в нем множество палат и всяких строений гуляния ради и потехи, тут же есть палата, таким художеством делана, что хотя какие-нибудь жары летом бывают, однако же в ней холодно, как в зимнее время.

Около же тех мест есть горы высокие, преукрашены всякими садами и жительством, между которыми одна гора именован Ксеу, которая у китайцев первой горой именуется во всей китайской области, сказуют они, что красотою и счастьем превосходит все иные горы. Там же суть многие реки и озера великие, между которыми есть озеро именован Кининг, в котором китайцы обучались на судах биться, и около того озера везде палаты и капища, и сады построены. К тому же столбы поставлены мраморные, на которых писаны вирши на похвалу того озера, ибо в Китае мало сыщется такое место, где не было бы садов и строений.

Второй большой город той страны именован Квейте, между большой рекой Желтой и между рекой Гоай, и та земля зело плодovitа и здравая. Там прежде всего ханы китайские живали, под собою же имеет 9 городов, которые все многолюдны и в изобилии. Около же тех городов родится всякий овощ, наипаче же родятся лимоны, померанцы и яблоки гранаты, ибо та страна ровная и негористая, тут же есть и мосты великие и высокие каменные над реками и озерами.

Третий большой город той страны есть именован Ханкте, который стоит на углу, между странами Пекином и Ксенсием, и оттого не имеет много места, однако же зело плодovitое, ровное, и горы немногие имеет, в которых родится камень магнит. В том городе 7 капищ больших прекрасных, а под собою имеет 7 меньших городов, около которых родится некая рыба, которую китаец именууют гаюл, се есть «рыба младенец», ибо когда поймают оную, так голос издает, как младенец плачет. Видом оная рыба, как крокодил небольшой, хвост имеет долгий и четыре ноги, а жир той рыбы, когда зажжешь, то ни водою.

ни иным чем [не] можно угасить; тут же есть река именем Ло, которая под землей скрывается многие версты и паки выходит и течение свое имеет, там же есть и гора высокая, именем Ку, в которой самый добрый магнит родится.

Четвертый большой город той страны есть именем Гвенгой, который построен на берегу реки Гвеи, но хотя земля и не очень плодovита, как в оных городах, однако же и тут родится все, что человеку потребно. Наипаче же славный есть оный город по сему, что прежде сего жил хан китайский, в том городе есть 7 капищ, имеет под собою 7 меньших городов.

И тут есть горы высокие, на тех горах есть вода в ямах, такая, что ежели волосы есть у кого на теле и моет той водой, тотчас падут. И там вершины рек Гвеи и Ки.

Г л а в а т р и д ц а т ь в т о р а я

ОБ ОСТАЛЬНЫХ ЧЕТЫРЕХ ГОРОДАХ БОЛЬШИХ ТОЙ СТРАНЫ И ЧТО В НИХ РОДИТСЯ В ИЗОБИЛИИ

Пятый большой город той страны есть именем Хоакинг, который, хотя немного места около себя имеет, однако же зело плодovитая страна и здравая, со стороны горами, со стороны же рекою Желтою ограждается, а под собою имеет меньших 6 городов. В том городе 3 капища больших, и тот город славен и богат есть, прежде всего в нем живали ханы китайские, и тут родятся многие лекарственные травы, которые во всем Китае ходят. В великом рву того города имеются многие звери, и там есть строение дивное, именуется ехианг, в воспоминание некоторого мужа построено, который, когда женился, так молился богу, что не женится для богатства и прохлады, только рождения ради добрых детей, и оттого бог ему даровал трех сынов, которые философами большими и боярами великими были.

В северной стороне того города есть гора именем Таи, которая в древних временах великий шум учинила и после надвое расселась, и учинилась пропасть

300 сажень, из нее же течет вода, которая у китайцев вместо масла употребляется, ибо в питье зело сладка. Там же есть гора наполнена всякими судами, неподалеку же и река Ки, которая немного течет и схоронится в землю, и паки выйдет, и учинит озеро великое.

Шестой большой город той страны есть именем Хонан, по имени той страны, который город стоит на берегу реки Ко, тот город именуют китайцы средина или пуп всей земли, потому что среди стоит всего Китайского государства. Земля около того города везде голая, однако ж во всем плодovitая, а город сей зело велик есть и многолюден, ибо прежде сего жил хан китайский, тайминского родословия.

В том городе есть 13 капищ великих, между ними есть одно, под которое течет река, как под мост каменный, и из того города произошло родословие царское Сунга именем. Имеет же под собою меньших 14 городов, между которыми есть один именем Тенквунг, чают китайцы, как бы и тот посредине стоит.

В том городе видится и доньше большая доска медная, на которой есть постановлено правило, прямо сделано в разные части, также на той доске есть линия начертана и разделена на свои части. И тем инструментом великий астрологистр и математик китайский именем Хеукунг, правитель тогдашний всего Китайского государства, хранил и смотрел с тени полуденной и с того знал возвышение солнца и иные дела, которые могут зняться. А жил он прежде воплощения спасителя лета 1120.

Тут близ есть высокая колокольня, с которой он смотрел течение звезд и соединение, именуется же та по-китайски квонсинктай, се есть «колокольня звездосмотрительная». Той же Хеукунг еще тогда познал действие магнита камени, также и компасы, чем ходят по морю, которые у нас в Европе еще тогда никак не знали.

В той стране есть зело многие и прекрасные гробницы, а окрест того города — стены, сады великие, и в них всякие звери, а близ города Ген есть превеликое калище, в котором Ксий царь оставил двенадцать медных статуй, литых предивным и великим ху-

дожеством. Около же тех мест суть горы высокие, в которых родится медь добрая, сысканная еще исстари, с Хоанктя — второго царя китайского.

Также суть и реки многие, большие и малые, и озера многие, между которыми есть одно озеро, в нем же вода летом зело холодная, а зимою тепла, и близ того города — источник предивный под каменным строением.

Седьмой город той страны есть именован Накианг, который построен на западном берегу реки Ио, и тот город великое место имеет, в котором всякие плоды и овощи в изобилии роятся. Под ним есть меньше 13 городов, и отовсюду та стена ограждена горами и реками, и оттого зело угодна к бережению Китайского государства.

Ибо столько запасов в том городе родится, что можно великое войско без трудностей пропитать. Сей город зело многолюден и богат всякими товарами, не только в нем роятся всякие плоды, но и камень лазорь довольно родится.

Там же родится змея, которая имеет кожу белую, разными крапинами расцвечену, ту змею кладут в склинницу доктора китайские и, когда растает, дают пить с параличной немощи.

В том же городе есть многие прекрасные строения, между которыми 9 великих капищ, ибо в нем жил хан тайминского родословия, который тот город вельми преукрасил. К северу того города есть гора, на ней же 36 озер, и иная гора, на которой есть озеро немалое, в нем же вода лечит всякие сердечные болезни.

Реки в той стране суть многие, между которыми есть река предивная, именован Тан, в которой такие рыбы суть, что во всем красная, а объявляется точно в начале лета, а во иное время отнюдь. Пишут о том китайцы, что когда возмутит кто в оной реке воду, тогда все те рыбы наверх выходят и стоят поверх воды, и вода как огненная и красная видится, ибо по-китайски Тан «красно» именуется. Они же пишут, ежели не лгут, что, буде мажет ноги свои кто кровью той рыбы, тогда можно ходить тому по воде, как по суше.

Там же есть остров невеликий, именем Пехоа, се есть «всех цветов остров», и на нем есть палата прекрасная, строена для гуляния и прохлады. В тех же местах есть источник, в котором вода у китайцев зело ценная, они говорят, что, кто пьет той воды, долголетен будет.

Восьмой большой город той страны именем Иунинг, который стоит на берегу озера Ко, в тех местах родится трава чай, она же у китайцев зело честна есть. И в том городе есть 8 капищ превеликих, за ней тут жил хан китайский, под собою же имеет 14 меньших городов, и около тех мест горы высокие, всякими лесами и овощами исполнены, между которыми есть одна, китайцы баснословят, как бы среди земли стоит. И тут текут три реки, они же напояют всю страну ту, и есть озеро Сий, при котором построены две палаты прекрасные для прохлады и гуляния.

Кроме же тех больших городов, есть особый городок именем Ю, который у китайцев еще не получил чести принять имя большого города, однако же обилием и красотой места со многими большими городами равен. Имеет же под собою пять меньших городков, а построен оный город на берегу реки Ю и с того получил имя то, и тут есть и гора высокая, именем Лу, также и озера и реки многие суть, неподалеку есть источник претеплой воды, которая ради теплоты своей Вен именуется.

Глава сороковая

ОПИСАНИЕ ДЕВЯТОЙ СТРАНЫ КИТАЙСКОЙ ИМЕНЕМ КИАНГИАН ИЛИ НАНКИНГ, СКОЛЬКО В НЕЙ ГОРОДОВ ЕСТЬ И ЧТО В НИХ ИМЕЕТСЯ

Сия страна еще и второе место и часть держит в Китайском государстве, как первая страна Пекин, в которой столица царская есть, однако же ни единая из китайских стран сравниться с прекрасной и пребогатой страной Нанкинг не может. Ибо всех прежних царей была столица, пока тайминское родословие переменило столицу Пекин ради того, что с ближних

мест можно было им противиться мунгальскому народу, ибо недалеко есть от большой стены Китайской.

Но хотя в Нанкинге столица и не была, однако же и тут был всякий чин царский, как и в Пекине, также и палата царская зело великая и прекрасная, и иные дела предивные.

А когда богдойцы взяли оную, весьма разорили и отомстили этим тайминскому родословию, потому что то родословие выгнали из царства прежних богдойцев. И такие строения предивные были, что между дивом по всей вселенной проглашались. Наипаче же гробы царские, которые все разорили богдойцы, и имена переменяли, и чин ханский, и все, что было честно и добро, сняли.

Та страна оттого честная есть, что зело велика и изобилует всякими плодами, наипаче же торгом пребогата, все китайские города великие и богатые той страны суть, и сколько больших и меньших городов, столько и пристанищ. Такое же множество торговых людей и товаров, что нигде на свете, мнится, столько нет, и пока кто не видит того, и верить не может.

Кораблей же и судов в той стране множество, и чаятельно, как бы отовсюду, со всей вселенной, все корабли и суда тут собрались, ибо та вся страна наполнена реками, озерами и протоками, и можно по всему месту судами ходить. Ибо из Кианг реки многие протоки выкопаны, и та река есть, что Марко Павел венецианин именует, которая полями разделяет ту страну, и оттого большими и меньшими судами даже и до моря проход имеется, а в той стране горы немногие суть, точно к полудню.

И оттого тут шелку много родится, а бумаги хлопчатой так множество есть, что один город Ксанга и под ним с сущими лесами имеет больше 200 000 человек, которые ничего, кроме китаек, иного не делают, а наипаче жены их, мужья же около иных дел домашних упражняются. И так единой ради бумаги платит тот город ежегодно китайскому хану по 250 000 червонных, всякие же дела, творимые в той стране, и вещи превосходят всех иных стран вещи искусством и ценною, ибо в Китае есть пословица: оттого дороже есть,

что в Нанкинге делано. И поистине все то есть правда, ибо, что в той стране делано, то и лучше всех иных стран.

В сей стране имеется больших четырнадцать городов, меньших — 110, и все те города, как меньшие страны. Кроме же тех, бесчисленное множество городков и крепостей. По исчислению в той стране Кианган до 2 000 000 семей, мужского пола — 1 000 000, дани дают: пшеницы — 6 000 000 мешков, шелку неделаного — по 69 000 фунтов, поставов всяких шелковых дел — по 29 000. Полотна конопляного — связок по 2 100, вместо же хлопчатой бумаги платят червонными, сена для прокормления царских коней — по 5 800 000 снопов, соли — по 75 000 пудов. Которую дань, сложивши вместо, бесчисленное число денег будет, а по сказке иезуитов, которые там были, подлинно ведают, что из сей страны приходит ежегодно китайскому царю 32 000 000 золотых червонных, ибо, кроме дани, еще великие пошлины везде положены, наипаче в городе Нанкинге.

Той страны люди зело учтивые и искусные во всех делах гражданских, наипаче же к учению понятны и остроумны суть, и множество учителей и бояр из той страны бывает во всем Китае, также во всяких рукоделиях и ремеслах вымысленники искусные.

В сей же стране католики имеют многие костелы и множество китайцев в веру католическую привели, и в столичном городе есть два костела и трое иезуитов, множество же китайских католиков. Сия страна первейшая есть из всех девяти полудневных стран китайских и честнее, ибо в Китае 9 стран именуются полудневыми, а остаточные шесть стран — северными.

Об этих полудневных странах пишет Марко Павел венецианин, именуя их Маджин, как мунгалы называют, а последние шесть стран Китай называют. И тот Марко Павел, тому лет более 400, когда был в Китае с ханом калмыцким Тингис именем, который тогда взял Китай, и он первый написал книгу итальянским языком о всем государстве Китайском. Не верил же

тому царь, пока ныне иезуиты, приехавши в Китай, описали вновь Китайское государство, здесь же ныне подлежит писать о первом городе сей страны.

Глава сорок первая

ОПИСАНИЕ ПЕРВОГО ГОРОДА СТРАНЫ СЕЯ, ЧТО В НЕМ ОБРЕТАЕТСЯ И СКОЛЬКО ИМЕЕТ ПОД СОБОЮ ГОРОДОВ И КРЕПОСТЕЙ

Первый большой город той страны именем Киангинг, который прежде именовался Иктиенг и Нанкинг, его же построил хан Квей, государства Кву, и именовал того Кинеинг, се есть страна золотая. После же того переменялся именем своим много раз, пока ныне богдойцы взяли и именовали Кианкинг город. И сей город построен на восточном берегу великой реки Кианг, на месте зело прекрасном и хорошем, ибо не только по реке отовсюду суда приходят, но и в протоки из оной реки по городу везде ход свободный.

О сем городе пишут китайцы-земноописатели, что сей есть город, который превосходит все иные на свете города величиною и красотою. Величину же одного описали китайцы таким образом, что утра единого избрали двух человек на конях, из одних выехали ворот, и велено им один против другого около городских стен скакать, покамест встретятся. И скакали они с утра, и едва к вечеру сошлись. Судя по этому, видится величина его, что превосходит все китайские города, стоит бо на ровном месте, точию суть небольшие холмы, а везде наполнены и устроены палатами великими и капищами, и колокольнями великими и прекрасными, мостов же великих каменных множество. И одним словом рещи, что тот город всенародным и особным строением, здравием же воздуха и изобилием всех плодов земных, богатством и учением людским превосходит все иные города.

Здесь есть палата царская четырехугольная, прекрасная строением, а кругом её с 6 верст. Оный же город огражден двумя стенами, и первая стена имеет

двенадцать великих ворот, все окованы железом, и в тех воротах везде пушки, и та стена — кругом 24 версты.

Кроме же той стены, есть третья стена около того города, не без урывку построена, где только опасные места, где нет воместной крепости, и тот город, о нем же выше писали, который окружен на конях.

Итак, в городе Нанкинге три города есть, один ханский — кругом 6 верст, построен на углу большого города, другой — большой город, каменный же, который 24 версты вокруг расстоянием, третий — еще великий город, который на конях окружают в один день. В том городе было служивых людей для караула 40 000, а сады или озера, или иные строения, что в том городе есть, никто не может описать.

В сем же городе есть колокольня зело прекрасная и превысокая, она именуется «математическая», в которой суть инструменты медные, зело великие и позолочены, что таковых, мнится, в ином государстве на удачу обрящется. Первый же инструмент есть глобус великий, на котором написан весь небесный круг, другие же два круга небесных порознь сделаны, всякий же инструмент в круг больше трех сажен.

Поставлены же оные на позолоченных драконах, а как сделаны — тому уже 318 лет и больше, когда калмыки царство держали, и доньше как бы новые стоят. Построена же та колокольня на высоком месте, и оттуда смотрят китайцы на звезды, также при ней построены многие палаты ради учения астрологии, однако же учение их до приезда иезуитов зело мало было и погрешительно. Здесь же, как и в Пежине, есть приказ математический, в котором пишут альманахи.

И тут есть гора высокая, на углу города стоящая, на ней же площадь устроена мрамором дела предивного. И на той площади днем и ночью стоят определенные к тому по человеку, которые смотрят на небо и на звезды, когда явится комета, се есть звезда с хвостом, или какие огни небесные. И тогда объявится царю, знаменуя те признаки и что впредь будет с них, и тут близ стоят вышеписанные инструменты,

равны же суть и в Пекине против оных инструментов, и оказывается, что сие вымышлено не китайцами, а некоторым человеком ученым иноземцем.

Сей же город Нанкинг ничего не потерял от красоты и чести своей, ибо и ныне живет в нем народа больше одного миллиона мужеского пола, кроме множества служивых людей. Ибо в том городе живет наместник ханский, который владеет ныне всеми полудневыми странами, только когда взяли оный город богдойцы, тогда во многих местах ханскую палату разбили.

А вне сего города есть предивное строение, наипаче же гробы древних китайских царей, которых гора везде окружает, как каменную стеною, и та ограда гробниц будет кругом больше 14 верст, и в ней насажены сосны всякие, родом на 5 статей. И хотя в том месте многие предивные строения суть, но капище царское, которое тут построено, зело предивное, украшено всякими художественными вещами, золотом и серебром. Среди же капища поставлены два портала великих, всякими предорогими камнями устроены, и на одном из них седает хан китайский, когда жертву приносят богам своим. И в том капище сам хан действует, и в нем ни единой статуи не обретается, а на внешней стене есть солнце, луна, горы и реки, из красного мрамора сделаны, и сказывают они, что для того вон положены, чтобы никто не поклонялся им, а поклонился бы тому, который тех сотворил, кому поклоняется и хан в капище оном, и на том месте всякие деревья насажены, и кто хотя ветви с тех испортит, тот смертью казнен бывает.

При сем городе, в большой реке Кианг, в апреле и мае месяцах множество рыбы ловят, и для того приставлен царя скопец, который ту рыбу еженедельно с нарочными гонцами посылает в Пекин. И хотя до Пекина больше 2200 верст расстояния, однако же в восьмой день доходит, ибо везде построены станции, которые суда день и ночь тянут, чтобы те рыбы вовремя успели к царю. И так у них указы ханские поставлены крепко, что, хотя человек один пройдет и

не будет на урочное время, тогда смертью казнен будет.

Из того же города в три месяца ходят пять кораблей в Пекин, к самому хану, которые исполнены всякими шелковыми делами, и те именуются у китайцев лунг и луен, се есть корабли с драконовым богатством, ибо знак печати китайского государства — змий дракон. Таковых кораблей, мню, не обрести иных краснее их, везде бо золотом и серебром и киноварью доброю писаны, и те корабли честью и красотой всех китайских кораблей превосходят и, когда встретятся с воеводами, местом поступаются.

В сем же означенном городе суть два костела иезуитские великие, и capitoлия во имя архистратига Михаила, ибо исстари здесь многие католики были, а сей город имеет под собою многие меньшие города. Есть же тут великая гора именем Мао, которая у китайцев первейшая в счастии всех иных гор, ближе города есть гора Ни, на ней же есть капище, в котором больше 10 000 болванов обретается. Также есть гора, Фанг именуемая, которую от Ксия царя больше 5 000 человек сквозь прокопали, а копана того ради, что обманывали оного царя, сказуя ему, что в той горе есть счастье будущего последнего царя. И он хотел счастье того попортить, велел копать ту гору, дабы тем пресечь счастье то.

Есть же иная гора, именем Сан, и противу той горы течет река Киан, и около того утеса цепи великие, железные прибиты, о которых они, смеха достойно, говорят, как бы гора та привязана, чтобы не убежала. Наипаче же для того прибиты те цепи, что тут река быстрая и утесы великие, и о тех цепях суда держатся и опускаются, когда живет погода добрая, чтоб не разбивало.

Тут же есть и озера великие, между которыми есть одно на 1000 верст китайских, также и острова многие, на которых всякие травы и коренья довольно родятся.

ОПИСАНИЕ ОСТАЛЬНЫХ БОЛЬШИХ И МЕНЬШИХ
ТОЙ СТРАНЫ ГОРОДОВ И ЧТО В НИХ ЕСТЬ

Второй большой город той страны есть именован Фунгианг, наипаче славе есть посему, что в нем родился нищий тот идольский жрец Ху именован, который постановил тайминское родословие и выгнал из Китая калмыков. После же того стал царем в Китае, и тот одного города возвысил, из меньших большой учинился, и устроил новые и прекрепкие кругом на 18 верст стены, и всяким прекрасным строением украсил гробы прадедов своих нищий.

Под сим городом во владении имеется 14 меньших городов, и земля около тех зело плодovitая, ибо многие реки и источники текут через ту землю. Здесь родился славный разбойник Лиупанг, который у разбойников царем учинился и постановил родословие ханское, и не только же здесь царь родился, но и философы великие. Здесь же родился древнейший всех философов, Лаузу именован, который завел в Китае чин философский.

Сей город стоит на горе, а в городе многие холмы ограждены и прекрасными строениями наполнены, и в нем имеется 6 капищ больших. Там же суть и горы многие, на которых множество слюды родится, которая по-китайски юнму именуется, родится же руда красная, которую лекари во многие лекарства кладут.

Есть же иная гора из тех гор, на которой нашли великую штуку золота, ею же многие болезни лечат, и оттого чают они, что то не самородно, но анхаминским* художеством делано.

Иная же гора есть, именуемая Пастырь оттого, что на той горе древле некая прекрасная девица пастырем была, тут же есть река большая Гоан, которая мешается с великою рекою Желтою, и обе впадают в море, суть же и иные реки, меньшие, и по ним острова многие.

Третий большой город той страны именован Сехеу,

* Алхимистским.

и сей город между славными, богатыми и великими городами, которых китайцы именуют «рай вселенной» богатства ради, красоты и прохлады. Оттого у них есть пословица такая: Суханг, се есть, что есть выше неба, то есть на земле Сухеу и Ханкхеу. А о стране Ханху писать должны ниже сего, ибо тот город есть столичный иной страны.

Сей же город Сухеу, когда жрец Ку начал воевать против калмыков и изгнал из Китая тех, со всеми под ним сущими городами многое время противился и не подался, ибо в нем были многие служивые люди калмыки. И оттого с сего времени и донныне как изменник тот город причитается и платит столько дани китайскому царю, сколько платят иные целые две страны. Однако же такое есть обилие того города, и такое множество в нем товаров, и такое великое пристанище, что не слышать такой великой дани во всех странах китайских.

Весь же тот город стоит на воде, как и Венецианский город, сей [же] город лучше стоит, ибо построен на пресной воде, которую можно пить и во всякое дело употреблять. И оттого бесчисленное множество прекрасных великих и малых мостов каменных, строенных из сеченого камня со многими сводами. Все же строение того города сделано на столпах тины ради и болота, и везде по городу протоки великие, через которые и большими судами можно ходить, ибо с того места и до моря только ходу три дня.

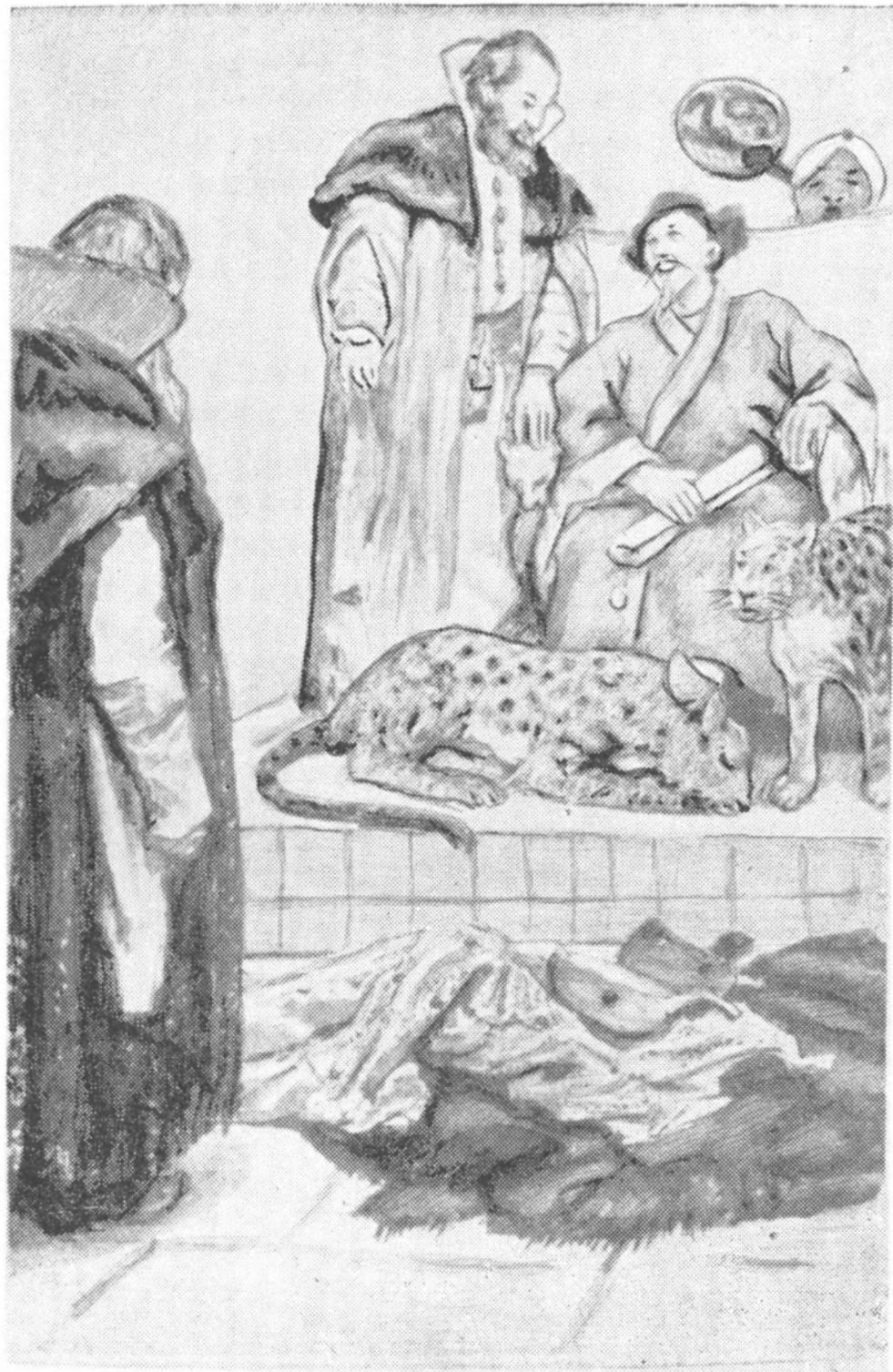
Стоит же оный город на великом озере Тай, и тут бесчисленное множество судов, торговых людей и товаров, кругом его расстояния на 40 верст китайских, наших же на 14 со излишеством, а с предместьем будет больше 36 верст наших. Нет такого порока, чтобы не было к потребности человеку, но всего там к питью и прохладе в изобилии, и место, на котором стоит тот град, славное есть в Китае. Ибо все индийские, португальские и японские купцы и иные чужеземцы, наполнившиеся китайских товаров, в свою страну отходят, и оттуда паки китайцы к чужеземцам ходят, и оттого корабли зимою и летом ходят. И ради корабельного страху от непогоды сделан канал

через сей город, и по обеим сторонам жительства устроен вал земляной, берег же везде обложен сеченым камнем, даже до города Хинкианг.

С сего же города сделан чрез то вышеписанное озеро мост великий, каменный, под которым 300 сводов имеется, и под тем мостом, когда ветра не бывает, тянут суда бечевою. Люди во всем городе живут зело прохладно, с сахаром, с солью, уксусом и с виноградным вином делают всякие травы и овощи. К тому же масла и молока множество, что нигде столько не обретается, также делается в сем городе вино из пшена сарачинского, и нигде лучше того не делают, которое называется у них самое, се есть «трегубные белости», и оттуда то вино даже и до Пекина идет, и оттого не диво, что жители того города пиршествуют и прохлаждаются.

Там же суть корабли великие, которые, как палаты, построены, золотом и всякими красками расписаны, и в тех день и ночь пьют и прохлаждаются. Тут же есть всякий дорогой товар, как золото, мускус, шелк и всякие дорогие шелковые товары, и с сего города так же, как и с Нанкинга, в каждые три месяца ходят пять кораблей великих царских, исполнены всякими товарами и каменьями. Народ того города паче всех иных китайцев в платьях и в убранстве волосъ щеголеватее, и сей есть город, его же Марко Павел, венецианин, именует Сингу.

Имеет же сей город под собою меньших 7 городов, и в тех городах и по селам католических множество костелов обретается, ибо из капищ идольских сделали китайцы костелы, также и множество католиков везде есть. Великая же пошлина собирается с единых кораблей, ежегодно по миллиону червонных собирают, и с того можно знать, какое множество судов в сей город приходит. Воеводские же, боярские и царские корабли пошлины не платят; дают с сорочинского пшена по 2 000 000 червонных на год, и столько сей город дани дает в год, что все иные города столько не дают. Суть же при том городе горы высокие, на которых прекрасные строения и монастыри, и озеро то именован весьма превеликое, и в нем острова многие,

Посольство у асканьямы.

Рис. худ. Л. П. Григорашенко.

и тут капища великие, окружается же город тремя реками.

Четвертый большой город той страны есть именован Сукманг, зело прекрасен есть всякими строениями, а стоит так же на воде, как и вышеписанный город, и для того везде ходят по нем судами. Славен же есть множества ради бумаги хлопчатой и китаек, которые не только во всем Китайском государстве употребляют, но и в иные государства посылают, ибо в одном городе Ханхай, который имеется под тем, больше 200 000 мужиков китайки делают. А хотя сей город место небольшое имеет, что два только города под ним суть, однако же изобилием, многолюдством, величиною и богатством равен с большими городами есть.

Сей город близ моря стоит и на самом устье реки, при море, имеет крепость ради обережения, и прежде оный город поддан был городу Сухеу, а после того царь Ивена почитал его в первых городах. Паче всего в тех городах есть множество костелов католических и католиков, что в одном городе больше 20 000 католиков, и там суть многие села целые католические. Из того города был славный колай философ Павел, который католикам великую посольство учинил в католической их вере.

Тут же суть и горы высокие, наипаче же Кин гора, на морском берегу стоящая, и на той горе есть крепости со многими кораблями и служивыми людьми для охранения пристанищ, и здесь же преславная протока, руками копанная, которая идет и до моря.

Пятый большой той страны город — именован Ханхеу, который построен близ большого протока, идущего с города Сухеу до реки Кианг. И оба те берега построены снизу доверху сеченым большим камнем дела прекрасного, тут же своды многие каменные и протоки на похвалу людям построены.

Под сим городом есть меньших 5 городов, и ради рек она земля зело плодovitая, имеет же в себе город пять больших капищ. Здесь родилось прежде всего много олова на горах, тут же в городе Хинхинге делают чаши весьма презрядные, которыми китай-

цы пьют чай и прочее. И хотя оные не так тонки, какovy бывают в Киангии, однако же здешние дорожке купят, ибо сказывают, как бы те чашки, здешние, придают чаю некоторое благоухание. При сем же городе есть источник славный, именован Гоей, в нем же вода славная есть у китайцев, что для варения чаю в Пекин провозят и продают немалую ценою. Сию воду похваляют и иезуиты, что зело есть легкая, наипаче же к варению чая.

Глава сорок четвертая

ОБ ОСТАЛЬНЫХ БОЛЬШИХ ПЯТИ ГОРОДАХ ТОЙ СТРАНЫ И О ЧЕТЫРЕХ МАЛЫХ ГОРОДАХ, И ЧТО В НИХ ОБРЕТАЕТСЯ

Десятый большой город той страны есть именован Гангит, который построен на северном берегу реки Кианг [и] между славными теми городами исчисляется, ибо цветет всякими товарами и богатством, и что есть, все привозят из иных стран в Нанкинг, все через тот город приходит. Ибо сей город стоит на рубеже трех стран и ко всяким иным делам готовый, и оттого особого воеводу имеет, который множество служивых людей содержит и бережет реку Кианг и озеро Поянг.

И тут есть столп, из одного железа слит, вышиною восьми сажень, который поставил Танга родословие свое. Сия земля ровная и красовитая есть, и зело плодovitая, а в ней есть шесть меньших городов, тут же и горы высокие, на которых монастыри многие построены.

Одиннадцатый большой город той страны именован Танпинг, который имеет под собой меньших три города, а землю ту всю напояет река Кианг, и оттого зело плодovitая есть. Тут же есть иная гора, высокая, которая именуется Дверь неба, ибо через глубокие расселины той горы течет великая река Кианг, и для того именованье свое приняла. Есть же и иная гора, именуемая Гиао, которая называется совою, ибо

на ней родится множество сов птиц, и на той горе есть озеро великое, обстоящее 300 верст китайских.

Двенадцатый большой той страны город именем Линкпе, который построен на реке Вон, которая впа-ла в реку Кианг, а под собою имеет шесть городов меньших. Вся же та земля гористая есть, да и в го-роде холмы хорошие, всякими строениями украшены, тут родятся всякие кастаны и великие дули. Делают же множество писчей бумаги из моченого камыша и из листьев его.

Тут же есть превеликое капище, пяти девицам сде-лано, и именуется тиакинк, се есть «Благоуханного сердца». Построено же оттого, что те девицы удавле-ны смертью разбойниками за сохранение чистоты своей, не дали себя в растление им.

Суть же здесь горы высокие с жительствовами, в которых обретается множество травы и корней раз-ных.

Тринадцатый большой город той страны именем Хоенкхеу, который построен на полудни, в новом бе-регу Кианг, хотя и горист есть, однако же богат всем, и что потребно, то все по той реке ходит. И имеет же под собою меньших 6 городов, и в нем имеются че-тыре большие капища, тут же и горы, на которых всякие овощи родятся.

Четырнадцатый большой город той страны име-нем Хоенкхеу имеет под собою меньших шесть горо-дов, и земля при них гористая. Сей город считается между китайскими богатыми городами, ибо здесь торг зело великий и народ в купечестве искусный и скупой, пристанище же в нем немалое есть. В сем же городе делаются чернила китайские, добрые, а дела-ют не жидкие, как ступочки некакие, и на них изобра-жают всякие травы и письма, и разные звери, и име-на того, кто их делал, ибо у них то ремесло честное, и трут они на камне, мешаючи с водою, и потом пи-шут кистью, как и живописцы. В сем же городе де-лают всякие сундучки, которые мажут олифою кита-йскою, и лучше здешнего нигде не делают, также и землю отсюда из села нарочно возят в страну Кианк-сии, из которой фарфоры пречетные делают. Тут же

суть и горы высокие, на которых родится золото, серебро, медь и трава чай, и нигде так не родится, как во граде сем. Ради же знания оной травы здесь напишем, как родится и где именно.

Трава чай ни дерево натурою, ни трава, на прутьях растет, которая по многим местам расстилается, цвет у нее желтоват, и летом прежде иных трав цветет, цвет же ее, как боб маленький, растет вначале зеленый, а после черный становится. И ради варения оного чаю собирают листья той травы, первой весной мелкий цвет руками тихонько собирают и после того кладут в большие котлы. И кладут по малому числу огня под те котлы, пока прогреют те чайные листья. И тогда, выклавши на гладкую доску, руками те листы крутят и паки на огонь кладут, пока вовсе скрутят или ссушат. Потом кладут в большие оловяники и берегут накрепко от всякой мокроты и чтоб не сдыхало; и те листы, хотя долгое время стоят, однако же, когда в кипящую воду положатся, паки озеленеют и разойдутся по-прежнему, и, буде добрые еще и не попортились, то благоуханием исполняются и зеленеются. Оное питье весьма похваляют китайцы и силу и лекарство с него быть сказуют, и оттого они день и ночь то употребляют и прочих гостей потчевают.

Разные же в Китае чаи рождаются, есть чай, который в Китае продается фунт по деньге, а есть другой чай, что и у них продается по два червонных и больше, и китайцы говорят, что у них камчужной болезни нет и камни в мехиру. Также, когда после яствы пьют, желудок чистит и яствы истребляет, к тому же на похмелье зело добро пить, чистит бо мокроту и всякие похмельные смутки, и тем помеществует, кто хочет бодрствовать, писать, или чести что. Нет сего лучше употреблению питья, ибо сие всякий сон и ленность сгоняет.

И имена разные оный чай у китайцев имеет, который по разным городам родится, а в сем городе имеется смуглый чай.

Здесь же суть великие горы, на которых суть многие пещеры, и многие при них реки и речки, и между

теми есть река Синган, по которой 36 порогов, а между ними есть один зело лютый.

Кроме же тех больших городов, есть иные города, которые не называют фу и именуются у китайцев хеу, и те под собою имеют иных городов во всей стране 4 города, которые именуются хиен. И из тех городов первый город есть Киванктей, во всем прекрасен и богат шелком, имеет же под собой и другой город немалый, здесь есть две горы превысокие, которые верхами своими облака превосходят.

Второй город есть Хонхеу, который под собой имеет и другой иной городок, и тот славен есть между прочим, ибо в нем жрец Хо, царь и разбойник, жителство имел.

Третий город есть именем Кунхеу, который под собою имеет два города, землю напояет озеро У именем, здесь есть и горы многиє.

Четвертый город Сиухеу, который владеет четырьмя городами, построен же близ Желтой реки, которая оную землю надвое разделяет, и сей город велми почтен есть, ибо между четырьмя странами рубежом стоит. Здесь же есть и мост превеликий, «живой» нарицается, который построен на 35 больших кораблях, тут же суть многие реки и озера. наипаче же славная река Су, ибо в ней погружены девять сосудов медных, которые литы были с древнего царства Ива. И на сих посудах выписаны были 9 стран китайских, и многие цари искали их и не нашли, ибо такая часть тем посудам была, что у кого оные были бы, той и царь бы был.

Глава сорок седьмая

ОПИСАНИЕ СТРАНЫ ИМЕНЕМ ФОКИЕН, СКОЛЬКО ИМЕЕТ ПОД СОБОЮ ГОРОДОВ, БОЛЬШИХ И МАЛЫХ, И ЧТО В НИХ РОДИТСЯ

Сия страна есть близ моря, и везде по ней торги и корабли бывают, также и горы великие, на которых разные леса роятся, и из того делают корабли и все, что им потребно. К тому же в сей стране реки и источ-

ники довольны и пшеницы множество везде родится, также и на горах везде трубы каменные, через которые текут те источники и напояют все пашни, и так в Китае все горы деланы и паханы суть.

Наипаче же сия страна богата есть во всем, что всякие торги в ней бывают, и ни единой страны китайской нет, из которой бы выходили торговать в чужие страны, обычая такого [нет]. Из сей же ходят по иным дальним странам и торгуют, и вывозят из Китая золото, мускус, камень дорогое, ртуть и всякие шелковые, бумажные и конопляные дела, также железо доброе, уклад и всякие посуды. А ходят они в Индию, и во все индийские острова, и в прочие, как Японский, в Формозу и в Филиппинские острова, и оттуда привозят серебро, гвоздику, корицу, перец, сандал, янтарь, корольки и иное прочее, ибо есть чужеземские товары в Китае, что все в ту страну ходят, кроме того, что португальцы из Макао в Квантунг привозят.

Такое же множество есть и в сей стране кораблей больших, что некогда единожды хан китайский хотел воевать с Японским островом, и здешние люди обещались ему столько кораблей изготовить, что с того места до Японского острова по морю мост кораблями поставить.

Из сей страны в старых годах вышел из Китая Марко Павел, венецианин, и поехал в Индию, а из Индии во всю землю, и в прежних бо временах китайцы хаживали в ту страну. Предводительствовали же оного Марка Павла китайские корабельщики, и от них что слышал он, и писал об индийских островах, когда китайцы прежде ходили до Индии и Персиды, и до самого Черного моря. После же того перестали они ходить, когда португальцы, взявши в Индии многие места, обладали.

Народ сей страны всяким прохладением и нечистотою поганный, и во всех городах многие разные языки, что едва один другого по разности языка познают, однако же народ ученый, и многие из них ученые люди имеются. Паче же суть сии разбойники злейшие по морю, и того ради у китайцев свирепыми

нарицаются, и еще есть у них древнее невежество, ибо сия страна после всех обычай приняла китайский, язык же их и письмо разнится с иными китайцами. Ибо некоторые католики жили в сей стране прежде, в давних временах, и что писали о китайцах, много и солгали непознания ради общего китайского языка.

И мало же здесь умножилась вера католическая, что нет такого большого и меньшего города, в котором бы был католический костел, в одном селе старцы католики тайминского чина, и у них во всем Китае один костел, прочие же все иезуитские.

Сия страна меньше есть Китайского государства, имеет в себе восемь больших городов, а меньших — 48, кроме множества крепостей, которые построены для бережения моря. По переписной книге сей страны народу китайского имеется здесь семей — 592 000, мужей — 1 883 000, шелка-сырца в дань дается по 194 000 фунта, шелка деланного — по 600 000 связок. Паче же всего здесь есть пошлина великая с кораблей, ибо всякий с величины корабля так и платит, а иной пошлины здесь не берется.

Здесьняя страна теплее есть иных стран, однако же здравая, и великие через нее реки текут, и во многих местах губы морские простираются, и потому бесчисленное множество рыбы морской, которую (свежую, и соленую, и сушеную) во весь Китай для продажи посылают, и оттуда богатеют.

Здесь же множество родится руды золотой и серебряной, о ней же великий и крепкий имеется заказ, чтоб не копали, олова же и железа копают руду невозбранно.

Первый большой и столичный город сей страны, именем Фохеус, славный есть всенародным строением и множеством торговых и ученых людей. Местом же сей город всех иных той страны превосходит, земля бо зело плодovitая и море тут многорыбное, ибо губа морская до самого города доходит, через которую великие корабли морские до города ходят.

А на той губе построен мост прекрасный с города и до большого предместья, весь мост оный из белого сеченого камня, а под ним больше ста сводов имеет-

ся. Длина одного моста 800 аршин, а ширина на 8 аршин, по обе стороны забрала каменные же, на которых сеченые львы; в Европе ни одного такого моста нет, в Китае же имеются и лучше сего, и другой всей стране есть сему подобен, и иные многие меньшие мосты обретаются. В сем же городе есть множество капищ, из них же одно, за мостом построенное, всех иных красотою превосходит.

Сия страна победительная есть от Гиояна царя, который в сем городе ханство постановил, а под тем городом многие иные городки и крепости. А в окольных местах сего города родится множество белого сахара, и сей город именуется венецианин Фугу.

Наипаче же в сей стране родится множество овощей лихий по-китайски, которые по достоинству называют «царем всех овощей», а родится той овощ на превысоких и великих деревьях, на которых висят кисти, как виноградные грозди, только редко. Тот овощ на кистях из Китая привезен, величина его с грецкий орех, наверху скорлупа тонкая и с рук ломается, внутри его бело, как серебряный цвет, вкус его ядра, как с сахаром сварен. А когда свежий есть, тогда гораздо лучше сушеного, ибо сушеный уже потребляет сладость свою, а что же меньше сохнет, тот лучше вкусом бывает. Есть же и иной овощ, меньше того, именуемый аунгун, се есть «глас драконов», который меньше и круглее лихий, и скорлупа более жесточка, однако же тот добрый есть, обоих же сушат китайцы и продают довольно. Из сих овощей лихий делают вино доброе и продают дорогою ценою, есть же и сливы зело великие и добрые, которые именуются мунгили, се есть «сливы прекрасной жены красоты ради».

В сем же городе есть костел иезуитский, и при нем множество живет католиков.

Суть при нем и горы высокие, на которых многие монастыри католические и старцы, и на них же сады предивные, в которых лимоны, померанцы и китры родятся, тут же есть и великая река Мил, по которой великие пороги имеются, однако же китайцы ху-

дожеством своим легко плавают, и как уздою коня, так они суды свои правят.

Второй большой город той страны есть именован Цывехеу, который не только величиною, но и торгом и богатством цветет, также и строением капищ паче иных сияет. Улицы сего города все по краям устланы камнем, а в середине ее кирпичом, и зело часто стланы, и домов нигде таких нет, как здесь построены. И хотя многие строения суть и своды победоносные, прекрасные, однако же капище одно предивное есть, которое построено между двумя седьмипоясными колокольнями, которые вышиною будут по 500 аршин. Около же тех колоколен везде построены каменные забрала, а в них есть медные и мраморные идолов Фе статуи, так хорошие, что китайцы говорят не человек, но Ксенкен, се есть «бессмертными людьми» сделаны.

Сей город стоит у моря, на губе морской, где могут великие корабли с обеих сторон приходить, а за губою великие и богатые местечки, как большие города. И с того места начинается преславный, превеликий и предивный мост, какого на свете иного нет, а построен тот мост над той губою для того, что прежде сего в той многие корабли разбивались. Тот мост построил некоторый славный воевода и издержал проторей 400 000 червоиных золотых, сделал же оный ситцевым образом: в самом том море сделаны столпы из синего камня, больше трехсот, и те столпы величиною и подобием деланы, как большие корабли, по обе стороны острые, чтобы вал морской их не повреждал. И на тех столпах паки великие брусья с того же камня положены со столба до столба вверху, а всякий брус в длину по 20 аршин, а ширина по полтора аршина, так же и толщиною. И таких брусьев каменных 1400 на том мосту, все равные, а по обеим сторонам того моста забрала и львы сделаны прекрасно вырезано. Длина его есть 1800 аршин, а ширина — 8 аршин, и такого моста не только в Китае, но и на свете такого не отыщется. И здесь писали о великом мосту сем, а еще мало чем меньше того, который идет с большого моста и до берега, однако же

все равным строением построены. А будет по сему окажется кому, что вышеписанные проторы малы суть на оное строение, надобно ведать, что в Китае может наняться десять человек к работе такой ценою, какую наймут в Европе одного человека.

И из сего города и из прочих, под ним сущих, как прежде сего ходили, так и ныне ходят китайцы для торга в чужие государства. И здесь есть признаки многие, что в прежних временах в тех местах ходили, имеет же сей город под собою меньших семь городов. Здесь же есть гора великая, и на верху той горы построена колокольня девятипоясная, на которой всегда огонь горит для признаку приходящим кораблям.

Третий большой город сей страны именем Ханхеу, который построен на берегу великой реки Ханг, над нею же есть великий каменный мост из сеченого камня, 36 больших сводов превысоких, такой же широкий есть, что по обеим сторонам того моста построены палаты и лавки, в которых все, что есть из чужеземных государств и из Китая, сыщется.

Имеет же под собою 10 меньших городов, и в сем же городе суть многие камни, на которых признаки вырезаны христианские, как карты и образы, образ спасителя и образ пресвятой богородицы. Также карты мраморные и притом книгу-святое евангелие, на латинском языке старым письмом писанное, нашли иезуиты, однако же боярин тот, у кого оные найдены, отнюдь не продал и той книги не дал, ибо нет иного в Китае честнее, как старые дела, наипаче же книги.

Сей город зело многолюден, и всяким строением приукрашен, и торговые люди весьма богаты, народ же зело лукав и всяким упражнением предан.

Здесь же родятся померанцы такие, что на свете таковых много не имеется, ибо вкусом, как мускатный виноград, и не только свежий зело добр, но которые уже кладутся между двумя деревьями и сахаром пересыпаются, и так не только в Китае, но и в иностранные государства посылаются.

Там же есть гора некоторая, на ней же есть камень высокий, тот, когда хочет быть непогода, тогда никаким же движением шатается.

Итак, об этих трех городах довольно написано есть, здесь же паки подлежит писать о прочих сей страны городах.

Г л а в а п я т ь д е с я т с е д ь м я я

ОПИСАНИЕ ГОСУДАРСТВА КОРЕИ, КОТОРЫЕ МЕЖДУ УЕЗДОМ [ЛЕОАТУНГ] И МЕЖДУ АМУРОМ СОСТОИТ, И ЧТО ПРИ НЕМ И В НЕМ ОБРЕТАЕТСЯ

Государство Кореи стоит между уездом Леоатунг и рекою Амуром, в котором имеется особливый хан корейский, поддан есть китайскому хану, и многие таковые ханы суть, которые подданы одному китайскому хану и признак сей имеют, что подвластные те ханы берут точию с царя китайского печать золотую.

Сего же государства наипаче хан поддан китайскому царю, ибо всегда со страхом живут от жителей Японского острова, от которых китайцы их охраняют, однако же и японцам дань дают корейские ханы.

Как хан корейский умрет, тогда тот, которого выбирают на ханство, должен ехать в Пекин для подтверждения ханства своего, как иезуиты сказывают, ибо многие из них и католическую веру приняли.

Стоит же сие вышеписанное государство на великом носу моря, неподалеку от устья Амура реки, и от того при том устье сия трудность есть, что надобно обходить тут дальше по морю. А если бы не было того морского носа с устья Амура реки, тогда весьма бы близко было бы ехать в Китай, однако же и так можно ходить, сей морской путь еще не проведан, ибо никто из русских людей еще направо от устья Амура не ходил.

Корея государство — сим именем именуют японцы, а китайцы зовут Хаосиен. И так корейне многие брани чинили с китайцами, и много раз освобождались от подданства, много раз же их китайцы смиряли, также и с богдойцами многие бои чинили, но ныне, тому лет больше двадцати, богдойцы понудили их

волосы брить по своему обычаю, богдойскому, и платье носить такое же. Но те паки изменили и многие брани с богдоями учинили, пока вовсе от богдойцев освободились.

Вся сия страна разделяется на восемь уездов, а в середине государства стоит прекрасный столичный и великий город именем Пингианг, кроме же того, есть и иные многие города.

Также в сем государстве множество народа имеется, однако же города их и уложения, обычаи, лицо, язык, учение же и вера все давнее, как и у китайцев. Мертвых тел у них не хоронят в землю до третьего года, как и китайцы, но держат их в домах своих, всегда честь воздающе им, курят благоуханными травами. [Лишь] сим они разделяются от китайцев, что они жен своих не так крепко содержат, как китайцы, пускают бо их ходить по улицам, и потому поругаются им китайцы в таковом их обхождении. К тому же не сватаются, как китайцы, но самовольно они выбирают, и женятся тем им родителей своих, и кого они хотят, и с тем не сватаются.

И так государство сие во всяких овощах зело плодито, пшеницы и всякие плоды в изобилии рождаются, а наипаче пшено сорочинское, которое двойное, как и в Японском острове рождается, которая рождается на воде и на суше, и та лучше всех иных пшениц.

Также здесь рождаются и иные вещи, как бумага китайская и олифа, как и в Японском острове рождаются, тут же на горах рождается и славный корень гинзен, также золота и серебра множество есть, сие же государство ни с которыми государствами, кроме китайцев и японцев, не торгует и не знают, множество же доброго жемчуга на том море промышляют.

Итак, сия страна во всем прехвальная есть, точно же еще никем не проведена, ни нашими русскими людьми и еще менее иными государствами, вот почему здесь мало описание сего государства себя показало, но кратко, нечто ведома ради хотящему изъясняется.

**ОПИСАНИЕ СЛАВНОГО И ВЕЛИКОГО ОСТРОВА
ЯПОНСКОГО И ЧТО ПРИ НЕМ ОБРЕТАЕТСЯ**

Великий и славный остров Японский, как о нем пишут китайские земноописатели, начинается против устья Амура реки и простирается далеко против Китайского государства. Иногда же из Китайского государства в Японский остров в двое суток плавают, а от устья Амура дальше стоит, и того еще неведомо, а оказывается же, что недалече расстоянием есть оный остров. Ибо многие острова малые с гор видятся с устья Амура, от берега морского, как о том сказывали в прежних временах иноземцы казаки, которые зимовали на устье реки Амура.

И тогда ходили гиляки с устья Амура на те острова и привезли самой доброй кости рыбею светлой, и китайские котлы, и иные признаки многие, что те народы знают с китайцами и с японцами. Сказывали же они, иноземцы, что на тех островах множество живет народа самовольного, как и японцы.

Пишут же о сем острове, что величиной сей остров в длину будет больше 1000 верст, а в ширину 200 верст больших. И хотя великие снега и стужи на том острове бывают, однако же со сто мест таких обретается, где копают и делают серебро, и оттуда в Китай приходит, а прежде сего того острова в Европе не знали, пока не объявили о нем португальцы сицевым образом: из восточной Индии португальский большой корабль с торгом хотел идти в Китай, и, будучи на море, великая буря учинилась, и невольно принесло к тому Японскому острову. И как пришли к берегу того острова, начали торговать с японцами и познаваться, и помалу поселились некоторые из иезуитов, которые уже с того времени на том острове весьма умножились, и нет никакого знатного местечка, чтоб в нем не было иезуитов.

Владеется же сей остров разными ханами, и всякий имеет свою страну и города, больше же всех тех хан, посреди того острова жительствующий в некоем городе, Масако нарицаемом, во всем же сем острове

до 50 ханов имеется. Народ сего острова зело храбр сухим путем и на море, капища же все имеют идольские и зело многие, на горах построены как монастыри некие, и в них многие тысячи их старцев обретаются, которые живут в великом воздержании.

Японские жители наипаче из китайцев суть, которые переменяли свой обычай на разность, многие же суть там и из мунгальцев, которые, прийдя туда, умножились, и то видно по сему, что японцы волосы бреют, как и мунгалы, хохлы оставляя. Также и бороды щиплют, как мунгальцы же, которых дел у китайцев отнюдь никогда не бывало.

Также и японцы в наречиях своих мешают литеру «добро» и «рцы», которые у китайцев отнюдь не пишут и не говорят, а что же «р» литеру никакими мерами китайцы не отвыкают говорить.

Язык японский весьма разнится от китайского языка, что касается веры, учения и письма, все у китайцев взяли, в письме много прибавки японцы učinили разлучения ради свойственного языка.

Платье у них носят такое же, как старые китайцы носили, платье широкое, с долгими и широкими рукавами; как то нецыи пишут, что с китайских ссыльных людей начались жители японские, и то все ложно, ибо нигде китайцы о том не пишут так. Пишут же о том нецыи, что славный и храбрый Ксий царь после же того, как покорил весь Китай, воевал мунгалов и иные порубежные государства. Тогда послал паки караваны морские и воевал все острова морские и самую Индию, и как видел себя в стольких победах, в чести и славе, начал думать, как бы сыскать себе корень какой или лекарство, чтобы ему никогда не умереть, однако же ничего не получил. Многократно же о сем и ныне честные люди китайские все труждаются, ибо они не чают воскресенья мертвых быть.

Потом же паки при оном Ксии царе был некий воевода морских войск, который по случаю ходил в Японский остров и видел, как та земля хорошая и немногие в нем живут мужики. И так тот умыслил обмануть Ксия царя китайского, и себе сделать имя царское, и царство вечное себе получить, и, пришед-

ши к царю, сказал, что далеко на море он нашел остров некий, землю новую, в которой подлинно может сыскаться лекарство то, которое делает людей бессмертными. Подлежит дать триста молодцов и триста девиц, ибо от бога так поставлено есть, что без стольких молодцов и девиц невозможно найти такого лекарства. И так Ксий царь сим словесам того воеводы весьма поверил, ибо зело склонен был к тому делу, и, боясь смерти, как врага великого, тотчас велел тому воеводе караван морской делать, и собрать войско, и тех молодцов и девиц, и ехать с поспешением. Тот же воевода, взяв войско и тех людей, поехал в страну сию и, не обыскав лекарства, начал города строить и селиться в такой сереброродной и плодovitой земле, и так стал он первым ханом японским, и с того умножилось сие государство.

После же того времени ханы японские начали посылать послов своих с поминками к китайскому хану, а как калмыки взяли Китай, тогда послали войско и на японцев, однако же они крепко оборонялись и победили калмыков, и к себе отнюдь не допустили. Потом напоследок послами своими поругались японцы над китайцами, что они недостойны царства своего хранить. И так с того времени между китайцами и японцами великая вражда и великие войны начались, а наипаче Корейское государство японцы разорили в той войне, когда была между калмыками и японцами, о которой, упоминая, венецианин пишет в книге своей.

Имя «Японское» свойственно есть китайское, ибо китайцы именуют их Гепуен, и они также именуются Гепуен, се есть «восход солнца», или «первое место солнца», именуют же китайцы Японию оттого так, что то государство последнее есть из всех иных государств и знатнейшее к востоку, ибо оттуда солнце восходит на Китай. Прежде же сего китайцы не чаяли, что их государство одно есть на свете, а про Японию и не ведали. Венецианин же именует их по-калмыцки Зипанери, а китайцы именуют Гекве, по имени того морского воеводы. Также и иначе называют—Ивуку, се есть «варвары», и сим именем поругаются им.

Ныне же из Японского острова ходят для торго

в порубежные китайские города, а далее не ходят, португальцы же ходят и торгуются с ними. Сказуют же об одном народе острова сего, что люди и оружие подобно как и у гиляков, которые живут на устье реки Амура, где не только большие суда возможно делать, но и великие корабли, точию не можно ходить в Китай и в Японский остров. Сверх же всего можно сыскать иные острова, которые еще на свете не знатны и никто еще не проведал, ибо по Северному морю плавать неудобно, а из Восточного моря также не проведено.

И так ныне, совершающе книгу сию описания всего Китайского государства, к тому же и прилежащие при нем иные государства изъявили. Также о преславной и преименитой реке Амур во многих местах пространно написали, вершиной которой владеют мунгалы, а в середине состоит владение Российского государства, а от половины ее и до устья владеют китайцы.

Писали же мало нечто и о сем острове Японском, которого описание имеется здесь, в России, особенно пространная книжица.

Прочее же, оставляя путь иным, по нас будущим родам, к лучшему и ясному описанию не только Китайского государства, но и за Китаем незнатных мест и государств. Да будет это в прославление имени божьего и православной веры, со всяким умножением и славою всего Российского государства.

Совершено сие описание лета 7186, (1677) года, ноября в 13-й день.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ПОСОЛЬСТВА Н. СПАФАРИЯ В КИТАИ

(1675—1678 гг.)

Лета 7183-го, февраля в 20-й день великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея великой и малой и белой России самодержец, указал быть на своей, великого государя, службе в послых со своею, великого государя, любительною грамотою у китайского богдыхана Николаю Гавриловичу Спафарию.

Да с ним велено быть в дворянах из иноземного списка Федору Павлову, Костантину Гречанину, да для письма Посольского приказа подьячим Никифору Венюкову, Ивану Фаворову.

Да для изыскивания тамошних лекарств и всякого коренья из Оптике лекарь и алхимист Яган, и тот лекарь великого государя у руки был, а после того заскорбел и остался на Москве, а вместо него взят был для знания камня гречанин Спиридон Евстафьев, а для лекарства гречанин Иван Юрьев.

У руки великого государя, его царского величества, были в передней февраля в 25-й день.

Из Москвы поехали марта в 3-й день, а ехали на Переяславль Залесский, на Ростов, на Ярославль, на Вологду, на Устюг Великий и к Соли Вычегодской, на

Кайгородок, к Соли Камской, от Соли Камской сибирскими городами на Верхотурье, на Туринский острог, на Тюмень, с Тюмени на Тобольск.

В Тобольск приехали марта в 30-й день, и в Тобольске боярину и воеводам Петру Михайловичу Салтыкову с товарищами о скором отпуске своем в Китайское государство и об иных делах, которые к тому отпуску надлежат, великого государя грамоту подал того же числа. И боярин и воевода Петр Михайлович Салтыков с товарищами, по грамоте великого государя собрав тобольских служилых людей, которые были в Китайском государстве, из детей боярских и служилых иноземцев, татар и бухарцев, которые прежде того были с Федором Байковым и с Сеит-Кулом, спрашивал, на которые места ему, Николаю, из Тобольска ехать в Китайское государство прямее и податнее, и чтоб проехать от калмыков безопасно.

И тобольские жители сказали, что тот путь, которым ехали они с Федором Байковым и с Сеит-Кулом, хотя де в то время была нужда великая и путь не прямой из-за скудости прокормления их и лошадей, из-за степи и безводного места, однако же путь их был безопасен. А ныне слышали они подлинно, что у мелких калмыцких тайшей началась война великая, и в прошлом году грабили и убивали многие тысячи торговых людей и послов калмыцких, которые отпущены были в прошлых годах от великого государя, с Москвы, как о том писал уже дважды в нынешнем году к боярину и воеводам, к П. М. Салтыкову с товарищами письменный голова из Барабинской волости. Поэтому тот путь ныне зело опасен, а если бы и опасения не было, однако же этот путь самый дальний и нужный, потому что и Федор Байков и Сеит-Кул ходили по 3 года. Прямой де путь и безопасный водою до Енисейского и на Селенгинский острог, и всего будет до Китайского государства езды 4 месяца. А как тот путь на мере положен, куда ехать в Китайское государство, и об иных делах, которые надлежат к тому пути, к великому государю из Тобольска отписка писана...

... А после отписки к великому государю в Москву, апреля в 18-й день, по указу великого государя и по грамоте Посольского и Сибирского приказа в Тобольске боярин и воевода Петр Михайлович Салтыков с товарищами выбрал тобольских детей боярских 6 человек, Савву Жамотина, Макария Галасеина, Ивана Протопопова, Ивана Почакунина, Ивана Неприпасова, Бориса Лашкина.

Да шесть кречетов с челиками кречетьими по росписи, какова дана из приказной избы, принял с распискою, да шесть человек помощников кречатьих, да на корм кречетов 12 рублей.

Да сорок человек провожатых: казаков Литовского списка — двадцать человек, конных казаков — шестнадцать человек, новокрещенного списка — четыре человека.

Да сверх тех сорока человек взят конный казак Григорий Кобяков, который был преж сего в Китайском государстве, из Нерчинского острога отпущен от Данила Аршинского, оттого что он путь знает.

Да для толмачества калмыцкого и татарского языка — толмача Спиридонку Безрядова.

И тем вышеписанным тобольским детям боярским и кречетникам, и провожатым, и толмачу великого государя жалованье, годовые их оклады, дано в два года деньгами, а на третий год товарами, примеряясь к прежним китайским отпускам, которые были с Федором Байковым и с Сеит-Кулом Аблиным. Примеряясь к прежним китайским отпускам, дано служилым людям для безопасного проезда 7 пудов пороху, свинцу тож. Да горностаев великого государя из казны взял на сто рублей от великого государя в поминках к китайскому хану, потому что русские люди и иноземцы, которые бывали преж сего в Китайском государстве, сказывали, что де в поминках к китайскому хану нет иное честно и благоприятно, как горностаи. На Москве из Посольского приказа в памяти в Сибирский приказ о горностаях написано было, а в Сибирском приказе горностаев великого государя в казне не было, и вместо тех горностаев дано соболями и лисицами.

И в Тобольске боярин и воевода Петр Михайлович Салтыков с товарищами дали ему, Николаю, из казны великого государя горностаев на сто рублей с распискою.

По его, великого государя, указу прислана грамота святейшего патриарха к вологодскому архиепископу о священнике, чтоб дал ему священника для дальнего пути на его, великого государя, службу в Китайское государство, и вологодский архиепископ по отпуску его в Тобольск священника не послал. В Тобольске преосвященному митрополиту Сибирскому о священнике бил челом, и преосвященный митрополит священника выбрал, а подмогу великого государя из казны тому священнику боярин и воеводы с товарищами для прокормления дали...

Отписка Спафария к царю Алексею Михайловичу из Наунских сел, посланная с Даурским сыном боярским Игнатием Миловановым апреля в 17-й день 1676 года.

Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу... холоп твой Николайко Спафарий челом бьет. В нынешнем, государь, в 7184 году декабря в 19-й день писал я, холоп, к тебе, великому государю, из Нерчинского острога, что поехал я в Китайское государство к реке Аргуне и к Науну, где живут китайские воеводы, которые в прошлых годах послали лист к тебе, великому государю, через Нерчинский острог. А от Нерчинского острога ехал я до реки Аргуни десять дней лесными местами и степями и многими мелкими реками, а жилых людей и кочевных до той реки никаких не видали. А стужи и снега были большие.

Река Аргуня — река большая, течет из великого озера Далая и впадает в реку Шилку, и от того идет великая река Амур. Около реки Аргуни горы высокие без лесу, только подле реки лес небольшой — тальник. А сказывают, что есть лес на низу реки большой, из которого можно острог ставить и суда делать.

И проехав реку Аргуню, на другой день сыскали след кочевных людей на реке Гану. И послал я проведать, какие люди. И как юрты их сыскали и они уви-

дели, что пришли к ним русские люди, почали бегать и за оружие свое принялись, потому что их род был тунгузский нажясинский. Они тебе, великому государю, изменили многожды и многих твоих служилых людей побивали и бежали из твоего, великого государя, государства и живут в тех местах издавна и ясака никому не платят. И походы на них были от твоих служилых людей многожды, однако же им ничего не учинили; а как я про них проведал, посылал к ним тунгуса вожа, который со мною был. И объявили им, что я иду не войною, а иду от тебя, великого государя, с посольством к китайскому хану. И как они услышали и увидели верблюдов и караван, что не воинские люди, приехали ко мне и привели коней и корм и продали твоим служилым людям коней с двадцать и обещали тебе, великому государю, впредь ясак платить и по-прежнему быть в подданстве. Однако же те намясинские мужики воры великие и ясака никому не платят, а живут самовольно, и потому не ведаю, будет у них постоянство или нет.

После того, оставя реку Гану, ехали степью три дня. И видя, что от Игнатия Милованова, которого послал наперед себя к китайским порубежным воеводам, никакой ведомости нет и кони и верблюды от стужи и от худых кормов померли многие, опять послал наперед себя тобольского сына боярского в китайские порубежные города да пять человек служилых людей известить их про мой приезд и о подводах. А я ехал за ними потихоньку от реки Аргуни до Кайлара реки восемь дней.

И при Кайларе сыскали людей немногих баргутских. И приходили ко мне и сказывали, что лучшего их роду человек взят был к Москве и сослан к Архангельскому городу. И буде ты, великий государь, пожалуешь того человека, и они будут в подданстве и ясак тебе платить будут. А род их великий, и кочуют около реки Кайлара, а река Кайлар сама невелика, однако же судовая, и лесу по ней всякого много, и впадает в Аргуню реку. От Кайлара реки ехал я через иные мелкие реки и степью до Китайского рубежа, до хребта пять дней.

И января в 13-й день, не доезжая до хребта, встретил меня нерчинский казак, которого я посылал наперед себя, а с ним — семь человек сотников каргачинских, китайских подданных, а с ними — служилых людей человек с шестьдесят. И привели в подводе шестьдесят лошадей. А приехали ко мне со всякою учтивостью и говорили, чтоб на них не подивил, что они не вскоре встретили, ибо моим людям не верили, что идем посольством, а говорили, что идем на них войною, потому что недавно Игнатий проехал к воеводам иным путем, чрез Албазинский острог, и сказал, что я буду весною, а ныне они видели, что чрез них идут зимою, и оттого они не верили и подводы вскоре не привели, сколько надобно. А как приедем в улусы их, и тогда будут телеги, и кони, и корм от их воевод.

И я им сказал, что ты, великий государь, желаешь мира и соседственную дружбу держать с государем их. И они тому зело радовались. И велел я твоим, великого государя, жалованьем поить и кормить довольно, и от того места провожали меня пять дней по реке Ялу, по которой они живут.

На реке Ялу встретили меня два казака: один албазинский, который приехал с Игнатием, а другой из тех, которых послал я, и сказали мне, что тому пятая неделя, как Игнатий Милованов приехал на Наун чрез Албазин и воеводы его приняли со всякою учтивостью. И Мангутей, наунский воевода, который преж сего был в Нерчинском с хановым листом, взял его, Игнатия, а с ним трех человек казаков, поехал в царство известить про мой приезд, потому что они чаяли, что без их провожатых из Нерчинского острога приехать в Наун мне никакими мерами нельзя, что опасно было, наипаче зимнею порою. И оттого послали в царство, чтоб взять с Науна многих людей и встретить меня в Нерчинском.

А как услышали ныне от последних посланных моих людей, что я уже приехал на рубеж их в Торгачины, зело удивились и, собрав наскоро сто двадцать шесть телег с быками и коней, и корм, послали с сотниками навстречу наскоро.

И января в 21-й день приехали ко мне с Науна

сотники и привезли корму, свиного мяса да сто тридцать телег с быками о двух колесах да шестьдесят коней, а телег взято сто двадцать, и склали на те телеги с великою легкостью. Да те ж сотники говорили мне, что будут навстречу воеводы, и буде какая скудость будет, они сами, как будут навстречу, исполнят. И на другой день те наунские воеводы прислали с сотником шестьдесят коней, и из того числа взял я пятьдесят коней, потому что коней привели много.

И января в 23-й день приехал ко мне с Науна воевода и старого воеводы дети и иные многие их честные люди, человек с двести, и с коней слезли далеко от обоза. И я, видя их учтивость с твоими, великого государя, людьми, встретил близ становья и призвал их в юрту свою, спрашивал про здоровье государя их, а они спрашивали также про твое, великого государя, здравие и про мое путное шествие. И сказали, что они чаяли, что до весны я не буду, как им объявил Игнатий Милованов, и оттого они не встретили с подводами и с кормом, и за то бы на них не пенял. А чают они, что воевода их с Игнатием из царства вскоре будут и с ними — большие бояре, и тогда всякое удовольствие будет.

Также спрашивали, есть ли твоя, великого государя, грамота к государю их и про лист, что послан был к тебе, великому государю, от государя их, а также и про поминки. И про иные дела много спрашивали, добрыми ли делами иду, с миром или войною. И я им отповедь учинил, что про твою, великого государя, грамоту и про лист государя их, и про поминки, и про иные государственные дела спрашивать им не надлежит, а про те дела, как буду я в Камбалыке у государя их, тогда обо всем будет ведомость. А им, порубежным воеводам, с твоим, великого государя, государством надлежит ведать только, что ты, великий государь, желаешь мира и соседственную дружбу держать. И потому дали бы мне подводы и корм и отпустили скорее к государю своему, ибо ведаем, как желает государь их посольства от тебя, великого государя.

И они зело радовались, как услышали, что ты, великий государь, желаешь мира, и говорили: нет лучше на свете мира, и когда государи живут в мире, тогда и мелким людям и подданным счастье и богатство живет. А про иные дела сказали, что им ныне говорить не время, а как будем в селах Наунских и будет большой их воевода, тогда будут говорить. И принесли мне корму, мяса свиного и круп и вина горячего и поили твоих, великого государя, служилых людей, а я поил их водкою, а людей их вином. И после того поехали они на станы свои, которые от нас были недалеко, и на другой день ехали со мною до другого становья, оттого что они встретили меня от Науна за три дня.

На третий день, января в 26-й день, недалеко от сел Наунских встретил меня старый воевода и иные многие честные их люди китайские и служилые, человек с пятьсот, и издали слазили с коней и оружие скинули, и я, приблизясь к ним, с коня слез и с ним витался, и провожали меня до села и до подворья. И поноровя немного, покамест я твою казну склал в избу, и воеводы и иные многие честные люди пришли ко мне и объявили, что они всякую честь, которую могли, воздавали, ибо слышали, что двух таких великих государей на свете иных нет.

Письмо со мною есть, твоя, великого государя, грамота да лист государя их богдыхана, и у них честнее нет иного против писем государских. И они тому зело рады, что видели они от тебя, великого государя, посольство, и чают, что впредь будет меж государствами соседственная дружба и любовь, которая великую прибыль учинит обоим великим государствам. Говорили мне, чтоб я на них не пенял, что они не прислали коней навстречу в Нерчинский острог и провожатых потому, что то дело учинилось от Игнатия Милованова или от толмача его, который им не истинно сказал, что я поеду из Нерчинского весною, а не зимою, и потому они Игнатия послали с воеводою своим в царство известить, по их обычаю будут из царства навстречу большие бояре, и тогда будет всякая честь и удовольствования до царства. Только они

имеют указ от государя своего, потому что они порубежные воеводы, расспрашивать всякого иноземного человека, посла или иного какого-нибудь, откуда приехал и куда идет, и какими делами, дружбою или недружбою, и про всякие дела расспрашивают накрепко и, по расспросу смотря, принимают и корм и подводы дают, а без того никакими мерами принимать не смеют.

И я им говорил, что ты, великий государь, желая соседственную дружбу и любовь держать с их государем, с богдыхановым величеством, послал меня к нему, а для каких дел послал, когда даст бог буду у богдыханова величества, тогда обо всем ему, ханову величеству, явно будет, а больше того ведать им незачем. О том споровались со мною больше часа и хотели всячески проведать и как увидели, что не могут от меня никакую ведомость взять, тогда опять говорили про твою, великого государя, грамоту, есть ли со мною или нет, и для каких дел послан и про поминки, есть ли и какие.

Они полагаются на мою волю, оттого что видят и они, буде бы я не был послан от тебя, великого государя, не так бы с ними дерзно и надежно говорил и не столько со мною всяких чинов людей было. Только, как я твой, великого государя, указ храню накрепко, так и они должны своего государя указ хранить, также для народа их и ради всяких чинов людей их, которые с ними. Буде мне, как ведется, добрым гостем быть хочется, и кормом мне и всем твоим, великого государя, служилым людям довольными быть, и в селах своих нас принимать и покоить, и верблюдов и коней наших для прокормления по селам раздать, — тогда надобно им показать только лист государя их, который в прошлых годах они сами чрез Нерчинский послали к тебе, великому государю, и слышали они прежде приезда моего от казаков, что тот лист со мною, и буде есть лист со мною и покажу им, и они узнают его, тогда они честь воздадут, и какие проторы учинятся со мною, тогда чрез видение того листа будет им очистка пред государем своим и пред народом своим.

Сверх того говорили, что до царства, oprичь их, есть многие воеводы, которые им непослушны и больше их, а как они услышат, что лист их государя идет со мною, тогда, и не дожидая указа из царства, будут строить ямы и корм с подводами, и тогда без всякой мешкоты в царство поеду. А буде не услышат про лист государя своего, тогда хотя и указ будет, однако же не вскоре будет собрание подвод, оттого что они степные люди. И притом многие речи говорили накрепко.

И видя я, что они с великим упорством стоят и не хотят без того отпустить, показал им лист государя их в ящике, в желтом атласе, подняв с честью, а они все, что были, пали на колени с великим страхом, на головы свои клали, будто у нас священники, святые дары. И только увидели, узнали и, не прочетши листа, говорили, что ныне верят обо всем, что им говорил, и, конечно, послан от тебя, великого государя, и впредь будет всякая честь и удовольствования. А я тот же час лист с честью спрятал (потому что у меня четыре листа китайские, а им только один показал).

После того тотчас скот наш приказали раздавать по селам для корма, а твоим, великого государя, служилым людям приказали давать на день по два быка да круп, сколько надобно, и дров и сказали, что тот корм будет, покамест из царства будут бояре с Мангутеем да с Игнатием, и тогда будет, что желаем, всякое удовольствие, и ожидают их еже час. На караул дали мне своих людей десять человек беречь от невежливых своих людей, а одного из них, воеводу, выбрали послать наперед ямы строить. Да говорили мне, чтоб я готовил одного честного человека да толмача, а они уготовят своих посылать наскоро в царство известить, что я приехал уже в Наун, потому что они чаяли, что весною буду, как им Игнатий сказал и здесь и там, а ныне наши люди, которых пошлем, могут поспеть в Царство в двенадцать дней и скорее. И как там услышат, в Царстве, про мой приезд, учнут посылать с великим поспешеньем взять в Царство наскоро.

Я выбрал одного тобольского сына боярского грамотного и дал ему наказную память проведать про все, что надобно, да толмача селенгинского. И января в 27 день взял их воевода наунский, который ямы строить наперед со своими людьми поехал, к мунгальским воеводам и доехали давно, потому что сын боярский оттоле писал ко мне, что отпущен наскоро, а писал он с наунским воеводою, который ездил для устройства ямов. Тот воевода как приехал, приехали ко мне все воеводы и говорили, что мунгальские воеводы наших людей отпустили наскоро да ямы приказали строить с поспешением. Они чают, покамест ямы устроятся, и Мангутей с Игнатием из Царства будут, потому что уже сорок пять дней, как от Науна поехали.

А мунгальцы — люди кочевные, и ныне зима, и кочуют подалеку, надобно время, покамест соберутся и как готовы будут, ведомость учинят. А воеводы, хотя живут в другом селе, отселе версты с три, где только китайцы одни живут, однако же часто приезжают и посещают нас с великою учтивостию. Они говорят, чтоб ни о чем не тужил, потому что хотя и мешкание учинится немного, однако же, как путь устроится, тогда поскорее поедешь, нежели ныне ехать в неустройство ямов и стоять на степи, и оттого учинится великий позор государю их, а им пеня. И я всегда их подчиваю водкою, а людей их вином, и они ко мне посылают всякие овощи китайские и что у них есть.

Недавно приехали из Царства люди их с товарами и сказывают, что богдыхан взял у никанцев город, а другой осадил, а никанский народ — старый китайский, и оттого в Царстве и здесь празднуют и идолам своим жертвы с мусикиею да тимпанами приносят. И живем между ими будто на ином свете. Да опричь того, есть у них праздник, начало года месяц март, на небе что и у турков, и не токмо то, но и весь обычай их азиатский и турецкий: и дома, и снадение, питье, и платья, кроме шапок, и иное все, опричь того, что жен не утаят. Они смирение на словах и на платьях являют, однако же в том смирении гордость есть ве-

лика. потому что они чают, что на свете иных людей лучше их нет, и обычаи их превосходят всех иных.

Здесь по селам живут многие никанцы у китайцев в холопстве, и они сказывали моему толмачу, который умеет по-китайски и по-никански, что китайцы лгут, что взяли у никанских, наипаче они побеждены никанскими дважды, только остались в царстве жены да дети, а люди все пропали, и оттого ныне богдыхан послал к мунгальцам собрать войска. Только бог ведает, кому верить, покамест нас бог до Царства до-несет.

И будучи воеводы у меня, говорили, что государь их, когда послал к тебе, великому государю, лист чрез Нерчинский, тогда многие дорогие поминки послал к Даниле Аршинскому, и ныне, чают они, потому ж будут к ним от тебя, великого государя, подарки большие. И я им сказал, что ты, великий государь, подарки не посылаешь иным, кроме равным, которые на свете живут монархи, да и не было о том ведомости тебе, великому государю, и как бы ведомость была, и ты приказал бы мне подарить их честно. И они больше того не говорили, однако же я подарил их от себя небольшим, и у них, государь, лакомство великое, что и у турков.

А про лист, который писал к тебе, великому государю, богдыхан и послал чрез Нерчинский и ныне они увидели, — сказал мне дьяк их, с которым я подружился, подаря его, — и лист тот, прежде сего как послан, и ныне прочел и сказал он, что тот лист писан на двух языках, по-китайски да по-мунгальски для лучшего выражения, а дело одно, только пишет к тебе, великому государю, без многих титулов, только начало: Богдыхан Белому царю поздравление. И потом пишет, чтоб ты, великий государь, изволил отдать подданного его, Гантимура, тунгуса родом, который бежал от него в Нерчинский, и тот Гантимур ныне в Нерчинском, человек старый, и в Нерчинском был у меня и сказал мне, что ведает, что писал богдыхан к тебе, великому государю, о нем, и, в Китае будучи, ведает он, что о нем будут говорить накрепко.

Однако же хотя ты, великий государь, изволишь его отдать, а он жив в Китай не пойдет и сам себя убьет, оттого что он и прародители его родились на Нерче. И я ему сказал, чтоб он не опасался, потому что ты, великий государь, отдать его не изволишь. А тот Гантимур лучше всех твоих, великого государя, ясачных тунгусов, муж великий, храбрый, будто исполин, девять жен у него, а детей больше тридцати, все вооружены, кроме дочерей, а племя его соберется больше трех сот человек, все вооружены в куюках с копьями.

И как я услышал, они потому так прилежно просят того Гантимура, что они ведают, что он и племя его люди самые ратные, а живет он в ближнем порубежном Нерчинском остроге, и боятся они, чтоб он не победил твоих, великого государя, служилых людей, и приехал на них войною, ибо он жил в здешних местах и про все знает. Да те же воеводы говорили мне про Гантимура, что богдыхан писал к тебе, великому государю, в том же листе своем о нем, изволишь ли ты, великий государь, его отдать или нет.

И я им говорил, что ты, великий государь, в Сибирском царстве имеешь сто тысяч холопов, что Гантимура и про таких мужиков ведают по твоему, великого государя, указу порубежные воеводы, а тебе, великому государю, что в листе писано, неведомо и про Гантимура неведомо ж. Только я про Гантимура отповедь учиню им такову, что во всем свете права всех народов так гласят, что который государь владеет той землею и отечеством, в котором человек и родитель его родятся, тот государь владеет и человеком тем и племенем его, а Гантимур и родители его родились на Нерче реке, где ты, великий государь, издавна обладаешь, и оттого доведется ему, Гантимуру, быть в холопстве у тебя, великого государя, а не у богдыхана. Они тому никакой отповеди не могли дать, только говорили, что о том, как буду я в Царстве, тогда с ближними богдыхановыми людьми договор будет.

Они также пеняли на албазинских казаков, что в недавние дни взяли у некоторого князца тунгуса Пет-

рушки ясаку пятьдесят соболей. И про того ту же отповедь учинили, что и про Гантимура, потому что тот Петрушка жил на Лене и родился там же и многое воровство и убийство твоим, великого государя, служилым людям учинил и побежал к ним на Зию реку, и ныне албазинские казаки сыскали его и опять привели тебе, великому государю, в подданство и ясак взяли по делу. И они говорили, что писали в Царство и там будет о том договор, только сказали они, что для таких воров меж великими государями ссоры учинить не надобно.

Здесьняя страна теплая и хлебородная, река Наун будет величиною с Днепр реку, а по ней сел много, и впадает она в Шингал реку, и потом обе впадают в Амур и от Албазина в десятый день приходят на реку Ган пустыми местами, и там первые села китайские, и от того места в шесть дней до сих сел все ехать селами, потому что и река Ган впадает в Наун; и теми всеми селами по Гану и по Науну и Таргачинами все владеют здешние воеводы, и за ними, называют, мунгальцы, а за мунгальцами опять села до высоких стен Китайских и до самого Царства. И буде тихим ходом ехать телегами на быках, тридцать дней, а буде на конях, то двенадцать дней, а ямы везде строены переменные.

А со мною твоих, великого государя, служилых людей, что из Москвы, Тобольска, Енисейска и с Селенги и из Нерчинского и албазинских, всего будет человек с полтора, потому что иные идут продать твое, великого государя, годовое жалованье, а иные для церковного строения и монастырей, а люди все выбраны и добрым платьем одяны. А взял я с собою столько людей, оттого что малыми людьми проехать степью нельзя было и ради чести и возвышения твоего, великого государя, имени.

А про албазинский поход, что они учинили на здешних, по се время здешние воеводы говорить мне не смеют, оттого что в прошлом году сотник, который живет в селе по Гану реке, бил челом тебе, великому государю, и челобитную подал албазинским казакам, чтоб они пришли в поход близ села и взяли б

его и людей его сто человек во Албазинский, и будет он у тебя, великого государя, в вечном подданстве; и в прошлом году казаки человек с триста близ села того приходили, а тот сотник к ним же приходил и корм им привез и велел им себя подождать. Приехав назад, он опустошил село свое и бежал на Наун, и казаки, видя его обман, возвратились назад и никому ничем не вредили. Ныне здешние воеводы до моего приезда говорили албазинским казакам, чтоб они о том ничего не говорили и мне не сказали б, оттого что они и сотник опасаются богдыхана, чтоб им не учинил наказания, и я, видя, что они о том ничего не говорят, и я им ничего о том не сказал же. А албазинские казаки тебе, великому государю, с великим радением служат, и впредь по тому ж обещают тебе, великому государю, служить до смерти верно. Только меж ними и Павлом Шульгиным учинились ссоры, оттого что они не приняли тобольского казака одного, которого он послал владеть над ними, потому что он хотел завести кабаки и иные непристойные речи в остроге. Просили они, чтоб он дал им из старых даурских служилых людей начальника, и он им не дал, и оттого учинились ссоры, и о том, как ты, великий государь, изволишь.

Во Албазине ныне, твоим, великого государя, счастьем, хлеба родится много, и пашенных мест по Амуре реке еще на многие тысячи людей будет, а ниже Албазинского, по Шингалу и по иным рекам, места самые добрые и хлебородные, только о том, как будет твое, великого государя, призрение царское.

И февраля в разных числах приходили ко мне наунские воеводы часто и объявляли, что они не смеют отпустить, покамест не будут из Царства, оттого что ведают они, какие люди живут до Царства, и буде я поеду без царского человека и указа, будет в кормах и в подводах скудость великая и кража, и оттого учинится позор мне и государю их, и они будут от государя своего смертью казнены, для чего не берегли и, не дожидая людей, отпустили. И я всякими мерами говорил им, что ради поспешения покинул на степи коней и верблюдов, исполняя твой, великого госуда-

ря, указ, и чаял, что здесь никакой мешкоты не будет и отпустят они меня в Царство тотчас. А они задержали немалое время и всегда сказывают, что судит бог Игнатия толмача его, потому что не истинно сказали, и мешание тебе от них учинилось, а в тот же бы день отпустили, и кони б ваши и верблюды по степи не пропали б оттого, что встретили б вас в Нерчинском с подводами. Верблюды, которые куплены были у Гаврила Романова пятнадцать, да я ж сверх тех купил для подъема твоей, великого государя, казны три верблюда, из тех от стужи и от худого корма насилиу половина дошли до Науна. Также у иных твоих, великого государя, служилых людей верблюды и кони померли многие, однако же здесь воеводы приняли у нас кормить по селам сто верблюдов да двести коней. А ехали зимою, исполняя твой, великого государя, указ для поспешения, и буде путь был бы строен, можно бы и в полгода до сего места доехать, и легче ехать зимою, оттого что все реки и болота замерзнут и нигде простою нет, и можно сыскать по времени и прямой путь, и легче нынешнего пути, потому что всякое начало трудно. И февраля в 16-й день приехали ко мне воеводы, а с ними приехал нарядчик, который послан был из Царства, и говорил, что бояре, которые едут из Царства вместе с Мангутеем и Игнатием навстречу ко мне, посылали его вперед ямы строить и корм и подводы, да и они скорым временем будут.

И февраля в 18-й день приехали ко мне тобольский сын боярский, которого я посылаю отселе в Царство с толмачом да сотником, которого посылали воеводы в Камбалык, да с ними Игнатий Милованов. Говорили они, что встретились с боярином Мангутеем и с Игнатием, не доезжая до Камбалыка за четыре дня, и поворотили их назад и послали ко мне сказать, чтоб ни о чем не тужил, потому что они после них в пятый или в шестой день будут. А Игнатий говорил, что бояре посланы от богдыхана навстречу и он вместе с ними из Камбалыка отпущен, и они вскоре после них будут, а его послали вперед известить. А что он, Игнатий, сделал в Царстве, то все написано в

расспросных его речах, и те расспросные его речи посланы к тебе, великому государю, под сею отпискою.

И февраля в 26-й день приехал в Наун из Китайского государства от богдыханова величества боярин, асканьяма, и с ним товарищ его дзаргучей да посольского приказа два человека подьячих, и до его приезда наунские воеводы говорили мне, что пристойно бы было мне ехать навстречу, к такому великому боярину, оттого что он у богдыханова величества человек ближний и весь указ с ним послан. Я им отповедь учинил, что у всех народов ездят к послу навстречу, а посол нигде не едет, опричь к тому, к кому послан, только после того посылал двух детей боярских навстречу спрашивать о здоровье, и он по тому ж присылал ко мне двух человек спрашивать о здоровье.

В тот день он приехал в то ж село, где я поставлен, и стал на подворье неподалеку от меня, и приехали ко мне старый воевода наунский да меньший — Мангутей, который был в Нерчинском, а ныне с Игнатием ездил в Царство и возвратился оттуда с боярином, и говорили, будто от себя, что лучше было мне приехать к нему навстречу, а хотя тогда не был, однако ж ныне можно идти на двор к нему свидеться и говорить про обоих великих государей дела, ибо он (асканьяма) недомогает, потому что он дорогою бежал за зайцем и с коня упал, и ногу изломил, и ходить не может. Я им сказал, что видел и я сам, что боярин их неможет, потому что он в телеге приехал, однако же у них есть обычай, носят их на носилках, и можно и ему придти на носилках, потому что стоит недалеко.

И то дело и посольство начиналось прежде от них, наипаче от него, Мангутея, потому что он о том деле дважды приезжал в Нерчинский и много о том спорил. Видя, что им во всем конечно отказал, поехали к нему. И февраля в 27-й день опять приехали те же воеводы и подьячие не пооднажды от него и говорили мне накрепко, что у него (асканьямы) есть от богдыханова величества указ крепкий, чтоб ко мне на двор не идти, а звать к себе и спрашивать про все подлинно. И я многими речами отказал и говорил, что теми речами оказываются к тебе, великому государю, не-

дружбою, и по многим спорам возвратились к нему. Поноровя немного, опять те же приходили и объявили другую статью, что боярин видит, что я опасен твоего, великого государя, указа и к нему не иду, и он по тому ж опасен своего государя указа и ко мне не идет же, только для обоих великих государей дел хочет послать ко мне товарища своего спрашивать про все.

Я им говорил, буде он сам ко мне будет, и ему объявлю про все, а товарищу ничего не объявлю, оттого что он ко мне послан, а не товарищ его; и видя они, что и ту статью отказал, возвратились назад к нему. Погодя с час, опять пришли и говорили, что послал их объявить последнюю статью, и буде я не приму и ту, и он будет писать к богдыханову величеству, что я упрямлюсь, как учинил некогда и Федор Байков, и от того добра никакого не будет.

А статья была такова: была изба в равном расстоянии, порожня, меж мной и им, и в ту избу в одно время идти, он из своего двора, а я из своего, и сойтись и переговорить обо всем. И будет та третья изба место, будто приказ, и так сохранится обоих великих государей равная честь. Я отповедь учинил, что не токмо в третью избу не пойду, которую он хочет именовать приказом, а хотя был и прямой приказ государя их, однако же не поехал бы, оттого что так не ведется, покамест не отдам твою, великого государя, грамоту богдыханову величеству и посольства не отправя по обычаю, как ведется у всех народов. И иные речи им говорил накрепко, и спорили о том много время со мною и отъехали.

И февраля в 28-й день присылал ко мне только про здравье спрашивать, и я по тому ж посылал детей боярских спрашивать про его здравие, и после того присылал многие корфети и овощи китайские, и я по тому ж посылал овощей и иные, которые знали, что у них нет, и он с радостью принял. Февраля в 29-й день асканьяма присылал ко мне и бил челом, буде есть у меня мази и лекарство, чтоб послал к нему для озлобленной ноги, и я посылал к нему разные мази и плас-

тыри, и мазали ногу его, и оттого легче ему стало. Также посылал и от всех питей водонос и спирду, и он удивился, что из такой дальней страны, а такие пития, что у них нет. И он прислал мне чаю и груши и иные разные.

А марта в 1-й день опять присылал асканьяма тех же воевод и подьячих, и говорили, что нашли они иную статью, которым бы можно честь хранить обоих великих государей, а статья такая, чтоб я поставил юрту свою подорожную на порожнем месте, где я хочу, на поле или в другом месте, а он ко мне придет в юрту после, когда его извещу. Я им говорил, отчего он в избу, где я живу, которая есть богдыханова величества, не идет, а в юрту, которая моя особная, хочет придти. Они говорили, что в избу к тебе придти не хочет, оттого что опасается указа богдыханова величества, а на порожнее место, в юрту, где никто не живет, пойдет. И спорили о том многое время, и на ту статью им отказал, и они пошли к асканьяме назад и опять приходили и говорили, что они многие статьи сыскали и я ни одну из них не принял, и чтоб я сам сыскал новую статью и им бы предложил. Я им объявил, что та статья лучше всех, чтоб ехали совсем отселе в Царство и, едучи, на первом стану придет он ко мне в юрту, и учнем говорить обо всем. Они говорили, что он совсем ехать в Царство без расспросу не имеет [права], оттого что боится, чтоб не были от тебя, великого государя, к богдыханову величеству какие-либо грозы приказаны, и тогда он будет без головы, и тот день прошел так.

А марта во 2-й день присылал тех же и объявил, чтоб поставить палатку на поле далеко и отселе ехать на коне же, я с одной стороны, а он с другой, и там будут два стула и стол между ними, и будем говорить обо всем. И я в том отказал же, и отъехали. И опять приехали и объявили иную статью, чтоб ехали от сего села в другое село на конях, и в том селе есть избы большие, и у них двери широкие, и можно нам обоим идти в избу вместе, и так честь будет равная обоих государей, и буде и ту статью не приму, и он поедет совсем в иное село и оттуда учнет писать обо всем к

своему государю; и сколько статей он предложил, и я не принял, и о том, как укажет богдыханово величество. И иные многие речи были между нами, которые для множества в отписку написать нельзя.

И видя его упрямство и гордость и что время продолжается и люди они подозрительные и не поодиножды говорили, что оттого я у них ни одной статьи не принял, что есть от тебя, великого государя, какие грозы или недружбы к государю их, и пососоветовавшись с твоими, великого государя, людьми, которые со мною есть, подождал марта до 6-го числа. И как приехали ко мне те же воеводы и объявили, что он, асканьяма, уже едет в другое село и оттуда хочет отпустить к богдыханову величеству товарища своего объявить про все, тогда я им сказал, что не хотел принять ни одной статьи, что он предложил, только твои, великого государя, люди били челом мне, чтоб время не продолжалось и чтоб просил от него письмо за своею рукою на их китайском языке, что их послы, как будут у тебя, великого государя, по тому ж будут делать, как будет к ним послан навстречу от тебя, великого государя; а юрту свою поставить, где мне хочется, и мне в юрту идти наперед, а он, асканьяма, после того придет, как извещу. И воеводы поехали к нему, и он письмо писал и прислал ко мне, и прочитали, буде мне полюбится, а то письмо отдаст мне в юрте сам. В тот же день велел я юрту поставить неподалеку от избы, в которой я жил, и, нарядясь, с твоими, великого государя, людьми пошел в юрту и сел, и за мною, поноровя немного, принесли его на носилках до юрты, и в юрту ко мне пришел и повитался. И после того первое его слово было, что богдыхан слышал, что российский Белый царь послал тебя с посольством к богдыханову величеству, и для того богдыханово величество послал его с жестоким указом, чтоб он твою, великого государя, грамоту от меня взял и распечатал и прочел, что в ней именно писано, и про иные про всякие дела расспрашивал накрепко ж, и потом посылал наскоро к богдыхану объявить. А буде не хочу твою, великого государя, грамоту отдать и про иные дела сказать, тогда учинится надо мною,

как над Федором Байковым, и иные речи говорил с великою гордостью.

Я его спросил, есть ли у него богдыханова величества полная мочь, и на ту полную мочь есть ли у него богдыханов верующий, потому что обычай есть во всех государствах, что тем, которых посылают навстречу к послам, дают какое-либо письмо, чтоб верил им посол, потому что не от себя говорят, но от государя своего. И он говорил, что у них такого обычая нет, чтоб дать лист, только приказывают словесно, а он сидит в Посольском приказе, как то видели и твои, великого государя, люди, которые были ныне и прежде сего, и оттого его послали расспрашивать обо всем накрепко. И я к нему так начал говорить, что великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея великия и малыя и белыя России самодержец, есть будто иное солнце на свете, и как солнце природною своею благодтию всем, что есть на свете, воздает от себя свет и благодть, наипаче луне и звездам, также и от них привлекает к себе, что благо и добро, так и великий государь, его царское величество, не токмо подданным своим воздает от себя всякую милость и благодть, но и к иным великим государям, которые на свете, как великие звезды, на небе выбранные, живут, воздает от себя, аки свет, всякую любовь и дружбу и также привлекает к себе дружбу и любовь этих государей и все иное, что добро. И то дело у всех народов почитается паче всего иного, потому что не желают на свете люди иное так, как жити меж себя миром, дружбою и любовью.

И хотя великий государь имеет дружбу и любовь и непрерывные посылки не токмо с порубежными великими государями, которые многие окрест государства его живут, но и в дальнем расстоянии сущими, однако ж желал великий государь издавна и с богдыхановым величеством по тому ж, что с порубежным соседом, жить в мире, в дружбе и любви. И для того посылал от себя посла к богдыханову величеству со всякою любовью и дружбою, однако же богдыханово величество оказалось к тому послу нелюбовью, и оттого возвратился назад, ничего не исправя, и то-

го ради великий государь с того времени перестал искать дружбу богдыханова величества.

В прошлых годах богдыханово величество посылал тебя сюда в наунские села, и ты по его указу посылал трех человек честных в Нерчинский к Данилу Аршинскому и писал к нему и словесно указал, что богдыханово величество желает начать с великим государем дружбу и любовь и чтоб он тех трех человек держал в Нерчинском в аманатах, а от себя бы послал трех же человек к богдыханову величеству для того, что хочет писать чрез них лист к царскому величеству. И Данило, ведая, что царское величество желает жить со всякими окрестными государями в дружбе, хотя и не было о том к нему государского указа, послал однако же и вам верил и без аманатов, отпустил от себя десять человек казаков, а с ними отпустил и ваших людей, и приехали вместе сюда к тебе, и ты взял их наскоро и с великим поспешением ехал к богдыхану.

И там была им всякая честь и подарки, и пред богдыханом были, и сам [он] им сказал, что всякую дружбу и любовь с великим государем желает, и лист к великому государю писал с ними ж, и ты, взяв их из Царства, провожал до здешних сел, а от здешних сел послал провожать до Нерчинского воеводу Мангутея.

И из Нерчинского тот лист привезли к великому государю те ж казаки и объявили про все, и хотя великий государь желал вельми выразуметь, что писано в листе богдыханова величества, однако же из-за неведомости вашего языка выразуметь не могли. И как видели, что лист прочесть невозможно, однако же чаяли, что такой славный государь не может иное что писать, кроме дружбы и любви. И для того, почитая богдыханово величество, послал меня, холопа своего, к нему известить всякую дружбу и любовь, и надеялся великий государь, что от богдыханова величества с великою честью восприят буду, а ныне вижу, что ты объявляешь речь, полную недружбы и гордости, которая не повелась во всем свете; грамоты

государские взять на встрече и распечатать, и то есть явное насилие.

А великий государь послал столько своих служилых людей со мною для того, буде кто хочет учинить насилие, и нам всем до смерти оборонять государские грамоты, и ты буде хочешь взять у нас государские грамоты силою, и я тебе ведомость чиню, что нам здесь всем лучше умереть, нежели великим государем казненными быть смертию, оттого что не хранили честь государственной грамоты. И меня великий государь послал посольство править пред богдыхановым величеством, а не пред тобою в Наунских селах.

И как видел он, что я жестоко в том отказал, опять начал говорить, что то дело, что он к Нерчинскому послал, и про лист богдыхана все истинно есть. И так учинилось, не может отпираться, только то дело ныне прошло, оттого что с Данилом Аршинским так постановлено было, чтоб отповедь учинилась от великого государя богдыханову величеству в срок в три года против листа его. И ныне тот срок и дело минуло, потому что уже идет седьмой год, однако же богдыхан приказал спрашивать накрепко, какая отповедь есть от тебя, великого государя, против листа его и про Гантимура, о котором в листе пишет, отдаст ли, или не отдаст. И я ему говорил, что отповедь от тебя, великого государя, замедлилась против листа его, оттого что от Нерчинского до Москвы великое и дальнее расстояние есть, а наипаче всего замедлилась отповедь оттого, что не могли выразуметь, что в листе хановом написано, и многое время искали людей, чтоб могли прочесть, и никакими мерами выразуметь не могли. И хотя не выразумели, однако же чаял великий государь, что от такого порубежного государя не будет иное написано, кроме дружбы и любви, как и словесно казакам приказано.

И у великого государя нет обычая, чтоб листы иных окрестных государей посылать назад, только ныне оттого послал со мною тот лист и велел беречь с великою честью, что и его, великого государя, грамоту, и перевести на русский язык и опять с честью к

великому государю привезть, чтоб великий государь уразумел подлинно, что пишет богдыханово величество к великому государю и что желает.

И он говорил: невозможно верить тому, что великий государь не уразумел, что пишет в листе, потому что были нерчинские казаки у богдыхана и сам их перед собой взял и сказал, что пишет про Гантимура в листе своем, и в приказе им не однажды то же говорили, и после взял их он, асканьяма, и провожал до здешних сел и на отпуске приказывал то же им многожды и, отпустя с ними воеводу Мангутея провожать до Нерчинского, приказал лист ему перевести. И Мангутей с Данилом Аршинским переводили дважды и справливали тот лист на русском языке, и словесно то же сказал, что про Гантимура пишет. Лист писан на двух языках, на богдойском и на мунгальском, потому что ведают они, что из Тобольска с русскими в Китай приходят бухарцы и калмыки и называют себя великого государя людьми, и можно бы тот лист им перевести с мунгальского языка, потому что с калмыцким одно письмо. Да и казаков было десять человек, которые были у богдыхана, и если бы один не объявил, однако иные объявили б, что им приказано, и поэтому никакими мерами верить нельзя, что великий государь не уразумел, что в листе писано. Сверх того и те казаки здесь ныне, человек с пять, Игнатий с товарищами, которые у богдыхана были, не могут отпираться, что не приказано им объявить про Гантимура.

И я ту статью так очистил, что о том и я верю, что казакам приказано объявить про Гантимура великому государю, только то дело не объявлено ими оттого, что Данило, как вы послали к нему, и он отпустил людей к вам и лист богдыханов принял и в то время наскоро послал вперед и известил, что послал к богдыхану людей и что лист принял. Великий государь на него зело гневался, что он без указа великого государя с таким великим государем пословался и лист принял, а людей, которые язык разумели китайский, от вас не просил послать к великому государю, а в листе неведомо что написано, пристойно ли государ-

ской чести или нет. Он, видя, что государский гнев на него великий, приказал тем казакам, с которыми послан лист, объявить только великому государю, что богдыхан желает дружбу и любовь и торг завести, и то в листе писано и словесно то ж приказано, а про Гантимура ничего не поминали оттого, что ведает, что Гантимур прямой холоп великого государя и, буде он объявил бы про Гантимура, что богдыхан просит его у великого государя, еще больше привел бы гнев на себя великого государя и оттого то дело и он утаил и казаки.

Да ныне, как великий государь меня изволил послать сюда, взят был Данила к Москве для того ж, и я его на отпуске по указу великого государя спрашивал накрепко, что богдыхан желает от великого государя и что в листе пишет, и что казакам словесно приказано, и он то ж говорил, что и в листе, и словесно то ж приказано, что богдыхан с великим государем желает дружбу и любовь и чтоб торг завести меж обоими государствами, а кроме того, иного не приказано.

И боярин, посмеявся, говорил, кажется, что правда, однако же они не верят, и верить нельзя, потому что такие люди, как казаки, самому великому государю объявить не могли, а ближним людям объявить бы можно. И я ему говорил, что оттого они не верят, что мнят, что великий государь подлинно ведает про Гантимура, что он подлинный прямой богдыханов, и великий государь поступает неправдою и не хочет его отдать и оттого притворяется ничего не знающим о нем. И о том надобно им отложить то мнение, потому что те поступают неправдою и обманом, которые боятся один одного, а великий государь, oprичь одного бога, на свете не боится никого иного. И как богдыхан смел писать к великому государю про Гантимура, что подданный его, так и великий государь наипаче б смел писать к богдыхану про Гантимура, потому что [тот] его, великого государя, прямой подданный. И правда его, а Даниле, что он не объявил от великого государя, будет великое наказание. А таких мужиков, как Гантимур,

неисчетно таких подданных в Сибирском государстве есть, которых знают воеводы, и ясак, что на них положено, собирают. А великий государь таких имен и не ведает.

И он против того говорил, что, по правде сказать, богдыхан просил казаков не из-за мужика Гантимура из Нерчинского острога, потому что про такого мужика таким великим государям ссылатись непристойно, а наипаче для того казаков призвали и лист к великому государю писали, чтоб проведать, какие люди живут в Албазинском и в Нерчинском, и в Селенгинском, и во иных острогах, великого государя люди или нет. Мы чаем, что только те великого государя люди, которые приходят степью из Тобольска к нам часто, и тех называем руссами, а здешних, которые прежде сего жили и ныне живут в тех острогах, чаем, что иной народ есть, а не его, великого государя, люди, и оттого называем их другим именем, лучи, то есть воровское войско, а ныне видим чрез твой приезд, что подлинно его, великого государя, люди, и впредь будем верить им.

И опять начал говорить, чтоб показал твою, великого государя, грамоту и распечатал и сказал, что в ней писано, потому что в Царстве как буду, богдыхан сам не принимает грамоты, а емлют ее в приказ и переведут и его извещают. И чтоб ему объявил, как буду у богдыхана, дам ли грамоту в приказ или так же стану упрявиться, как Байков, и ему приказано е том расспрашивать. И я ему говорил, что грамоту великого государя не токмо распечатать не дам, а и показать нельзя, оттого что от великого государя наказан буду смертию, а про Байкова и вспоминать нельзя, потому что то посольство от нынешнего разнится, оттого что тогда начиналось от великого государя, а ныне посольство начинается от богдыхана; и как великий государь богдыхана во всем почитает и всякую дружбу и любовь к нему объявляет, так чаю, что и богдыхан против того ни в чем печальствоваться не будет великого государя, а во всем объявит дружбу и любовь; и как все великие государи принимают послов, наипаче от соседей и друзей своих, так чаю,

что и богдыханово величество по тому ж учнет принимать, и то дело взаим же будет, как и от него будут к великому государю послы.

И он, асканьяма, говорил, что по дружбе объявил, что у них такой обычай есть, и опять просил у меня видеть хотя бы печать какова есть великого государя нашего на грамотах; и я ему отказал, что то невозможно учинить, и он опять говорил, что ты грамоту великого государя не объявляешь, однако же объяви, что в грамоте писано, потому, буде в грамоте написано какие грозы или непристойные слова, велено тебя отпустить назад, а в Царство не взять. А я ему говорил, чтоб он сказал правду, возьмет ли в Царство богдыхан нас или нет и есть ли у тебя указ, чтоб нас взять. Он говорил, что указ есть взять, только когда увидит, что никакие ссоры в грамоте не написаны, и осмотрят поминки, и тогда отпустит вперед с ведомостию к богдыхану, а мы потихоньку за ними пойдем.

Я ему говорил, что в грамоте и словесно от тебя, великого государя, иного не приказано, опричь дружбу и любовь соседственную постановить, от которых бы учинилась обоих государей и государства их прибыль. А про поминки, хотя от богдыхана к великому государю не были, однако же великий государь, желая показать большую дружбу и любовь, послал, что чаял богдыхану любезнее и что лучшее родится в его государстве. Ведает великий государь, что у богдыхана, такого великого государства государя, всякое сыщется, однако же тот знак дружбе живет меж великими государями почитать взаим друг друга поминками, чем им любо. И он, асканьяма, говорил, что словеса мои зело красны, только б и на сердце была правда такая ж, и он мне верит, только просит у меня, чтоб я ему дал все, что говорил, русским письмом, и он то письмо дьяку своему и подьячим прикажет со мною перевести на их язык и подлинное то мое письмо и перевод пошлет к богдыхану, и то будет ему очистка и мне верность.

И я ему говорил, что словесно сказал, то и в Царстве скажу, и всегда то же будет, а на письме отнюдь

не дам и не дам оттого, что у них есть изменники русские люди, которые то письмо переводить будут, и они, по природе изменников и воров, переведут не по правде, оттого что меж обоими государями делают они ссоры и недружбы; а что я говорю, и то им можно писать по-своему и послать к богдыхану. И как буду там, буде иные разные речи будут в грамоте или словесно, опричь дружбы и любви, тогда ни в чем мне не верьте. И он говорил, что он верит, только ему от богдыхана будет наказание, отчего грамоту не смотрел и письма не взял и поминки какие не видал. И я ему говорил, что про поминки утаить не по что, видит он и сам кречетов, а есть мягкая рухлядь. И он говорил, что кречетов у них немного сыщется, однако же есть, и ныне у богдыхана есть один кречет весь белый, а иные поминки и не просил смотреть, только говорил, что учнет писать о всем к богдыхану. И после того дал своею рукою письмо, что и они, когда будут от них к тебе, великому государю, послы, по тому ж будут учинить. И после того повитались, и вышел из юрты и пошел в свою юрту, я в свою избу, и тотчас посылал за мною товарища и подьячих, и писали по-своему, что ему говорил, что опричь дружбы и любви, в грамоте твоей, великого государя, и словесно не сказано, и просили у меня писать по-русски то же, и я по-прежнему им отказал накрепко.

На другой день приехал ко мне в избу он с товарищем и с подьячими и опять почал говорить, что грамоту не токмо честь, но и видеть не даешь, да и русским письмом, что словесно говоришь, не хочешь дать, и оттого мы тебе не верим, что говоришь, а не верим оттого, что у вас всегда непостоянство живет, как было и у Байкова и у иных торговых людей, которые после того к нам приезжали, и в прошлые годы иное говорите, а иное делаете. В прошлом году в марте ж месяце, тому ныне год, ты отпущен от великого государя к нам сюда с посольством, а вашего великого государя люди, албазинские казаки, приходили, человек с триста, войною на наши села, на здешние крайние, и хотели пленить и разорить, и, говорить правду, наши здешние люди зело испугались,

потому что не были в собрании. А сотник наш их обманывал, чтоб они подождали, покамест соберет жену и детей своих и людей, и они сами пойдут с нами, казаками. А сам побежал и известил здешних воевод. И как видели казаки, что собрались здешние люди и сотник их обманывал, опять бежали назад и ничего не сделали.

Да сверх того, как ты ехал из Нерчинского сюда, они ж, албазинские, ехали по Амуру и по Зие реке, и сколько было ясачных и промышленных наших людей, сыскали их, устрашили и говорили, указ великого государя к нам есть строить города по Амуру и по иным рекам везде, и оттого дайте нам ясак, а буде не дадите, и мы вас до конца разорим. И они испугались и ясак им дали, да, oprичь того, иные многие обиды нашим людям чинят еже день. А от наших никаких обид не бывает. Здешние воеводы после отпуски Игнатьева послали и известили богдыхана про все, что Игнатий сказал, что посол идет с дружбою, а казаки уже воюют и не послан ли и посол войною, или войну объявить, или ясак от богдыхана просить, или иные какие грозы сказать чрез него, посла, приказаны. И оттого богдыхан послал меня наскоро и приказал спрашивать тебя накрепко, с чем идешь к богдыхану, потому что вам не верим, и какая дружба и мир будет, если, с одной стороны, посольство правите, а с другой — воюете, и какие торги будут, как война, и то явное дело, что или казаки здешние — вoры и не того великого государя люди, или вы неправдою и лукавством поступаете с нами. И покамест не смирится здешний рубеж, никакими мерами дружбы и любви быть меж обоими великими государями невозможно. А мы терпим их ради имени великого государя, а можно бы их удавить, ведаем мы, по сколько человек живут в здешних острогах, и в прошлые годы воевали они по Амуру, однако же их всех удавили и видели они и пушки, и бусы наши. И иные многие речи сердцем говорил.

И я отповедь учинил ему, что про Байкова непостоянство было или нет, то дело старое и поминать и спорить о том не надобно, а торговые смотрят торг и

прибыль свою, а в государские дела и мешаться не смеют. А что про албазинских говоришь, и то не таким намерением учинилось, потому что приходили они в Нерчинский ко мне и объявили про все, что ясачные великого государя, которые живут меж Нерчью и Албазиным, в прошлом году бежали, и они за ними гонялись по следу, потому для того они и живут здесь, чтоб берегли ясачных людей, а тот след дошел близ ваших сел, и опять поворотились вниз по Амуру, и они по следу пошли и ясачных сыскали и поворотили их назад, а вашим людям никакого разорения не учинили и ничем не вредили, а про ясак что говоришь, что у ваших людей просили и устрашали их, и то не так было, потому что тунгусы ленские убивали и грабили на Лене многих казаков и бежали сюда на Зию реку, и ныне албазинские казаки нашли их, и за воровство надо было убить их, а они только ясаку взяли соболей с шестьдесят и зимовье поставили по обычаю, а от ваших ясачных людей ничего не просили.

И асканьяма говорил, что видит и он, что тебе, великому государю, о тех делах ведомости нет так же, как и мне, холопу твоему. И буде ему не верю, здесь есть албазинские, которые приехали с Игнатием, и их бы по вашей вере в тайне расспрашивал и увидишь, что все так истинно учинилось и ни в чем не лгу, а не грабили казаки никого оттого, что не успели, потому что наших собралось с мунгальцами с тысячу.

И я ему говорил: бог ведает, что у тебя, великого государя, никакая война или недружба или грозы нет, oprичь дружбы и любви, оттого что воры начинают внезапно и без ведомости войны, а у великого государя такой обычай, буде кто из порубежных государей неправдою поступает и причины такие дает, тогда прежде посылает посольство и объявляет неправды его, и буде не перестанет, скажет ему войну, и на том приклад ему говорил, как ты, великий государь, в прошлые годы султану турецкому объявил войну чрез Василия Даудова, и иные речи многие были между нами.

И после того опять он смеялся и говорил, что казаки, когда промышляют с их людьми вместе, зовут в гости их людей к себе и кормят, а после того вяжут накрепко, и сколько соболей есть, берут у них. И сверх того еще бьют и говорят: дайте иные соболи, которые у вас спрятаны. Такие добрые люди ваши казаки, что на свете иных таких нет. И я ему говорил, что то дело можно спокоеить, как, даст бог, посольство справится с добрыми делами, будет от тебя, великого государя, послан начальник над ними [казаками], таков, который будет их наказывать накрепко, не дожждав твоего, великого государя, указа, и никаких обид впредь вашим людям чинить не будут; также и от богдыхана здесь на рубеж послан будет такой же начальник, который ваших людей будет унимать от ссоры. И так те начальники обоих великих государей с полною мочью, и не дожждав обоих великих государей указа, злых людей будут наказывать и рубеж усмирят, и так ссор впредь не будет.

И он говорил, что воистинно лучше того дела быть невозможно, и покамест так не будет, и мира не будет же, наипаче от вас, потому что отсель Москва далече, а богдыхан неподалеку живет. И я ему говорил, что то дело нетрудно и можно делать, только дай боже, чтоб прежде основание учинилось, то есть дружба и любовь меж обоих государей, а те дела все следуют к тому. И он говорил, что мы рады тому и чаем, что будет дружба, только бы от вас перестали ссоры, а от нас, как прежде сего не было, и ныне нет же, и впредь не будет же. И после того потчивал я его водкою и иным, и поехал он в юрту свою.

И марта в 5-й день опять приехал ко мне и опять те же речи говорил и просил твою, великого государя, грамоту видеть или ему дать русским письмом, также и про Гантимура и про казаков те же речи говорил и от меня ту же прежнюю отповедь взял, и не токмо он сам ходил ко мне часто, но и товарища своего, и воевод, и подьячих посылал часто, и все те же речи спрашивали порозну и все то учинили для отведывания, чтоб видели, все ль одни слова у меня или разнятся, чтоб сыскали у меня в речах какое при-

менение. И я того остерегался накрепко, потому что они самые подозрительные люди. Да и я потому ж к ним часто посылал дворян московских и детей боярских о тех же делах говорить, а я к нему в избу не пошел, хотя он чрез воевод искушал то дело не пооднажды, чтоб к нему в избу идти.

И марта в 7-й день опять приходил ко мне с товарищем и с подьячими и опять начал говорить и расспрашивать те же речи. И я ту же отповедь ему дал и говорил, что впредь, буде об ином деле расспрашивает, и я ему отповедь учиню; про те же дела, о которых тысячью расспрашивал и отповедь взял, впредь и отповеди не учиню, потому что уже и сердце и голова болит. Вижу я, они чают, что мы лукавством поступаем и хотим их обманывать, и я не только ему, но и на Селенге, как мунгалам, и дорогою объявил везде, что идем посольством к богдыхану, а идем любовью и для дружбы, а иных у нас речей нет и впредь не будет. И он говорил, что селенгинские казаки живут с мунгалами мирно, а здешние зело лихи и не смирны.

Также говорил, чтоб не докучинился, что расспрашивает об одном деле многожды, оттого что царские дела надобно делать осмотрительно и не спешно, и ему от богдыхана такой указ дан, чтоб гораздо искусил меня и речь мою во всем, и как видит, что я храню твой, великого государя, указ накрепко, так и он своего государя указ хранит же и хочет отпустить к богдыхану наскоро товарища своего и подьячего в Царство; а теперь недоумет, как писать к богдыхану, потому что твою, великого государя, грамоту не только не прочел, но и не видал, а про Гантимура никакой отповеди нет же, а поминков не смотрел же и о чем говорю, письменно дать не хочу, только словесно говорю про все, а свидетельства о том письменного нет.

Хотя он здесь верит мне во всем, что говорю, а опасается, что в Царстве не будут верить и в опале от государя своего будет, а твою, великого государя, грамоту сам ли хочу поднести богдыхану или в приказ отдам, и о том не хочу объявить, как и Байков

делал, а у них обычай, что грамоту берут в приказ и читают и после того пред царем к поклону возьмут.

И я его спрашивал, грамота ль честнее, или посол? И он говорил, что грамоты государские далеко честнее посла, оттого что без грамот и послу не верят, что говорит. И я ему говорил, отчего тогда посла пред царем к поклону емлете, а великого государя грамоту, которая честнее посла, пред царем не емлете. И он тому и отповеди не мог дать, только говорил, что у них устарелся такой обычай. А Байков не токмо грамоту не дал, но и поклон пред богдыханом править не хотел, потому что у него, асканьямы, здесь есть описано все посольство Байкова. И я ему говорил, что поклон править от государя к государю то обычай послам у всех народов. А насильство и бесчестие послам учинить не токмо тем нельзя, которые с дружбою и с добрыми делами идут, но и тем, которые хотя и недружбу объявляют; однако же честь послам хранится, потому что посол вольный, и что говорит, не от себя, но от государя своего говорит.

И он говорил, что то правда, и у них послам честь хранится накрепко, только всякий государь во своем государстве какой хочет обычай, такой и постановит, государь государю не указывает. И я его спрашивал нынче, отпускает ли товарища наперед к богдыхану, а мы за ним потихоньку поедем или же все вместе. И он говорил, что в двадцатый день будет отповедь от богдыхана с товарищем его; и как из царства товарищ его назад поедет, везде будут ямы строены, а ныне ничего не строено, только посылали спрашивать. И я ему накрепко говорил, что он в речах моих не может никакого лукавства сыскать или непостоянства, а у него великое непостоянство, потому что не пооднажды говорил, что товарища отпустит, а мы за ним поедем же, а ныне говорит, что невозможно. И так впредь верить ему ни в чем нельзя.

И он говорил, что он виноват предо мною, и буде хочешь, возьми палку и ударь в голову, — и то говорил не пооднажды, — и бесчести меня, как хочешь. Я ему говорил, что то дело и помышлять нельзя, только или возьми нас в Царство, или дай наших верблюдов

и коней, и мы пойдем в государство государя нашего и там подождем, потому что великий государь указал ехать мне с великим поспешением наскоро. И он говорил: ведает и он, что великого государя указ есть, чтоб ты ехал с великим поспешением, потому что перевод наказной памяти Игнатия есть и у него, и прочел мне перевод, и в трех местах написано было, что идет посол с великим поспешением. Только я вас не смею назад отпустить, ни вперед взять без указа, а буде ты хочешь назад ехать, и я за ногу ухвачу и с тобою пойду, а от тебя не отлучусь. И многие иные речи говорил, и гораздо ему стыдно было, потому что и в ином деле захватил его в непостоянстве, ибо прежде сего обещал он мне дать твоих, великого государя, ясачных якутов, которых поймали их люди на промысле, и два были в Царстве и приехали назад, а иные, человек с двадцать, в здешних селах с женами и с детьми; и в тот день опять отказал и говорил, что отдать их без указа не смеет; а как буду у богдыхана, и тогда конечно будет указ, и отдадут их.

И видя я, что невозможно их склонить, чтоб ехали в Царство, говорил ему, чтоб он отпустил товарища наскоро и приказал бы ему ехать туды и сюды с поспешением. И он говорил, что в двадцатый день подлинно будет и конечно будет указ взять нас в Царство наскоро, потому что иных плохих людей и торговых емлют в Царство, а нас, которые идут от такого славного и великого государя и с добрыми делами, как не взять. И опять поехал в свою юрту.

И в те дни писали день и ночь все разговоры, которые были меж нами. И марта в 9-й день, в полночь, отпустил товарища своего дьяка и старого подьячего к богдыхану с немногими людьми, и при отпуске был он, дьяк и подьячий. И спрашивали, сколько людей со мною и сколь давно от тебя, великого государя, и из Нерчинского сколько ехал, и про иные дела многие спрашивали для того, чтобы объявить богдыхану. И я им истинно отповедь учинил и, подаря их, отпустил.

А боярин со мною живет в дружбе и посылает рыбу белугу и иное, что у него сыщется, часто и гло-

здравье спрашивать посылает воевод; а я такоже к нему посылаю, и живет до сего времени в дружбе и в совете со мною. И корм идет по все дни довольно твоим, великого государя, людям, и от наших людей никакие досады мужикам их не чинятся, и все ради того, чтоб между обоими великими государями учинилась дружба и любовь.

А про толмачей и про перевод твоей, великого государя, грамоты и листов их сказывал мне боярин, что есть у них немцы многие, которые знают по-китайски и по-русски и иные многие грамоты и языки. Один живет всегда при богдыхане и зело жалует его оттого, что смотрит на звезды, а вера его крест, и по приметам, как он говорит, есть иезуиты и те немцы католики; и буде сыщутся иезуиты там или иные какие иноземцы, чтоб знали китайский язык, и тогда мне будет легко и полезно про твои, великого государя, дела с ними говорить. Хотя я выбрал из Тобольска, из Селенгинского и из Нерчинского какие лучшие были толмачи, однако же насилу можем выразуметь с китайским боярином, что говорили между собой, потому что люди безграмотные и неискусные, да и в твоих, великого государя, делах не бывали ж; только он, боярин, человек искусный и разумный и по своему и учен и многие восточные языки знает. И так меж собой больше догадом разумеем друг друга, нежели толмачеством их. И говорил асканьяма мне, что сыщут они в Царстве толмача разумного и ученого, который бы мог обоих великих государей грамоты и дела совершенно перевести, а здесь, хотя и небольшие дела меж собой говорили, однако же те же речи подтвердили потрижды для того, чтоб не учинилась от неискусства толмачей какая смута или лишние слова.

И марта в 15-й день, будучи, государь в наунских селах, приходил ко мне селенгинский служилый человек, толмач богдойского да никанского языков, который и в прошлом году был в толмачах с Гаврилом Романовым в Китае; родом он был никанченин и выехал на твое, великого государя, имя тому лет с тридцать, как была война по Амуру с китайцами, и

крестился и служил тебе, великому государю, на Москве и в Тобольске, и в иных Сибирских городах везде верно, и никакая измена за ним не объявилась; и оттого я из-за скудости толмачей взял его из Селенгинского, а в твоих, великого государя, делах был иной толмач, но он русский язык мало разумел. И он мне будто со страхом говорил, что слышал он подлинно от китайского подьячего и от людей боярина китайского, что тот посылал к мунгальским тайшам, чтоб они собрали войска и пришли на нас внезапно, чтоб нас всех убить и грабить оттого, что мы ходим к ним обманом и будто лазутчики в их государство; и за нами идут войска, и хотим их государство завоевать.

И я и не верил, что говорил он, и расспрашивал его не пооднажды о том накрепко, и он те же речи сказал; однако же я об этом никому не объявил, ни боярину, асканьяме, ни твоим, великого государя, людям, и ему заказал накрепко, чтоб никому об том не объявил, чтоб не учинилось сттого какое смущение от наших людей или от них; только почал издали искусити боярина паче прежнего с дружбою и с поминками и притворялся так, будто не знаю и не слышал ничего, потому что опасался, чтоб боярин не поставил нарочно толмача сказать мне те же речи и чтоб он отведал, что я буду делать, оттого что от таких дел, хотя и ложных, многожды великие войны начинаются.

И через несколько дней, празднующе великий праздник светлого христового воскресения, по христианскому обычаю послал я к нему, боярину, золоченые яйца и иные вещи многие, потому что послал он людей своих, чтоб смотрели издали все действие христианское, и видел и он весь наряд наш и чин, что есть посольский, а не воинский и празднуем так безопасно и без подозрения, будто празднуем в твоём, великого государя, государстве; и я то нарочно сделал, чтоб он, асканьяма, отложил от себя всякое подозрение от нас. И в тот светлый день, будучи с поминками у него мои люди, принял он их с великою учтивостию и говорил иному толмачу, который в деле был,

что есть у него, боярина, некоторое тайное дело, которое сам хочет он ко мне придти и объявить, и то дело через иных объявить невозможно, и ради великого нашего праздника подождав до третьего дня, сам будет ко мне и тогда обо всем скажет.

И марта в 28-й день пришел он сам ко мне только один, да с ним подьячий, который приехал из Китая, и выслал из юрты всех, только остался он с подьячим да толмач, да мой подьячий и начал говорить, что он во всем, что я ему объявил, конечно, верит и ни в чем не сомневается. Также о том писал и к богдыханову величеству с товарищем своим, как он чает, что лучше будет и вернее, чтоб меж обоими великими государями подтвердилась вечная дружба и любовь и чтоб послан был указ из Царства взять нас наскоро с великою честью, как о том скорым временем надеется быть, и он то дело начал, когда государя его лист к тебе, великому государю, послан, и ныне тому наипаче радеет, чтоб то дело добрым совершенством скончалось.

Только есть некоторые лихие люди, которые то дело смущают некоторыми речами ложными и лукавством своим хотят меж нами недружбу чинить, и хотя он не верит отнюдь, только опасается, чтоб не слышно было и простым народам здешним, которые не умеют рассудить меж истиной и ложью и меж добрым и худым, и те речи давно он слышал и хотел объявить мне, только из-за праздника задержался и ради того, что чаял, что тот человек впредь не учнет говорить такие ложные речи. Когда же видел, что те речи умножились и тот человек не перестал, так он пришел по дружбе объявить про все.

И я ему говорил, что богдыханово величество для того выбрал и посадил его в посольском приказе и посылает для встречи ко всем приходящим послам, потому что человек он искусный во всех делах и рассудительный, и чтоб он объявил, кто человек тот и какие речи его. И он говорил, что есть со мною толмач, родом никанченин, который и в прошлом году был в Китае с Гаврилом Романовым и потому знаком ему, и просил он, толмач, видеться с ним многожды, а он

не хотел, оттого что видел его в прошлом году, что он человек бездельный и смутительный. И когда он увидел, что к нему, боярину, приступа нет, начал дружить с его людьми и с подьячим его и не пооднажды им говорил, что те, которые пришли к вам с посольством в красных шапках, не ищут дружбы и любви, а ищут государства вашего и голов ваших, потому что они пришли к вам будто с посольством, чтоб вас обмануть, а за ними стоит войско сто тысяч в урочных местах и только ожидает знака от здешних, и тотчас будут здесь и станут рубить и разорять, а пищали у них все готовы и заряжены у здешних, чтоб и они почали вас убивать. И иные многие такие ж бездельные и не сущие речи людям его и подьячему и иным сказал, а он, боярин, подьячему и людям своим заказал, чтоб впредь с ним отнюдь ничего не говорили и те речи никому не объявили оттого, что все ложь и не сущее дело.

И хотел и мне о том ни о чем не объявить, но как он видел, что речи умножились, тогда пришел объявить сам, чтоб толмачу за то учинить наказание, чтоб перестал впредь такие ложные речи заводить.

И я тотчас послал за тем толмачом и взял перед собой, чтоб на очной ставке его уличить, что им он говорил про войско и что мне говорил про мунгальцев; и расспрашивал его при боярине, говорил ли им такие речи или нет; и он говорил, что такие им речи говорил нарочно, для того, чтоб отведал от них, что они против того учнут говорить. И я его расспрашивал, от себя ли он те речи вымыслил или кто его научил. И он сказал, что от себя говорил, а хотел тебе, великому государю, службу показать, а никто его не учил. И после того я боярина спрашивал, в какое время толмач те речи подьячему и людям его говорил. И боярин сказал, что после отпуска товарища его в Царство на другой день. И я ему говорил, что [толмач] в тот же день приходил ко мне и объявил, что слышал от подьячего и от людей, что послал к мунгальским тайшам, чтоб приехали с войском убить нас и грабить, а я на него плевал и не верил, потому

что не слыхано на свете, чтоб послов без причин убить.

И как услышал асканьяма и смеялся много и говорил, что такого лукавства еще не слыхал, чтоб в одно время хотел меня и их обмануть и смутить. И спрашивал его боярин, откуда он слышал про мунгальцев; и он говорил, что ему сказал подьячий да люди его. И боярин говорил, если бы я был малодушным и верил бы ему, и наряжался обороняться от мунгальцев, а они бы видели, что мы готовимся, и чаяли б, что подлинно войско за нами идет, как он им сказал, тогда бы меж собой беду учинили и ссоры напрасно; также говорил, что то дело не токмо делать, но и помышлять нельзя, потому что даже когда Феодор Байков был у них с посольством, а по Амуру была война меж ними и русскими людьми, однако же Байкову ничего не учинили, и если бы он не упрявился, всякая бы ему честь и удовольствие было; а ныне и подумать нельзя, чтоб нам в чем вредить.

И потом на приклад молвил, взяв волос один из собольей шубы, сказал, что хотя и вас полтора года человек убили б, однако же столько б скудость людей учинилась бы белому царю, сколько скудости моей шубе от того волоса, потому что мы желаем дружбу завести, а не войну; и хотя б была меж нами война, а ты б приехал с посольством, и тебе б, как и ныне, никакое насильство не учинилось, потому что богдыхан желает славу добрую и дружбу держать со всеми, и иные многие речи говорил. И я ему говорил, что и он человек разумный, что тому вору не верил, и можно то дело им проведать, есть ли где наше войско и чем войско кормится и кони, оттого что пора зимняя, и обманом и внезапно наступают с войском вору, а великие государи прежде объявляют причины войны и воют. И он говорил, что то дело истинно и богдыхан так делает, и в прошлые годы послал лист к тебе, великому государю, и писал, что даурские казаки — твои ли, великого государя, люди, или самовольные вору — лучи, которые и прежде сего

воевали по Амуру, и ожидал отповеди от тебя, великого государя; и если бы не было ведомости и посольства чрез них к богдыхану, что они твои, великого государя, люди, так бы их воевали, как и прежних по Амуру.

И я ему говорил, что те, прежние, по Амуру ходили без твоего, великого государя, указа, самовольно, и оттого не искал их великий государь к богдыхану ни грамотою, ни посольством, ни войною, а нынешние даурские остроги все поставлены по его, великого государя, указу не для вредительства богдыхановым людям, только для оберегания ясачных иноземцев. И он говорил, что то истинно так было, что тогда по Амуру многих языков поймали из казаков, и они так же говорили, что они по Амуру воюют без указа великого государя; да и про нынешних даурских казаков Сеит-Кул и иные бухарцы и татары, которые приходят чрез степь из Тобольска в Китай торгом, то же говорили, что они живут в Даурах без указа великого государя. Однако они им не верили и для подлинной ведомости в прошлые годы писали лист к тебе, великому государю, и ныне чрез мое пришествие без сумнительства верят, что даурские казаки живут в Даурах по твоему, великого государя, указу.

А про вора того толмача, который те речи говорил, — сказал я, — что велю его казнить по достоинству смертью, оттого что он хотел смутить двух великих государей и государства их; и асканьяма говорил, что у них за такую вину смертью казнят же, а про него бил челом гораздо, чтоб здесь, в их государстве, смертью не казнил его. Буде казнен будет здесь, тогда и ему, асканьяме, не честно будет от своих людей и от наших, и он не хочет причиной смерти быть, только здесь можно его наказать иным наказанием и послать в твое, великого государя, государство, и так, как ты, великий государь, укажешь. И после того потчивал его и одарил, и он пошел в юрту свою.

А вора того накрепко пытал не раз, чтоб он сказал, кто его научил и для чего такие не сущие речи говорил. И он с пытки говорил все одно: пьяным обычаем те речи китайцам говорил и устрашал их вой-

ною, потому что однажды били его, а иные никакие речи не объявлял. И для того я торговым наказал наказанием его и дал его в руки Игнатию да казакам, которые воротились назад чрез Албазинский в Нерчинский, чтоб его в Нерчинском посадили в тюрьму до моего приезда, чтоб не объявились на него иные какие речи.

Однако же, государь, есть и природная недружба меж богдойцами и никанцами, как меж поляками и черкасами; и того толмача богдойские не любили, потому что он с холопами их, с никанцами, водился; и он породю никанец же. А ныне война великая меж богдойцами и никанцами, и была ненависть на него от них, потому, едучи он, боярин, сюда из Царства, спрашивал сына боярского, которого я посылал, есть ли с послом никанский толмач, который в прошлом году был с Гаврилом Романовым, и от того времени и мы и они все в подозрении были от него. И говорил я боярину, что тогда еще хотел сослать вора в Албазин, но не сделали этого, чтобы он не чаял, что только для того сослали, чтоб он, толмач, не объявил ему — дружба или недружба у нас на уме есть. И боярин сказал, что разумно сделал, что его не послал, а буде бы сослали его, тогда и он бы конечно то чаял.

И марта в 29-й день, на другой день, призвал меня ехать гулять на реку, на Наун, ловить рыбу и зайцев, и я с ним ездил, и рыбы и зайцев поймали много, потому что здесь в Науне ловят белуги самые великие, которые ходят из моря Амуром рекою, и иные морские рыбы есть же. И опять гораздо бил челом, чтоб вора здесь не казнил. И я ему говорил, что сошлю его в Нерчинский, и там твой, великого государя, указ будет. А апреля 2-го числа поехал боярин из того села верст с двадцать встретить товарища своего, потому что у них обычай: почитают государя своего указ и не ждут на месте, а встречают далече. А со мною оставил одного воеводу, чтоб мне не скучно было, покамест он опять приедет. И апреля ж в 8-й день приехал ко мне Мангутей воевода и спрашивал меня, оставил ли я каких людей назади и будет

ли кто за мною или нет. Я догадался, что он оттого спрашивает, что они, может, видели каких-нибудь людей наших, едучи сюда по степи, и опасаются, чтоб не была от нас война, и оттого спрашивают.

И того ради отповедь им учинил, что от меня никаких людей не осталось, только, может, идут люди от великого государя с каким указом, или идет человек, которого я посылал ради рыбьей кости в Якутский острог потому, государь, что слышал, что к богдыханову величеству кость рыба в поминках зело благоприятна, только бы была большая. А от тебя, великого государя, были посланы из Москвы только зело малы, и оттого посылал я в Якутский сына боярского и покупал самые большие, которые и асканьяма видел здесь и удивился. И ныне из Нерчинского острога отпустил того сына боярского приказчик, как ему о том приказано было, а иных не чают быть.

И он, Мангутей, говорил, что к ним навстречу послали многих людей и как будет ведомость, и боярин их о том объявит мне. И апреля 10-го числа приезжали от боярина многожды и спрашивали накрепко, какие русские люди идут за мною, потому что они зело смутились и опасались, чтоб не была война. И я попрежнему то же говорил, что иных людей моих не ожидаю, и речь свою с прежним ни в чем не разнил, потому что видел, что они людей своих стали собирать и были в великом подозрении.

И апреля в 12-м числе привел боярин ко мне в полночь деньщика посольского приказа, а с ним сына боярского Ленского да одного нерчинского тунгуса Гантимурова рода, и они сказали мне, что посланы были от тебя, великого государя, из Москвы в прошлом, в 183-м (1675) году, из Сибирского приказа коробья с лекарством за мною с рейтаром; и из Тобольска боярин и воевода с ним, рейтаром, послал сына боярского, чтоб они сустигли меня, не доезжая до Царства; и они приехали в Нерчинский и не сустигли. Также и он приехал из Якутского острога с рыбьею костью в Нерчинский же, и из Нерчинского Павел Шульгин из-за их малолюдства дал в провожатые

пятнадцать человек казаков да вожа тунгуса. И ехали они тем же путем, которым я ехал, и никаких людей до Китайских рубежей не видали, oprичь намясинских мужиков, которые задержали их пять дней и хотели убить и грабить, и не велели старшины ж и говорили, что посол опять сюда возвратится ж и тогда нам от него где схорониться. И дали им корм и подводы и отпустили, и сказали им, как будет посол назад, и тогда чрез посла станут платить великому государю ясак.

И как приехали они в китайские порубежные люди в Каргочины, и эти учили бегать от них, и тогда про них извещали боярина и насилиу устояли и говорили о себе, что они добрые люди, а идут от тебя, великого государя, ко мне, холопу твоему, с добрыми делами и просились у них наперед Ленский, сын боярский, да вож тунгус ко мне. И они взяли их и привезли к боярину, а боярин прислал их ко мне. Когда были они у боярина, и вожа тунгуса расспрашивал накрепко про войско, идет ли за послом какое войско или стоит в Нерчинском, или инде где, и он божился по-своему, что нет ни слуху ни про какое войско.

И боярин говорил ему, что я послу верю во всем, только для того спрашиваю, чтоб здешние подданные люди слышали от того тунгуса, и они по тому ж верили. Тогда же посылал я к боярину подьячего и толмача, и говорили ему, отчего он в таком подозрении бывает, что войско идет, и мне не верит и людей твоих, великого государя, взял прежде к себе, а не отпустил ко мне, чтоб я к нему послал. А ныне видит, как я им сказал, что идут от тебя, великого государя, с лекарством да с костью рыбьею, и ему о том гораздо стыдно стало, и говорил, что то дело не от него учинилось, только от порубежных их людей, от простых, которые не знают обычая, однако же, государь, не задержал он их при себе ни часу и отпустил ко мне напрямую.

И апреля в 13-й день приехал он, асканьяма, в то же село, где я поставлен, и пришел ко мне в юрту со всякою учтивостью, весел и объявил, что богдыханово величество, желая дружбу и любовь подтвер-

дить с тобою, великим государем, послал наскоро указ с товарищем своим к нему, чтоб меня со всеми твоими, великого государя, служилыми людьми, с полутора человека, взять в Царство с великою честью наскоро, и ямы по дороге везде строены, чтоб нигде замешки не учинилось; только товарищ его заболел и остался от села в полутора днище, а указ богдыханов прислал к нему полный нас взять. Только еще здесь будем, покамест на небе луна будет полна; и тот день счастливый се есть апреля в 17-е число; и в тот день одноконечно со всем поедем. И как будем в Царстве, и тогда нам будет всякое удовольствие и честь.

И меж разговоров сказал он мне, что есть иной путь из Нерчинского в Царство, близкий, в тридцатый день поспевают чрез Далай озеро, а здешний путь кругом идет; а до их людей из Нерчинского дойдем в восьмой день, и путь ближе и безопасен. И нарочно забавился у меня, говоря про разные дела, покамест приехали и остальные твои, великого государя, люди, которые приехали с лекарством и с костью рыбью.

И я призвал к себе, принял и коробью с лекарством распечатал и кость рыбью ему показал; и асканьяма тому зело удивился, что из такой дальней страны дошли в целости с лекарством склянки. И я ему говорил, показав лекарства и кости, се войско наше, о котором беспрестанно спрашивали, и гораздо ему о том было стыдно, только говорил, что хотя и спрашивал, но не для себя, а для простых людей, чтоб они не испугались и верили. И потом бил челом, чтоб выбрали из тех лекарств и послал бы с человеком моим, который его больного мазал, к больному товарищу его, а ради коней и верблюдов бережения велел оставить людей небольших; а мы все до Царства доедем на подводах, и можно поспеть в Царство в двадцать восемь дней.

И апреля в 14-й день приехал подьячий, который

был в Царстве, и был у меня и сказал то же, что и боярин; и замешкались в Царстве семь дней оттого, что не было кому докладывать в посольском приказе богдыханову величеству из-за неприбытия здешнего боярина, поэтому в ином приказе дело было и замедлилось, а ожидают нас в Царстве и с честью принимать будут же. А апреля в 15-й день приехали сюда из Албазинского острога на Наун ко мне пять человек албазинских казаков проведать про меня и про посольство, как совершилось, так же и с небольшим торгом, и сказали, что готовили в Албазинском два дощаника ехать Амуром на реку Зию для ясачного сбора. И я им здесь заказал и в острог писал же, чтобы ясачных китайских ничем не обидели и ясак не брали и в поход не ходила б до тех мест, покамест даст бог и с чем посольство нынешнее совершится, потому что нет дня, чтоб боярин и воеводы не пеняли на албазинских казаков в обидах.

И понеже здесь в Китайском рубеже многое время задержки учинились и многие разговоры и дела были меж мною и китайцами, которые для множества в отписку и писать невозможно, и поэтому я с сею отпискою послал нарочно нерчинского сына боярского Игнатия Милованова с товарищами, с толмачом да с подьячим, которые посланы были от меня в Царство известить. И он, Игнатий, и с начала, как послан лист к тебе, великому государю, от богдыхана, и ныне здесь до отпуска моего был же со мною и про все, что учинилось здесь, слышал и видел, и обо всем, о чем ты, великий государь, изволишь указать расспрашивать его про здешние дела, ведает. А что выше сего писал я, холоп твой, про него, что воеводы сказали, будто он не ладно им сказал, что буду весною, а не зимою, то все были вымыслы их, чтоб меня, холопа твоего, задержать здесь до приезда боярского. А когда он из Царства приехал, они говорили, что у богдыхана была радость, и оттого замедлились с отповедью; а для забвения послали его, Игнатьевы, распросные речи под сею отпискою.

А сию отписку велел я ему, Игнатию, явить и подать в посольском приказе боярину Артемону Сер-

геевичу Матвееву да дьякам: думному Григорию Богданову, Ивану Евстафьеву, Василию Бабинину, Емельяну Украинцеву. А к великому государю писано и цифирным письмом, о чем на Науне в тайне слышали и не смели писать явным письмом ради того, чтоб китайцы не задержали письмо по дороге, потому что были они в подозрении на нас, а у них по-русски чести есть изменник один, который грамоты русской и китайской умеет.

И будучи на Науне, видели, что китайцы плохих соболей не емлют и плохим соболям и цены нет. А с Москвы из казны великого государя посланы были китайскому хану в поминки соболи, из которых были сорок лучших ценены в тридцать пять рублей. И поэтому посланник призвал дворян московских и детей боярских и служилых и двух человек торговых людей и говорил им, чтоб они переменяли, сколько возможно соболей из государственной казны взяли б, а дали против того добрые, всякий по силе своей, чтоб собрались в поминках хотя небольшое число добрых соболей. И они говорили, что всякий человек будет по силе своей бить челом великому государю без перемены. Итак, дали дворяне московские по соболю, а дети боярские по 2 и по 3, также и служилые люди, а торговые Иван Самойлов, бывший голова таможенный Енисейского острога да гостя Евстафия Филатьева, приказчика посиделец, которые из Селенгинского острога и с Китайского рубежа пристали к нему, посланнику, били челом великому государю без перемены по сорок соболей; и те два сорока ценены по шестьдесят рублей, и те соболи были в костках, а от дворян и от детей боярских и от служилых людей от тобольских, от селенгинских и от нерчинских собрали три сорока двадцать шесть (146) соболей в костках и в парах. И первый сорок, что собран от нерчинских, ценен 120 рублей, другой — 80 рублей, третий — 60 рублей, и те пять сороков изготовили в поминки богдыхану, а 5 сороков готовили из казны великого государя, а остальные 26 соболей бережены на раздачу в Китайском государстве, и о тех, кому розданы, писано в расходной книге.

184-го (1675) февраля в 18-й день приехал на Наун из Китайского государства даурский нерчинский сын боярский Игнатий Милованов, который в прошлом, 183-м, году послан вперед из Енисейска известить в Китайских порубежных городах воеводам, что от его царского величества идет посольство к богдыханову величеству, и расспрашиван. В расспросе он, Игнатий, сказал: поехал де он из Нерчинского острога в Китайские порубежные города ноября в 19-й день на Албазинский острог, а из Албазинского острога в первые порубежные города, на Наун приехал декабря в 14-й день, и на Науне держали его, Игнатия, воеводы неделю и не отпустили ни назад, ни вперед; и после того взял его Мангутей, который в прошлых годах был в Нерчинском, с собою в Царство, и ехали они до Царства пятнадцать дней, и как приехали в Царство, дали ему подворье жить у толмача их, а держали его за крепким караулом и не пускали никуда, а наказную память, которую ему дал в Нерчинском остроге Павел Шульгин, отняли силою и переводили перед самим ханом изменники русские люди, которые издавна там живут.

И расспрашивали его про посла и про его, великого государя, грамоту и про поминки, а он, Игнатий, им сказал, что он про то не знает, а послал его посол наперед известить и подводы готовить, а как сам в Царство будет посол, и про то про все известит. Корму ему, Игнатию, давали довольно, а со двора никуда не пускали, и просился он много и в приказе бил челом, чтоб его отпустили по рядам торговать и купить ему, что надобно. А они ему говорили, что указ богдыханов таков, что его, Игнатия, отпустить не велено никуда, покамест ему не будет отпуска. И будучи он там, никакие к нему люди не приходили, oprичь царского города бухаретин, торговый человек, который с Тары приехал в Китай тому уже четвертый год, а назад ехать не смеет, оттого что меж калмыцкими тайшами, которые живут по Тобольской дороге, война началась и еще не перестала. Про мягкую рухлядь сказал, что торг зело плох, оттого что стало время не смирно, а караван бухарский и

татарский, который идет в Китай из Тобольска, еще не прибыл оттого, что война, и может ли он в Китай попасть или нет, того не ведает, потому что война везде началась.

И его, Игнатия, держали четыре недели и все от срока на срок отложили отпуск его и после того взяли его в приказ и говорили, что богдыхан посылает навстречу к послу боярина с товарищем и ему дал полный указ про все и чтоб он ехал с тем боярином навстречу к послу, и одарили его и трех человек и казаков немногим и отпустили, и тому ныне, как он пошел из Царства, третья неделя. А тот большой боярин, который сидит в приказе, принимает всех иностранцев, потому что узнали его казаки, которые прежде сего были в Китае, а товарищ его — приказный же человек и сидит с ним же, да два подьячих. И как ехали они из Камбалыка, дорогою везде его же зело почитали, и он же прежде сего отпустил лист от богдыхана к тебе, великому государю.

И едучи де они из Царства, встретились с сыном боярским и с толмачом, которого я послал отселе. И боярин их поворотил назад и в Царство не отпустил, и наперед себя отпустили его, Игнатия, и их, Ивана и толмача, на Наун, чтоб они объявили, что едут и они с поспешением. И посол бы ни о чем не тужил, потому, как они приедут, всякое удовольствие будет, а без них давать не смеют, да и они сами после них в пятый день будут.

184 года, апреля в 17-й в печегорском китайском селе, при большой реке Науне, китайского богдыхана боярин асканьяма с товарищами, по указу богдыханова величества, посылал к посланнику и известил, что тот день у них счастливый и чтоб в тот день готовился со всеми своими людьми ехать в царствующий город Пежин¹, где стольный китайский богдыханов город, который по-татарски и по-калмыцки, и по-русски именуется Камбалык се есть ханов город. А на подъем прислал к тому 100 телег о двух колесах, также всякому человеку по коню, а посланник взял с собою 156 человек, а на Науне оставил для досмотра коней

¹ Сезерно царствующий город по-никански. (Прим. автора.)

и верблюдов — 12 человек. И те верблюды пригнаны на солонцы, а кони розданы по селам. И тем людям асканьяма велел наунским воеводам давать корм, покамест из Царства назад возвратимся. Также остались на Науне четыре человека албазинских казаков, которые приезжали проведать про посланника, и они хотели вскоре назад возвратиться в Албазинский острог, который от того села в 15 днищах. И в тот же день отпустил с отпискою к великому государю Игнатия Милованова чрез Албазинский острог, и с ним пошли 5 человек албазинских казаков, да с ним же послал вора толмача отвезти в Нерчинский острог, о котором в отписке выше сего написано, что хотел смутить. А не поехали прямо в Нерчинский оттого, что страшно было. Игнатию Милованову с товарищами велел ехать к Москве с великим поспешением, а про подводы и про отпуск, что б его отпускали, в остроги к воеводам с ним писали же.

И того же числа, прежде полудня, из того села посланник поехал со всеми великого государя служилыми людьми; да вместе ж ехал боярин асканьяма, а с ним были все наунские воеводы и иные многие люди китайские. И ехали вместе, да подле села воеводского, неподалеку от реки Науна и будучи против того села, старый воевода звал к себе в гости посланника и асканьяму. И посланник со старым воеводою простился, а асканьяма поехал. И говорил посланнику, чтоб ехал потихоньку до становья. И дал посланнику своего человека, чтоб ехал с ним вместе, и говорил, что и он тотчас будет. И от воеводского села до деревни небольшие 3 версты, и под тою деревнею переезжали речку, небольшую, топкую. А от той деревни до села Красного 7 верст. И тут река Наун приблизилась. И ехали от Красного села подле Науна. А проехав то село, в левой стороне осыпь земляная вместо городка. А выше того осыпного городка, подле р. Науна, яр великий и высокий. И проехали к селу небольшому, от Красного села 6 верст. А от малого села до села Хунду — 2 версты. И не доезжая до села, проехали город осыпной земляной же. А от села Хунду ехали с версту, ночевали у Наунской протоки.

И то село Пачегорское стоит над протокою, а от села Пачегорского до становья ехали все ровными местами, степями, а лесу никакого не было. И в тот день посланник ночевал в подорожной своей юрте, а асканьяма ночевал в селе Хунду.

Апреля в 18-й день ехали от становья ровными местами возле реки Науна с 2 версты и переезжали речку каменную бродовую, а та речка вытекает из камня и впадает в Наун. А над тою речкою стоит деревня небольшая. А выше той деревни у той же речки деревня ж. Да ниже той речки переезжали маленькую речку, а ниже той маленькой речки село большое, от деревни 7 верст. И здесь кончается владение наунских воевод, начинаются владения мунгальского тайши, который у богдыхана — ван, а ваном именуется великий боярин, также братья его, хановы, и племянники ваном называются. А до высокой стены Китайской надо всеми мунгальскими людьми владеют по их родословию 42 вана и тайш. А наунские воеводы владеют Торгачинами и над теми, которые живут по реке Гану и по реке Науну, и надо всеми даурами и жучарами, и соболиными промыслами они же владеют. И ходят они зимою на Амур и на Зию реку и с нашими промышляют соболей вместе. А богдыхану дают на каждый год по соболю доброму.

И будучи от вышеописанного села версты с 4, переезжали реку Ялу, ту же реку, по которой приехали мы из Нерчинского чрез Торгачинский хребет к Науну и чрез нее переезжали вброд. А неподалеку от того впадает в Наун. И до реки Ялу живут дауры, а за рекою начинается Мунгальская земля. А по реке Ялу лесу нет, только тальник мелкий, также и по реке Науну, сколько ее видели, лесу нет, только тальник же мелкий да бугры песчаные высокие. Тут же живет мунгальский тайша. И от того тайши поехали ровными местами верст с 8 и переезжали речку Улгой. И та речка впадает в Наун. А от той речки ехали верст с 10, приехали к большой реке Соли. И от Науна до сего места все пахотные места. Те реки текут с запада на восток и впадают в Наун реку, а Наун те-

чет с полуношного востока на летний запад до устья реки Ялу, а от устья Яла отходит понемногу на полдень. А наша дорога в те два дня шла к западу. Между теми реками степи гладкие, только есть и мокрые места. И тут возле реки деревня мунгальская, и делали плоты на две лодки и товар перевезли, а коней перевозили вплавь. И переехав реку, ехали версты с пол 2, приехали к иной деревне, возле той же реки Соли. А та река Соли впадает в Наун от того места далеко, и от сего места р. Наун нам не видна, потому что возвращается к полуношной дороге.

Асканьяма посланнику сказал, что есть дорога и по ту сторону Науна, все жилыми местами, только та дорога не прямая, днища с три кругом идет. И поэтому шли той дорогою, что прямее. И на том становье подводы даурских мужиков переменяли, а дали коней и подводы — мунгальские тайши. Против той деревни, в правой стороне верст с 8, есть старое городище каменное, пустое, а был прежде сего город мунгальский. А хлеб мунгальцы пашут только просо, а можно в тех местах родиться всякому хлебу.

Апреля в 19-й день поехали промеж лета и летнего запада все ровными степными местами хлебодородными и по сторонам проехали озер много. А подле тех озер живут и кочуют мунгалы. А с правой стороны течет из-под камени на шелоник р. Тулла. И ту реку переезжали вброд, от становья 10 верст. А проехав ту реку, в стороне село — Дзандан, а налево от того села живет мунгальский Дархан-лама, а в том селе его, ламин, монастырь великий. А стоит то село над озером, и кочевных мунгал около него много. И почитают его с великою честью и поклоняются ему до земли по 7 поклонов, будто богу. А до того ламина монастыря от р. Туллы 12 верст. И у того Дархана-ламы лежал товарищ асканьямин, который, приедучи из Царства, не доезжая до Науна, заболел, а товарищ его — заргучей, по-нашему дьяк. И будучи еще на Науне, асканьяма посланнику бил челом, чтоб послал вперед с лекарством человека. И посланник послал с лекарством человека да толмача и велел им ожидать приезда своего.

И будучи там люди наши, Дархан-лама говорил им многие речи, что они тому все рады, чтоб дал бог меж обоими великими государями мир.

Только в прошлом году пришли с войною албазинские казаки и их зело испугали, потому что они ожидали отповеди против листа богдыханова, а вместо того услышали, что война идет. А ныне они зело рады, ибо чают, что чрез нынешнее посольство учинится ненарушимый мир. И иные многие такие речи говорил, потому что человек разумный и дохтур и лекарств у него много. И наш человек давал ему [заргучею] лекарства, и до нашего приезда дал бог здравие. А асканьяма просился у посланника к Дархан-ламе, чтоб видел товарища своего и взял бы его с собою. И посланник посылал с ним подьячего с толмачом спрашивать про здравие. И асканьяма поехал и с собою привез заргучея на телеге, а посланник поехал дорогою к становью. И приехав село Ламино, на правой стороне озеро великое Шаранор¹, и в том озере, сказывают, что сыщутся великие раковины, по блюду белому большому, и в тех раковинах — жемчуг². И подле того озера юрт кочевных много. А до того озера от Ламина села верст с 10, а от того большого озера ехали версты с 3 и приехали на становье при озерке. И тут был ям и подводы переменяли. А во всех станах поставлены были посланнику по 4 юрты войлочных.

Асканьяма неподалеку стоял в юртах войлочных же, а корм посланнику давали по барану на день, а служилым людям по два бычка небольших на день и понемногу круп простых. Только служилые люди убивали по озерам гусей и уток много, и к асканьяме посылал повседневно множество и к товарищу, и к иным. И от того места были кони и быки зело худы и половина служилых людей шло пеши, также и быки пристали многие, а асканьяма послу говорил, что в тех

¹ Именем Желтое озеро. (Прим. автора.)

² Асканьяма говорил, что де у Богдыхана такой жемчуг есть, что ночью сияет. (Прим. автора.)

озерах и в реке Науне в раковинах иногда сыщется такой жемчуг, что и по ночам дает свет. И здесь на яму при озере ночевали.

Апреля в 20-й день поехали от яма вместе с асканьямою ровными местами, степями, и тут речка небольшая топкая течет с севера на полдень, от нее степь ровная, сухая, и пашенных мест и солонцев много, а трава местами, холмов нет. И ехали весь день меж лета и западу. А та речка впадает в р. Коргей. И были грязи небольшие, а лесных мест не было. И приехали на степь, к колодезю, и тут было становье и ям строен и ночевали. В те дни ехали тихим путем до полудня, а иногда и за полдень, а стояли однажды на день.

Апреля в 21-й день ехали все степью сухою дресвяною, а при полудне объявились горы высокие на правой стороне, а мы ехали налево. И на тех холмах был лес илимник, первый от Науна. И ехали от яма верст с 40, и тут на левой стороне объявился город осыпной старей. А от того города ехали версты с 2, приехали к реке Коргею. И та река Коргей — река камениста, зело быстра, и вода светла и река большая, хотя и бродовая, а брод глубокий, и телеги держали на руках, чтоб не взяла быстрота. А течет она из степи, из камени, с севера на полдень и после того впадает в Наун. И там Наун приходит с полунощной страны, а Коргей с севера, и как сойдутся вместе, обращают свое течение к востоку. И от того места, где сходится река Коргей с Науном, она теряет свое имя Наун и именуется великая река, по-китайски Шонгар, а по-русски Шингала, и после того возвращается она к полуночи и впадает в великую реку Амур, а как сойдется Шингал с Амуром, до моря именуется по-китайски Кфентунг. Амур течет к востоку и впадает в восточное Океанское море, и по тому морю можно дойти берегом до рек, которые текут из Китая. И подле моря живут люди, а сколо Амура и до моря по обе стороны камень лежит великий лесной. Но про Амур писали особое описание, всю реку от вершины и до устья моря.

А мы возвратимся опять к нашему пути, к реке Коргею. Наши русские люди именуют ее Корга-река, и сказывают, что на устье ее есть город земляной китайский, и далее по Шингалу города построенные есть же, с того времени, как был с казаками по Амуру и по Шингалу бой, и в тех городах, что взяли от казаков, суда их и бусы стоят для сбереженья от русских людей. А от тех мест стоит вотчина богдыханова — город Шингян. И от тех мест пошли дети его и взяли царство, но о тех делах написано в Татарской книжице¹...

А мы от реки Корги ехали версты с 4 и приехали к речке Тав, и та речка течет с севера на полдень и впадает в Коргей, и возле той речки село мунгальское, и под селом стояли и на яму подводы меняли. А в стороне того села юрт кочевных и сидячих много. И от того места начали говорить китайским языком и зело послушны, а юрты у них земляные, что и у даур, и под тем селом ночевали. И те мунгальцы дань дают без отговору, а которые живут за Коргею, и те дают [дань] в котором году хотят, а иногда не дают.

Апреля в 22-й день ехали от реки Тав степью гладкою, сухою. А ехали меж лета и западу, и на правой стороне видится далеко камень высокий, а на нем лес-дубняк. А ехали от яма 38 верст и тут под улусом ночевали у колодезей. Да и по сторонам улусов много. А в том месте подвод не меняли.

Апреля в 23-й день ехали ровными местами верст с 15 и приехали на ключи и в том месте полдневали и подводы переменяли. И после того поехали меж холмами песчаными, а под ними лес небольшой. И потом приехали к речке Коли, а та речка течет из камня с северо-запада на полдень по степи и уходит под землю и опять выходит и впадает в Коргей; а вода в ней мутна. Около речки юрт мунгальских много, и возле той речки стояли и ночевали.

Апреля в 24 стояли у той же речки весь день, по-

¹ «De bello tartarico», Martini. (Прим. ред.)

тому что кони и быки пристали многие, а переменить было нечем. И стояли для опочиву скота. И здесь сказывали китайцы, что от сел наунских до речки Коли есть доля третья большая, а от речки до Царства останутся две половины меньшие.

Апреля в 25-й день ехали до полудня от речки Коли меж лета и шелонику все степью сухою, песчаною. А с правой стороны камень близко подошел, холмы высокие, а на холмах лес: дубняк и илем. А далее того хребет большой идет от Торгачин, и на нем лес-ельник. И тут приехали на ям и подводы переменяли, а ночевал, оттого что от яма воды близко не было, а где ночевали, были маленькие озерки и колодцы. А едучи к яму, в стороне юрт мунгальских было много. На левой стороне стоял тайша, который всеми теми мунгалами владеет. А послан он от китайского хана, и называют его ваном.

Апреля в 26 поехали от яма на шелоник степью сухою, песчаною, холмы невеликие, а на них лес небольшой, илимник, а меж холмами — места соляные. Ехали до полудня, а в правой стороне вышел великий мыс от камня, и сказывают, что на нем живут змии великие и скот их поедает. И поэтому близ него не кочуют. И приехали к озерам, и тут построен ям, и подводы переменяли и ночевали, а те озера великие, только соляные.

Апреля в 27 ехали ровными местами меж западом на шелоник, а степь была сухая, песчаная, холмоватая, а песок желтый. И приехали к колодезю в полдень. И стояли для корму. И от того колодезя ехали ровными песчаными местами. И, не доехав до становья, вправо пошел мыс высокий от хребта каменного, а леса на нем нет. И камень отвалился на запад далече. И потом приехали к речке Синю голю, которая течет с запада на восток вдоль по степи к Коргей реке, а вода в ней светла, и у той речки ночевали и подводы переменяли.

Апреля в 28 стояли у той же речки весь день, потому что в прошлой ночи испугались у асканьямы 10 коней, самые его лучшие и бежали по степи. И послал он к посланнику псдьячего, чтоб тот день посто-

ял. А он посылал везде по степи искать коней, и насилу сыскали далече, и в тот день к вечеру на то становье приехал и он.

Апреля в 29 ехали меж шелоника и лета, степь была песчаная, бугровая, вертепы глубокие безводные, а по дороге на четверть грязнет в песок нога. И ехали версты с 3 и приехали к лесным местам небольшим, а на них родятся вишни, да промеж тех вишен родится виноград дикий, также и шептали дикие родятся ж. Есть и иное дерево, на котором будто гороховое стручье, и то стручье варят вместо чая. И иного незнатного леса много. И приехали на ям и подводды переменяли. А на стороне юрт мунгальских много. Тут же кочует один ван, который тем всем улусом владеет.

Апреля в 30 ехали весь день на шелоник, степь гладкая, сухая, лесу нет версты с 3, а потом были холмы, а с утра объявились далеко, с правой стороны, холмы высокие, едва их можно видеть. И в полдень доехали до реки Шарамуры, се есть желтый Амур, а называют желтым потому, что вода в нем мутна, течет из камня, из большого хребта, а выходит с северо-запада, по степи течет на восток, около нее бугры, а на них лес-тальник. А переехали вброд, а по дну топко. И тут при реке полдневали. И отселе пошли места веселые. После полудня ехали от Шарамуры ровными местами лесными, а лес—ельник и березник. И к вечеру приехали к иной реке, к Лохану, и тут возле реки—юрты мунгальские жилые. А река Лохан меньше Шарамуры. И от того места, где полдневали, недалеко впадает Лохан в Шарамуру, и после того обе вместе, собирая иные многие реки, текут сквозь высокую стену Китайскую в Китай, в страну Леоатунг. И оттуда впадает в море, и по-китайски слывет та река Леаонхо, се есть река страны Леоатунг. А мунгалы не могут того говорить и именуют Лохан. И по той реке нынешние богдойские татары, как стала зима, прошли сквозь стену по реке по льду и взяли страну Леоатунг и оттуда и Царство Китайское. А при том нашем становье были озерки невеликие, самородные из ключей, глубокие, и в тех озер-

ках, асканьяма сказал, что конечно сыщется жемчуг, и посланник тому не верил и велел служилым людям нырять и искать раковины, и нашли многие, а жемчуг нашли только в одной мелкой, а в иных еще не родился. Таких озерок много, но они искать раковины и нырять не умеют. А есть дорога иная по Шарамуре, только кругом идет и опять по немногие дни приходит к нашей же дороге.

От Науна до Шарамуры считают половину дороги до Китая. А от Шарамуры остается другая половина, и от того места, сказывают, что по Шарамуре ехать до моря, степью до Леоатунг, скорою ездой — дней с 7. А мы за мунгальскими юртами, по сую сторону Лохана, ночевали и подводы переменили.

Мая в 1 ехали с утра и переехали реку Лохан вброд, а ехали от запада на шелоник, а возле реки юрт кочевных много. А около Лохана степь не широка меж гор, а горы по обе стороны песчаные, а на них леса нет. А по степи песок белый. А около реки лес илимник и тальник и иной лес. На левой стороне реки Лохан проехали озерко небольшое, и в том озерке жемчужных раковин много, также и черепахи большие. И те черепахи китайцы едят. А те люди, которые кочевали около реки, сведены издали для того, чтоб мы видели, что у них людно. А река Лохан течет изпод самого хребта, на котором стоит стена. И по ней ехали вверх близ стены. А в тот день стояли при реке и ночевали и подводы переменили.

Мая во 2-й день ехали подле той же реки Лохан, и река немного пошла к северу и опять возвратилась на шелоник. А мы ехали с севера к полудню чрез горы песчаные, высокие и бугроватые, а леса на них нет, только песок белый, коня в полколена грязнет нога. А промеж гор лес — илимник и черемошник. И тут при реке яр красный высокий, версты на пол 2. И от того места река идет вправо. Мы пришли чрез холмы к колодезю и тут полдневали, и опять поехали чрез песчаные места, и спустились к реке Лохану, и тут стояли, меняли подводы и ночевали; близ становья было старое городище земляное. А против того городища, на другой стороне р. Лохан, — горы ка-

менные и столбы высокие, будто курганы; и тут было черепах много, также и кур индейских диких было много ж.

Мая в 3-й день поехали от яма с версту ровными местами, а потом чрез холмы, а реку оставили направо. И по реке холмы высокие каменные. И опять поехали степью и приехали к реке и, переехав через, полдневали. И затем опять поехали через гору. И на той горе город земляной делан с камнем, а башни каменные, и знатно, что в нем и около него жилья было много. И асканьяма сказал, что де тот город строен тому ныне 600 лет, а запустел тому назад 50 лет. А жили люди в том городе талеи. И в том городе лежат львы и змеи и черепахи, вырезаны из камня. А от севера лежит хребет великий, а леса на нем не видно, потому что далеко. А мы, проехав то городище, ехали ровными местами, степями. И пришли опять к той же реке и ночевали, а подводы переменили.

Мая в 4-й день ехали от яма меж западом и шелоником по той же реке ровными местами, степями. И тут проехали городище великое, старое. А около реки Мунгал кочуют много, степь сухая и горы высокие, каменные, степные, а лесу на них немного. И приехали к первым китайским жилым людям; а избы у них, как и у даур, земляные. И видно, что в тех местах жить начали недавно, лет с 10, как и дауры, потому что юрты новые. И тут полдневали. И опять ехали ровными местами и при реке стояли вместе с асканьямою, и ночевали, и подводы переменили.

Мая в 5-й день поехали от яма ровными местами подле реки версты с 3 по реке Лохан, и от того места река отошла влево, и тут улусов мунгальских много, до полудня ехали на шелоник и с полудня меж шелоника и лета¹, и полдневали под селом сидячим, и потом от деревни ехали немного, и тут, возле дороги, стоят два человека, вырезаны из камня. И сказал асканьяма, что то дело китайское: и на одном платье

¹ Тут проехали городище земляное, делано из камня, а ныне развалилось. (Прим. автора.)

Философское, а на другом — богатырское. И то ими сделано для воспоминания, и при них вырезаны две черепахи из камня ж. От того места ехали ровными местами и чрез горы и переезжали речку небольшую; и по той речке и по сторонам юрт много. А деланы избы все новые, а по сторонам и около дороги старых жилых разоренных мест много. И на них лежат львы и змеи, вырезаны затейливо. От той речки ехали верст с 8 и приехали в новое, великое, богатое село. И из того села приехал человек молод честной и привез к послу барана и вина и говорил, что привел он барана для здравия обоих великих государей. А будучи к селу в стороне, видели горы высокие по обе стороны, и на иных есть лес великий, а на иных — нет.

И в тот же день асканьяма посланнику бил челом, чтоб своих людей заставить петь песню «Дунай, Дунай», потому что он прежде ее слышал. И посланник людей своих заставил. А после того он, асканьяма, заставил своих двух подьячих, и они пели по-китайски. И мы за селом стали и ночевали, а подводы не переменили.

Мая в 6-й день ехали из того села степью сухою, пахотною. И проехали юрт сидячих много. И ехали верст с 10 и у речки полдневали, оттого что к асканьяме приехал ван и бил челом посланнику, чтоб постоял. А на левой стороне стоит город мунгальский каменный, а называют тот город по-китайски Табинчин, а в средине того города есть будто колокольня высокая каменная, и тут мольбище болванам их. И около того места стоят многозранные, мужеской и женский пол. А в том городе и около города жилых людей много. А весь день шли на шелоник, а с севера лежит камень голый, только с полудня приходит степь. А тем городом и улусом владеет ван. И едуци, переезжали иные речки. А не доезжая до становья, в стороне стоит столб великий, каменный. И китайцы тот столб именуют счастливым. В тех местах сел много. Да против становья стоит будто монастырь, и в нем стоят болваны вырезанные. И близ того монастыря стояли и ночевали и подводы переменили.

Мая в 7-й день поехали от яма подле Лохана ровными местами. На правой стороне стоит город земляной, великий, стены и башни целы. А в городе никто не живет, только близ города дворов с 10. Тут же вытекает речка из камня с северной стороны. А мы поехали на шелоник по Лохану. И начался камень великий, лесной, хребет большой, тот, который лежит от Торгачин и идет к полудню до моря. Поехали немного, и р. Лохан отошла влево к вершине своей, а мы поехали по иной речке, маленькой, вверх на запад. И оттуда поехали к становью и ночевали при маленькой речке. И асканьяма ввечеру присылал к посланнику и бил челом, чтоб приказал всем выстрелить из пищалей по трижды, оттого что тут многие кони стоят ванов из Царства, да и наших, а бобров и барсов много. И не токмо приходят на коней, но и на людей. И посланник велел выстрелить по трижды, и оттого был гром великий меж каменных гор.

Мая в 8 день поехали от стана чрез хребет каменный, а речку Корот оставили вправо и, переехав горы, ехали ровными местами и приехали к речке и подле речки ехали меж гор. А те горы и хребты зело велики, потому что начинаются от моря и идут к западу далече. И на том хребте сделана и великая стена Китайская, и по-китайски тот хребет именуется Алин. И ехали по речке немного, полдневали и опять ехали подле нее лесными местами. И оставили ее направо, ехали чрез гору до речки Чаган-ута и ту речку переехали. И приехали к селу, к 8 избам, а то село поставлено для яма. И путь нам был прямой на шелоник. И при том селе стоит город земляной, высокий, пустой, и именуют его Чаган-кото, се есть белый город. И тут возле речки стояли, ночевали и подводы переменяли.

Мая в 9-й день ехали на запад от яма, от 8 изб — верст с 7 ровными местами и чрез хребты небольшие. От того места ехали меж горами великими, и места тесные, и дорога была тесная, и по ней мелкий камень, а речка, которая была под селом, осталась влево. И ехали меж теми горами высокими и непроходимыми верст 8, опять приехали к той же речке и

ту речку переезжали вброд, оттого что только проход по речке, а по иным местам дороги нет. И потом ехали версты с 4 и под горами полдневали. И промеж тех гор и шерлопов¹ древес много: яблони и груши, и виноград, и иные многие неведомые, самородные. Также в речках и под камнем в ключах рыбы мелкой и раков много. От того места опять ехали ровными местами верст с 5 и ту же речку опять переезжали. И приехали на небольшую степь. И тут стоит кумирница китайских людей, каменная, а в ней разные идолы их, иные вырезаны, а иные живописаны. А в середине их стоит большой идол, а держит круглое в руках, будто миродержец. И называют его Фе или Оо. Но о тех делах напишем в особой Китайской книжице². А от яма до кумирницы половина [пути], а до большой стены половина ж. И от той мечети опять переезжали ту же речку. И приехали в китайскую деревню и тут возле речки, под деревнею, ночевали, а подводы не переменили. И меж тех гор есть вырезаны болваны, и в горах сделаны пещеры, в которых жили пустынники их. В той деревне живут прямые китайские богдыхановы люди, которые летом собирают всякие овощи на богдыхана. Деревня их обведена валом земляным, оттого что бобров и барсов живет в горах много и скот и людей пожирают многих. И асканьяма посылал к посланнику и бил челом, чтобы велел выстрелить из всего оружия по-прежнему. И посланник к вечеру велел выстрелить из всего оружия, и стреляли.

Мая в 10 ехали от села с полверсты ровными местами и приехали к кумирнице, а в ней идолы такие же, а та кумирница каменная покрыта черепом. И от той кумирницы речка идет вправо, а мы ехали чрез великую, высокую гору, и на той горе дорога высеченная. И от той горы ехали меж шерлопами ровными местами, верст с 7. А на левой стороне в горах сделана пещера и поставлены китайские идолы, и к

1 «Описание Китая» Н. Спафария. (Прим. ред.)

2 «Описание Китая» Н. Спафария. (Прим. ред.)

ним проход — все выбито молотами. И опять подымались на гору, и меж теми горами всякие деревья овощные. И как приехали на хребет, и от того места асканьяма указал великую стену посланнику. А та стена большая объемлет от моря Восточного все те страны Китайского государства и идет без урывки 1500 верст. А кладена она поверх хребта и поверху высоких камней и по шерлопам все со дна идет. А башни ставлены часты, по сто сажень будет между башнями. А стена строена: во основании сеченый камень великий, дикий, серый, а наверху — кирпич. А высота стен — по четыре сажени, а ширина — по две сажени; и во иных местах по горам развалилась. Китайцы хвалятся, что когда стену строили, на горах камня не осталось, а на степях — песка, а в реках — воды, а в лесах — дерева. Но о той стене — как сделана, когда и сколь велика — напишем в книге, во описании Китайского государства.

От того хребта ехали немного, стояли и полдневали. И опять от того места ехали верст с 10. И приехали меж гор и потом ровным местом к стене небольшой, которая стоит под большою стеною от горы до горы, вышиною сажени в две. И тут меж большой стеной и меньшей задержали с телегами, и стояли. А недалеко, на правой стороне, стоит город каменный разоренный, а под ним село жилае. И после того привели к посланнику на перемену коней и телеги, а в телеги впряжены были ишаки с быками и с конями, а кони были самые добрые. И как наряжались, ехали к большой стене к воротам. И тут первые ворота, а под воротами сделана башня великая, и в тех воротах стоял того ж города воевода и считал всех, потому что у них обычай, не токмо людей, и оружие все считают и записывают, для того как поедут назад, чтоб не было людей лишних и оружия. И не токмо в тех воротах описывают, но и во всех воротах великой стены так описывают.

И сказал, асканьяма, что от тех ворот, что мы пришли, до дороги, которою ходят с Селенги, — восемь дней. А от той дороги, которою приходят из Тобольска, — 7 дней, потому что есть в большой стене мно-

гие ворота и проходы. И мы проехали первые ворота, которые были шириною в 4 сажени. И тут был караул, и от тех ворот ехали сажень с 12 и приехали к иной стене, и ворота такие ж. И проехав те ворота, опять стена и ворота третьи. А все те ворота и башни гораздо крепки. И третья стена толще всех, а те три ворота кладены меж шерлопами каменными. А шерлоп будет шириною сажень с 8, и по обе стороны камень, высокий утес. А ворота в башнях окованы железом. И за третьими воротами жилья немного, а поставлены для караула служилых людей. И тут стоит и приказ. И в том приказе посланника встретил асканьяма и воевода. И посланника потчевали чаем именем богдыхановым.

И потом посланник и асканьяма сели на коней и ехали к заставному городу. И тот заставный город стоит от ворот с полверсты. И именуют его Синфенкул. А великая стена именуется по-китайски Джаси, а по-калмыцки и по-мунгальски — Калган.

От тех ворот стена опять идет по хребту ж, по обе стороны. И идучи к заставному городу, установлены кумирницы выкрашенные, и идолы в них многие. Тут же был и колокол пудов в 30, и место то все строено туркским обычаем. И приехали к заставному городу вместе с асканьямою и воеводою. И они пошли по левую сторону в город, а нас вели с правой стороны в город же. А тот город каменный, а сделан таким же подобием, как и большая стена: внизу кладен камень дикий, серовик, а в вышину будет сажень с 5. Выехав из большой стены, из ворот, ехали к городу с севера на полдень, а в городе и около города жилых людей много. А пушечного снаряду нигде не видали. И в том городе торгу много и всякого харчевого продают много. И поставили нас в городе на большом дворе, вместились все. А по городу ходить нашим людям не дали. А асканьяма прислал к посланнику две свиньи и прибавку да куриц и пшена сарачинского и тарасуну. А тот тарасун, их питание, делают из проса сарачинского, будто по нашему романею. И тут в городе ночевали, а караул был у ворот и у телег из китайских людей.

Мая в 11 поехали от заставного города меж такими же горами, а леса на них нет, и поворотили на запад и ехали верст с 6. И тут стоит иной город каменный, и жилых людей в городе и за городом много. И сколько видит зрение человека — везде села и деревни. А где села, тут и овощные всякие древесна. И от того города ехали верст с 7 и приехали к великой реке Люнг. И тут на реке сделан мост на судах великих. И та река течет с запада¹ на обедник, а после того впадает в моря, и вода в ней темна. На ней видели суда великие, шитые из досок тем переводом, будто сани. И оттоле пошли меж камнем розлоги большие. А хребет, на котором стоит большая стена, виделся, потому что от нас недалеко был, в правой стороне. И от реки ехали версты с три.

И асканьяма все ехал вместе с посланником. А перед асканьямою, как приехал из Царства, были два бунчука крашены из волос конских, небольшие, и те бунчуки везли всю дорогу перед ним. И по тем бунчукам знак чести его. И у мунгальцев когда были, ему, асканьяме, поклонялись иные по трижды, а иные тайши побольше, по однажды. А в Царстве, как приехали, плохие люди, слезши с коней, честь воздавали.

И в тот день, едучи, асканьяма говорил, что будет встреча с большим богдыхановым ваном и чтоб посланник и он, как встретятся, слезши с коней, ханову листу поклонились, потому что он послан от богдыхана к мунгалам для великого дела. И у них обычай, чтобы всякий человек, кто ни встретится, ханову листу поклоняется. И посланник говорил, что буде тот ван послан от богдыхана к нему для какого-нибудь дела, и посланник против него с коня слезет, а буде он идет для иного богдыханова дела, и посланнику с ним никакого дела нет, ни повитатися, и пойду по дороге стороною. И о том много спорили. И как видел асканьяма, что во всем отказывает, тогда от посланника отстал, а посланник поехал по стороне дороги.

И тут объявился ван, а пред ним везут 7 знамен маленьких желтых по обе стороны. За знаменами

¹ Северного. (Прим. автора.)

ехал человек, который нес лист ханов, а лист везли в желтом месте, и был привязан на спине того человека. А над тем человеком и над листом держал один человек солнечник желтый. А за листом позади далеко ехал ван с товарищами. Асканьяма, издали как увидел лист, с коня слез и листу поклонился по-своему, на коленях. И как лист провезли, асканьяма опять на коня сел, с ваном повитался и приехал к посланнику и опять поехали вместе верст с 10 и проезжали их китайских сел и монастырей много, в которых живут китайские ламы. И везде место возделанное: пашни, сады. Также на высоких горах стоят кумирницы, великие и преукрашенные. И в полдень приехали к городу каменному великому, а около города прежде сего был посад великий, а ныне все разорено, а стены того города зело крепкие. И подле того города полдневали. А корм стали от стены давать вместо быков по 5 свиней, а посланнику приносили кур, и гусей, и вина, и тарасуну.

Тут же у великого города стоит по их вере монастырь великий, кругом него ограда выкрашена. А в воротах стоят два человека, сделанные из камня, в руках держат по великому коню оседланному, и всякими красками выписаны. И вошел во ограду, на правой стороне колокол великий висит на столбах, на другой стороне — бубен, аки бочка великая, по обоим концам натянут. А в середине ограды стоит их кумирница великая, в середине сидит высокой болван, подобие его было некий царь, и на главе его венец, лицо выписано красками, одежда на нем — камка да атлас вишневым цветом, а сделан он велик и толст вельми. Кругом него сделан аки шатер и завесами обтянут, глаза у него, аки каменья, светят, и страшно смотрит. Перед ним же стоит стол, на столе стоят свечи великие, высокие и чаша серебряная, в нее кладут ладан, да перед ним же висит фонарь. Тут же поодаль на сторонах стоят по два болвана: лица их выписаны краскою с белилом, а на левой стороне стоит древо, и листва его всякими цветами украшена, тут же лежит меч великий железный. А на правой стороне повешен лук великий и... а по стенам выпис...

неведомо какие бы..... по сторонам по сте....., и бой и войны великие, мним, будто Александрово хождение¹. Да от того города, на горе, на правой стороне стоит кумирница. А асканьяма сказывал, что та кумирница стояла в 300 тысяч, потому что в той кумирнице сделано много, где сидит идол, из камня драгого.

И у города стояли и полдневали и опять поехали меж горами каменными. И дорога песчаная и дресвы много, а воды мало, только местами ключи выходят и текут с версту и опять по землю уходят. И выехали на степь, и камень стал оставаться вправо. А великая стена еще была видна. И к вечеру приехали в город каменный, великий, и въехали в ворота, и вокруг стены виден ров, а стена у города и башни..... споди камень серовик..... зело толста и высока..... ворота, а в первых... пушка железная в пол 2 аршина², а ворота окованы железом. И на караулах стоят служилые люди с луками и с палками великими. И в городе ряды великие со всякими овощами и харчем. Также в городе и за городом кумирниц много, и колокола висят великие. А идолы сделаны и стоят, будто живые и украшены всякими красками, и рассвечены золотом. А в кумирницы русским людям ходить и смотреть не возбраняют. В городе ж, в одной большой кумирнице, сидит идол на высоком месте весь позлащен. Впереди него по сторонам сидят на конях два воина: один с луком, а другой — с копьем. И хочет один другого убить. А на стене написаны змеи великие.

В городе дворы каменные, великие, и в одном дворе изб по 10 и больше. И во всех городах по улицам и во дворах мосты каменные, вытесанные. И в вышеписанном городе стояли и ночевали и подводы меняли. А ехали до сего города, у которого полдневали, 15 верст. Да будучи ж дорогою, асканьяма посланнику говорил, чтоб он, посланник, великого государя грамоту, приехав в Царство, вскоре отдал хановым ближним людям, а как великого государя грамоту

¹ Пропуск в рукописи. (*Прим. ред.*).

² То же.

отдашь и переведешь ее, доложат хану и, доложив хану, после того возьмут на поклон и тебя вскоре ж. И посланник ему говорил, что ни в каком царстве не ведется того, чтоб грамоту великого государя отдать ближним людям и после того посланника взять к хану. И чтоб ханово величество, если желает с великим государем дружбу и любовь иметь, велел бы принять царского величества грамоту при себе. И асканьяма говорил, что у них такого обычая нет, чтоб грамоты принимал хан самолично. И о том, будучи дорогою, спорили с асканьямою много. Также асканьяма говорил, что он о том же говорил и на Науне, что у них тот обычай. И посланник говорил: если бы он сказал так на Науне, и аз бы в царство не поехал бы. И асканьяма говорил, буде ты так не учинишь, как наш обычай, и тогда поедешь назад, как и Федор Байков. И посланник говорил: воля божия, буде и так учинится. И о том споре пространно написано будет в разговорах, как жили в Царстве.

Мая в 12-й день ехали от города версты с 2 и переезжали речку небольшую. А над тою речкою сделан мост каменный, а по сторонам того моста забор каменный, а на каждом столбе вырезаны из камня головы львиные. И от того моста ехали верст с 7, приехали к селу великому, и в нем кумирница, и в той кумирнице идолов много. И опять поехали и проезжали села и караулы многие, которых прежде сего было много, а не знали. А ныне, по сказу асканьямы, те караулы учинены для воровских людей. А караул стоит от караула по 10 верст, а русских будет версты по 3, потому что в версте их по 360 сажен. И на иных караулах пушки маленькие, меньше аршина, железные, а где караул, тут и сделана будто башня, маленькая, новая. И от села ехали верст с 6, приехали под город небольшой. И, не доезжая до города, стояли у кумирницы и полдневали. И опять поехали через город; а ряды в городе небольшие, также есть и кумирницы. И ехали от того города верст с 13, приехали в город, каменный, великий, а делан тем же подобием, как и те города. А рядов в нем и кумирниц много. Также и жилых людей в городе много, да око-

ло него обеждена вода кругом. А великая стена с полудня осталась вправо. А от дороги стену и башни видать гораздо, и идет без урывки. Гор по сторонам много, а леса на них нет. Деревень и сел около дорог и по сторонам зело много, и место хлебородное. Пашенных мест столь много, что и скота выпускать негде. И в том городе стояли и ночевали и подводы меляли.

Сего числа асканьяма послал заргучея в Царство для извещения, что посланник уже едет за стеною. А ход нам был до полудня на запад, а с полудня от запада на шелоник.

Мая в 13 поехали из города и ехали до полудня ровным местом верст с 15 и больше, а сел проехали зело много. И приехали в село великое и стояли в монастыре у кумирницы. И в том монастыре идолов много таким же подобием. И перед большим поставлена лампада, и в ней горит масло день и ночь беспрестанно. Перед ним же на столе стоят древца. И на древах расписаны овощи многие разные. А старцы ходят в черных платьях и мяса не едят. А кельи у них в монастыре — в ограде, и люди самые учтивые, и потчевали посланника чаем. И в том монастыре полдневали, и опять ехали версты с 3, и приехали в село великое, а то село будет на версту. И от того села ехали верст с 13, приехали к реке Санго. И ту реку переезжали по мосту, а течет та река из камня меж севером и западом на обедник. Да на той же реке стоят два судна перевозные, небольшие. А вода в реке иссиня-бела, броду через нее не было. А сел столь много проехали, что как станешь вокруг себя считать, больше пятидесяти с одного места видеть можно. А во всяком селе и в деревне кумирницы есть же, и стоят они по деревням, будто наши часовни.

И от реки ехали верст с 2, приехали к городу, а он невелик, и стены во многих местах развалились. Стояли под городом в слободе, и под тою слободою родятся всякие овощи, виноград, и яблоки, и груши. А хлеб — пшено и просо сарацинское, а другое — красное, и растет стебель вверх сажени по пол 2 и больше, а толщина в батог. и ту солому держат вмес-

то дров, а с дровами у них зело скудно. Да тут же родится пшеница и ячмень, да иные семена сеют, и растет, что пырей, и, как созреет, из того заварят в котле гораздо, и родится из того сахар. А ход был нам меж западом и шелоником. А большой камень обращается к западу и на север. И под тем городом в слободе стояли и ночевали, а подводы не меняли.

Да в том же городе башня высокая, будто колокольня, и та башня сделана о девяти статьях.

Мая 14-го поехали от города ровным местом верст с 15 и проехали сел и деревень много. И приехали к селу великому, и в том селе кумирница велика, что монастырь. В ней на престоле сидит высокий идол, подобие царское, на главе имеет венец, лицо белое, а на бороде приклеены в трех местах волосы черные, долгие, а собой велик вельми. А платья на нем: камка желтая, рук у него не видать, закрыты тою же камкою, а платья, что священнические ризы. Перед ним стоят два мальчика молодых и в руках над ним держат что рипиды, а на них написаны змеи и просвечены золотом крылатым. А около него сделан шатер из досок, перед ним стоит стол, а на столе стоят горны железные, и в них ставят свечи. Перед ним висит лампада, и в ней горит масло беспрестанно. А в стороне стоят два великих болвана, и называют их богатырями: один — черен, а другой — белый, и держат в руках: черный — булаву, а белый — бердыш великий железный, пудов в 8. И иные при них болваны стоят многие.

А большого болвана называют богом, будто он емлет от людей души. Да позади той кумирницы стоит кумирница ж невелика, и посреди нее поставлено место, что престол, и покрыто, что шатер, и выписан золотом и всякими красками разукрашен, и в ней идолов много ж. И стенное письмо в обоих кумирницах есть же. И в той кумирнице полдневали. И опять поехали и ехали верст с 7, приехали к реке Пе, и течет она от севера и запада на обедник, а над нею стоит город великий каменный¹. И ту реку переезжали по мосту деревянному, а учинен мост на бусах. И под

¹ Тунг.

городом на реке стоит бусов зело много. А сказывали, что та река впадает в море Восточное. А на устье той реки стоит город китайский Тенгин¹.

К тому городу приходят на кораблях немцы голландские и иные многие. И от устья морского ходят на бусах под самый город Тунг, который выше сего описан. И мы в том городе стояли и ночевали. Около того города две стены: первая стена — с одной стороны кладен кирпич, а с другой — только одна земля, и кругом той стены — вода. Другая стена — городовая, кирпичная, широка гораздо, и башни велики. В башнях по двое ворот, а ворота окованы железом. А у ворот лежат пушки по две, величиною в аршин с четвертью, ядро весом будет с полгривенки. Да в городе одна башня зело высока, и та башня сделана о одиннадцати статьях, а в городе жилых мест и рядов и кумирниц зело много, и всякими красками идолы украшены — золотом и каменьями драгими. А в том городе со двора никого не пускали. А ход наш был весь день промеж запада и шелоника. Да в том же городе меняли и подводы...

Мая в 15-й день от города ехали версты с пол 2. Переезжали чрез речку по мосту каменному, а сказывали, что де та река выкопанная и идет под самое Царство, под стольный город Пекин. И из города тою рекою в Царство проводят хлебные запасы судами. Оттоле поехали немного, пошли села и монастыри около дороги и дворов. По обеим сторонам — рощи великие и идут до Пекина верст за 10 без урывки. А во всю дорогу от города до Пекина по монастырям и по селам колодцы копаны великие и камением выкладены. И у колодезей стояли колоды каменные высеченные, что лари великие. И у колодезей же приставлены люди и подают воду всяким проходящим. Да тут же проезжали мимо многих китайских кладбищ великих людей, кладбища каменные. А в городе Пекине у них умерших не хоронят. Ход наш в тот день был меж западом и севером. И всего от Науна до Пекина ехали 29 дней. Ход наш был тихий из-за быков и телег, а

¹ Тяньцзинь.

простою было 2 дня, едучи до стены. До стены от Науна ехали 24 дня, а от стены Пекина — 5 дней, а верст от стены до Пекина 400, а наших 133 версты.

Приехали в царствующий город Пекин в самый полдень через полуношные ворота. И тут первая стена — осыпь земляная, башни каменные, только невысоки, а кругом обведен ров. И как проехали ту осыпь, встретил нас заргучей, товарищ асканьямин, и взял с дороги в сторону, и сели под сараями, где посланника и асканьяму потчевали чаем. Также привозил чай и асканьямин сын и потчевал. И, постояв немного, опять поехали и приехали к другой большой стене. А от первой стены осыпной четверть версты. Та стена высока и крепка, а вышиною будет выше Кремля города, а делана: на низу кладен камень серовик дикий, а вверх по обе стороны кладен кирпич, а внутри кладена земля. И оттого по стене на конях и на телегах ездят, а башни со стеною ровны. И как приехали в каменный город, проехали двое ворот великих. И проехав первые ворота, сделана башня великая и высокая и зело крепкая. При той башне — площадь, вместится человек с тысячу, и от первых ворот до других ворот будет сажень с 40. Двери у ворот кованы железом. И у ворот лежат по 2 пушки железные, небольшие. А на верху ворот сделаны палаты боевые. Вокруг той стены пропущена вода — река текучая. У ворот стоят караулы, человек по 8, с луками и с сулемами. И от тех ворот ехали большою улицею меж рядов с версту.

И тут в середине стоит Красный город, а стена вышиною Московского царствующего города с Китайгород. В этом городе живет китайский богдыхан, и видно, что прежде сего был выкрашен разными красками. И возле того города ряды и торги многие. Посреди улицы мосты каменные деланные. И ехали мы от ворот большого города до подворья, где поставили нас, верст с 3 и больше. Но о Пекине городе, каков величиною и красотою, также и про Красный богдыханов город, каков же, в книге опишем, во «Описании пространном Китайского государства».

И посланника привели на подворье неподалеку от

городовой стены, и в том подворье ставили разные послы. Первые — голландцы, которые были при Байкове, также другие, ныне лет с 10; также португальцы и иные послы поставлены были. Двор великий, только строение старое и уже сильно развалилось. Кругом того двора сделана стена каменная, вышиною сажени в пол 2. А на посольском дворе палаты каменные, поземные, крыты черепом, а в палатах — подволоки деревянные, и связей в палатах железных нет. Также на посольском дворе садов и иных каких диковин нет, и место самое кручинное, будто тюрьма. А как поставили на посольский двор, тотчас приставили караул крепкий,.....

(от листа 116—130 в рукописи дефект).

... объявляются, и он наказания от государя своего примет, а ты де потеряешь труды свои и пойдешь назад безо всякого дела, что и Байков.

И посланник ему отповедь учинил, что ведаем мы, какие государи Далай-лама и калмыцкие, и бухарские, и мунгальские, потому что мы с ними порубежные, также и португальцев и голландцев, какие они, знаем же и всех тех государей, что ты вспоминал, и государства их, от которых к вам до сего времени послы приходили. Хотя и все те государства соберешь вместе и еще к тому и иные многие прибавишь, а не сделаешь такого великого государства, каким наш великий государь владеет. И богдыхан тем наипаче нелюбовью оказывается к царскому величеству, что сравнивает его, великого государя, грамоту и посольство с португальцами и с голландцами и с прочими.

А как приехали к богдыханову величеству послы от цесаря римского или от турецкого салтана, которого китайцы именуют Хункяр, и можно б говорить, что и те великие государи на свете, однако же и те не сравнимы, были бы к нашему великому государю, потому что наш великий государь порубежный с вашим государством, и иным обычаем почитают соседа, потому что сосед соседу всегда надобен. Да и, oprичь того, богдыханово величество призвал в прошлые годы чрез свой лист царское величество к дружбе и любви, как ты о том сам ведаешь, потому что то дело

через тебя учинилось. Если бы тот лист не послан был, и великий государь отнюдь бы не послал людей, потому что ведомо великому государю от Федора Байкова, какие ваши гордые обычаи и как вы принимаете послов, не честию, как ведется, а супротив права всех народов, что посла того емлют с честию, и то ни в котором государстве не повелось и не слыхано.

Хотя богдыханово величество вменяет себя выше иных всех государей, однако же для великой дружбы и любви, которая со стороны царского величества является, можно бы взять ему пред собой великого государя грамоту со мною, и не просим мы иное, oprичь того, что с начала света у всех государей чинится, и это не токмо не бесчестит богдыханово величество, а наипаче возвышает имя его, потому, как увидят, что явным обычаем идем с великого государя грамотою и с поминками к богдыханову величеству в город, тогда приятели его будут радоваться, а неприятели его устрашатся, потому что от такого славного великого государя порубежного идет посольство к богдыханову величеству, с толикою дружбою и с поминками, потому что ведаем мы, что есть у вас приятели и есть неприятели. А то, что ты говоришь, чтоб быть мне в третий день готовым, и я готов говорить о делах великого государя с вами и теперь, но не в приказ идти с великого государя грамотою; и не для того я просил срока, чтоб готовился идти в приказ, а буде пред ханом возьмете, и теперь готов. Да и то большое чудо и все удивляются, отчего то у вас зачалось, что послов пред ханом емлют, а грамоты государские не емлют.

И асканьяма говорил, что о том не подивись, что мы послов емлем пред ханом, а грамоты не емлем, потому что у нас тот обычай начался исстари и мы ныне его накрепко бережем. В старые годы был из некоторого государства посол и поминков с собою привез зело много, также и словесно объявлял всякую дружбу и любовь, как и ты ныне объявляешь, и тогдашний наш хан вельми обрадовался и велел тотчас того посла с листом государя своего и с поминками взять перед собой, и, будучи тот посол перед ханом, дал лист,

и в листе было написано великое бесчестие хану. Также и посол пред ханом начал говорить непристойные речи, и так с того времени постановлено уложение в Китайском государстве, чтоб от всякого государя наперед взяли лист и прочли, и, смотря по листу, как написано, так и делают; иных послов емлют пред ханом, а иных и не емлют, а ныне тот обычай переставить и хан сам не может, только ради дружбы и чести царского величества велел богдыхан чрез звычай тем двум ближним людям грамоту великого государя принять, а чтобы пред ханом тебя взять с грамотою, и не думай; и Байков жил здесь 7 месяцев, и были у него великие поминки, и все время о том спорили, об отдании грамоты, однако же, ничего не исправя, возвратился назад; да и Федору Байкову такую честь, что тебе хотят дать, не давали, потому что те колаи ни у одного посла те листы не принимают; как и в прошлые годы, были послы от португальцев и от голландцев, и у них [лист] взяли приказные люди. И буде богдыхан тебя ныне пред собой возьмет, тогда все окрестные государи не станут больше именовать богдыхана ханом, потому что он [самолично] грамоту великого государя против древних обычаев взял пред собою, и от того учинится богдыхану великий позор.

И посланник говорил, как богдыханово величество остерегает честь свою и обычай старый не хочет нарушить и говорит, что буде хан возьмет великого государя грамоту, от того учинится ему бесчестие, а также и нашему великому государю немалая скудость в чести и слава недобрая учинится оттого, что великий государь посылал с толикою дружбою и с поминками, а богдыхан будто пренебрегает дружбой великого государя и не изволит грамоту его пред собою принять, как обычай надлежит у государей всего света. И так бóльшая нечесть учинится нашему великому государю, буде не примет, нежели богдыхану, буде примет; потому что те государи, которые посылали доселе послов своих сюда, не сравниются с нашим великим государем и не могут они сказать, почему почитали паче их посольство от великого государя, потому что всякий сам себя знает, каков.

А про то, что он, асканьяма, говорит, что в старых летах некоторый посол учинил бесчестие хану, о том не по что вам и сумлеваться на нас, потому что я тебе говорил словесно на Науне, и дорогою, и здесь, что нет в грамоте великого государя иного, кроме дружбы и любви, и словесно не приказано, опричь того ж; только то мне чудо, отчего о том на Науне не сказал, что есть у тебя полный указ от богдыхана о том, что будет, что грамоту великого государя в Пекине хан пред собой не возьмет, а в приказ емлют; тогда тебе отповедь учинил бы, что отнюдь не пойду, если никакая честь нашему государю не учинится.

И асканьяма говорил, не отпирается он, что не говорил, и был указ богдыханов у него таков, чтоб отвеживать от речей твоих и от грамоты великого государя, и буде какие грозы или непристойные речи приказаны, и тебя велено прогнать назад тотчас, а мне собирать войско сколько можно великое и идти под Нерчинский и под Албазинский остроги и их до основания разорить, потому что ведаем, сколько человек живет в них. И что много теперь говорить: буде ты не пойдешь с великого государя грамотою, и ты пойдешь назад, что Байков.

И посланник ему говорил, почто он поминает разорение острогов, ведают они и сами, как осадили Комарской острог и что взяли. Мы войною не хвалимся, а и бою их не боимся ж, наш великий государь не желает войны и ссоры, но желает с богдыхановым величеством дружбы и любовь и оттого послал меня. Как приказал бы мне царское величество объявить вам войну, я бы вам давно объявил, а что ты говоришь, что пойду назад, на то воля богдыханова, а как бы ты мне объявил об этом на Науне, и я бы отнюдь сюда не поехал; про Нерчинский и про Албазинский говоришь, что в них мало людей, а потому мало, что больше не надобно, а как будет надобно, есть у великого государя великое множество рати, что в год можно наполниться всему Амуру, только чтоб он, асканьяма, сказал мне вкратце: желает ли ханово величество с царским величеством дружбу и любовь держать или нет.

И асканьяма говорил: буде великий государь желает держать дружбу и любовь с богдыхановым величеством, также и богдыханово величество желает с великим государем держать дружбу и любовь, а если великий государь дружбу и любовь не желает и если что иное в помышлении имеет, богдыханово величество такоже будет чинить против того ж.

И посланник говорил: буде так, как ты говоришь, и я объявляю пред богом, что со стороны царского величества нет на уме иного, кроме дружбы и любви; чтобы меж великими государями учинилась дружба и любовь вечная, для этого приказано мне объявить богдыханову величеству, что не для того царское величество просит, чтоб он взял пред собой посланника с грамотою и чтоб учинилось от того ему бесчестие, но для того, как будут к царскому величеству послы, и тогда наш государь велит пред собой взять же и про здравие спрашивать, как ведется, и для того приказал, чтоб и царскому величеству учинить то же, что и богдыханово величество. А буде вы тому не верите, и я на письме вам готов дать, что царское величество грамоту сам примет и про здравие спросит, а буде так не сделаете, тогда и царское величество велит такую ж честь послам воздать вашим.

И асканьяма говорил, хотя де будут от ханова величества к великому государю послы, он ли или иной кто больше него, и им в чужом царстве, как укажут, где им велят идти или где сесть, тут и сядут; и что прикажут делать, то станут и делать, а указать им нельзя, потому что во всяком государстве свои обычаи есть, а у них тот обычай так подтвердился, что отнюдь нарушить нельзя. И что о том много говорить — царского величества грамоту отдал бы, а буде не отдашь, и тогда потеряешь труды свои, как и Байков.

И посланник говорил: воля богдыханова величества, хочет — держит здесь или отпустит назад, или грамоту царского величества велит силою взять, и о том как изволит, но он, посол, грамоту добровольно не отдаст в приказ.

И асканьяма говорил, что изо всего того одно бу-

дет и скоро учинится, буде не дашь великого государя грамоту, покамест добром говорим, и после того от посланника отъехал.

И того ж числа в полдень приехали к посланнику боярин первый, который сидит в посольском приказе, алихамба да с ним асканьяма и привели с собою старца католика иезуитского чина, именем Фердинанд Вербист, а родом он немчин Нидерландской земли, которая есть под испанским королем; послан он из Рима начальником своим в Китай лет тому с 15, где их чина многие иезуиты живут по многим городам и костелы свои имеют и многих китайцев в католическую веру приводят. И прежде сего жил он в нижних полуденных китайских государствах. А при хане был в первых боярах почтен иной иезуит Адам Шал, который еще при никанских ханах приехал в Китай и ради учености своей у них вельми почтен был; а как взял Китай нынешняго хана дед богдыхан и услышал про него, и опять почитал в том же чине. А чин их таков: у китайского хана есть один приказ великий, и в том приказе учатся астрологии, се есть звездословию, потому что они пишут календари и минуцыи и разделяют по всему китайскому государству, и затемнения солнца и луны смотрят же, и пушки льют, и иные разные дела вымышляют.

И тот иезуит Адам Шал в недавних летах умер, и пред смертью спрашивал его хан, кто может на его месте быть, и он велел взять того Фердинанда. И хан его к себе взял и вместо Адама посадил, но тот богдойского языка еще не знал, и для этого богдыхан дал из покоев своих одного молодца, и научил его, а чин его по-китайски алихавава, а платье носит он богдойское ж, только бороду не бреет. А, oprичь его, есть четыре иезуита и два костела в том стольном городе Пекине, вельми украшены.

А как он приехал и с посланником повитался, и посланник его от лица узнал и начал говорить по латыни и спрашивал, иезуитского ль он чина, давно ли живет здесь, и тот отповедь учинил латинским же языком и гораздо рад был, что выразумелись между собою.

А бояре китайские спрашивали Вербиста, может ли посланник с ним говорить, и он говорил, что гораздо и совершенно может, также и посланника спрашивали, поволит его тот толмач и могут ли выразуметь они меж собою совершенно. И посланник богдыхану бил челом, что прислал такого человека, который не токмо дела обоих великих государей словесно в разговорах может совершенно выразуметь, да и грамоты и титулы обоих великих государей слово в слово перевести может. И бояре иезуиту говорили, чтоб он посланника расспрашивал сначала, каких ради причин царское величество его, посланника, изволил к богдыханову величеству прислать.

И посланник отповедь учинил, как и на Науне асканьяме, что его царское величество живет в дружбе и в любви и в безурывных ссылках не токмо с теми великими государями, которые многие окрест государства его живут, а и с теми, которые в дальнем расстоянии бывают, и тот обычай делают все великие монархи не для чего иного, только для славы имени своего. Для этого великий государь в недавние годы изволил послать к богдыханову величеству с посольством Федора Байкова и желал еще тогда дружбу и любовь завести с порубежным и соседственным государем, как и с иными государями имеет, чтоб от того учинилась слава и прибыль обоим великим государям и государствам их. Однако же богдыханово величество, не ведаем отчего, к тому посольству оказался нелюбовью, и возвратился [посол] назад, не исправя ничего. И видя царское величество, что посольство его богдыханово величество принимает нелюбовью, впредь посылать не изволил.

И ныне, тому лет с 5, изволил богдыханово величество послать на Наун асканьяму, и он, по указу его, посылал в порубежную крепость в Нерчинский к начальнику к Данилу Аршинскому, чтоб прислал к нему небольших людей для разговора, а его 6 людей держал для верности в аманатах. Данила тех людей в аманатах не держал, а отпустил с ними на Наун, и асканьяма взял их к себе, и приехали сюда в Пекин вскоре и пред богдыхановым величеством объявил.

И богдыхан обещался чрез них к царскому величеству всякою дружбою и любовью и что желает меж обоими государствами присылки и торг завести, да сверх того послал от себя лист к царскому величеству о тех же делах и, одарив их, опять отпустил с асканьямою на Наун и с Науна в Нерчинский. Данила тех казаков и лист к царскому величеству послал, и казаки те ж речи к царскому правительству передали, и хотя царское величество вельми желал выразуметь, каким обычаем пишет богдыхан к царскому величеству и чего желает, однако же за неведением вашего китайского языка царскому величеству учинилось неизвестно; только царское величество ведает, что богдыхан — славный государь и порубежный сосед, и невозможно иного желать, кроме дружбы и любви, да сверх того лист свой чрез служилых людей послал и к ним ласку показал. И чаёт царское величество, что и в листе своем богдыханово величество пишет с честью и с любовью, как ведется у великих монархов на свете, да и казакам говорено, отчего с собою не взяли одного китайского человека, который бы пред великим государем перевел лист богдыханов. И казаки говорили, что бояре китайские им сказали, что им человека взять непочто, оттого что лист послан только признаков ради, чтоб верили им на Москве, что были они у богдыхана, а в листе, кроме дружбы и любви и безурывной ссылки, иного ничего не писано.

И видя царское величество, что со стороны богдыханова величества начинается дружба и любовь, послал меня, холопа своего, к богдыханову величеству, и хотя не выразумел царское величество, каким обычаем писал в листе своем богдыханово величество, однако же писал грамоту свою к нему, как ведется, когда великие монархи пишут меж собою со всякою честью и с дружбою и любовью. И, желая показать большую честь и дружбу к богдыханову величеству, послал свои любительные поминки, которые лучше родятся в его государстве и которые чаял, что любезнее будут богдыханову величеству. И тем желает царское величество впредь с богдыхановым вели-

чеством жить в дружбе и любви и безурывных ссы-
лках, как и с иными государями, и чтобы учинилась
слава и прибыль обоим великим государям и госу-
дарствам. И те суть причины, что царское величество
послал ныне посольство к богдыханову величеству, и
все эти дела со стороны вашей начались, а не от нас.

И асканьяма учал отповедь чинить, а алихамба
молчал. И говорил, что де то дело от них началось, а
иное и со стороны царского величества, потому что
Данила посылал к ним не однажды с торгом и с те-
ми же речами, и о том нечего и споровать, оттого
что то доброе дело, хотя бы от нас или от вас бы за-
чалось. И богдыханово величество гораздо склонен к
дружбе и любви и, почитая царское величество, при-
слал к тебе своих ближних людей, которые сидят в
посольском приказе и ведают приездами посольски-
ми всех посторонних государей. А к иным послам по-
сылаются последние люди из приказа, а не такие, и
для того и сего числа с утра призывали тебя в по-
сольский приказ с грамотою великого государя, и там
ожидали тебя первые наши бояре — колаи, и они б при-
няли царского величества грамоту со всякою честью,
а иных всех послов приходящих принимают и в раз-
говорах бывают последние люди-дьяки, и листы от
них они ж емлют. И тем богдыханово величество ча-
ет, что вашего государя честь не умалется ни в чем, а
наипаче прибавляется, что велит принять таким ближ-
ним людям грамоту царского величества, и это пре-
жде сего у нас никогда не бывало, а чтоб принимать
богдыханову величеству грамоту, то у них не ведется,
потому что у них обычай старый и переставить и са-
мому хану невозможно. А прежде государские грамо-
ты берут и, выразумев из них, что пишут, потом берут
послов пред ханом, и там можно уже и спрашивать
про здравие великого государя.

И посланник говорил, что и у голландских послов
были на разговорах те ж бояре посольского прика-
за, потому что у меня есть книга голландского по-
сольства; только то чудо большое, что послов пред
ханом емлют, а грамоту не емлют. И спрашивал
их, грамота ли великого государя честнее или я, его

посланник, и они говорили, что грамота гораздо честнее, потому что от ней и посольство держится. И он им говорил, когда грамота честнее, отчего не емлете грамоты пред ханом, а меня, посланника, емлете? И они говорили, что многие причины есть на то, первое — обычай их старей, второе, что тем умалается честь богдыханова, третье — не верят тому, что говорит посланник словесно, покамест не вычтут грамоту и не увидят, что писано, честно ль и пристойно богдыхану, как ведется. И о том, что много спорить, буде не дашь великого государя грамоту в приказ, по нашему обычаю, пойдешь без дела, что и Байков, а и про Байкова слышали, что от царского величества казнен был смертию, что грамоты не отдал в приказ.

И посланник им говорил, что кто про Байкова сказал, солгал, потому что Байков умер своей смертию гораздо после посольства, а сделал он, как ему указано было, и я по тому ж сделаю, как мне государь указал, потому что нам великий государь дает наказы и по тому и делаем, а от себя сделать ничего не смеем. И они говорили, что и у них даются наказы, и верим тебе, что ты по указу своего государя делаешь, только что словесно говоришь, не всему верим, покамест не увидим, что в грамоте написано, и только после того можно и словам твоим верить. И посланник говорил, что в грамоте написано, что и на Науне тебе, асканьяме, сказано, и ты писал об этом к богдыханову величеству. И асканьяма говорил, что тогда ему гораздо на перечень сказано было, а ныне, буде дашь список подлинный и выразумеем, тогда опять доложим богдыхану. И о том, что укажет.

И посланник им говорил, что великий государь с того времени, как был Феодор Байков, слышал, что ваш обычай зело жестокий, и оттого перестал посылать грамоты и послов, а как увидел лист богдыханова величества, надеялся, что не прежним обычаем начнет принимать, и для того приказал мне своим именем просить у богдыханова величества, чтоб любительную грамоту и поминки принял сам, как ведется на свете у всех христианских государей и мусульманских, и царское величество так и послов будет прини-

мать богдыханова величества; а буде сомневается богдыханово величество и в подозрении, что в грамоте какие грозы и бесчестие написано и запечатано, а я словесно будто хочу обманывать, и тогда великий государь велел мне по грамоте и список дать; великий государь — славный монарх и всегда правдою поступает, и не токмо в грамоте, но и на уме нет у него, кроме дружбы и любви. И в моих речах на Науне, и дорогою, и здесь ничего иного не было и не будет, кроме дружбы и любви безо всякой хитрости, как о том бог ведает и время покажет. И они говорили, чтоб посол о том на них не пенял, но они истинно объявляют, что тот обычай про отдавание грамот у них старый и сам хан переставить не может. Слышали они, что и в иных государствах обычаи свои крепко держат, как слышали и про то, что у царского величества в шапках никто не кланяется, потому что это в бесчестие вменяется, а у богдыханова величества в великое бесчестие вменяют, если кланяются без шапок. Однако же, буде от них пошлют к царскому величеству послов, и эти делать будут, как великий государь укажет, и не станут с собою обычай новый заводить.

И посланник им говорил, что цари и монархи не живут под обычаем, а дают они иным обычай и многие старые обычаи меняют ради дружбы иных монархов, и не токмо обычаи и города и государства поступаются чрез послов для мира и дружбы; и ныне царское величество желает от богдыханова величества, чтобы показал дружбу и любовь и не почитал меня равным обычаем, как португальцев и голландцев, потому что они пред великим государем зело малые государи, а сделал бы так, как цесарь римский и иные христианские государи, так же, как и султан турецкий и шах персидский, которые принимают великого государя грамоты сами. И не просит великий государь у богдыханова величества для себя нового обычая поставить, только так повелось с начала света меж всеми монархами и народами, чтобы меж собою один от другого послов сами принимали. И то делают для верности, чтоб не учинилась какая хитрость в грамоте или в посольстве; а не возьмет царского величест-

ва грамоты сам богдыханово величество, и пред кем мне тогда посольство править и какая честь будет обоим великим государям? А как будут богдыханова величества послы к царскому величеству, и тогда по тому ж приняты и почтены будут равным обычаем.

А про шапки говорите, что пред царским величеством емлют все, то не так бывает, потому что христианские послы емлют шапки не токмо пред таким великим монархом, но и меж собой по христианскому обычаю, а турецкие и персидские послы кланяются в шапках по своему обычаю, и не понуждает царское величество отнюдь никого, чтоб он сделал не по своему обычаю, и так всякий обычай своего государства исполняет, и как у них ведется, так и поклон правят. И они говорили, что после отдания царского величества грамоты, богдыханово величество велит взять перед собой, и тогда будут все его ближние бояре, и там будешь с честью посольство править, и здравие царского величества спрашивать будет сам богдыхан, и во всем почтен будешь.

И посланник им говорил, что лучше бы почитали его царского величества грамоту, нежели его, посланника, потому что в грамоте содержится царское слово, истинное, также и печать его и всего Российского царства, и тем посольство почитается и правится. И они начали опять прежним разговором споровать, что тому нельзя быть, после того спрашивали список с его, великого государя, грамоты, чтоб видели, нет ли каких гроз и бесчестных речей, и велели иезуиту писать на латинском языке, и посланник ему сказывал на латинском языке.

И будучи они у посланника, приезжал к ним от хана самый ближний человек в молодых летах, и как они его увидели, тотчас встали, а иезуит смотрел в письмо, будто читает, и сказал посланнику, что тот человек самый ближний богдыханов, а послал его богдыхан проведать, может ли он, иезуит, с посланником говорить. Только посланник притворился бы, чтоб не узнал его ближний, потому что они того не хотят, чтоб узнал. И после того тот ближний спрашивал иезуита, каким языком говорит с посланником и

разумично ли говорит, и иезуит сказал, что гораздо посланник хорошо говорит, а язык — латинский, и тот язык самый мудрый, без учения никто говорить не может, и написал ему асканьяма на бумажку для памяти, чтоб, едучи к хану, не забыл — латинский. И спрашивал ближний их, отчего замедлились и что делают, и после того взял письмоце и поехал к хану наскоро, а как перевели и написали список, поехали вверх, к хану, и будут докладывать, и сказали, что после того, что укажет, известят. И посланник потчевал их водкою всех и провожал.

А иезуит меж разговорами сказал посланнику, что он рад царскому величеству для христианской веры служить и во всяких делах радеть; ведает он, что и богдыхан станет спрашивать про все, наипаче про титуло великого государя и про государство Российское, сколь велико в чертеже; только ему жаль, что от такого славного государя пришло посольство, а китайские люди — варвары и никакому послу чести не дают, как и в прошлые годы голландцам и португальцам. Да и поминки, что придут от иных к ним, называют и пишут, как дань, и в листах своих отповедь чинят, будто господин к слуге своему, и иное поругание многое есть же, о которых иным временем скажет. Они говорят, что все, что есть на свете, люди видят одним глазом, а только они двумя глазами видят, и заклинал посланника пред образом, чтоб те речи никому не сказал и не писал бы, покамест не выедет из Китая, потому что и они иноземцы и многие нужды терпят ради Христа, и иные в подозрении суть. И говорил, что пришлет к посланнику книгу латинскую, и в ней увидит, как пишут, и весь обычай их, как принимают послов. И с ними вместе иезуит отъехал.

Мая в 20-й день приезжал к посланнику асканьяма да заргучей одни и спрашивали посланника про здравие, а посланник их также спрашивал и говорил, что в прошлые дни приезжал он, асканьяма, с алихамбою и с иезуитом и взяли список великого государя по грамоте, перевели ли на китайский язык и докладывали ли богдыхану или нет.

И асканьяма говорил, что на богдойский язык переведен, а в доклад к богдыхану не носили, и тому письму верим и не верим, и хотя в том письме все добро и честно пишет, однако же покамест не дал великого государя грамоту ближним людям в приказ, и не увидят печати, никоими мерами верить нельзя, и пред богдыхановым величеством не будешь; и как на главе волосы выросли, и стала седина, и их переменить нельзя, так и обычай их тот ради царского величества переменить нельзя, только грамоту те два ближние примут, которые у богдыхана ближние зело и будто два плеча в теле, а богдыхан голова.

И посланник ему говорил, буде богдыханово величество ради дружбы царской возьмет лично грамоту, и тогда увидите все, что и в грамоте то же будет, что и в списке, потому что над тою великого государя грамотою, которая написана латинским языком, есть его ж, великого государя, печать, и ведаю, что тот же иезуит будет читать, и тогда увидите все, что у нас нет никакой лжи и лукавства; а буде сыщется что иное в грамоте написано, и тогда воля богдыханова со мною [любое делать], только тому удивляются все народы про вас, что посла емлете пред богдыханом, а грамоты, которые честнее, не емлете.

И асканьяма говорил, что оттого грамоты емлют прежде послов в приказ, что, буде возьмут вместе с послом грамоты пред ханом и буде сыщется какое слово жестокое написано, тогда и послу от богдыхана жестокое наказание учинится; а как возьмут прежде в приказ, и тогда хотя и что будет в грамоте, однако же посла отпустят назад без дела и без наказания.

И посланник ему сказал, что он слышал, что оттого богдыхан не принимает грамоты сам от иных государей, чтоб не учинился он тем равен, от которых грамоты посланы, и буде так, можно бы с великим государем и равенство принимать, как все христианские и мусульманские государи принимают, и у них чертежи есть же, и можно смотреть царского величества государство и богдыханово, сколь велико.

И асканьяма говорил, что ведаем и мы, что царского величества государство зело велико, и не ради

равности не принимает богдыхан, только из-за старого обычая, и оттого еще тебе отповеди не дали, что то дело не малое, чтоб скоро ответ учинить, и думают о том ближние люди; а как отповедь будет, и тогда приедет алихамба и он с иезуитом и скажут.

И посланник говорил, что у всех государей и монархов есть такой обычай, что послы не токмо словесно говорят, что им приказано, но и на письме дают те ж речи для верности, и ближние люди также дают отповедь на письме ж; и я готов здесь и на письме дать те ж речи, что говорю со стороны царского величества, потому что не от себя говорю, но по указу великого государя. И буде богдыханово величество учнет любовью принимать то посольство, и царское величество наипаче против того будет принимать от богдыханова величества посольство по тому ж; буде не верят, воля богдыханова величества здесь задержать или великого государя грамоту без воли взять, ибо, как изволит во своем государстве, так и делает.

И асканьяма говорил, что у богдыханова величества того не повелось, или иное что над послом учинить, только будет против того иная отповедь; и можно бы меж собой на письме разговоры писать, только у них нет такого обычая и трудность будет, потому что они языка нашего не понимают, а мы их; когда он был в Науне, забыл подлинно расспрашивать, дашь ли великого государя грамоту в приказ или пред хановым величеством, как Байков, хочешь поднести, и взял бы подлинную отповедь от тебя. И как отпустил с Науна заргучея в Царство, и с ним бы писал к богдыханову величеству, и учинился б мне указ, взять ли тебя в Царство или отпустить назад. Однако же не пеняют они на посланника, что стоит так крепко, потому что всякий человек должен государя своего указ исполнить.

И посланник говорил, что можно им и самим рассудить, что всякая дружба со стороны царского величества объявляется, потому что от богдыханова величества только лист порозжей послан был, а от страны царского величества и поминки немалые, и оттого он

радеть должен, чтоб отповедь учинить поскорее, что укажет богдыханово величество.

И асканьяма говорил, что у них поминки почитаются ни во что, и у Байкова были поминки большие ж, а они не смотрели на них, а отповедь как будет, и тогда они сами будут. И отъехали.

А в те дни были караулы крепкие и ворота заперты, а харчевое продавали караульщики двойною ценою.

Мая в 22-й день приезжал к посланнику асканьяма да иезуит алихава и говорили, как и прежде сего, что у ближних людей было сиденье, а богдыхану докладывать опасаются, потому что и тебе, посланнику, во всем не верим да и прошение твое противится старому обычаю, только велели ближние люди о том еще раз говорить, потому что то дело скорее от вас начиналось, нежели от нас. В прошлые годы, как был Феодор Байков и Сеит-Кул, и Тарутин, и иные, тогда ходили казаки по Амуру и подданных их китайских разоряли, и тогда говорили они Байкову и прочим про тех казаков, что они с посольством ходят, а казаки воюют, и они все сказывали, что те казаки воры и без указа великого государя воюют. И они, китайцы, называли их лучи, се есть воры ж, и тех де воров по указу богдыханова величества сухим путем и водяным всех побили силами, которые были посланы отселе.

А после того подданный богдыханов Гантимур со своими людьми убежал в Нерчинский, и как услышал богдыханово величество, что те же воры поселились в Нерчинском, на Шилке реке, указал ему, асканьяме, будучи еще заргучеем, чтоб он взял 6000 войска и 10 пушек и шел бы на тех лучей в поход. И Нагай-Тимур и он 6000 войска собрал и 10 пушек взял и пошел из Царства на Наун, а с Науна в Нерчинский; наперед себя отпустил к Гантимуру даурского мужика, чтоб он проведал, к каким людям ушел, а Гантимур поймал того мужика и отвел к приказному к Данилу Аршинскому. Данила Аршинский и Гантимур сказали тому мужику, что они не лучи, а люди великого государя, белого царя и по указу его сделали две

крепости в Нерчинском и в Албазинском и что великий государь желает жить в дружбе и любви с богдыхановым величеством и чтоб торг меж обоими государствами учинился.

Тот мужик возвратился назад и встретил меня с войском по реке Унде за два дня до Нерчинского. Когда я услышал, что это не лучи, а белого царя люди и отпустили человека назад с дружбою, тогда же послал и доложили богдыханову величеству, что лучше с такими людьми поступать дружбою, нежели войною, потому что они сказываются белого царя людьми и живут по его указу, а не по-прежнему воровским обычаем. Богдыханово величество велел ему, асканьяме, послать в Нерчинский и взять оттуда служилых людей, потому что хочет писать к царскому величеству от себя лист для подлинного проведывания. Тогда из Нерчинского послали человек с десять, и он, асканьяма, взяв их, объявил пред богдыхановым величеством, который написал к царскому величеству лист не токмо про Гантимура, а наипаче для проведывания подлинно того, какие люди живут и которого они государя. Опричь того, все те, кто были после Байкова с торгом здесь в Китае, Сеит-Кул и Тарутин и иные, и они сказали, чтоб их отпустили в Царство торговать, потому что есть с ними от великого государя грамоты. А после того, как пустили их в Царство, и у них никаких грамот не было, и тем нас обманули, и потому ныне и тебе не верим, не видя подлинно великого государя грамоты, чтоб и ты также не обманул, как и торговые.

И посланник ему говорил, что про Нерчинскую посылку многжды уже говорено на Науне и дорогою и здесь, отчего начались, и поэтому не по что больше говорить; про торговых людей говорить нечего, ибо с теми великий государь отнюдь не посылает грамот про свои дела; а дают им бояре для безопасного проезда из Тобольска проезжие памяти, чтоб верили им, от которого государства едут.

И асканьяма говорил: ведает и он, что с торговыми великий государь грамот не посылает, и с нами не было ж, только ныне и тебе не доверим, чтоб и

ты также не обманул, как и торговые. А что список взяли у тебя, мы видим, что писано в нем зело добро и к дружбе и любви склонно, только опасаемся, чтобы не было за печатью чего иного худого не написано.

И посланник асканьяму спрашивал, богдыханово величество те речи приказал говорить или ближние люди.

И асканьяма говорил, что де приказали ему говорить ближние люди, потому что они и доложить не смеют богдыхану о том, что ты говоришь, чтоб сам принял великого государя грамоту, оттого что тот обычай так стар и крепок, что и сам богдыхан нарушить не может. Еще вначале богдыханово величество велел своим первым ближним людям в приказе принять, и никогда ни от какого посла не принимали, и такой чести не было ж.

И посланник говорил, буде богдыханово величество впредь от великого государя чрез послов или чрез лист станет что-либо просить, как великий государь будет склонен то богдыханово прошение исполнить, если ныне богдыхан то, что я именем царского величества говорю, не принимает. И асканьяма говорил, нет никакого прошения, чтоб богдыхан просил у царского величества. И посланник ему указал, как он, асканьяма, выше сего говорил, что посылал и взял казаков из Нерчинского и с ними богдыхан послал лист к великому государю, а в листе своем писал и просил тунгуса Гантимура. И так может случиться и иное какое дело, чтоб богдыханову величеству как порубежному государю просить что у царского величества.

И асканьяма говорил, что про мужика Гантимура что и вспоминать, то дело небольшое, а лист послан был не только для Гантимура, а наипаче [узнать], которого государя люди и как тот лист богдыханова величества будут принимать.

И посланник говорил: хотя говоришь ныне, что дело небольшое, а почему на Науне и дорогою спорил и спрашивал накрепко, есть ли указ Гантимура отдать, потому что для него богдыхану многие протори учинились, а царское величество хотя не выра-

зумел, что в листе написано было, однако же от доброго произволения своего послал меня с дружбою и с любовью, и с поминками, а богдыханово величество к государю нашему оказывается нелюбовью, потому что понуждает грамоту отдать в приказ, от которого учинится имени царского величества скудость в чести от посторонних государей.

И асканьяма говорил, что богдыханово величество конечно желает дружбы с царским величеством и для того чрезвычай велел первым своим ближним в приказе принимать; ему, асканьяме, велел большие приказные ворота отворить, и те ворота никакому послу не отворяются, и такая честь не бывает же; и не токмо иным, а и Федору Байкову такая честь не была, ибо приказано было грамоты взять заргучеям; ныне богдыханово величество для дружбы и любви царского величества чрезвычайным обычаем велел принять ближним своим и честнейшим людям.

И иезуит меж разговорами сказал, что де асканьяма говорит, что богдыхану не докладывали, и то он лжет, потому что уже трижды при нем докладывали, и богдыхан велел приискивать в старых книгах, принимали ль прежде сего у послов ханы грамоты или нет. Богдыхан к тому делу зело склонен, только ближние люди упорно стоят, чтоб не нарушали древнего обычая, ибо окрестные государи станут говорить, что, боясь великого государя, то учинили. Сверх того и списку не верят, потому что ведают, как они сами писали в листе своем с повелением, как господин к меньшему, и оттого опасаются, чтоб не было грозы и в его, государя, грамоте.

И посланник асканьяме говорил: когда великие государи посылают к равным себе государям послов и, буде который государь велит принять мимо себя того великого государя грамоту, тогда то дело в великое бесчестие вменяют; так и богдыханово величество, если бы принял прежде сего грамоты мимо себя в приказе от цесаря римского или от иных таких равных великому государю государей, тогда не было б и слова молвить, а [что говорить] о таких меньших государях, которые все вместе одного вели-

кого государя не стоят, что их и сравнять [с ним нельзя]. И на приклад ему молвил: буде он, асканьяма, пошлет к нему, посланнику, своих людей с грамотою и с поминками, и он велит мимо себя своим людям принять, а не возьмет пред собой, как он не станет кручиниться; так и царское величество наипаче будет вменять то в недружбу.

И асканьяма говорил, что посланник истинно сказал, приклад правдивый; и ведает он, что великий государь славный, только обычай их старый и его переставить не могут, потому что от того учинится богдыхану от всех людей слава худая; [скажут], что он нарушил обычай свой не для дружбы царского величества, а страха ради убоясь. Они не пеняют на посла, что стоит крепко про государя своего честь, также бы и посланник на них не пенял бы, что они стоят про государя своего и про обычай крепко.

И посланник асканьяме говорил: как был Федор Байков в Китае, и тогда богдыханово величество, видя, что он не дает великого государя грамоту в приказ, велел принять брату своему родному, так и ныне посланник докладывает: буде богдыханово величество изволит сам принять его великого государя грамоту, то лучше и честнее будет; буде сам не изволит, чтоб приказал по себе брату своему родному принять; и так уже он, посланник, склонился от первой статьи на вторую, и чтоб они доложили богдыханову величеству.

И асканьяма говорил, что о том Байков ложно писал, потому что при нем на царстве сидел Ксунхихан, отец нынешнего хана, и у того хана брата не было; нынешний хан — сын того, и у нынешнего хана брат есть, только честнее колаи, нежели братья. К Байкову же, опричь заргучеев (дьяков), никто не ходил, потому что и он, асканьяма, тогда был в заргучеях, а чести и в половину, как тебе, не было, да и в книгах такие чести, как тебе, никакому послу не сыскались.

А приехали они рано и говорили, покамест устали, и отдохали немного, и опять начал говорить асканьяма, что он до приезда нашего назначен был асканьямою и честь получил после приезда нашего в пятый

день. По платью, которое на нем, и чин назначен, потому что на груди золотой журавль вышит тканым золотом, а сзади на спине такой же вышит, он божился посланнику, чтоб тот не мнил, что оттого стоит он крепко за богдыханово величество, что получил честь и новый чин от него, только у них думали уже не пооднажды и уже постановлено, чтоб обычай отнюдь не переставить; однако ж ты не мни, что тебе будет какое насильство, и у нас то никогда не ведется, а полагаемся на твою волю; наши говорят, будто ты понуждаешь нас поклониться твоему богу Тильеку, а нашего бога Фу оставить; у нас тот обычай так крепко утвердился, что как нельзя от бога и от веры отступить, так же и тот обычай отставить нельзя же.

И посланник говорил, что тот не приклад, что веру свою переменить; многожды государю своему и отцу противляются и не хотят отстать, и обычай от веры разнится тем, что обычай, смотря по времени и пользе, переменяется, а наипаче государи не живут под обычаем, а дают иным обычай; только лучше бы он, асканьяма, с иезуитом объявили ближним людям про все истинно и правдиво, как с ним говорено, чтоб они меж собой рассудили, [что посол] с первых дней предложил, чтоб богдыханово величество сам принял; после того предложил, чтоб хотя бы брату своему при себе велел принять; и склонился от первого к другой статье; а от них с самого начала ни в чем не поступились. И говорил им на приклад, — если лук с одной стороны склонится, а с другой не склонится, и тогда портится, а если обе стороны тихонько склонятся, тогда стрела идет прямо и лук не испортится. Также и про поминки говорил, чтоб вместе с грамотою взяты были пред богдыханом явно, потому что у них тайно и прежде грамот емлют, как и у Байкова.

И они говорили, что поминки — дело небольшое, надобно прежде о грамоте совершить, а поминки никуда не денутся, только ты ныне поступишь нам этим и отдай его, великого государя, грамоту в приказ ближним людям, а впредь, как увидят, что царского величества грамота спискам не разнится ни в чем, тогда и богдыханово величество для дружбы и любви,

как желает царское величество, может принять к себе грамоты и послов.

И посланник говорил, чтобы впредь какую отповедь хотят учинить, чтоб дали на письме, и он то же им на письме даст, и то лучше будет, нежели на словах. А царское величество и ныне не ради какой нужды послал к богдыхану, только для славы имени своего; и если бы не послали вы лист, и царское величество отнюдь бы не послал посольства, и отчего он, асканьяма, на Науне не сказал подлинно, что грамоту великого государя в приказ возьмут, а не пред богдыханом.

И асканьяма говорил, что у него указа полного не было тогда, только он по дружбе сказал от себя, чтоб не учинилось, что и Байкову; видим мы, что царское величество к богдыханову величеству пишет, чтоб не подивил, если титуло его может быть не писано по достоинству, и видишь ты, что государь ваш приказал тебе делать по нашей воле, а ты противляешься.

И посланник говорил, что про титуло великий государь не токмо писал, но и словесно со мною накрепко приказал, чтоб обоих великих государей титула исправились, как впредь взаимно писать, чтоб обоих великих государей равная честь хранилась; а буде бы царское величество писал, что указал посланнику своему делать во всем по вашему обычаю, тогда и мне б говорить было нечего; ибо иное есть писать про титуло, а иное про обычай.

А иезуит меж разговорами сказал, что слышал он конечно, что будто они обычай свой переставить не хотят, а про список, что посол дал, говорил, что добро учинил, потому что, как богдыхан пишет кому лист, отнюдь послам смотреть не дают, только запечатывают; ныне понуждены будут они и тебе дать список.

И асканьяма долго сидел без дела и ожидал от посланника еще какого слова и спрашивал, что еще сказать ближним людям. И посланник говорил: иного ничего нет, кроме того, что выше сего писано. И отъехали.

Мая в 26-й день приехал асканьяма с иезуитом

да с заргучеем и почали говорить, что они мая в 22-й день у посланника были и обо всем, что с ним говорили, то все ближним людям доложили, и они приказали ему говорить, что ты, посланник, сюда послан от его царского величества нарушить старый их обычай и будто хочешь учинить новый образец, который у нас никогда не бывал.

И посланник говорил, что то дело, которое он, именем царского величества, ради любви и дружбы ищет со стороны богдыханова величества, не надобно ближним людям именовать нарушением их обычая. Царское величество, когда богдыханово величество послал лист свой без перевода, без посланника, без подарков, не говорил, что богдыханово величество против обычая всех государей не послал ни перевода, ни посланника, ни поминков, а от себя грамоту с отповедью разумично послал, и посольство с поминками к чести богдыханова величества и чаял, что как солнце на стену ударит сиянием своим, и опять то же сияние назад возвращается, так, чаял, и со стороны богдыханова величества взаимно по тому ж любовь будет.

И асканьяма говорил, что богдыхану нельзя лично царского величества грамоту принять оттого, что ныне еще только начинается дружба; а как во всем совершится меж обоими великими государями подлинная дружба и любовь, тогда можно богдыханову величеству чрез иное посольство принимать царского величества грамоту самолично.

И посланник ему говорил, что всегда была дружба и не было ссор меж обоими великими государями, и еще начата была дружба, как послан был со всякою дружбою и любовью со стороны царского величества Федор Байков, и хотя не принят он был, однако же царское величество ту ж дружбу держал. Торговые ходили, и порубежным служилым людям приказано было жить с вашими в дружбе, и та дружба первая, вторая дружба зачалась, когда ты, асканьяма, был на Науне и чрез казаков отпустил лист от богдыхана к царскому величеству, хотя царское величество не выразумел, что в листе богдыхановом написано, одна-

ко же с честью принял; третья дружба наипаче чрез меня ныне зачалась, что и от царского величества грамота и поминки также и лист богдыханов, и то все со стороны царского величества как словесно, так и в письме и на сердце есть и будет. Только, может быть, с вашей стороны какое подозрение есть, а с нашей никакого нет, и для того богдыханову величеству доведется по тому ж взаим оказать царскому величеству дружбу и любовь и принять его царского величества грамоту самолично.

И асканьяма говорил, что царское величество, может быть, тебя выбрал нарочно и говорить с нами послал, потому что мы говорим всю встречу и нам в иных делах отповедь дать не можно, потому что мы в таких делах непривычны и неучены.

И посланник говорил, что он у великого государя последний человек, а дело само говорит, и правда, и истина; если бы царское величество чрез меня просил у богдыхана чего не повелось на всем свете, тогда и богдыханово величество не принял бы; и обычай у всех государей один, и взаимно будет богдыханова величества послу и со стороны царского величества такая ж равная честь.

И асканьяма говорил, если бы царское величество учинил бы отповедь про Гантимура, тогда бы можно было и говорить; а хотя ты сказывал, что китайского языка у вас никто не знает, однако же те казаки, которые были здесь, и им тысячью словесно сказано, что богдыханово величество Гантимура просит, а буде не даст, никакое добро не сделается. Как они не объявили [об этом] и для чего?

И посланник отповедь ему учинил пространно, как на Науне, и о том писано выше сего, что царское величество ни с листа богдыханова, ни словесно про Гантимура не слышал и поэтому и лист богдыханов со мною послал.

И асканьяма говорил, почему царское величество не писал в своей грамоте к богдыханову величеству, как писал про титул и про иные дела, чтоб принял его, государя, грамоту сам, тогда богдыханово вели-

чество, может быть, бы и сделал, а ныне тебе, что говоришь словесно, не во всем верим.

И посланник говорил, что у великих государей нет обычая писать про все в грамотах, как и про поминки, что посланы, не писано ж, а про титул что писано, и то дело великое касается чести государской, и того миновать нельзя, и поэтому и писано; а буде они тому не верят, также и об иных делах верить не будут, о которых словесно царское величество прилежно указал с вами говорить.

И асканьяма говорил, что, как царского величества грамоту подашь, тогда и что станешь говорить, всему будем верить.

И посланник говорил, что царское величество слышал, что богдыханово величество самовластный государь и что хочет, то и делает, и слышали, что обычай у богдыхана таков, что грамот перед собой не емлет, только чаял, что, понеже самовластный, для дружбы царского величества тот обычай переставит.

И асканьяма говорил, что богдыханово величество самовластный, — правда то, и , что хочет, то и делает, и никто не смеет супротивляться, только тот обычай нельзя переменить, оттого что умалется честь китайского ханства, которое исстари стоит, аки бог земной, меж иными государями, и переменен тот обычай не будет ж.

И посланник говорил: по многим дням многие разговоры учинились, и из тех видит и он сам, что они от своего предложения не хотят отступить, чтоб не учинилась равность меж обоими государями; да и он, посланник, отступить от указа не смеет, потому что от царского величества жестоко наказан будет, и понеже у богдыханова величества обычай потребный честнее есть, нежели дружба царского величества и посольство, как ведется у всех государей, пусть, однако, укажет вольность нашим людям ходить вон и торговать, чем надобно, потому что столько дней живем будто в тюрьме и затворенными воротами живем; с Федором Байковым про отдавание царского величества грамоты тоже споры были, а государским людям вольно было ходить и торговать, что им надобно, а

нас и смотреть за ворота не пускаете, да и торговым нашим и иным иноземцам [ранее] вольно всюду было ходить.

И асканьяма говорил, что торговые будут к вам приходить на двор и что у вас есть, можно в день все купить, и торг будет вольный, и никакой обиды не будет же; вас же отпустить со двора, покамест не дашь царского величества грамоты, нет обычая, и про такое малое дело, про торг, думу нельзя собрать и хану доложить; а буде есть иное какое большое дело, и то можно доложить.

И посланник говорил, что нам и то немалое дело, потому что нет вольности, а сидим взаперти, и что надобно нам для прокормления невольню купить, и чтоб отповедь учинил скорее, нежели прежде сего. И сказал асканьяма, что отпуска отнюдь не будет, а доложит о том на досуге.

А иезуит опять смотрел в чертеж и будто читает и говорил посланнику, что они нарочно отповедь продолжают, чтоб принудили его к их воле; да он сам недавно был пред ханом, когда лил пушку, и взял его хан втайне и спрашивал про тебя и про разговоры и про все, что с тобою говорили, и по его речи видел, что склонен тебя и пред собой взять, только небольшие люди стоят в думе гордо; а хан, хотя молод, двадцати трех лет, ко всякому доброму делу склонен, только те колаи, правители, гораздо горды и упрямы, после того от посла отъехали.

Мая в 27-й день приехал асканьяма один, без иезуита и заргучея и без подьячих, и бил челом посланнику, чтоб и своих подьячих выслал и остался только один да мунгальского языка толмач. Когда вышли все, стал клясться своим богом и женою и детьми, что он любви и дружбы ради, что с посланником имеет и дружбу и говорит от себя для того, чтоб его, асканьямина, служба и труды не потерялись: буде возможно ему, сделает он с ближними людьми, чтоб богдыхан велел посла взять не в приказ, а взял бы в город к себе, в ханские палаты, где обычай большую думу собирать; здесь и хан в особом высоком месте сидит и

слышит, и никто не видит, и там будет вся дума и ближние люди, и будут посла принимать с честью.

И посланник говорил, хан будет ли тогда на своем месте или нет, а гораздо бы добро было, чтоб хотя в дальнем расстоянии хан был, только в том же б месте. И так бы его царского величества, и хотя не во всем, однако же честь хранена была, а что он говорит, что желает дружбу заводить меж обоими великими государями, и бог ему в том помощник будет, также и от обоих великих государей вечная честь.

И асканьяма говорил, что хану там быть отнюдь невозможно, и спорить о том не о чем, да и такой образец, что он вымыслил, никогда никакому послу не учинилось, и поэтому он не взял с собою иезуита и заргучея, чтоб то дело было тайно; да еще про то и сам не знает, будет ли или нет.

И посланник видел, что асканьяма лукавством поступает, и в то время был болен и сказал ему, асканьяме, чтобы тот пришел на другой день, и он будет помышлять и с ним переговорит. И что он говорил, все ему приказано было ханом говорить, и отъехал.

А во все те дни была жара великая, и оттого и от худой воды половина служилых людей была больна, а ворота были все заперты, и смотреть за ворота никого не пускали, а съестное продавали караульщики тройною ценою; а караульщики были холопы боярские.

Мая в 28-й день присылал асканьяма подьячего и спрашивал посланника про здравие и говорил, чтоб тот не покручинился, что асканьяма сам не приехал, потому что и сам болен и оттого и в приказ не выезжал, а на другой день конечно будет.

Мая в 30-й день приехал асканьяма один же и говорил, что он не приехал вскоре оттого, что был болен да и дожди были великие, и чтоб о том не пенял на него; а бог ведает о том, что не токмо он, да и богдыханово величество склонен ко всякой дружбе, чтоб с царским величеством учинил, и принимает посольство с любовью, потому что зело доброхотный государь, только есть некоторые из бояр, которые крепко про-

тивостоят, чтоб отнюдь не нарушили старый обычай, и вменяют в бесчестие государству, буде поступятся обычаем, и те люди не так злодейством делают, как оттого, что иных государств обычая не знают и про царское величество чают, что он обычный государь. Он, асканьяма, желая меж обоими великими государями дружбу учинить и чтоб не потерялась и служба их обоих, не доложил в думу, о чем он, посланник, прежде сего про торг и про иные дела говорил, потому, буде он доложил бы, и те, которые стоят упрямо, учнут говорить, что он, может быть, только для того и приехал, и иные противные речи. Он же посланника пред ханом и пред думою хвалил, что человек искусный; да и они в те дни замешкались и искали во многих книгах образца и не сыскали, и от далаймана,¹ который у них вместо бога почтен, и его лист в приказ емлют; он же, асканьяма, вымыслил то дело, которое никакому послу не учинилось, как и прежде сего ему говорил, но не знает, будут ли те упрямые принимать так или нет. В том месте, в царской палате, где собирается большое сидение, вверху, там палата высокая ханская, где хан сидит, а против места ханского будет сделано место особое, накрыто желтым, и тут будут все бояре собраны; у того места будут стоять те два ближних, и туда ты придешь со своими людьми и грамоту царского величества сам на то место положишь, и потом те два ближние возьмут и принесут к хану, потому что и хан неподалеку от того места; два колая станут спрашивать про здоровье твое, и ты отповедь учинишь; а буде не спрашивают, тотчас поедешь назад на подворье, а про обычные дела они ничего спрашивать не станут, потому что все дела обоих государей богдыханово величество ему, асканьяме, знать и говорить и совершить указал.

И посланник ему говорил, что гораздо хорошо он, асканьяма, делает, что желает меж обоими великими государями дружбу и любовь, только б о том радел, чтоб и сам хан в том сидении был. Буде, как ты го-

¹ Далай-ламы.

воришь, что хан неподалеку сидит, только чтобы он, посланник, видел, как те два ближние возьмут его царского величества грамоту с того места и поднесут хану, и то бы в честь вменял ему царское величество.

И асканьяма говорил, что он так хану докладывать не смеет, да и то, что он вымыслил, насилу делается, и божился о том еще с клятвою и говорил, что завтра посылай подьячего к воротам к караульщикам, чтоб призвали меня и иезуита, и тогда обо всем поговорим, как можно сделать и докладывать.

И посланник спрашивал, есть ли у богдыханова величества брат большой или меньшей; и он, асканьяма, говорил, что есть большой и меньшей; также спрашивал, как он чает, будет ли от богдыханова величества к царскому величеству посольство или нет, и тот говорил, что о том, опричь хана, никто не ведает, может быть, после отдания грамоты об иных дел услышится.

А что он, асканьяма, говорит, будто вымыслил от себя, и то все ложь, потому что приказано было ему говорить богдыханом.

А в его, великого государя, наказе конечно в разных статьях написано, чтоб ему, Николаю, хановым ближним людям по тому ж говорить со многим упорством, чтоб ему конечно великого государя грамоту и поминки отдать перед самим ханом, и буде по многим спорам ближние люди в том ему откажут впрямь, тогда ему дать им и все три государские грамоты, в которых написан он посланником, также и поминки им же отдать, только поклона и посольства пред хановыми ближними людьми не править.

И поэтому на другой день, как приехали к нему, посланнику, асканьяма с иезуитом, и видел из речей их, что впрямь откажут, тогда в разговоре поступился им, как ниже сего написано.

Мая в 31-й день приехал асканьяма с иезуитом и заргучеем, и говорил иезуит, что асканьяма звал его к себе на двор и говорил ему, что он рад был бы, чтоб дело то учинилось, как ты, царского величества посланник, желаешь, только невозможно никоими мерами, потому что ближние люди все, которые каков

государь, его царское величество, не знают, стоят против. Он, иезуит, от себя многих ближних людей спрашивал, можно ли тому делу быть, и они отказали, что отнюдь не будет; да и то чудо, что ныне хотят делать, потому что люд гордый, и чрезвычайный обычай тот, что они хотят делать, ни одному послу никогда не было. Мы ныне для того к тебе приехали, чтоб поговорили и сыскали путь, как бы обоих великих государей дело делалось, чтоб и впредь было прочно и дружба и любовь завелась, а они люди гордые и упрямые.

И посланник им говорил, что он, во-первых, предложил, чтоб сам хан взял его царского величества грамоту, как ведется, и вы в том не однажды впрямь отказали и говорили, что не верите, чтоб не было в его, великого государя, грамоте за печатью гроз, и список просили, и список дал, опять однако же не верили. И потом вам другую статью предложил, и хотя и сам хан не примет, чтоб он ближним людям грамоту царского величества при себе велел принять, да и в том отказали и говорили, что тем бесчестится богдыханово имя. И так видно, что богдыханово величество больше почитает обычай свой, нежели дружбу царского величества, и поэтому ныне вам объявлю последнюю статью, потому что слышал, что у богдыханова величества в палате его многие честные места, в которых собирается дума ваша, и там неподалеку место ханово есть же, и буде сам хан изволит объявиться, то и наипаче взаимная будет от царского величества честь. Буде не изволит явно, хотя бы за занавесом или за решеткою, только чтоб признаки были, чтоб знал я, что и богдыханово величество тут неподалеку.

А у меня его, великого государя, три грамоты есть на трех разных языках для выразумения вам. И я приду с одною грамотою, которая вам из трех люба будет, и ту грамоту подам не колаям, но брату богдыханову большему или меньшему без всякого посольского правления и поклона; а в том бы месте были колаи и все ближние люди.

Брат ханов, который у меня грамоту примет, что-

бы тот же час, где хановы признаки будут, понес при мне; а иного ничего говорить не буду, также и поминки царского величества чтоб тут же явно с грамотою подать; а те две достальные царского величества грамоты после того, как взят буду пред богдыхановым величеством, в то же время ему поднесу, и так и их предложение и мое, хотя не во всем, учинится.

И они говорили, что могут они и о том докладывать, только лучше было бы, чтоб все три грамоты вместе понес, а в то де время, как будешь пред ханом, отнюдь не будут принимать, и о том опять будет спор, потому что дело, хоть наперед отдашь, хоть после; а хан же отнюдь при себе не примет; а чтоб принимать хановым братьям, и про то не для чего и докладывать, потому что у них честнее колаи, нежели они, ибо колаи владеют всем Царством, а братья хановы живут себе особно.

И посланник говорил, — ведает он и сам, — что колаи владеют, однако же хановы братья и сыновья есть кровь ханская, также и наследники ханства они ж, а не колаи. И понеже и царское величество — искони веков от прадедов кровь царская, подобает его, царского величества, грамоту принять крови царской же, и о том бы доложили, потому что предложение то правдивое есть; также чтоб они дали на письме, когда будут их к царскому величеству послы, чтоб и они также без спору учинили, и опричь того, дали б же на письме то, что он, асканьяма, прежде говорил, буде впредь от царского величества послы будут, тогда богдыхан велит перед собой с грамотою взять; и чтоб богдыхан писал в грамоте своей к царскому величеству, что посланник ваш крепко стоял долгое время, чтоб грамоту вашу, царского величества, лично принял, а понеже обычай наш старый возбраняет, чтоб про нынешнее не подивил. А впредь, как будет дружба с прибавкою, тогда можно и лично принимать, и то будет мне пред царским величеством очистка.

Асканьяма говорил, что о том, как послы их будут к царскому величеству, по тому ж учинить, можно и письменно дать, а что ты стоял крепко, и то мож-

но богдыхану писать; а о том писать или дать письмом, как будет посол в другой раз принят пред ханом, об этом и помышлять невозможно; только он, асканьяма, про все, что я ему говорил, все доложит; и о том, что укажет, и от себя он спрашивает, как ближние люди богдыхана дадут отповедь про все по твоей воле и как будет он, посол, взят на поклон пред ханом, поклонится по нашему обычаю хану или нет?

И посланник ему говорил, что надобно прежде одно дело сделать и одну статью говорить и кончать, и после этого иную начать, и когда совершится отдание грамот, тогда не только про поклон, но есть и иные многие дела со стороны царского величества, и в то время обо всем учнем говорить; а буде возьмете пред ханом с грамотою, тогда и ныне про поклон готов говорить. И он, асканьяма, говорил: буде ближние люди узнают, что ты не хочешь поклониться хану по нашему обычаю, тогда и ныне не возьмут тебя в город с грамотою царского величества и станут тебе отказывать во всем, потому что у нас в том поклоне честь ханская содержится. Также и иезуит те ж речи от себя говорил.

И посланник им говорил, что никогда не слыхано в государских великих делах, покамест одно не окончится, другое начать, а как он [посол] прежде увидит, какую честь сделают царского величества грамоте и то дело кончится, тогда будем говорить про поклон и про иные дела, которые впредь будут. И о том спорили между собой долгое время накрепко и просили отповеди прилежно, а я не дал им и говорил, будто вы хотите понудить нас силою во всем по вашему обычаю, и не токмо иное, но и ворота заперты столько дней, что не даете и купить, что надобно больным, да и отповедью продолжаете от дня до дня для того, чтоб нам скучилось.

И асканьяма говорил, что о том, чтоб ворота отворить, и доложить о том не смеет, потому что от хана есть о том гораздо жестокий указ: покамест не дашь грамоту его царского величества, чтоб ворота заперты были замком, и еще жди укору, а отповедь будет про все вскоре, и отъехал.

Июня в 1-й день был вихорь великий с шумом и с громом, будто пожар, и где ходил, многие лавки разломал и все иное, что было навстречу, и на воздух носило, и учинился от земли до неба будто столб, и шел мимо городской стены, близ двора, где поставлен был посланник, и так ушел далеко, покамест невидим стал. А китайцы сказали, что такие вихри не токмо на суше часто бывают, но и на море, и оттого многие корабли погибают; а пожару, покамест жили в Пекине, не видали, потому что все дворы их крыты вверху черепом мурамленным.

Июня во 2-й день приехал асканьяма с иезуитом и заргучеем и говорили, что они докладывали ближним людям про все, что говорили прежде сего, как ты, царского величества посланник, предложил, чтобы на том месте, где грамоту отдашь, хотя бы только признаки были, что там хан, и чтоб видел, как к нему понесут грамоту; также и про то, что одну грамоту ныне дать, а те две впредь, как будешь на поклоне, и о том о всем отказали и говорили, чтоб все три грамоты вместе отдал для лучшего выразумения. Также и про то, чтоб принять [грамоту] братьям хановым, [и это] отнюдь нельзя, потому что они не мешаются в дела государские, а будут принимать колаи. Богдыхану же писать к царскому величеству, о чем ты предложил, то невозможно, потому что у нас иным обычаем пишут; также приказали спрашивать тебя опять про поклон, как учнешь поклониться впредь, как взят будешь пред ханом, а про поминки говорили, чтоб прежде грамоты дал, как у нас обычай, и нечего мешать поминки с грамотою; и приказали им, чтоб он, посланник, дал им отповедь подлинную про все те дела.

И посланник им говорил, что про то, что богдыханово величество не изволит к царскому величеству дружбу свою показать, хотя в признаках принимать его царского величества грамоту, о том полагаюсь на его ханову волю, так же и грамоты все три, что просят для выразумения, можно им дать; да и про колаев говорят, что они честнее, нежели братья хановы, и о том воля богдыханова; а что про поклон, та ж отпо-

ведь, что и прежде сего, потому, покамест не увижу, какую честь учинят его, великого государя, грамоте, и отповеди о том не будет же; а про поминки, — отнюдь наперед не дам, а только с его, великого государя, грамотою, как ведется, и то честь обоим великим государям; взять же наперед поминки, — слышали мы и дорогою и здесь, — ваш народ именует данью, а мы тех людей, что так говорят, поругаем, потому что наш великий государь ото многих государств дань берет, а сам никому не дает.

И они говорили, что про те дела меж собой согласились, только б посол про поклон дал отповедь, потому что приказали ему, асканьяме, накрепко; про поминки он будет докладывать, когда и как вести, а что народ говорит, что дань, и то незнающие говорят, и не надобно на то смотреть.

И посланник говорил, что про поклон и говорить впредь не хочет, также и про поминки, буде не возмут вместе с его царского величества грамотою, и грамоты не даст, и о том спорили много и опять отъехали.

Июня в 4-й день приехал асканьяма с иезуитом и с заргучеем и говорили, что богдыханово величество, почитая царское величество паче всех государей и паче...¹ посольств, которые прежде сего... велел готовить... место и на том месте будут... ре и ближние люди; завтра в первом часу пошлют коней и поставят все великого государя поминки на небольших столах, и те столы понесут перед тобою твои люди или наши, как ты хочешь. И после того понесут все три государские грамоты по вашему обычаю, как у вас водится. И как придешь в город², и там место уготовлено будет против ханова места, и на том месте положишь государские грамоты, да и поминки близко тут же будут. А на том месте будет стоять и принимать первый колай, который есть правитель всему китайскому государству, да и, сверх того, племянник ханов. А как отдашь царского величества грамоты и поминки, и тогда, ничего не говоря, опять поедешь на подворье;

¹ Пропуск и в рукописи. (Прим. ред.)

² Красный город, императорский дворец.

только де у них обычай, что перед хановою палатою есть столб каменный, и на том столбе написано имя ханово, и как придет против того столба брат ханов или боярин, должен с коня слезть и пешим идти... того что у них исстари так...

И посланник говорил, что он и... и понеже богдыханово величество... что так почитает лучше, царского величества... чрез колая, нежели через брата, и он то принимает¹., а про то, чтоб с коня слезть против столба, буде у них исстари так повелось, — только б они не учинили так нарочно для него, чтоб пеш шел, — и то делать будет. А про поминки, что честнее на столах нести, нежели в руках, и то доброе дело, только б они в тот день прислали столы и кони под посланника и под дворян.

А иезуит спрашивал асканьяму, можно ли с человеком своим прислать к посланнику овощей новых, и сказал асканьяма, что не смеет, потому что от хана заказ крепкий, чтоб на двор к посланнику никого не пускали, также и со двора спускать до указа не велено ж.

Июня в 13-й день пришел к посланнику заргучей за час до света и говорил посланнику, чтоб люди его несли подарки, и посланник послал с людьми своими, также и дворяне, и подьячий, и дети боярские; а подарки носили в то место, где принесли великого государя поминки, а когда принесли в то место посланниковы и дворянские и иных подарки, и вышел по подарки алихамба и ближний ханов человек и взял прежде всего посланниковы кони, а после коней взяли иные посланниковы подарки, также и дворянские и все, что носили, а людям же велели дожидаться, покамест пересмотрят все подарки, и буде которые подарки хану полюбятся, и те велит принять, а буде которые взять не похотят, и те отдадут назад, оттого что от детей боярских были соболи и лисицы худые. И дожидались так до полудня и после вышли и сказали, что богдыхан из лисиц и из соболей хотел отдать назад, оттого что были негодны, но велел при-

¹ Пропуск в тексте. (Прим. ред.)

нять, ибо ехали из дальней страны, и не хотел их богдыханово величество опечалить.

И будучи там, видели, каков у них обычай докладывать богдыхану; были у ближнего человека желтые мешочки большие, а в мешках дощечки желтые ж, и на тех досках писаны поминки порознь, по одной статье. И смотря на те доски, взяли вверх к хану подарки по одной статье, и те доски в мешки запечатали и взяли к хану вверх в доклад, а про коней сказывали, что де на них ездили и смотрели и хвалили. И будучи они там, прошел при них брат ханов большой, а пред ним вели коня в поводу, а кони у них небольшие. А брат ханов еще молод, лет в тридцать, а до тех ворот только он приезжает на коне и потом идет пеший, а тот брат его большой — начальник в ханской думе, но только ради чести, а тот колай, который принял великого государя грамоты, что хочет, то и делает, а божиим изволением выбран на Китайское царство средний сын умершего хана Ксуньхи, нынешний богдыхан именем Каньхи, и у них тот обычай, что всякий хан после избрания именуется богдыхан. И первый китайский хан от их родословия отец его стал, а есть у него и меньший брат, и те братья его живут в чести, а в земские дела ни в чем не мешаются... А ныне опять выбран в ханы нынешнего хана сын, по смерти отца своего.

И после того из города людей наших отпустили, и с ними приехал заргучей, который ходил за подарками, и сказал посланнику, что, дал бог, все приняли вверху в целости и удивились, что пришли из дальней страны, а так целы [подарки], и хотел де ханово величество из лисиц и из соболей дать назад, оттого что негодны; однако же ради царского величества и оттого, что приехали из дальней страны, не хотел печаловать их, велел принять все. Он же, заргучей, сказал, что станут докладывать богдыхану вскоре, когда изволит взять пред собой, и как доложат, и тогда приедет и известит он же, заргучей, потому что то дело у них в приказе, а не у асканьямы.

И июня в 14-й день приехал к посланнику иезуит алихавава и сказал, что де вчера спальник, которого

присылает к нему богдыхан часто, был у него от богдыхана и объявил ему про поминки, что от посланника и от дворян, и от иных были поминки, и богдыхан ими тешился и приказал ему, иезуиту, сказать, чтоб он у посланника спрашивал, есть ли иные какие редкие потехи или иное что, чтоб ему было годно.

И посланник говорил, рад бы служить богдыханову величеству, но тогда не случилось иного ничего, чем ему челом ударить. И он де, иезуит, богдыхану говорил, что посланник зело тужит оттого, что не токмо его одного не пускают, но и никого к нему не пускают же, также и его, иезуита, не пускают, и держат будто в тюрьме, и понеже и у иных государей и у великого государя такого обычая нет, и о том зело печально кажется ему, посланнику. И богдыханово величество сказал, что де исстари тот обычай, однако же оттого, что посланнику тошно, дает ему, иезуиту, указ, как он похочет, и он бы ходил без всякого задержания и опасенья, оттого что он в обоих великого государя делах и язык знает же, и оттого велели и отпускать. Иезуит же сказал, чаает он, что де завтра пред ханом возьмут, оттого что месяца луна полна.

Того ж дня и часу, будучи иезуит у посланника, приезжал асканьяма, а с ним приехали из приказа, из которого докладывают про послов начальные люди, чтоб идти пред ханом, и он [асканьяма] сказал, что богдыханово величество дал указ, чтоб завтра ехать за час до света к поклону видеть его богдыхановы очи и поклониться по их обычаю; велел только взять тех людей, которые из Москвы приехали, оттого что желает ханово величество видеть, потому что он московских людей прежде сего не видал, да и при нем де из Москвы людей не бывало ж. И посланник говорил, что он богдыханову величеству всякую честь, как ведется, готов учинить, только у великого государя и у всех, что есть на свете, великих государей обычай есть, и поклоняется всякий своему государю рядовым поклоном, однако же великий государь указал мне, ведая, что ваш обычай разнится, чтоб поклониться богдыханову величеству, как поклоняются и царскому величеству, чтоб не вменял бог-

дыхан в бесчестие; и то дело, oprичь того, прикасается к вере, оттого что у нас так поклоняются богу.

И они о том долгое время спорили и говорили: буде ты по нашему обычаю не поклонишься, и пред ханом невозможно тебя взять, и дела все испортятся. И посланник им говорил, что есть у него, посланника, книги голландские и португальские и ведает, как они кланялись, только не надобно так почитать царское величество с теми равно, оттого что весь свет знает, какой [он] славный и великий государь, кроме того, и сосед ближний и впредь надобен (будет). И они же говорили, что сам увидишь, что как иная честь учинилась в принятии царского величества грамот, так и завтра иная честь будет, потому что тебя завтра возьмут на иную степень, выше тех послов, близ богдыханова величества, и то де у них великая честь, и той чести подлинно больше у них не надобно быть. И посланник говорил, что завтра увидит, какая честь будет, потому что у него, посланника, написано в книге, на которой степени были голландцы и португальцы, и буде, как они говорят, что учинится большая честь, и он по их обычаю поклонится. И они говорили, что завтра сам увидишь, какая честь учинится. Также и посланник им говорил, что царское величество им указал говорить накрепко, как буду перед богдыхановым величеством, чтоб спрашивал про здоровье царского величества сам богдыхан, как обычай у всех государей после взятия государевой грамоты спрашивают про здоровье, а здесь богдыхан, хотя не изволил самолично принять великого государя грамоты, а ныне можно про здоровье великого государя спрашивать, и ныне, буде не спросит, тем богдыханово величество к государю оказывается нелюбовью.

Асканьяма выслал всех вон, и остался только он и иезуит и говорил с клятвою, что он верит, что приказано от великого государя говорить, только ведает он, что обычая нашего не знаете, и он как себя хранит, так же и его царского величества дело; и чтоб не учинилась какая смута, а он богдыхану докладывать может, только сказывает тайно по дружбе, что ныне

хан сам властен и не под правителями, как прежде сего было, и как станет докладывать, может богдыхан помышлять, будто мы его хотим учить, потому что у него столько разума нет, как делать. Он видит, что богдыханово величество к царскому величеству к дружбе и любви склонен, и, может быть, богдыхан сам станет спрашивать не токмо про здоровье, а и про иные дела, ханово сердце в руке божьей, ни он сам и никто иной не ведает. Будет ли богдыхан про здоровье спрашивать или нет, того не знает он, только о том конечно знает, буде начнет докладывать, и хан то дело станет вменять себе в худо, и только, где он склонен к дружбе, смутиться будет; и лучше б в том положиться на волю богдыханову; и если завтра не будет богдыхан спрашивать про здоровье великого государя, однако же он чает, что после того возьмет же тебя с небольшими людьми в сад или в иную палату, и никто из бояр в то время не будет, только ты да иезуит алихавава, и не токмо про здоровье станет спрашивать, но и про иные дела многие, потому что государь зело доброхотный и желает ведать про всякие дела, и лучше будет положиться на его богдыханову волю, как ему бог по сердцу положит, нежели показать, будто его к тому понудишь.

И посланник ему говорил, что и тогда добро будет про его царского величества здоровье спрашивать, а луше бы было завтра, оттого что его, богдыхановы, очи впервые вижу, и только бы про здоровье спросил, а про иные дела воля его, богдыханова. И асканьяма говорил, что будет думать с колаем, и как лучше будет, так станут и делать, только станут остерегаться того... чтобы ничем не вредили склонность в любви богдыханова величества к царскому величеству, и иезуит то же сказал, что здешние люди не ведают обычая иных государств, потому что от начала не бывали от них послы в иных государствах, и оттого что им говоришь, чается им, что все к бесчестию их принуждаешь. И асканьяма что говорит, и то он правду говорит, буде он о том доложит, и никакого добра не будет, только он [иезуит] чает, что к нему придет спальник богдыханов, который и вчера указ ему дал,

чтоб ему... к посланнику вольно было ходить, и он ему будто от себя станет говорить, что был у меня с асканьямою и слышал те речи. Тот спальник самый ближний, и богдыхан жалует его гораздо, и так лучше будет, нежели докладывать асканьяме, потому что они люди подозрительные во всех делах. Он же завтра будет вверху у богдыхана, с асканьямою, когда он, посланник, там будет, и если что станет спрашивать богдыханово величество, чтоб был ближе, а с ним будет алихамба, оттого что у асканьямы нога болит. И сего числа пришлют к тебе 15 коней.

Так... посланник докладывал, что у великого государя нашего и у иных государей христианских обычай есть, когда очи их видят, поклон правят без шапок. И асканьяма, посмеявся, говорил, видишь ли де, как ваш обычай от нашего обычая разнится, и то дело у вас в честь почитают, а у них в великое бесчестие вменяют, чтоб без шапок править поклон, и храни де боже, чтоб они пустили богдыханова величества очи видеть и править поклон без шапок, то б де великое бесчестие было и позор богдыхану, и буде тебе, царского величества посланнику, хочется, чтоб царского величества дела исполнились добром, и ты делай, как у них обычай настоят, и их де как будут послы, станут по тому ж учинить¹.

...или соболями, и посланник говорил, что и ему, иезуиту, будет от царского величества жалованья, только чтоб он радел в делах царского величества к чести и к повышению.

И в тот день привели на двор пред вечером 15 коней без узд и без седел и отпустили на двор, чтоб на другой день было на чем ехать.

А иезуит колаю те поминки принес, и вначале тот не хотел принять, и после того говорил, что асканьяма и никто иной не знает, кроме него. Итак, принял и обещал его, великого государя, делу во всем радеть. Послал он, колай, памятку латинскую и образец медный, чтоб делали ему на Москве два колеса железные, часовые, потому что у него есть часы ве-

¹ Пропуск в рукописи. (Прим. ред.)

ликие, а в Китае таких колес делать не умеют. Те часы даровали ему голландцы, и испортились, и бил челом посланнику гораздо, чтоб чрез посланника царского величества радеть, и буде из Москвы прикажет царское величество какое надобно дело, и он рад служить. А посланнику тому послал же с иезуитом десять соболей в костках.

Июня в 15-й день приехал к посланнику заргучей за час до света и взял в город, и, едучи в город, везде ехали люди на конях и на носилках с фонарями бумажными, а станки у фонарей железные, и на тех же фонарях подпись по-никански, какого кто чину. Когда приехали пред столбом, где стоят кони и носилки, слезли с коней у того ж места против столба, где имя ханово написано, и опять шли тем же местом, как ходили великого государя грамоты. И прошли трое ворот и три стены и, не доходя места, где положили великого государя грамоты на стол, задержали и велели сесть. А как вели до того места, вели иными воротами по левую сторону, не сквозь прежние ворота, и велели сесть на землю, и на левой же стороне на землю сел на ковре своем, и велели дожидаться, покамест указ будет, оттого что еще рано и все не собрались. Ковер и подушку постлал посланник свои, потому что у них обычай за всяким человеком носят люди войлоки, и те войлоки, что у нас снимальники, постилают и сидят, и сидели там с полчаса.

И на заре пред солнечным восходом пришли и говорили, что время идти. На той площади, где великого государя грамоты положили и сидели, и тут устроена была у них стойка, и стояли 7 слонов, и три слона стояли на левой стороне, а четыре — на правой; на тех, которые стояли на правой стороне, сделаны чердаки, только на трех, и те чердаки круглые, позолоченные, а в тех чердаках садятся человека по 4 и по шесть и на боях бьются ж. А слоны самые великие, а слонов было еще на подворье больше 50; видели наши люди и сказывали, что они самые великие и свирепые; на тех слонах, которые были на левой стороне, на двух места круглые, позолоченные,

но сидеть в них нельзя, оттого что сделано только для красы, а два стояли порозжие, а люди сидели на них на шеях, люди около них ходят в красных платьях пестрых, а на головах перья желтые, высокие.

И на обеих сторонах стояли четыре колесницы, будто кареты круглые, богдыхановы, позолоченные, великие, и те кареты, когда хан сидит, носят 60 человек, а иногда слонов впрягают. А на слонах узды великие, широкие, позолочены камением, и не знаем, серебро позолочено или медь. В те же кареты впрягают по 6 коней белых, а шлеи и канаты около карет желтые; на той же площади, не доходя до слонов, стояло бубнов на обеих сторонах с 30, и те бубны подобием будто литавры, и конец нижний острый, а вверху широко и кругло, а покрыты желтым же. Да тут же было немного и знамен желтых, а слоны стояли от ворот сажен с 16 и больше, а шли мимо слонов, и вели нас сквозь четвертые ворота боковые с левой стороны, которые деланы кривы; а как те ворота прошли, тотчас за нами затворили. Китайские мандарины шли в ворота с правой стороны, а средние ворота затворены по вся дни, только отворяются, как хан куда поедет, а против тех всех ворот средних выслано камением мраморным белым.

А над теми воротами построена палата великая, а по сторонам той палаты сделаны 2 палаты меньше той, между той большой и меньшей висят: на одной стороне колокол обойма в три, а края вырезаны, также и вверху вырезано ж, а бьют молотом деревянным, а по другой стороне бубен великий. На тех палатах сделаны маковицы позлащенные, и палаты гораздо высокие, а палаты кирпичные, красные, а кровли учинены на столбах деревянных великих и выкрашены красками и расцветены золотом, также и решетки выписаны красками и золотом, и от первых ворот до того места 300 сажен. Палаты крыты черепом желтым; и, прошедши те ворота, мы пришли на небольшую площадь, а среди той площади переходили реку по мосту, а на той реке против тех ворот три моста каменные мраморные, а забрала на

мостах каменные, мраморные ж, вырезанные, белые, а мосты деланы затеживо связями железными, а два моста сделаны еще по сторонам таким же подобием. Берега реки выкладены до самой земли камнем белым диким, а не доходя до той реки, учинен столб каменный мраморный вышиною в пол 2 сажени, а на том столбу сделаны часы солнечные из мраморного ж камня, а делал часы иезуит Адам Шал, который уже преставился. От той реки пришли опять к воротам, а вокруг площади по сторонам стоят по две палаты меньше тех, которые стоят на воротах, а дело все одним подобием. По обеим сторонам везде видятся сады и деревья великие, также к тем садам есть на обеих сторонах ворота. И как прошли от реки великую палату, и в том месте стоят на караулах с сайдаками, и висит на стороне по 8 луков, и копыя есть же.

И как прошли ту палату, объявились пятые ж ворота, только сделаны они выше прежних ворот, и здесь опять пришли в ворота с левой стороны, и как прошли ворота, пришли на площадь. Та площадь слывет площадью престола ханского, потому что на краю площади сделана палата великая, а в той палате престол ханский, и сидит в той палате хан, когда ему поклоняются. Когда пришли мы на ту площадь, и солнце уже взшло, и только вышли из ворот, и видели, что на той площади сидят мандарины, а сидят всякий по чину своему, и там, недалеко от ворот, на левой стороне, сделано место, и велели сесть по чину на землю, по их обычаю, после их всех, потому что служилых людей не пустили, а пустили только до четвертых ворот, где великого государя грамоты приняли, выбрали только 20 человек без посланника (дворян да подьячих, да попа и детей боярских и посольских немногих людей) и там велели сидеть, покамест время будет к поклону идти.

А около той площади было 6 палат, одна на тех воротах, где мы прошли, а четыре по обеим сторонам а шестая палата там, где ханово место, по обеим сторонам к той палате переходы, и на переходах решетки позлачены. К той же палате сделаны лестницы

мраморные многие и ступени такие ж мраморные, и около лестницы забрали мраморные ж. Те лестницы деланы великим художеством, что издали смотреть зело красиво, а среди той площади от ханских ворот, как идешь от той палаты к ханову месту, есть дорога, выстлана белым камнем мраморным. И по той дороге, кроме хана, никто не ходит; а по обеим сторонам той дороги положены рядом каменя синие, вырезанные вышиною пяди по 2, а шириною по пол 2 пяди, кладены в три ряда, а положены один от одного по полусажени, и идут те каменя до самой лестницы богдыхановой к той палате, где ханово место.

По обеим же сторонам той дороги стояли люди в платье таком же, как и у слонов, и держали в руках знамена, и на обеих сторонах разными цветами по 48 знамен тафтяные, а на тех знаменах писано золотом китайским письмом, а наверху у знамен учинены копыя, а ниже копыя вместо шелка волосы лошадиные, крашены, да, опричь тех знамен, держали вырезаны из дерева еще по 25 на стороне, и всего на обеих сторонах было вырезанных [знамен] 50. И те знамена не воинские, а наряд к посольскому приезду. За ними стояли по обеим сторонам по 5 коней белых с седлами желтыми, а за конями стояли подле лестницы в желтых платьях человек с 30; а за ними по краю лестницы, по обе стороны, стояли солнечники желтые, а за теми стояли по обе же стороны человек по 20 до палатного крыльца, не доходя до дверей, а платья на них камка вишневая, и прошиваны золотом, и у них было оружие только сулемы великие, позолоченные с двуручием, а у иных были сайдаки великие позолоченные с сулемами маленькими, а иные держали копыя великие, и на них вместо знамени были хвосты барсовые великие.

И ожидая там, пришел к посланнику иезуит алихавава и говорил, что послали его сверху, чтоб он был с посланником и научил бы, как поклониться, и до тех пор велели ему быть, покамест кончится. А хану поклоняются на всякий месяц по трижды, в новое, как народится, да в 15-й день и опять в 25-й день. И приходили- иные ближние люди и смотрели на посланника

платья также и на всех, которые тут были, смотрели ж. И сказали, чтоб встали, а не сказали, для чего встать. Они говорили, что идет брат богдыханов большой, да и все мандарины встали ж, а посланник тотчас после того сел, также велел людям своим сесть и говорил заргучею, что от царского величества посланник не послан к брату, а послан к самому богдыхану и должен богдыханово величество почитать, а не брата его; и сидели там с полчаса. После того услышали звон колокольный того (колокола), о котором писан позади и в бубен, и сказал иезуит, что уже хан в палату пришел; и мандарины встали, также велели встать и посланнику, и после того стала и музыка играть в той палате, где хан сидит, и в той, которую прошли, и после того на крыльце стал человек тотчас кричать зычно по-китайски незнаемо что, а после того учали хлопать плетью трижды по трижды.

И посланник у иезуита спрашивал, для чего так плетью хлопают, и он сказал, что де исстари у них, татаров, тот обычай, и никто не знает, для чего они так хлопают. Да после того музыка почала играть крепко, а играют с турецкого переводу потихоньку, и бубны также бьют. И опять почал тот же человек кричать зычно, а стоит на лестнице, а говорил: восстаньте; и тогда с обеих сторон встали и вышли с 50 мандаринов из тех, которые сидели выше нас, также и с другой стороны, и прошли те вышеписанные синие камешки с 4 и стали меж тех камешков среди площади против места ханова и палат, и, как стали там, опять тот же человек кричал: преклоните колени; и они стали на колени все вдруг, и опять кричал: поклоните главы свои до земли; и поклонились потихоньку до земли, будто у нас женский пол кланяется, и опять кричал: поклонитесь, и опять поклонились, и в третий раз опять кричал, и поклонились, опять кричал восстаньте; и они встали и стояли немного на ногах, и опять кричал по-прежнему, и также на колени пали и трижды поклонились, и то учинили на трех статьях и трижды пали на колени и девятью поклонились головами до земли; и те девять поклонов держали с четверть часа, а нам то учинили вместо образца, чтоб

видели, как они поклоняются, чтоб и мы по тому ж поклонились.

И посланник спрашивал у иезуита, какие они люди, и он сказал, что де нынешний хан пожаловал их в мандарины. И, подождав немного, пришли 2 мандарина и говорили иезуиту, что посланникам пора идти к поклону. И так они двое наперед шли, а за ними шел посланник с иезуитом, а за посланником шли дворяне и прочие люди и стояли в четырех рядах, и как пришли на то место, где прежние мандарины поклонились, стали, а те два и иезуит стояли от нас одале. И опять почали плетьми хлопать трижды по трижды, и музыка также играть стала, и в колокол и в бубен бить, и тот человек учал кричать, чтоб им поклонились, и посланник стал кланяться скоро и не до земли, а те два стали иезуиту говорить, чтоб иезуит сказал посланнику, чтоб поклонялся до земли и не скоро, а как прежние их мандарины поклонились.

И посланник говорил, что те холопы богдыхановы и умеют поклоняться, а мы богдыхану не холоп и кланяемся, как знаем, а тот человек, который кричал и видел, что посланник скоро кланяется, и он стал также спешно кричать. И так и посланник со своими людьми на три статьи поклонился, только не очень до земли и скоро, и после того поклону опять взяли те два и иезуит посланника и людей его и привели на то же место, где сидели, а от того места, где кланялись хану, до его места было сажень с 40, и от того места не видит ни хана, ни места его, потому что палата высокая, а место, где кланяются, низкое, только видится, что дверь отворена в палату, а место его сделано среди палаты и для того и не видится. И как посланник возвратился от поклона, пришел один ближний человек сверху, и взяли одного посланника и иезуита и велели взять толмачу подушку, и тот ближний человек велел посланнику идти скоро, для того что у них обычай таков, как хан зовет, и они идут к хану скоро, бегом.

И посланник говорил, что ему бежать не за обычай, и шел к хану потихоньку, и как пришли к пала-

платья также и на всех, которые тут были, смотрели ж. И сказали, чтоб встали, а не сказали, для чего встать. Они говорили, что идет брат богдыханов большой, да и все мандарины встали ж, а посланник тотчас после того сел, также велел людям своим сесть и говорил заргучею, что от царского величества посланник не послан к брату, а послан к самому богдыхану и должен богдыханово величество почитать, а не брата его; и сидели там с полчаса. После того услышали звон колокольный того (колокола), о котором писан позади и в бубен, и сказал иезуит, что уже хан в палату пришел; и мандарины встали, также велели встать и посланнику, и после того стала и музыка играть в той палате, где хан сидит, и в той, которую прошли, и после того на крыльце стал человек тотчас кричать зычно по-китайски незнаемо что, а после того учали хлопать плетью трижды по трижды.

И посланник у иезуита спрашивал, для чего так плетью хлопают, и он сказал, что де исстари у них, татаров, тот обычай, и никто не знает, для чего они так хлопают. Да после того музыка почала играть крепко, а играют с туркского переводу потихоньку, и бубны также бьют. И опять почал тот же человек кричать зычно, а стоит на лестнице, а говорил: восстаньте; и тогда с обеих сторон встали и вышли с 50 мандаринов из тех, которые сидели выше нас, также и с другой стороны, и прошли те вышеписанные синие камешки с 4 и стали меж тех камешков среди площади против места ханова и палат, и, как стали там, опять тот же человек кричал: преклоните колени; и они стали на колени все вдруг, и опять кричал: поклоните главы свои до земли; и поклонились потихоньку до земли, будто у нас женский пол кланяется, и опять кричал: поклонитесь, и опять поклонились, и в третий раз опять кричал, и поклонились, опять кричал восстаньте; и они встали и стояли немного на ногах, и опять кричал по-прежнему, и также на колени пали и трижды поклонились, и то учинили на трех статьях и трижды пали на колени и девятью поклонились головами до земли; и те девять поклонов держали с четверть часа, а нам то учинили вместо образца, чтоб

видели, как они поклоняются, чтоб и мы по тому ж поклонились.

И посланник спрашивал у иезуита, какие они люди, и он сказал, что де нынешний хан пожаловал их в мандарины. И, подождав немного, пришли 2 мандарина и говорили иезуиту, что посланникам пора идти к поклону. И так они двое наперед шли, а за ними шел посланник с иезуитом, а за посланником шли дворяне и прочие люди и стояли в четырех рядах, и как пришли на то место, где прежние мандарины поклонились, стали, а те два и иезуит стояли от нас одале. И опять почали плетьми хлопать трижды по трижды, и музыка также играть стала, и в колокол и в бубен бить, и тот человек учал кричать, чтоб им поклонились, и посланник стал кланяться скоро и не до земли, а те два стали иезуиту говорить, чтоб иезуит сказал посланнику, чтоб поклонялся до земли и не скоро, а как прежние их мандарины поклонились.

И посланник говорил, что те холопы богдыхановы и умеют поклоняться, а мы богдыхану не холоп и кланяемся, как знаем, а тот человек, который кричал и видел, что посланник скоро кланяется, и он стал также спешно кричать. И так и посланник со своими людьми на три статьи поклонился, только не очень до земли и скоро, и после того поклону опять взяли те два и иезуит посланника и людей его и привели на то же место, где сидели, а от того места, где кланялись хану, до его места было сажень с 40, и от того места не видит ни хана, ни места его, потому что палата высокая, а место, где кланяются, низкое, только видится, что дверь отворена в палату, а место его сделано среди палаты и для того и не видится. И как посланник возвратился от поклона, пришел один ближний человек сверху, и взяли одного посланника и иезуита и велели взять толмачу подушку, и тот ближний человек велел посланнику идти скоро, для того что у них обычай таков, как хан зовет, и они идут к хану скоро, бегом.

И посланник говорил, что ему бежать не за обычай, и шел к хану потихоньку, и как пришли к пала-

там, и там лестница мраморная боковая и ступени мраморные, и вышел вверх ступеней с 20, и от края той лестницы начинается крыльцо палатное величиною больше красного крыльца, а выстлано все мрамором. И взяли посланника от края лестницы, и шел сажень с 8 и пришел против ханского места вон из палаты при дверей, и там был алихамба, боярин посольского приказа, тот, который был прежде сего у посланника, и при нем сидел и иной честной человек, и при них учинили и посланнику место. И как посланник пришел к месту, велели поклониться до земли однажды и велели толмачу класть подушку суконную, и сел, поджав ноги, турецким обычаем. Посланник однажды поклонился и сел на подушку, и от того места, где посадили посланника, до места ханского и до хана было сажень с 8. И можно было хана гораздо видеть, а платье было на посланнике шуба соболья под золотую объярью, а сидел посланник пред ханом не прямо, только боковым обычаем, потому что та палата к лестнице вся отворена, а стоит палата на столбах деревянных великих, а меж тех столбов учинены завесы по турецкому обычаю, и те завесы, как бывает хан, отпускают, а как хана нет, и те завесы поднимают. И тогда поднято было все, и в палате видно было гораздо, а ханское место вышиною от земли сажень, делано место из дерева и позолочено, осмеругольное, а вверху покрыто покровом золоченым, а место самое великое и широкое, всход на место тремя лестницами, и те лестницы позолоченные. И хан сидел среди места, человек молод и на лицо щедроват. Сказывают подлинно, что ему двадцать три года; а в палате по обеим сторонам сидели братья его и племянники от места и до самых дверей на земле, а сели на войлоках белых, а войлоки самые белые и тонкие. И как посланник пришел, учили раздавать хановым братьям и племянникам и всем ближайшим чай, а подают ближние его, люди молодые, а те его ближние носят на головах по одному перу павлинному, а чай раздавали в чашках желтых, деревянных, больших. Чай был варен с маслом и с молоком, чай подносили татарский, а не китайский, а все, как при-

несли чашки, поклонились до земли на левую руку, а в правой держали чашки и опять сели на место и пили. Как выпили, опять поклонились до земли, чашки ближние люди собрали, а музыка играла умильно, и человек тот кричал. А около крыльца зубцы мраморные, и были великие посуды медные, будто кумганы, и в тех кумганах кладены многие духи разные, да и часы мраморные вверху солнечные были, и разных чинов мандарины и иные сидели, а иные по крыльцу стояли. И после питья чая перестала музыка и человек кричать накрепко, и алихамба посланнику сказал, чтоб встал, и они все стали, и хан сошел с места своего и пошел около места из палаты вон в задние палаты свои, потому что от того места стен и ворот высоких нет, только палата одна, в которой колаи собираются, а потом дале есть жилья хановы, и жены живут, и туда никто не ходит, кроме скопцов, и тех у них множество есть. И алихамба и асканьяма с посланником повитались, и взял иезуит посланника, пошли по той же лестнице, и как были на краю лестницы, пришел ханов брат большой и смотрел на посланника платья долгое время, также и иные сродники хановы были. А иезуит посланнику сказал, чтоб притворился, будто его не знает, а сказал, что он большой брат ханов, и в думе больше сидится, и он первый человек. На лицо он одутловат, а ростом будет лет в тридцать, а братья хановы и все сродники носят на шапках позолоченный знак, который иные носить не смеют, и оттого они и познаваются; и у хана сродников много, только первый человек — брат ханов большой. Платья на них золотные, а золота у них круглые на грудях и назади золото, только зело тонко и плохо. И брат ханов пошел направо, и иезуит сказал, что де там казенный двор богдыханов, и посланник пошел к своим, и сказали, чтобы чай и им подносили и, как чай подносили, велели поклониться, и они поклонились. А те китайцы скинули платья, и всякий взял свое простое, и стали слонов отводить и карыты отвозить и коней, а во всех площадях, хотя было многолюдство великое, однако же меж ими было великое молчание и тихость, а после того было

смущение. К посланнику приходили многие хановые сродники и ближние и смотрели на посланнике шубы золотые и соболей, также и у всех, что с посланником были, смотрели сукна и нашивок, и насилиу меж ими прошли и пришли к воротам, где стояли с конями, и на коней сели и приехали на тот же худой немецкий посольский двор.

Июня в 8-й день привели на посольский двор коней, и заргучей сказал, что к столу пора ехать, ибо там ожидает асканьяма в приказе, а надобно ему прежде, покамест не сели за стол, поклониться богдыхану девятью, а как из-за стола встав, также поклониться девятью, как учинил, когда взяты были пред хана.

И посланник говорил, что не будет так отнюдь, потому что иное есть, где хан сам, а иное, где нет, а станем поклониться однажды, как и голландские послы были здесь и поклонились, и что Голландия есть, чтоб сравняли их против нашего великого государя; однако же для их упрямства будем и мы так поклониться трижды, а больше того не будем. И о том с заргучеем споровались много и ходили многожды к асканьяме и пришли опять, потому что приказ был от посольского двора близко. И после того призвали иезуита алихававу, и он также ходил, и ему посланник также отказал и говорил, что отнюдь не пойду; и как увидели они, что конечно отказал, опять ему, асканьяме, сказал. И опять иезуит пришел и говорил, что позволили ему, посланнику, по своей воле почитать богдыхана, как ему мнится, что будет лучше; а они будут про то известить богдыхану; и посланник, нарядясь с государскими служилыми людьми, и как приехал к приказу и с коня слез, и пред приказом асканьяма в золотое платье со многими заргучеями посланника встретили и с ним витался и показал место, где челом ударить богдыхану, против того места, смотря на палату богдыханову, потому что та палата была близко. И посланник велел подушку положить и стал на колени, а за ним рядом дворяне и подьячие и дети боярские, и челом ударили трижды и встали, и сели за стол, и на краю палаты поставили два стола, один против одного, и на одной стороне сел посланник, а на другой

асканьяма, а за посланником подале посадили священника да дворян московских, а за ними опять детей боярских и подьячих, а потом служилых людей всех рядом, а ниже асканьямы подале сели заргучей, а за ними опять наши служилые люди. И пред посланником и пред асканьямою было по столу, а священнику и дворянам московским стол, а на столе всякие хлебы и по гусю и по ососу вареные, и были овощи и ягоды, и ели. Велел асканьяма, кто хочет, взять с собою, что от тех столов, потому что у них тот обычай, и, кто хотел взять, взяли сахар и иные овощи, и после того опорожнили столы и принесли мясо баранье по блюду, и ели немного, и потом взяли мясо и поднесли по чарке вина кобыльего, и посланник не пил, и поднесли иного вина чистого чарку маленькую, и после того принесли четыре горшка тарасуну, чтоб пили.

И посланник асканьяме говорил, что лучше что взять на подворье пить служилым людям, и асканьяма позволил; и потом опять челом ударили богдыхану по-прежнему и поехали на подворье. Асканьяма с посланником тут говорил о разных делах и о продаже их товаров, что де станут продавать их товары, китайские, всякие, только де заказ будет на желтые камки, оттого что желтые хан сам носит, а иному ни торговать и ни носить не повелось.

И июня в 16-й день приехал к посланнику асканьяма да заргучей и сказал, что богдыханово величество велел отворить ворота и пустить торговых людей торговать и велел богдыхан переписать порознь, какие есть посланы царского величества из казны товары у посланника, также и у всех великого государя служилых людей, ибо у них товары все записывают в книги, только имена, какие товары разные, а не то, по скольку есть. И посланник дал им роспись государским товарам и своим также и всех его, великого государя, служилых людей, и они написали по-своему в роспись. После того асканьяма говорил, что богдыхан указал дать те статьи, которые прежде сего переводили на латинский язык, что царское величество желает от страны богдыханова величества, и послал

иезуита. И иезуит приехал, и посланник начал говорить асканьяме, для чего он прежде сказал, что де будет лучше честь, нежели иным, тем, которые были в посольстве иных государей, как учинилось и в принятии великого государя грамот, а вчера не токмо большая честь учинилась, но и меньше гораздо учинилась, ибо есть у него, посланника, книга голландского посольства, в которой написано про все подлинно, как они приняты, да и про здравие царского величества богдыханово величество спросить не изволил же. И он, асканьяма, говорил, что они писали ложно, не так и не такую честью приняты, потому что знают они голландцев и великого государя, и говорил посланнику, чтоб он не печалился, ибо богдыханово величество возьмет одного и станет спрашивать про здравие царского величества и про иные дела про всякие, а ныне только сделал обычай государству их, как истари повелось. И посланник говорил, какое посольство будет, что он поклонился, а неведомо кому, и хана не видал, и как начнет великий государь спрашивать, кому поклонился, и я начну говорить, что и сам не знаю, кому поклонился. И то в великое бесчестие вменяют, ибо прежде сего голландцы и иные были и пишут, что хана видели, также и наши казаки были и хана видели ж при нем, асканьяме, а он, посланник, говорил, что такого великого государя посланник, а хана не видал, ибо за день приехал заргучей и учил, как хану поклониться, и к поклону понудили, поклониться хану, и то учинил, а хана не видел. Оттого какому добру быть, и сам он человек разумный, можно о том догадаться. И он говорил, что хан конечно пред себя возьмет и тогда печаль забудется. И посланник говорил, покамест не увидит, не верит, да иезуит сказал, что он сказывал богдыханову спальнику ближнему, что посланник кручинен гораздо, что не видал хана, и он де сказал, что доложит хану и чае— пред хана возьмут. Асканьяма просил у посланника накрепко те 4 листа китайские, которые писаны в первой статье, чтоб он дал им честь и перевесть в приказе, и опять ему отдадут. И посланник говорил, что указу царского величества нет дать те листы в

приказ, ибо те листы уже не их, а царского величества, а можно им и тут у посланника перевести или список взять с них. И о том спорились между собою многое время. И как видели они, что конечно не отдаст призывали старого никанского подьячего, и перевел и списал те два старых китайских листа на богдойский, потому что их посольские подьячие перевести не могли, а те два новые богдыханские листа списали посольского приказа подьячие и вместо статьями взяли, а что в тех 4 листах писано было, тогда посланнику ничего не объявили.

И посланник иезуиту говорил втайне, буде богдыханово величество в своем листе к царскому величеству, что ныне начнет писать со мною, не напишет именованья и титла сполна, как сам великий государь ныне в своей, царского величества, грамоте к богдыханову величеству описует; и как все христианские и мусульманские государи к царскому величеству пишут, как о том и подлинно свидетельствует персидского шаха лист с печатью, тогда царское величество указал мне такого богдыханова листа не принимать, в котором будет убавка царского величества чести, и потому чтоб богдыханово величество изволил царского величества именованья и титло писать против его, великого государя, грамоты и достоинства. А великий государь обещался против того ж богдыханову величеству, что впредь именованье и титло его написать так же, как сам себя описует по достоинству, как о том великий государь к богдыханову величеству в своей грамоте явно написал, так же, как о том написано подлинно и в третьей статье. А буде начнет писать иным обычаем, отнюдь не буду принимать, ибо то дело больше всех иных прикасается к чести государственной, и оттого указано мне о том стоять накрепко. И при том сказал многие примеры, как учинилось в Европе об убавлении титла. И иезуит, что учен, и сам знал, и взял асканьяму на сторону и сказал те ж речи втайне все, чтоб он знал прежде, даже не докладывал, ибо в статьях не очень явно написано. И асканьяма говорил, что он и о том начнет докладывать и верить и сам тому делу, ибо царское величество и в

грамоте своей ныне к богдыхану писал, и конечно будет доложить. И посланник говорил, что для того сказывает ныне ему, чтоб не говорили после того, отчего он им прежде сего вначале не объявил. А иезуит посланнику втайне сказал, что отнюдь они титула не напишут, как о том и голландцам и португальцам учинили, ни список с листа их, ни речей, что пишут, словесно не скажут, только в последний день, в который ехать, зовут и со многими поклонами и с церемониями дадут свой лист, запечатав, и тот же час и с царства совсем провожают. И о том голландцы и португальцы много спорились и ничего не учинили, только можно тебе для такого славного великого государя в чем поступятся. А асканьяма после того пошел в верховой приказ к ближнему колаю и взял с собою и роспись товарную, что написали, показать ему, какие товары, а иезуита и заргучея с подьячими оставил у посланника и велел перевести статьи с латинского на богдойский язык и писать набело и, как переведут, велел тотчас с теми переводами за собою идти вверх в приказ к колаю. Они перевели и пошли с теми переводами наскоро вверх и там замешкались часа с три, и опять асканьяма и иезуит приехали к посланнику и говорили, что они те статьи подали колаям, а колаи объявили богдыханову величеству, и хан велел им о том думать и против того посланнику отповедь учинить, ибо та дума слывет дума ханская, и колаи — помощники хану, и в той думе сидит и большой брат богдыханов. Асканьяма также говорил, что богдыханово величество позволил торговым людям прийти к посланнику на подворье торговать вольно, и чтоб велели показать им, торговым, товары свои, ибо с ним будто торговые приехали, а были все боярские люди. И торговые наши показали им товары, и много между собою спорились, а ничего не постановили; и те торговые, что говорили с нашими торговыми про всякой товар в другой избе, где товар был, и то, пришед, сказали все асканьяме, и асканьяма написал, также и листы великие писали и клеили у ворот, писаны ж были никанским письмом, чтоб все знали, что вольно им ходить и торговать всякие русские товары. Также

посланник бил челом асканьяме, чтоб богдыханово величество изволил указать дать нам одного человека доброго, который бы знал серебро здешнее принимать, как станем продавать наши товары, ибо слышали мы, что в вашем царстве серебро зело плохо и смешано с медью и с оловом и о том от богдыханова величества заказа нет, как в иных государствах.

И асканьяма говорил, что у богдыханова таких людей нет, а хотя укажет дать какого человека, однако же от него еще больше лукавства будет, оттого что он станет с торговыми сговариваться и станет вместе с ними воровать, а лучше он, посланник, нашел бы из их людей доброго человека для выбрания серебра и за работу ему платил бы; и от богдыхана, хотя есть заказ про серебро, чтоб не воровать, и многие казнены бывают, однако же беспрестанно воруют. И посланник говорил, что он иных людей сыскать не может, разве взять из тех, которые здесь толмачи и у наших людей в покупке товаров и в продаже были в толмачах; и он говорил, которого ты хочешь, взять вольно. И посланник позвал и послал старого толмача Солома с товарищами, который от Байкова и до сего времени всем приходящим русским людям товары продает и покупает, ибо он знает китайский и монгольский языки, и они серебро принимают ото всех проданных товаров, и опять они же тем же серебром покупают всякие китайские товары, и оттого они плохое серебро взять не смеют. А тот толмач Солом с товарищами, как приехали за стену в первый заставный город, приехали они все и встретили посланника и били челом, чтоб они, как прежде сего, у его великого государя людей были и служили, так же и ныне, чтоб их посланник принял, и они потому будут рады; и спрашивали, какие товары есть. И посланник им никакие отповеди не дал, только говорил, как буду в Пекине и обоих великих государей дела совершатся, тогда то последнее дело продажа товаров, и тогда им можно ходить. А на другой день, едучи с посланником, асканьяма спрашивал посланника, были ль у него их толмачи и что говорили, и посланник ему по правде сказал, и он говорил, чтоб отнюдь тех тол-

мачей посланник к себе не принял, ибо нет таких воров в их царстве, потому что всех приходящих иноземцев, калмыков, бухарцев, монгольцев и ваших людей всех обманывают. И кормят их и подарят немногим, а после того от них возьмут со вторицею; ибо они от всякой продажи и покупки возьмут от десяти лан по две ланы. И посланник ему говорил, что и он прежде сего про воровство их слышал, только то диво, как богдыханово величество таким вора не закажет. И асканьяма говорил, что отнюдь унимать их невозможно, оттого что они все холопы боярские и тем питаются, и они дают и хозяевам своим, а он, асканьяма, им заказал крепко, что как они впредь к посланнику придут, и они повешены будут. А те толмачи сказали нашим русским людям, что асканьяма для того называет их ворами, что хочет приставить своих людей к продаже, чтоб оттого ему корысть учинилась, и просит у них великие подарки, чтоб и их к продаже и покупке припустить. А подлинно то, что и он своих людей, асканьяма, поставил и оттого корыстовался да и от них подарки многие взял же, потому что, как посланник говорил взять их для выбрания сребра, и он их ничем не порочил и сказал, что лучше их не сыщешь, а воровал он, асканьяма, с толмачами вместе, как ниже сего напишем.

Июня в 17-й день приехал иезуит алихавава и с собою привел старого иезуита, который живет в Китайском царстве 45 лет. И что он говорил и иные товарищи их, которые к посланнику часто приходили, напишем ниже сего в одном месте.

А в тех числах на посольском дворе ворота отворены были и приезжали многие честные люди, мандарины и иные смотреть посланника, и иные сказались и торговые, а товаров никаких не купили, да приходили ж товаров торговать от ближнего колая и только смотрели, а ничего не купили. А те, что сказались торговые, как вышли со двора к воротам, приставлен был заргучей да подьячий, да 2 сотника с 20 человеками с боярскими холопами, что стояли на караулах, и всех тех торговых, хотя ничего не купили от нас, а они осматривали за голенищами, за пазу-

хами и в штанах, чтоб видели, не купили ли чего и утайкой не пронесли ли, и сказали, будто по указу богдыханову то чинят.

И будучи иезуиты у посланника, — приехал и асканьяма и принес с собою списки из двух листов никанских старых, которые посланник с Москвы из посольского приказа взял и им в царство с них список дал, и прочли они в думе и писали набело, и те списки дал обоим иезуитам, чтоб они с никанского языка по указу богдыханова величества перевели на латинский язык, и как переведут, велел принести и отдать посланнику. Он, асканьяма, посланнику говорил, что те два листа зело старые, ныне тому лет... и те листы писаны не к великому государю, а писаны были от старого никанского царя Иунглиея, и тогда еще царство было за никанцами, а не за богдойским, а писаны жалованные грамоты к некоторым боярам, которые жили на Амуре. Те два списка, которые списаны были из двух богдойских листов, из одного старого да из последнего, те задержали у себя в думе и еще не велели отдать перевести, и ныне думают в верховой думе дать отповедь и против царского величества грамоты и статей, что ты дал, также и против тех наших двух листов, и про все твое посольство думают же, вдруг отповедь учинят, только вскоре отповеди не будет, ибо то дело немалое. Также видел он у посланника персоны разных христианских монархов и философов и спрашивал от страны богдыханова величества, есть ли у него, посланника, и иные такие. И посланник говорил, что у него иных таких нет. И буде богдыханову величеству надобно, он не постоит, также асканьяма спрашивал, есть ли какой живописец, и посланник говорил, что есть один служилый человек нерчинский, однако же несовершенно знает, и письмо его показал, также спрашивал, есть ли кто, чтоб умел делать сафьяны, и посланник ему сказал, что здесь таких мастеров нет, а в Московском царстве есть много; а для чего он спрашивал, не сказал. И после того асканьяма пошел в приказ свой, который подле посольских ворот, и сказал, что богдыханов указ есть, чтоб он сидел здесь в приказе пред воротами, а заргучей и

подьячие стояли б у ворот, покамест солнце склонится к вечеру, чтобы не учинились какие ссоры меж их людьми и нашими, и то дело приказано ему досматривать и сберегать, также говорил, что вся продажа и покупка, что учинится от иноземцев, обычай у них есть записывать в книгу для того, чтобы не учинился какой обман от их людей и чтоб знали всякого, который продает и купит, и имена наших людей, кто продаст, а их людей, кто купит, записывают в книги. А посторонние люди, китайские толмачи, нам сказали, что не для того они приставлены, чтобы оберегать, а приставлены де были для того, чтоб не купил никто ничего, а купили б они и ближние люди.

В том числе слышали, что бухарцы, которые были в Китае в прошлом году, и вышли и стоят в Капке, городе китайском, для того что им идти войною назад нельзя, также и назад в царство их не возьмут, а не идут они для того, что война великая меж Угюртою и Галдан Контайши, и с той стороны никто придти в Китай не может. А иные бухарцы и татары из Тобольска пошли в Китай прежде нас за месяц и говорили, что де придут они в Китай прежде нас степною дорогою, а ныне про них и никакого слуху нет, и конечно они стоят из-за той войны.

Юня в 18-й день асканьяма у посланника не бывал, а сидел все в приказе. а ворота заперты были нам весь день, а торговых людей пускали много, и те торговые ничего не купили, только смотрели, а наших людей никого не пускали за ворота. И посланник посылал к асканьяме посольского приказа подьячего бить челом для выпуска хотя немногих людей, и он сказал, что де богдыхан ныне гуляет и тешится отसेле неподалеку и указу де такого нет, чтоб ныне и впредь отпускать, и о том де он богдыханову величеству будет докладывать, и можно отпускать. Также приходили к посланнику многие мандарины видеть посланника. А асканьяма говорил, для оттого не покупают товары, что смотрят один одного; и как де цена уставится, и тогда в один день купят все, ибо у них тот обычай дожидаться один одного постановить

цену товарам; а смотрят они разные товары и дают цену малую и опять поедут, не купя ничего.

Июня в 19-й день асканьяма к посланнику не бывал, только заргучей с подьячими у ворот сидели, а пустили опять по-прежнему хановых племянников, людей их да боярских, а торговых не пустили ни одного, и только товар смотрели, а не торговали, ибо хотят взять дешево. И в том же числе приходили два иезуита, один прежний старый и привел с собою старого иезуита ж, который у них в Царстве у иезуитов иегумен, а живут они два с того времени, как еще никанцы владели, и до сего числа живут при богдыхане в чести, также приходил и товарищ алихававин, который с ним служит в одном приказе астрологийском, и говорили с посланником многое время многие речи.

Во-первых, спрашивал их посланник, откуда они вначале и как пришли в Китай, и они говорили, что многие годы есть, как они пришли в первых из Японского острова, который остров превеликий и богатый от Китая... верст и, по их речам, неподалеку устья Амурского. И вначале, как приехали в Китай, многое гонение и мучение страдали от китайцев, и из-за проповедания католической веры многие убиты были, однако же для учения их опять приняты, ибо китайцы не любят иное на свете так, как астрологийское учение, минуцы писать и календари и затемнение солнца и луны и иные такие дела, и были у них и прежде сего в сем учении турки и кызылбаши, только несовершенно. И как видели иезуитов, и календари их, и учения, приняли и не только приняли, но и в большом приказе астрологийском начальниками поставили, и хотя и прежде сего их было много в том чину, а ни один так почтен не был, как Адам Шал, который недавно умер, ибо был в чине в первых боярах, а такая спесь была тогдашних никанских царей, что никому не дались видеть себя, а Адама Шала за завесом слышал царь глас его и говорил, — се есть глас европейского человека, и те речи были ему, Адаму, большая честь, нежели боярство его. И при никанских царях жили они смиренно и честно, а после того судом божьим народ монгольский или татарский, самый ху-

дой и незнатный, будто помети иных народов и подданные их, никанцев, сыскали время, как многие изменники восстали на никанских царей, и так они совокупились с ними и взяли такое славное царство, и что чудо великое, что вначале было их ни 3000 человек, а после собрались многие при них изменники, слово в слово, как против греческого царства турки, и о взятии царства написано пространно в татарской особой книжице. И как взяли царство, первый царь был отец нынешнего хана, и он их гораздо жаловал и в костел их приходил, а после того колай один писал книгу на них в трех статьях: 1-я — что они лазутчики и морем придут и возьмут царство их; 2-я — что вера католическая — ложная и бунтовническая; 3-я — что учение их астрологийское — ложное. И так осуждены были все иезуиты, и цепи положены были на шеях и на руках и на ногах, и сидели так полгода, покамест писали книгу отвещательную, что ложно поклепаны. На первую статью отповедь писали и доводили, что Китайское царство морем никогда не взято, а сухим путем многожды, а они всегда морем приходят в Китай. А про веру сказали, что житие покажет, какая их вера, что меж ими живут толикие годы. А про астрологию сказали, что они готовы диспутовать и покажут, что те ложные, которые поклепали их, и так освобождены были из темницы и диспутовались с неприятелем и посрамили их и опять были приняты в первые свои чести.

А отец тот богдыханов был гораздо разумен и постоянен, и бог дал ему и счастье великое и богатство, ибо царство смирно было и чуть ли не все под ним было. А нынешний богдыхан-сын его гораздо умом не постоянен, иное по утрам, а иное ввечеру говорит и делает, и все правит тот колай молодой, для того что бояре и народ не любят, да и обнищал гораздо, что иногда и служилым нечем платить, потому что лучшие были страны китайские и богатые, те изменили недавно, чуть не половина царства. И беспрестанно службы бывают, только бог ведает, на чем кончится то дело, а и они опасаются, чтоб не выгнаны были опять от китайцев, и для того из Пекина города вы-

гнали никанцев вон, чтоб не учинили какой бунт и измену, и живут за городом. А опасаются они и монголов, которые живут за стеною, также и калмыков, ибо завидуют им, оттого что народ малый, а такое великое царство обовладели.

А про посольство нынешнее сказали, что они и рады и не рады. Рады они оттого, что услышат неприятели их, никанцы, что от такого славного государя пришло посольство с великою дружбою, и будут опасны о том, чтоб великий государь не дал помощи богдойским. А не рады они опять оттого, что уже рубеж царского величества к их рубежу приблизился подлинно, и оттого они имеют великое опасение, ибо прежде сего они чаяли, что те русы, которые к ним ходят с торгом, также и те, которые живут близ рубежей их, что они все беглецы, а не его, великого государя, прямые люди, да и отнюдь не верили, что столь пространное Российское царство, чтоб подошло под их государство. Да и они, иезуиты, сами удивляются о том и прежде сего не верили, ибо из Московского государства до Пекина четвертая часть света есть, а ныне и они верят, только им жаль о том, ибо видят, что такой славный монарх послал к ним с добрым намерением и с любовью, а они люди—варвары, честь воздавать не умеют, ибо его, хана, именуют земным богом и миродержцем, а к другим государям пишет, как господин к слуге, а поминки, что к ним пошлют, именуют данью. А что они пошлют взамен того, именуют милостью и жалованьем, и иные такие гордые и несправедливые дела делают же. И для того португальцы и голландцы посольствовали не поединожды и видя их таких гордых, перестали, ибо они легче потеряют царство свое, нежели покинут обычай свой. Только бы дал бог единожды, чтоб им рати царского величества показали, кто царское величество и кто они, ибо им, иезуитам, что говорят про царское величество, не верят.

Июня в 20-й день приехал к посланнику асканьяма, и посланник ему говорил, для чего людей наших со двора не пускают, также и торговых своих людей не пускают, а пускают только из дворярских дворов лю-

дей их. И асканьяма говорил, что де торговых людей пускают же, только де велел записывать в книги, чтоб кто чего не украл, а ныне велит он торговых пускать без записки. А ваших де людей отпустили один день, и они ходили по всему городу и по всему царству весь день, и слышал про то хан, и братья хановы видели, и опять пускать не велели.

И посланник говорил, какой у вас добрый обычай, что приходят к вам бухарцы и татары и наши русские люди и им с приезде и до отпуску ходить, и купить, и продать вольно, а нам ныне, что приехали от великого государя с добрыми делами, с посольством для дружбы и для любви, а со двора никого не пускают и повольного торгу не дают же, ни продать, ни купить, а держите будто в тюрьме, и от того какая дружба будет? И асканьяма говорил, видит и он, что трудно, а пособить де ему невозможно, оттого что торговым людям у них обычай есть, чтоб им ходить повольно, а послам у них такого обычая нет, чтоб ходить было вольно, однако же он будет о том богдыхану докладывать и чает де, прикажет богдыхан выпускать неподалеку. А про торг сказал, что будет докладывать, чтоб пришли старые торговые их люди, да и ты чтоб велел своим знающим людям с ними поговорить и цену товарам постансвить, ибо знают, почему прежде сего товары продали, да и в прошлом году ваши люди были. И посланник говорил, что видит он и сам, для чего ворота запирают и торговых не пускают и вольного торгу не дают. Для того, чтоб купили у нас дешевою ценою по их воле, и ныне им то можно делать, а впредь великий государь своим русским людям и тобольским татарам и бухарцам прикажет под смертной казнию, чтоб никто в Китай с русскими мягкими рухлядами и с иными русскими товарами не ходил, и тогда опять будут горностаи один по 2 рубля купить, а кость рыбью, что они носят на персте на правом для стрельбы из сайдака, будет по 50 рублей, как было прежде сего. И он говорил, что де было прежде сего так, покамест не приходило к ним бухарцов много, а кость де была зело дорога, а привозили морем португальцы, и то небольшое число,

и зело зубы малые привозили, а ныне де тому лет с 6, как стали привозить кость рыбью бухарцы, однако же мелкую и немного, и оттого ныне стало дешевле, а будет де в русских товарах в продаже здесь прибыль, а с их китайских товаров будет на Руси прибыль же, ибо знают они, почему их товары продаются на Руси, и то они все знают от изменников. И посланник говорил, что надобно и прибыль, оттого что сюда ехали пол 2 года, а назад также, и верблюдов и коней надобно много и проторов немало, и для того великий государь послал ныне, чтоб видели, какая прибыль будет торговым людям, и буде увидим, что будет прибыль, и тогда и впредь станут ходить, а буде увидим, что никакие прибыли не будут, и тогда никогда не увидят русского человека, ни русского товару, ничего, ибо есть нам, где торговать и без вашего государства, поближе, потому что около великого государя государства есть двенадцать великих государств, и так есть, где торговать и без вас.

И асканьяма говорил, что де они желают, чтоб им прибыль учинилась, а нам бы также убытку не было, а знатно, что они делали то, чтоб купили товары на богдыхана и на его ближних бояр, а после станут продавать торговым людям; и то прибыль учинится не нам, но им, китайцам, ибо у них ныне скудость в казне немалая, и оттого что и хану дать нечего жалованья своим служилым людям, да и серебро худо гораздо стало. Также посланник говорил ему, чаает ли он, что возьмет богдыхан пред себя или нет, и он говорил, что, конечно, возьмет, только не вскоре, также и иезуит говорил, что де ему алихамба сказал, что богдыхан царского величества посланника перед себя возьмет, только де то дело и отповедь на статьи не вскоре будет, ибо де теперь все гуляют из-за великих жаров.

Также асканьяма видел золото тканое и говорил, что де им надобно немного для отведывания, чтоб видели, годится ли, и спрашивал, есть ли продажное, ибо де у них золото есть, да плохо гораздо.

И посланник говорил, что ныне есть немного, а взято для отведывания, а впредь, буде здесь годно

будет, станут вывозить многое число, ибо на Москве золота многое число, только увидим, какая цена за него будет. Асканьяма же говорил, что де завтра для выпуску богдыхана доложит, а послезавтра придет с торговыми людьми для постановления цены на товары.

Июня в 21-й день асканьяма и иезуиты к посланнику не бывали, и продажи никакой, кроме пупков, не было. И того продано небольшое, а иного ничего не продали.

Июня в 22-й день приезжал к посланнику асканьяма, а с собою привел своих торговых старых людей, и торговые люди товар смотрели, а не ценили, оттого что асканьяма говорил, буде станут де торговые их люди товары ценить и положат малую цену, и в том де на него, асканьяму, будет огласка и бесчестие, и у них такого обычая не бывало, чтоб постановить цену, а как кто может, так бы и продавали, и чтоб учинили повольной торг, так же, как и в прошлых годах, только говорили, что де наши люди за товар просят цену большую. И посланник говорил, что того бы лучше не надобно, чтоб пустили всякого человека, худого и доброго, и учинили б повольный торг; как и вчерашнего дня постановили цену на пупки, так же бы учинили и на иной товар, а оттого никоими мерами цену на товары положить нельзя, что пускают они на посольский двор честных людей и боярских холопей, а торговых людей никого не пускают, и потому торгу постановить нельзя, что дают малую цену. А как станут пускать торговых людей, и тогда торг и учинится, а буде не пустят, и на товар никоими мерами цены положить невозможно, ибо товар не стоит всегда в равной цене, иногда дешев, а иногда и дорог. И асканьяма говорил, что де торговых людей они пускают и никому на посольский двор ходить не запрещают. И посланник говорил, что ему, асканьяме, что говорит, ни в чем не верит, для того что он, асканьяма, говорил так и прежде сего о выпуске со двора служилых людей, как великого государя грамоты отдам богдыханову величеству, также и поминки, и тогда де ворот запирасть не станут и будет воля хо-

доть со двора всякому, куда кто хочет, а ныне еще наипаче прежнего ворота запирают и никого из служилых людей со двора не пускают, и харчевое продают у ворот дорогою ценою, против прежнего втрое; и кто за что хочет, то и возьмет, и для того ныне ему, асканьяме, ни в чем не верит, и не знает он, какая честь, что до отдания великого государя грамоты не пускали, также и по отдании государских грамот и поминков наипаче того воли не дают и держат будто в тюрьме, а бухарцам и татарам торговым и нашим русским людям, как приезжают, бывает воля с приезда и до отпуса и в товарах дают повольные торги. А ныне великий государь изволил послать со своею, великого государя, грамотою для дружбы и любви, а держат будто в тюрьме и от того какая честь великому государю от богдыханова величества, также и ему, посланнику, какая честь, что держат будто в тюрьме, также и торговых добрых людей, которых наши люди исстари знают, а на двор их не пускают, и купить им не дают, и то какой повольной торг, и буде они так станут чинить, никогда торговые люди к ним не будут, ни бухарцы, ни татары, ни русские люди, оттого что те бухарцы и татары привозят к вам русские и московские товары, и о том им, чтоб товаров не вывозить, заказ учинен будет под смертною казнию, и опять станете покупать по 2 рубля горностаи, а кость рыбью на перстки по 50 рублей. И чае он, асканьяма, что русский товар инде никуда не идет и к Москве ж товаров не привозят, и видит он сам, какие у нас есть атласы, и бархаты, и камки, что их гораздо лучше, а чае он, что только к ним идет русский товар, а в иные государства никуда не идет. А Российское царство многие тысячи лет как зачалось, и окрест Российского государства 12 государств, и есть с кем торговать, ибо есть в Российском царстве товаров много, и нигде ж в ином государстве таких товаров не родится. Также ему говорил, что в иных государствах, хотя с объявлением войны бывают, однако же их отнюдь в такой крепости не держат, как и в прошлых годах был послан от великого государя к турецкому султану для объявления войны Василий Да-

удов, однако же в таком заключении не был. И о том спорились многое время, и чуть не дошло до ссоры. И после того он говорил, чтоб посланник дал ему на письме, буде учинится какая кража либо обида, чтоб после в приказе не бил челом, а он, асканьяма, велит свести от ворот караул, и заргучея, и подьячих. И посланник ему говорил, что того нигде не ведется, чтоб такие речи давали на письме, а везде иноземцев берегу с честью, а взаперти не держат, и буде я дам письмо, и тогда он, асканьяма, велит учинить над служилыми людьми нарочно. И асканьяма говорил, что де будет он на иной день вместе с иезуитом, ибо монгольского языка толмачи худы, и тогда опять будет говорить о всем. И посланник говорил, что и в третий день был он, асканьяма, с иезуитом и обещал доложить богдыхану, чтоб был выпуск, и бил челом, чтоб приказали выпустить одного человека с толмачом для покупки, что ему, посланнику, надобно на свои деньги, и тут со двора на покупки не пустили ж. И асканьяма говорил, что де все говорят про выпуск. И посланник говорил, есть ли лучшее того на свете, что вольность, а хуже того на свете не бывает, что взаперти сидеть, и продать и купить ничего не можем. И оттого уже половина служилых людей лежат больные, и видит он, посланник, что про что ему говорим, и он вменяет всегда в худо, и впредь не будет ему ни о чем докладывать, и они как хотят, так и делают, по своему обычаю. А что от страны царского величества, видит он, что дружба и любовь, как о том и посторонние люди знают, а от страны их все признаки нелюбовию, иное на словах говорят, а иное делают. И, посидев немного, асканьяма отъехал.

Июня в 23-й день приехал к посланнику асканьяма да иезуит алихавава и говорили, что он докладывает богдыханову величеству, что посланник говорит, что корму дают мало, не против прежнего, как давали русским и иным. И богдыханово величество велел ему смотреть в приказе в книгах, и он смотрел, и никому больше нашего не дано, однако же богдыханово величество хочет показать к царскому величеству дружбу и любовь и велел прибавить еще посланнику на

день по гусю да по курице да в десятый день по 5 столов их китайских, а в них разные ества будут, и то у них честь великая, и прежде сего никому не бывало. Иезуит говорил будто от себя, как де принесут стол от богдыхана, будет ли поклониться или нет, ибо у них обычай поклониться на коленях богдыханову величеству, как кого жалует столом. И посланник говорил, что у великого государя нашего обычай тот, как пожалует кого столом, и великому государю поклоняются, также и богдыханову величеству по нашему обычаю можно поклониться, ведаем и мы, как почитать такого славного хана. И у иезуита посланник спрашивал, можно ли подарить, который придет со столом от богдыханова величества стольника или иной кто со столом будет, и иезуит сказал, что подарить можно, а возьмет ли, или нет, того не ведает, оттого что у них обычая нет, чтоб иметь подарки. Также иезуит принес с собою перевод с двух листов старых китайских на латинском языке, и говорил асканьяма, что де те письма как писаны тому лет с...¹ и больше, а писано, как еще никанские цари были, и те листы — жалованные грамоты хана Унглиса, и даны де те жалованные грамоты начальным людям, которые жили на Шингале реке, чтоб они владели тою землею, и удивляется, как те листы попали к нам, а остальные два листа дал перевести иезуиту на латинский же язык, а когда будут готовы, и тогда переводы принесут же на латинском языке, ибо те листы писаны к великому государю от нынешнего богдыхана. И посланник говорил про выпуск, чтоб выпускали за ворота для всяких съестных покупок, и он говорил, что де о том доложит богдыхану.

Июня в 24-й день приехали из богдыханова дворца два заргучея и принесли 5 столов красных и на те столы клали всякие съестные овощи сладкие, по их обычаю по 40 блюд малых серебряных на всяком столе, да чаю с молоком и с маслом. И призвал посланник дворян и подьячих, и детей боярских и казаков. И прежде подносили чай, и как чай принесли, богдыхану однажды, сидя на коленях, поклонились, а чай был

¹ Так в оригинале.

татарский, а не китайский, и потом принесли пред посланника столы, и, столы приняв, поклонились же и ели от овощей понемногу, и овощи разделили всем, а столы отдали назад, и заргучей, приняв блюда и столы, отъехали.

Июня в 25-й день к посланнику асканьяма и иезуит не бывали, а продали служилые люди сего числа соболя небольшое число, а великого государя казны ничего не продали, ибо соболя были плохие, и как видели добрые, плохих не купили.

Июня в 26-й день к посланнику никто не бывал, а торгу большей продажи у служилых людей не было ж, а государские казны ничего не продали, да приходили на посольский двор татары и говорили, что де они купить товаров не смеют оттого, что их китайские бояре между собою сговорились, чтоб никому, кроме их, товаров не купить, а купили б все они, и для того де торговые люди на двор придти не смеют.

Июня в 27-й день приехал к посланнику асканьяма и говорил, чтоб посланник не покручинился, что долго к нему не бывал, умер де ханов племянник, и он де, асканьяма, ездил того племянника похоронить, а о делах де, чтоб выпускали, не докладывал, а станет докладывать богдыхану завтра. Да он же, асканьяма, говорил, чтоб де товары продавали поскорее, ибо чаёт он, что вскоре хан возьмет пред себя, и чтоб в товарах какова мотчания не учинилась, и продавали б поскорее. И посланник говорил, что продать поскорее всякий хочет, и желают в один день продать и купить и назад ехать, а их торговых людей никого нет и не торгуют. И асканьяма говорил, для того их люди не приходят, что на товары цена большая, а буде цена установится, и их де люди всякие товары раскупят вскоре. И посланник говорил, что он дал волю всем своим людям, и как кто может продать, так бы он и продавал. И посидев немного, отъехал.

Июня в 28-й день приехал к посланнику иезуит алихавава и сказал, что де хан был на погребении племянницы своей, и потому ни о каких делах и на наши статьи отповеди не было, а два листа китайские переведены, один от отца его, а другой от нынешнего

хана, от сына его, и переводы принесет вскоре. И посланник ему бил челом, чтоб он поговорил колаю и алихамбе и асканьяме, чтоб выпускали служилых людей хотя понемногу, человек по 6 или по 5, и он говорил, что он им будет говорить о торге и о выпуске, только де они люди упрямые, еще наипаче держали голландских и португальских послов, что никого к ним не пускали, однако же он хочет радеть во всем. И посланник иезуита подарил небольшим, для того что и ему в государских делах приказано ж, а чем подарил, и то написано в расходной книге. И бил челом посланник, чтоб он перевел здесь втайне последний лист, который писал богдыхан к великому государю чрез Нерчинский острог. И он отпирался гораздо, что о том заказ есть крепкий от богдыхана, не только перевесть, но и сказать не велено, что в том листу писано. И посланник велел затворить двери и пускать к себе никого не велел и бил челом, чтобы хотя на перечь сказал, что в нем писано.

И он говорил, что для того де заказано, что они пишут, будто господин к слуге, только он для царского величества прочтет, и чтоб то дело было гораздо втайне, а буде услышат, и он без головы будет. А в листе писано по-богдойски таким обычаем:

«Хоанкти (се есть миродержец или земледержец) к тебе Чаган-хану: твой Данила челобитную подал нам, что и ты тоже хочешь, чтоб были меж собой в дружбе, также пишет про Гантимура, что писал к тебе, и будет ко мне скоро указ, и я его без замедления к вам пошлю, только джурджи, которые живут неподалеку от нас, чтоб они нам ни в чем не вредили. Издавна наши ловцы, которые ловят соболей, и прочие подданные наши объявили и челобитную дали, что те, которые живут на Черной реке, они суть ловчи, [малые разбойники], и небольшие силы, и что те ловчи обижают наших джурджей и такоров, также и соболей их ловят они ж, и притом бьют челом про Гантимура, что он, надеясь на тех ловчей, побежал к ним и верует в них. И притом дали челобитную, чтоб тех ловчей казнить. А я, миродержец, слыша, что те ловчи суть твои люди, посылал человека, чтоб сыскать

правду и ложь. И тот Данила посылал посыльщиков с Игнатием 10 человек, и когда сказались, что от тебя есть слово и они твои люди, и тогда я им верил. И ныне, буде ты хочешь в миру жить, посылай к нам беглеца Гантимура. Также и впредь, чтоб отнюдь в рубежах наших не учинились ссоры, и буде так делается, и тогда мир будет, и для того нарочно послал сей лист». И под листом печать, а в печати написано: Девятого лета миродержца Канхи месяца 5-го, 13-го числа. А про другой лист богдыханов, что тот лист писан к великому государю для того, что в прошлых годах послан был от великого государя в Китай для торга некоторый Иван именем и с ним посланы были от великого государя поминки, и от богдыхана посланы были против того к великому государю поминки ж, а в том листе писано таким же гордым обычаем, как выше сего писали. А про поминки, что посланы были от великого государя к нему, богдыхану, пишет отповедь в своем листе, что дань, которая от тебя послана, приняли и против того посылаем к тебе от нас милость и жалованье. А иезуит говорил, что тот обычай писать ко всем государям у них один и не перемнят они никогда.

Июня в 29-й день приехал к посланнику асканьяма, и посланник ему говорил, докладывал ли он богдыхану о выпуске государских служилых людей или нет. И он говорил, что де хану он не докладывал оттого, что де хану ныне не время. И поноровя немного, пришли государские служилые люди и били челом асканьяме, чтоб дали волю ходить за ворота для покупки. И асканьяма говорил с сердца, буде он станет так докладывать богдыхану, чтоб выпускать, и тогда де богдыхан велит дать сроку только 10 дней, а после десяти дней велит отпустить назад. И посланник ему говорил, чтоб он, асканьяма, на служилых людей не сердился, ибо кто не хочет ходить по воле, нежели сидеть взаперти, а что де он поберег против прежнего их, и за то тебе от великого государя будет жалованье. И он говорил, чтоб о том послал бить челом в монгольский приказ к алихамбе, чтоб он о выпуске доложил. И в монгольский приказ посылал подьячего

о выпуске бить челом заргучеям. И заргучеи пошли докладывать алихамбе, а отповедь будет де завтра.

Июня в 30-й день в приказ для отповеди подьячий ходил, и заргучей сказал, что де он алихамбе докладывал, и алихамба сказал, что богдыхан выпускать не велел, оттого что у них тот обычай, что посольских людей и служилых не пускают, и в том де у них послам честь великая, и чтоб де от их людей служилым и посольским людям не учинились какие обиды и ссоры.

Того ж числа продали шубы заячьи и все в один день по пол два лана, а которые шубы у себя задержали, и те продали по 4 лана, а которые лучше, по 5 лан.

Июля в 1-й день продавали шубы заячьи по 4 лана, а добрые по 5 и по пол шесть лана, а до сего 1-го числа в месяце в мае и в июне были жары великие, а дожди были не само часто, и молнии и громы не против московского, но меньше и тише.

Июля во 2-й день приехал к посланнику асканьяма и говорил, что де ныне в царстве жары великие и на доклад к хану никто не ходит, и для того де и о ваших делах не докладывал, а как будет время, и он докладывать будет богдыхану, он или алихамба, потому что только для одного дела, что выпускать, докладывать нельзя, а можно доложить с иными делами, или как богдыхан станет спрашивать про здравие посланниково, и тогда можно докладывать, для того что то дело против обычая их докладывать нельзя, потому что у них послам со двора выходить не повелось, и буде станет докладывать о том деле одном, и то непристойно будет. И он де, асканьяма, оберегает нас во всем. Да он же сказал, что приехало бухарцев человек с..... а из Тобольска есть ли люди, или нет, того он не спрашивал, а будет спрашивать про все завтра. Да он же, асканьяма, говорил и хотел постановить своим товарам — камкам, и атласам, и китайкам — цену, чтоб де их китайские люди в товарах не обманули. И посидев немножко, отъехал.

Июля в 3-й день приходили к посольскому двору к воротам бухарцы и китайские люди, на двор их не

пустили, а говорили с толмачами нашими, что де их пришло с калмыками от Контайши человек с...¹, а товаров у них русских нет, только есырей человек с 100, да коней с пол три тысячи, да соболей небольшое, а бухарцам по царству ходить дана воля, оттого что де они люди торговые, и у китайцев такой обычай, что торговых выпускают, а послов и посольских людей со двора не пускают, и то от них честь великая.

Июля в 4-й день принесли к посланнику от хана стол, во всем против прежнего, да сверх того стола принесли из ханова сада с..... дыней, только дыни их зело мелкие, а принесли для того, что ныне у них спели овощи новые.

Того ж числа приехал к посланнику асканьяма один и говорил, что де приехал он спросить про здравие, а после того посланник говорил, чтоб он, асканьяма, приказал смотреть заргучею и подьячим серебро, потому что слышали мы, что серебро зело плохо, а толмачи со двора сосланы, ибо видели от них воровство великое и они перекупают весь товар. И асканьяма говорил, что знает он и сам, что у них серебро худо, в лане весу 10 чинов, се есть 10 золотников, а во всяком лане 9 чинов серебра, а десятый чин олова или меди, а ныне де прикажет он заргучею, и заргучей принимать станет серебро доброе без подмеса, только торговые люди увидят, что серебро выбирают доброе, станут товары покупать дешевле, и где дать лан, тут станут давать 9 чин, а хотя де взять и девять чинов чистого серебра, однако же то серебро пойдет в покупке на товары вместо лана, для того что де всякий человек хочет взять чистое серебро. Посланник же асканьяме говорил, что он заргучею приказал, как приедут к воротам бухарцы, чтоб пустили их на двор, и асканьяма заргучею о пропуске на двор бухарцев приказал, а бухарцы к посланнику в тех числах не бывали.

Посланник же у асканьямы спрашивал про толмачей, чьи они люди, богдыхановы или боярские, и дают ли какую хану дань, или боярам, оттого что их все

¹ Так в оригинале.

торговые люди боятся и купить и продать без них не смеют.

И асканьяма говорил, что они не богдыхановы люди, а люди они боярские и уговариваются с своими боярами, чтоб их отпускали, а они им обещают дать по несколько лан серебра, ибо им от того нажиток великий, потому де как продают русские товары, и в то время с их людей берут серебро, а как русские люди и бухарцы станут покупать от их людей товары, и они дают им за товар три доли, а себе берут четвертую долю, и от обеих де стран нажиток им великий, и не только у нас то они делают, а и у всех иноземцев, что приходят в Китай, то же делают, и от богдыхана заказ есть многих, однако же уйму нет, ибо бояре берегут всякий своего. Асканьяма говорил, что де есть у него дело с посланником говорить, только де приедет он с иезуитом алихаваю и тогда про все объявит, также посланник говорил про выпуск, и он сказал, что еще не докладывал, про покупку посланник говорил, что зело тихо товары покупают, и он говорил, что за товары просят великую цену и покупать нельзя. И посланник говорил, что никогда так русские товары дешево не продавали, а они говорят, что цена велика. И он сказал, что товары раскупят вскоре и, посидев немного отъехал.

Июля в 5-й день приходил к посланнику бухартин, Труфана города житель, который был и в прошлом году в Китае, а в Тобольск не приехал из-за войны, и сказал, что де их есть человек с 70. А приехали они с Тархан ламою, который послан от калмыцкого Угюрты хана с торгом с конями, и с есырем, и с немногими горностояями, а продали их дешевою ценою: по 25 лан за сто, а кони добрые по 70 и по 80, а плохие по 30 и по 20, а есырь добрый по 100 лан, а меньший по 70 и меньше. А про войну сказал, что меж Галданой и Учуртой еще война есть, и оттого не знают они, может ли караван тобольский пройти, или нет. Также спрашивал подлинно про Астраханскую дорогу от Китая, куда ездить можно. И он сказал, что от последнего города китайского, от Кокотана, до Труфана — бухарского города, где Баба хан

живет, который к великому государю послов своих многожды послал, езды со вьюками 40 дней, как караваны ходят, а от Труфана идут до Самарканда — бухарского города 60 дней караваном же. А от Самарканда до Астрахани караваном же 20 дней и меньше, каков ход будет, и только опасения есть немного от калмыков и иных иноземцев до Труфана, а от Труфана до Астрахани опасения нет, а идти все учуртинными людьми — калмыками. И посланник ему сказал, чтоб он приходил с иными их людьми, с бухарцами, часто. А он говорил, что они рады приходиться к нам ежедневно, только де китайские люди их к нам не пускают и отбивают их издали от ворот. И ему говорил, что асканьяма пропускать их на двор велел и чтоб они приходили без опасенья. И в то время пришел от ворот заргучей и говорил, чтобы его отпустил, оттого что де они стоят за городом далеко, версты с 4. А приходил он при вечере и пошел вскоре, и заргучей долго говорить ему не дал, ибо все в подзрении были от русских людей.

Июля в 6-й день приезжали к посланнику алихамба и асканьяма да иезуит алихахава и привезли с собою статьи, которые прежде сего им посланник предложил, и спрашивали втайне про ту статью, в которой написано от страны царского величества про русских полоняников и против тех, которые изменили и бежали сюда в Китай, буде есть такие люди, чтоб дали без откупа, или дали на откуп тех полоняников, а изменников отдали б, и начали говорить так, что то дело, которое начиналось, что богдыхан послал лист к великому государю в прошлых годах, не начиналось от них, а началось наипаче от Данилы Аршинского. Данила посылал наперед на Наун к нему, асканьяме, и просил посольствоваться, и асканьяма посылал к Даниле людей, а он также, и он, асканьяма, взял их к богдыхану, и чрез них писали к царскому величеству лист и словесно им наказывал, что писали они про Гантимура, и для того, конечно, был указ царского величества к Даниле, чтоб он посольствовался, а без указа великого государя как он, Данила, смел посольствоваться. И как о том к велико-

му государю ведомости нет, что писал богдыхан про Гантимура, они о том не могут верить, хотя царское величество и в грамоте своей писал, что не вразумел, что от богдыхана в листе писано, и оттого тебя послал и с тобою тот лист послал же, однако же, хотя не во всем разумел, а можно хотя о том немного вразумел от казаков от толиких про Гантимура, ибо и словесно им о том приказано было от нас здесь и на Науне; также спрашивали (что богдыханово величество опять велел спрашивать) про ту статью, конечно ли желает царское величество, чтоб таких людей отдать на откуп или без откупа, также велел спрашивать богдыханово величество, есть ли указ царского величества, чтоб их тебе, посланнику, взять с собою, буде изволит дать их, или только договор ныне учинить и отповедь взять, а после того в иное время изволит послать, также и про то велел спрашивать, буде ты тех людей ныне возьмешь с собою по указу богдыханову, после того царское величество будет ли чинить по тому же, буде есть наши люди, чтоб их дал против того же, как учинит и богдыханово величество? И посланник им говорил, что про то дело, что они говорили, что дело начиналось от Данила, а не от них, то не так, ибо асканьяма посылал в Нерчинский проведать с торгом, а после того посылал двух человек и подьячего и приказал им, чтоб они были в аманатах, как о том и все нерчинские казаки, которые здесь со мною, знают, что то дело учинилось недавно, а про то, что они говорят, что невозможно царскому величеству о том не знать, хотя немного, многожды им говорил пространно на Науне и здесь, что царское величество отнюдь не знает, что богдыханово величество в листе своем желает. И опять им говорил, что два довода есть, которые покажут, что царское величество отнюдь не знал ничего, что в листе писано и что словесно приказано: 1-й довод есть, что царское величество писал грамоту свою на трех языках, а не на одном, чтоб не учинилась так невѣдомость, как про лист богдыханова величества, что писано было на вашем языке, а никто не разумел, что пишет, а если бы разумели, и царское величество писал бы на од-

ном русском языке. А другой довод есть, что не только нынешний лист не разумели, и для того со мною послали назад, но и прежние, один богдойский, а два китайских, которые вы переводили, и по вашему переводу тому, что писаны 260 лет, да и в тех не знали, что писано ж. А третий довод есть, что нигде же на свете не довелось, что лист, посланный от государя к иному государю, назад посылать, а ныне послали, оттого что не выразумели, что в нем писано. А про то, что конечно ли царское величество желает про таких людей, и царское величество конечно желает, и в статьях предложено для того, чтоб дать на откуп или без откупа; также и про взятие, буде богдыханово величество изволит к царскому величеству показать дружбу и их отдать, и я их с собою возьму, и то царское величество станет почитать от страны богдыханова величества великую дружбу и любовь, также и про то от страны царского величества, буде какие ваши люди сыщутся в Российском царстве, будет по тому ж учинить. Буде они прямые никанские или богдойские, царское величество обещает отдать против того же. И они говорили, что вы лучше знаете, есть ли в нашем царстве беглецы или в бою взяты, а нам про то ведать нельзя, ибо наше Китайское царство пространное, и кто может про то знать, кто бежит от вас к нам, ибо иноземец от языка познается. И тебе, что послан здесь к нам, как о том не знать? И посланник говорил, что Российское царство наипаче zelo пространное и знать больше не можно, которые бегут к вам, ибо наш рубеж пространый и вольно ходить всякому по многим рубежам и дорогам Российского царства. А что от вас к нам нельзя знать, как бегают, ибо царство ваше кругом ограждено горами высокими и на горах стена великая, и всякого человека, приходящего в порубежном городе, записывают, и для того вам лучше можно знать, а мы, кроме того толмача-вора, не знаем; и чаю ныне, что тот толмач за воровство повешен, а своих мы знаем, что русские люди, християне, его великого государя служилые, а бежали они из порубежных городов и пришли к вам, и иные живут у вас здесь в царстве, и братья их с на-

ми для ради тех ныне приехали, а иные взяты в боях, тех мы спрашиваем; и буде и от вашей страны есть какие беглецы никанцы или богдойские, и царское величество велит отдать, только б правдивые были подданные богдыхановы, ибо царское величество любит правду. И как слово божественное не прменяется, также и государское слово никогда не прменяется, и буде у нас такие правдивые богдыханова величества подданные есть, ведаю, что царское величество велит отдать. И не для иного царское величество велел просить тех беглецов, и какая прибыль будет царскому величеству от десяти человек или от 20, только для того, чтоб учинилась причина к дружбе меж обоих великих государей и государства чрез того, также и для того, чтоб и впредь перестали, смотря на то, от обеих стран бегать и опасались бы, как увидят, что беглецов отдают назад, ибо беглецы всегда причиняют ссоры меж государств и желают недружбы и войны для того, чтоб покрылось воровство их. И асканьяма говорил, что и они зело тому рады, и для того писал богдыханово величество к царскому величеству лист, чтоб такие дела впредь перестали, ибо такие дела между государств учинят ссоры и недружбы. И посланник говорил, ведает он, что царское величество неправду не любит, также и богдыханово величество, и как царское величество просит своих правдивых служилых людей, от богдыханова величества также чает, что и богдыханово величество станет спрашивать своих правдивых людей, а не чужих. И они говорили, что подлинно так, и пришли де они по указу богдыханова величества спрашивать про те статьи, и опять пойдём к богдыханову величеству и твои речи доложим, и о том богдыханово величество как укажет. И после того посланник говорил им про выпуск, вскоре ль отпустят покупать товары на воле, также и про бухар, чтоб они к посланнику велели на двор пускать, а алихамба говорил, что де то дело у асканьямы, а асканьяма говорил, что де у алихамбы. И посланник говорил, что то дело вам говорить ныне нельзя, ибо здесь вы оба, и можно дать нам волю вам обоим или одному из вас,

а как нет другого, и один на одного ссылаются, и они, посмеявсь, говорили, что де по досугу доложат богдыхану, а ныне станут де докладывать про большие нынешние дела, а те де дела с теми делами мешать нельзя, а то дело малое, что отпускать вас. А иезуит от себя сказал, что они без доклада богдыханова величества хотя неведомо б какое малое дело от себя не смеют указать, потому что они люди меж себя самые подозрительные и один другого опасаются, и для того всякое дело неспешно делают; и опять отъехали. А знатно, они для того спрашивать пришли, что хотят у великого государя просить Гантимура вместо тех беглых беглецов, а Гантимур никогда у них в подданстве не был, кроме того, что приезжал к ним на время и опять возвратился в Нерчинский. А в Китайском государстве ныне русских людей есть человек с 13, и только два человека, что пойманы на Амуре, а те все беглецы из окраинных острожков побежали, наипаче из Албазинского острога, и в третьем году побежали три человека, ибо водою бегают, Амуром до устья Шингала, и на Шингале китайские люди принимают и в Царство без задержания отвозят, и учинит им богдыхан жалованье, и велят их женить и в службу написать. И ныне они у богдыхана учат китайских людей стрелять из пищали с коня и пешим, как о том писал один тобольский к своему брату, и тот ныне и в толмачи взят в посольский приказ, потому что русскую грамоту умеет да и китайской учился ж и всякое русское письмо он переводит, а ходят они в костел к иезуитам, а иные из них и на службу посылаются, а один из них изо всех — Онашка, родом татарин, живет в чести, он прежде всех в Китай побежал. И тот в прошлых годах говорил Гавриле Романову, что великий государь дает крымскому хану дань, а китайский хан наипаче больше крымского, и иные речи непристойные говорил же. Также и иезуиты сказали и показали на письме, что те изменники богдыхану объявили все Сибирское государство и все остроги и сколько человек в них, ибо тем радеют себе честь получить, а ныне гораздо испугались, что богдыхан отдаст их посланнику, ибо пришли иезуиты и били че-

лом посланнику от страны их, что буде богдыхан изволит отдагь их, чтоб посланник бил челом богдыхану, чтоб отдали жен их и детей. А к посольскому двору часто они приходили, а видеться не дали, а после того над ними учинили караул, чтоб отнюдь с нашими людьми не видались, а где с нашими людьми сойдутся, гораздо плачут.

Июля в 7-й день приходил к посланнику заргучей (дьяк) и сказал, завтра будет ханов стол в приказе, где иноземцев трижды потчивают по их обычаю, и спрашивали, сколько коней надобно привести. И посланник ему говорил, почему, будучи вчера, алихамба и асканьяма про то не сказали ничего. И заргучей говорил, что де они и мы про то еще не знали, ибо не было в то время указа ханского. И посланник ему говорил, что они, хотя и не объявили, однако же мы слышали от плохих людей, от толмачей, что стол будет, и то непригоже, что не известили нас прежде, и, может быть, хотят нас так внезапно и из царства выслать. И заргучей говорил, что про то он не знает, а знают про то начальные люди, а у них обычай, что после трех столов отпустят всех иноземцев вскоре, а стол за столом живет неподалеку.

Июля в 9-й день китайские торговые люди для покупки товаров на посольской двор не бывали, ибо в том числе был дождь великий и грязи в Царстве безмерные.

Июля в 10-й приезжал к посланнику асканьяма один и спрашивал, раскупают ли государские товары и его, посланниковы. И посланник говорил, что товаров государских ничего не купят и продажа стала самая худая, а продали понемногу служилые люди нужды ради, пометають, как можно. А не продаются товары оттого, что толмачи сговорились с боярскими людьми и торговых бьют и дают при нас и купить им ничего у нас не дают, оттого что те толмачи хотят покупать сами и брать самую дешевою ценою, также и с продажею на двор торговых не пускают, и буде так учинится, и продажи не будет, также и в покупке товаров вольности не будет, и то какая будет дружба и любовь меж обоими великими государст-

вами. И лучше б они взяли явным обычаем, силою, нежели поступают лукавством, и для того он, посланник, по указу великого государя предложил богдыханову величеству, чтоб с товаров взяли пошлину, а дали б повольный торг, а бухарцам и татарам и иным дают с приезде волю, а нас держат будто в тюрьме. И асканьяма говорил, что де бояре то дело делать не смеют, также и толмачи не смеют же, а пошлину взять не токмо от вас, но и со своих людей богдыхан пошлину не берет, а про освобождение сказал, как богдыхан станет спрашивать про твое посланниково здорье или что делаешь, и тогда можно доложить, а ныне докладывать не смеем, оттого что де опасается гнева, чтоб на него и на нас не был гневен, ибо доложить против старого их обычая нельзя. Да и бояре имеют на него великое подозрение, что де он докладывает для своей корысти, однако же он по досугу будет докладывать богдыханову величеству во время свое, чтоб для покупок товаров великого государя служилым людям в торгу повольно было. Асканьяма ж говорил, как бы де была ныне зима, и мягкие б товары продавались дороже, ибо зимою теплое платье всякому надобно, а ныне лето, и до зимы всякий человек чает, что далеко.

Посланник же асканьяме говорил, что он, асканьяма, велел пропускать на двор бухарцев, а ныне по обе стороны стоят караулы и близко их ко двору не припускают, также и бухарцам заказали накрепко, чтоб они к посланнику отнюдь не ходили. И то какая правда, что их на двор к нам не пустят, также и со двора наших людей нигде же не пускают, и так какая продажа или покупка будет. И асканьяма о пропуске бухарцев заргучею заказал, чтоб им приходило было на двор вольно, и при нас заргучею о пропуске приказал, а после того без наших опять отказал. Про то заргучей посланнику сказал, что он, асканьяма, бухарцев пропускать отнюдь не велел, а толмачей заргучею велел поймать, а как де поймают, и он учинит им наказанье. И будучи он, асканьяма, у посланника, приходили по него от хана. И посланник говорил, чтоб он, асканьяма, не забыл, о чем ему бил

челом об освобождении, и он говорил, что де станет ждать время, и отъехал.

Того же числа приходил после полудня к посланнику заргучей и сказал, что де завтра быть тебе пред ханом у стола, и отъехал.

Июля в 11-й день приехал к посланнику асканьяма и сказал, что де ныне у хана будешь у стола в палате, а с собою бы взял только 14 человек, которые честные. И посланник ему говорил, чтоб взял побольше, как взяты были к поклону, и он говорил, что отнюдь нельзя так делать. И посланник ему говорил, что больше того не возьмет: 2 человека дворян московских, священник, 2 подьячих, 9 человек детей боярских, из того числа 7 тобольских, 1 ленский да один сын Павла Шульгина из Нерчинского. А после того посланник асканьяме говорил, что великий государь, его царское величество, указал послать с бухарцами своих, великого государя, людей для покупки ревеня в город Сунг. И асканьяма говорил, чтоб о том послал в монгольский приказ к алихамбе, ибо то дело не его, а ведает про то про все в мунгальском приказе алихамба, также де ведомы и вы; и бухарцы в мунгальском же приказе, потому что во всяком приказе дело разное и не можно иному мешаться. Посланник же ему говорил, что никто черных лисиц не купит, потому что не смеют, и чтоб те лисицы взяли в казну к хану, а с хановой казны за те лисицы ведали поручным товаром. И асканьяма говорил, что де можно лисицы и на дворе продать, а купят их только обновить и делать яги, которыми пожалованы от хана племянники его, а иной никто не смеет, а если бы знали сначала, отдали б хану в поминки, и хан бы их принял. И посланник говорил, что есть лисиц много и все лисицы подать в поминках было непристойно, что только одни лисицы; а асканьяма в то время говорил, что де у богдыхана лисиц черных есть палата великая, что ныне лисицы не надобно, а можно де их продать у себя на дворе, а купят де их хановы сродники. И посланник говорил, что де ныне никто не купит, и не токмо купить, но и смотреть не смеют. И асканья-

ма говорил, буде лисицы не купят, и тогда де можно хану доложить, и чаёт де, что те лисицы в казну возьмут. И пришел подьячий и асканьяму звал, чтоб он шел вверх. Также посланник асканьяме опять бил челом, чтоб он ныне доложил богдыхану, потому идет вверх, чтоб отпустили человек 7 с бухарцами для покупки для великого государя кореня ревеня, и он опять по-прежнему говорил, что доложить отнюдь нельзя и о том бы послал в мунгальский приказ к алихамбе, и алихамба богдыхану доложит, потому что то дело приказное. Был указ царского величества, чтоб послать на Астрахань для проведывания дороги и пути, а невозможно было им про то сказать оттого, что они люди подозрительные, только говорил, будто хотел купить ремень ты, однако же они и то никак не позволили и заказали калмыкам и бухарцам, чтоб русских людей не приняли, и они отнюдь принять не смели. И посланник асканьяме говорил, для чего заказ есть от богдыхана, чтоб никаких товаров служилые люди наши не покупали, и он, асканьяма, говорил, что де заказу никакого нет и купить всякому вольно, сколько хочет. И посланник говорил, что знатно заказ от них, потому что их люди товары приносили на двор многие и продают только в одной лавке, а в иных ничего не продают. И асканьяма говорил, что де отнюдь того нет, чтоб был заказ, а, может быть, торговые сговорились меж собой и хотят продать подороже, и для того просят дороже, и в одной лавке только продают. И посланник говорил, для чего калмыков и монгольцев отпускают вольно торговать всех, что есть ныне в царстве, а наших только по 5 человек, и за теми караульщики ходят. И асканьяма говорил, что те калмыки от порубежных ближних степных тайшей и ежегод посылают к богдыхану дань, и для того вольно им ходить и торговать.

Июля в 16-й день приезжали к посланнику с асканьямою ближние люди и спрашивали, есть ли такие у посланника люди, которые б умели плавать и нырять, чтоб были самые добрые. И посланник говорил, что у нас всякий умеет плавать, и асканьяма говорил, чтоб выбрал самых добрых, оттого что де он

пред ханом хвалил, для того что, дорогою едуци, прежде сего видели их, и чтоб ему о том не было стыда. И посланник выбрал 10 человек, и того числа их не взяли. Того ж числа ближние люди принесли деньги назад и, посидев немного, говорили, что видели они у посланника саблю добрую, оправлену золотом, и железо доброе, и чтобы ту саблю дал показать тем же своим товарищам. И говорил, что де есть у него отец, человек старый, также просил и книгу голландского языка в лицах, в которой написано посольство их в Китай, чтоб ее дал показать, и опять принесут вскоре. И показал он, ближний человек, посланнику саблю самую добрую, которая была самого богдыхана, и та сабля оправлена золотом по китайскому обычаю, и железо китайское ж. И посланник говорил, что книгу даст, а саблю не даст, оттого что ту саблю держит он при себе. Асканьяма вышел вон и позвал толмача монгольского языка и чрез него бил челом гораздо и говорил, что де ту саблю принесет завтра, так же, как принесли и деньги. И как видел, что докучают гораздо, и книгу и саблю им дал и сего дни опять их кормил и поил, и они спрашивали во всем против прежнего и сидели до самого вечера и при вечере пошли опять вверх к хану.

Июля в 17-й день приехали к посланнику ближние люди и привезли с собою книгу и саблю и били челом о том гораздо, что прошения их ни в чем не оставил, а после того говорили, что де богдыханово величество указал знаменоваться тебя, царского величества посланника, наипаче прежнего всего в том же платье, для того что де в первой персоне написан только по пояс, а ныне велел написать всего, да чтоб де тут же знаменоваться с саблей, и в руках держал буздуган свой, который они видели у посланника. И посланник им говорил, что де ныне дни зело жаркие, а шуба тяжелая, соболья, и нельзя носить и прежде сего трудились много три дни, и о том споровались много, и после того посланник велел писать по их воле, и писали опять до самого вечера с саблею и буздуганом, как они просили; и опять спрашивали про разные дела, как прежде сего через иезуита. И после

того то письмо взяли и пошли в ближний того двора посольской приказ. Ближние люди видели у посланника пищали долго и просили, чтоб им продал, и посланник им говорил, что дорога дальная и опасная и без оружия нельзя. Да ближний человек принес с собою саблю самую добрую, оправлену золотом, турецкое дело, а на ремне писано было, что ту саблю послал в подарках Учурта хан калмыцкий, и ближний человек говорил, что де у них такого железа не любят, и у них много его есть, а знатно, что он хвастает. А посланник ему говорил, что он то железо знает, что оно доброе и прямое турецкое, также и письмо турецкое, вырезанное на ней, прочел. И после того, поноровя немного, пришел иезуит один и говорил, что де надобно о том челом ударить богдыхану по их обычаю для того, что велел живописать, и ближних людей и живописцев подарить. И посланник иезуиту говорил, как богдыханово величество пожалует его, посланника, одной персоною, как готовы будут, и тогда будет бить челом богдыханову величеству, а ближних людей и живописцев подарит же в то время, и чтоб он им сказал, что словесно им говорить, и бьет челом зело богдыхану по нашему обычаю, что он присылал ближних людей и живописцев, а буде дадут персону, и тогда можно подарить ближних людей и живописцев.

Июля в 18-й день пришел к посланнику посол Тархан лама, который приехал от Учурты, хана калмыцкого, и спрашивал посланника про здравье, и после того посланник Тархан ламе говорил, что асканьяма сказал, что Учурта хан дает в Китай дань ежегодно богдыхану. И Тархан лама китайцев бранил и говорил, что их хан есть против богдойского хана лучше, и для чего им дать? Еще они берут от них; и говорил, что будет пенять в приказе алихамбе и асканьяме. И посланник ему говорил, чтоб он не сказал им про него ничего, и он говорил, что отнюдь того им не скажет, ибо царское величество будто отец Учурты хана, и к людям его хановым и к нему милость есть, и жалованье великое. И посланник его напоил и накормил, а с ним, Тархан ламою, было калмыков много,

и их кормил же, а из тех калмыков бывали многие и на Москве.

Того ж числа приехали ближние люди и с ними асканьяма, и иезуит, и живописцы, и списывали с ферезеи и с кафтана травы, а с шапки запаны. И будучи они у посланника, в то время служилые люди с китайскими караульщиками у ворот бранились, и асканьяма о том пенял, что наши служилые их караульщиков толкают. И посланник говорил, что все то учиняется оттого, что держат взаперти и к воротам близко сидеть и смотреть на улицу не дают, а наши люди к тому не обычны, чтоб сидели взаперти, и на свете не слыхано того, что посланника держат взаперти, которые с добрыми делами ходят, и для того ссоры бывают. И асканьяма говорил, что де своего обычая для вас не переставят, а можно де богдыханову величеству учинить, что выпускать, а как ты приедешь к царскому величеству, чтоб ты объявил, буде позволит впредь посылать послов, добро, а буде не изволит, и то на его воле. И посланник говорил, что он о том должен о всем царскому величеству зъбъвить, и спрашивал после того, что мунгальцы и бухарцы от Галдана тайши в посланниках ли пришли, или для торга; и он говорил, что они приходят от Учурты хана и от Галдана с ясаком, и оттого их ходить свободных отпускают. И посланник говорил, что те речи он, асканьяма, неправдиво говорит, что приезжают с ясаком, а всякие послы иноземские приходят к богдыхану и привозят к ним поминки, а они называют их ясаком, и не только то слово нам досадно, но и им не любо, для того что и они вольные ханы. И он говорил, что де про вас хотя и говорят, а говорят те речи простые мелкие люди. И опять говорили про торг, что они не пускают продавать повольною ценою также и купить. И ближние люди и асканьяма говорили, буде бы тебе хотелось так торговать, как и им, и чтоб де ты приехал торговым обычаем так же, а не посольством. И посланник говорил, что нам можно быть и без их торгов, ибо видят они и сами, что у нас есть лучше их шелковые и золотые всякие платья.

И они говорили, что де беспрестанно вы свое хвалите, а наше хулите. И посланник говорил, что дело само себя хвалит, для того кони и оружие, и платье, и атласы, и камни, и сукна, и златоглавые, и барха́т есть и тафты, как и сами видят. Да и прежде сего тоже и асканьяма ж хвалил наше, что видел, и так есть у нас, что носить и без вашего, только великий государь наш, его царское величество, не желает иного на свете, что славу добрую, и как с иными государями живет в дружбе и любви, и для того великий государь послал к богдыхану для дружбы и любви, а про торг приказал великий государь говорить как от нашей страны, так же бы и от вашей, для того что от того торгу будет будто связка к дружбе, и всякий государь подданных своих хочет обогатить, а как не будут ходить от вас к нам, а от нас к вам послы и торговые люди, и то как может дружба состоять. И они говорили, что де и они тому рады, только де у них иным обычаем принимают послов, а торговых иным же обычаем. И посланник говорил, что торговым дают сроку только на 7 недель жить, и в те 7 недель хотя продай, хотя нет, и вон высылают, а ходить им вольно, а послам со двора ходить не дают, и в обоих странах приходить им нужно. И ближние говорили, что у них обычай тот исстари повелся и переменить нельзя, и при ближних людях с асканьямою споровались многое время. И асканьяме же посланник говорил, для чего он, асканьяма, на Науне подлинно не сказал, что выпуску не будет, а будет такое задержание до отпуску, будто в тюрьме, ибо уже от того половина людей занемогла, а иные и померли. И после того те ближние люди пошли к хану, а после их асканьяма приходил с иезуитом и говорил, что де богдыхан слышал, что ваши люди на воде плавать очень горазды, также и нырять. И посланник выбрал из служилых людей 4 человека, и пошли далеко за город, и они сказывали, что де приехал водою в каюке позолоченном, а хана в нем не видали, а ближние люди стояли с асканьямою, и при хане плавали и ныряли. И привели своих двух человек, однакожде их люди плавать и нырять так, как русские, не умеют, и

после плавания привели их опять всех к посланнику на посольский двор.

Того ж числа преставился селенгинский казак Михаил, и по указу богдыханову прислали гроб да камку белую, а велели его похоронить в том же месте, в котором похоронен прежде сего нерчинский казак, который приезжал в Китай с Игнатием Миловановым, а на похоронение велел идти только 20 человекам, а больше того непустили, а похоронили его за городом, ибо только нашим дали волю так явно погребсти, а иным верам никак и бросают на дворе, что скотиевы стервы.

Того же числа при вечере приехал к посланнику асканьяма опять и говорил, что люди наши плавать горазды и хан хвалил и спрашивал, есть ли де еще их лучше. И посланник говорил, что станет у служилых людей спрашивать, и буде лучше тем сыщутся, и он ему, асканьяме, скажет. И богдыханову величеству рад служить вседушно по силе. Также говорил, что де богдыханову величеству жаль об умершем, и велел дать все, что надобно к погребенью, а похоронить его велел за городом на поле, а чтоб его провожали 20 человек, а про другого больного, тобольского казака, велел прислать доктора своего, чтоб его лечил, также приказал, чтоб своим служилым людям заказал, чтоб с их людьми не ссорились, и уже де большое дело совершилось, и можно де купить всем без ссоры. И посланник говорил, что будет их о том наказывать, чтоб они с вашими людьми никаких ссор не чинили, ибо от того никакого добра нет. Также посланник говорил, что великий государь указал послать с бухарцами для покупки кореню ревеню 6 человек в город бухарский Туруфан, и оттуда пойдут в государство государя нашего, а про то не сказал, что они пойдут в Астрахань, для того что они люди подозрительные. И асканьяма говорил, что де доложит о том богдыхану, только де ехать ныне с бухарцами страшно, оттого что меж Галданом и Учуртою война великая и чтоб от того чего не учинилось, и станет он спрашивать у их послов, можно им ехать и примут ли, или нет. И посланник говорил, хотя де между со-

бою у них война есть, однако же с великим государем, с его царским величеством, они в миру и послов своих и посланников присылают, и ныне от царского величества есть к ним грамоты и поминки небольшие, и потому можно проехать без страха. И он говорил, что о том о всем богдыхану доложат, и о том что укажет. И после того отъехал.

Июля в 19-й день приходил к посланнику учуртин посол лама и привел с собою смоленского шляхтича рейтарского строю, полковника Денисова полку и сказал, что де взяли его под Полоцким из полку боярина и воеводы князя Ивана Ивановича Хованского поляки тому лет с 15 и продали татарам, а татары калмыкам, и бил челом великому государю, чтоб его от лабы¹ выкупить. И посланник учуртин говорил, что де у них продавать людей грех, а великому государю он, лаба, ударит челом без откупу. А посланник ему против того обещался подарить, что он хочет, и он говорил, что де станет думать с товарищем своим и после того опять придет.

И того ж числа звали в приказ толмача для того, что де с учуртинными людьми в приказе говорили, и они сказали, что де взять русских людей с собою не смеют, а было им приказано от китайцев так говорить, что не примут русских людей.

Царское величество просил у богдыханова величества двух человек. И посланник говорил, что просили для того, слышали, что у вас есть мастера, добрые к мостовому делу, а что к палатам мастеров много и в Московском царстве, также спрашивал про зверей, какие родятся, и про иные дела про разные.

И будучи он у посланника, пришли от хана и звали его вверх, а алихамба вверх пошел, и посланник остался с заргучеем, и, посидев немного, пришли иезуиты, алихахава да старый, который еще был при никанцах, как владели царством никанские цари, тому лет 45, и оттого нынешнего хана жаловал, также и нынешний хан его жалует. И говорили они посланнику, что посылал по ним богдыхан и звали их для

¹ То же, что и лама.

того, что ныне у них хотят новое дело делать для царского величества: сам богдыханово величество в крайней своей палате, где житьем живет, хочет тебя потчивать при себе, а прежде сего и никанских и китайских ханов не токмо сидеть, но и видеть не дают, и они сами удивляются, как они чрезвычай поступают, а их звали для толмачества и чтоб сказали, как ведется обычай их, да и они сами рады, оттого что честь царскому величеству и всему христианскому народу слава.

И будучи они с посланником, приходили хановы ближние скопцы и смотрели на посланника и сидели за воротами часа с 3 и больше, и было уже больше полудня часа два, и тогда собрались все чиновные люди к хану, а были в иных платьях с сулемами, в кафтанах воинских золотных, не в тех, как были прежде сего у поклона, опричь приказных людей, которые сидят у дел в приказах. И после того пришел к иезуитам ближний человек и говорил, что де пред хана идти время, и иезуиты с посланником пошли и прошли 5 мостов, которые и прежде сего, как были на поклоне, переходили, и против среднего моста два льва медные литые, самые великие; и после того пришли на то место, где поклонились хану и где лежат 300 маленьких камешков медных, и как пришли к тем маленьким штучкам, встретил алихамба да асканьяма и велели идти поскорее, потому что уже хан ожидает, и шли с поспешеньем и пришли к лестнице мраморной, а на той лестнице ступеней с 18, и пришли на крыльцо пред великой палатой, где хан прежде сего сидел, как на поклоне были, и крыльцо то великое устлано мрамором, и около крыльца сделаны зубцы мраморные, и на зубцах поставлены медные кумганы, в которых кладут разные духи и жгут, как хан бывает в той палате, и тем всем палатам учинен чертеж подлинный, да у той же великой палаты на обеих сторонах стоят караулы человек по 20 с сайдаками и с копьями. Пришли в ту палату, где место ханово, и та палата гораздо велика, а делана из кирпичей, а в вышину та палата сажен в 12, а стоит на столбах деревянных на две статьи в два ряда, и всех их числом

18, из того числа 4 столба вызолочены золотом, а иные расцвечены краскою красною, а толщиной те столбы обойма в два, потолок вельми строен, и вырезано и выписано золотом и расцвечено красками. В середине той палаты против ханова места учинена лампада из хрусталя, а ханово место деревянное и вырезано и расцвечено золотом, а место учинено широко, и лестниц к месту много, а место сделано турецким обычаем, а палата устлана коврами великими с разными красками. Да против того ж ханова места с обеих сторон по дверям сделаны проходные, и знатно, что те двери учинены к переходам. И прошли ту палату сквозь и опять пришли на крыльцо, и то место высокое, видны горы высокие и сады, и в садах иные хановы палаты, и за крыльцом той большой палаты сделана палата круглая, небольшая, та палата была затворена, и прошли мимо, и за палатою лестница сход долов с крыльца, и у той палаты, где хан сидел, от того места, где поставили к поклону, было сажень с 20 и больше. И алихамба велел поклониться, и хану поклонились против прежнего, 9-ю трижды сядясь на колени и 9-ю главу преклонивши, а хан в то время сидел на месте своем, и после поклона взял алихамба и повел по левой стороне той палаты, где хан сидел, и взяли посланника пред хана, и в палате хан сидел на своем месте, а около ханова места и по всей палате сидели чиновные люди, человек с 300 с перьями павлиньими, а с правой хановой руки сидели колаи, да позади хана стояли по 4 человека с копьями и с сулемами, а на копьях мохры, волосы лошадиные красные, а ниже мохров хвосты бобровые, и, не доходя до колая, алихамба посланника задержал, а хан послал колая и место посланнику, где сидеть, указал — мало не против колая, а перед посланником до хана никто не сидел, а подушку красную его, посланникову, положил под посланника сам алихамба, и, положив подушку, велели поклониться однажды и после поклону велели сесть, а дворянам и попу, и подьячим, и детям боярским велели сесть за посланником на две статьи, от посланника сажени с пол 2, и поклонились тако же и сели в два ряда. И после того призвал хан

племянника своего — колая, который прежде сего принес государские грамоты, а колай взял двух иезуитов пред хана, и пришли к хану с правой стороны, и стали колай и иезуиты на коленях, и говорил им хан потихоньку, и после того пришли все трое к посланнику и говорили потихоньку, чтоб посланник встал на колени, и иезуит алихавава учал говорить, великий самодержец всего китайского государства, хан спрашивает великого государя всея России, самодержец белый царь в добром здравье?

И посланник говорил: божьею милостью великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея великой и малой и белой России самодержец, как мы поехали от великого государя, от его царя великого, и тогда оставили на своих великих и преславных государствах в добром здравии и в счастливом государствовании, и желает великий государь, его царское величество, богдыханову величеству также долголетнего здравия и благополучного государствования, как налюбознейшему соседу и другу. И после того опять пошли все трое вместе к богдыхану и опять стали на коленях и говорили: богдыханово величество спрашивает три предложения — царское величество скольких лет и каким возрастом, и сколь давно царствовать начал.

И посланник им говорил, что великий государь, его царское величество, лет в пятьдесят, а возрастом совершенным и преукрашен всякими добродетелями, а как божьею милостью царствовать начал, тому больше 30 лет. И опять пошли к хану и известили, и опять к посланнику пришли и спрашивали, сколько ему, посланнику, лет, также говорили, что слышал де богдыхан, что ты человек ученый, и велел де спросить, учился ли философии и в математических и про тригонометрию, учился ли?

И посланник говорил, что возрастом есть лет 40, а про учение сказал, что учился, как о том знают иезуиты, и с ними говаривал многожды, а хан де спрашивал для того, что он, хан, у иезуитов учился тригонометрии и про звездословие. И как спрашивали, опять к хану возвратились и сказали, а опричь того,

хан не спрашивал ничего, а посланник сидел от хана будет сажень с 8, и видно было гораздо, а платье на нем было под исподом — кафтан лазоревый, а верхнее было, как и на боярах, черное с золотом, и шапка тем же подобием, только наперед было зерно жемчужное великое, величиною с орех небольшой, на шее были четки жемчужные, зерные, великие, потому что у всех бояр и у ближних людей четки деревянные и костяные мешаны с корольками красными. А на месте, где хан сидел, был тюшак тафты лазоревой же, а возрастом человек средний и шадровит лицом гораздо и черноват, усы малые черные, 23 лет ему, а место, где сидел хан, деревянное, вырезаны всякие травы и змеи, и расцвечено золотом и красками, как и в большой палате, а вышиною будет в сажень. А после того принесли пред ханом стол невелик два ближние боярина, а на столе были овощи разные и яства на блюдах золотых, и поставили пред хана, и после того поставили столы пред колаем и потом пред посланником. А посланнику был стол одному и сидел один же, а ближним людят трем — один стол, а дворянам и попу, и подьячим, и детям боярским двум — стол. И как хан начал есть, и ближние люди встали на колени и посланнику также велели на колени встать, и поклонились до земли однажды. И после того хан послал на золотых блюдах колаям овощей одно блюдо, а посланнику на двух золотых блюдах, на одном яблоки персидские, а на другом конфети разные, также и к дворянам и ко всем, и к подьячим, и к детям боярским хан по одному блюду на стол посылал же, и тогда хан приказал звать асканьяму, а как пред ханом идут, и они все бегут и при нем падут на колени и слушают, а асканьяма, тот, который к нам приставлен, и спрашивал его, не знаю о чем, много и опять возвратился, а алихамбу и асканьяму и иезуитов посадили вон из палаты за дверьми, и был им стол один. И после того хан послал к посланнику на золотом блюде арбуз красный, разрушенный. Стол был с час, а после того со столов собрали ближние люди все блюда, а столы еще не приняли и пред ханом приняли на двух великих зо-

лотых блюдах дыней маленьких, и одно блюдо послал перед себя к посланнику, а обычай у них — сидит на месте своем и принимает обеими руками тот, кому пошлет подать, и кладут на стол, а после, не вставая, поклониться до земли и есть, и как ели дыни, поноровя немного, испред хана взяли все, да пред ханом же стояло блюдо яшмовое великое, а что на нем было, того неведомо, а по левую сторону хана было паникадильце, и в нем горели духи разные, покамест ели, а по обеим сторонам хана были будто два стола небольшие, а покрыты желтыми тафтами. И взяли испред хана стол, также испред всех; и после того принесли иной стол и поставили у дверей против хана, и одна была на столе чаша великая серебряная, и в ней было вино виноградное, а наливали в чашки золотые ложкой серебряной долгой, и, налив чашку золотую, принес пред ханом ближний человек, и хан ту первую чашку велел поднести посланнику. И пришел к посланнику алихамба и иезуит, и велели посланнику двинуться с полсажени с места, и чашку принял, и взял в левую руку, и поклонился на правую до земли, и пил, а питье было виноградное, самое доброе реинское¹, а то питье делали иезуиты для хана во все годы; и как выпил, и после того опять также поклонился и, поклонясь, сел на место свое. И после того пришли алихамба и асканьяма и взяли дворян и прочих и привели пред ханом прямо к двери и налили чашки золотые того ж питья, всякий по чашке, и поднесли, и как велели поклониться, и после поклону пили, а как выпили, опять поклонились и пришли на место свое и опять велели поклониться, а китайским боярам после того подносили чай в деревянных чашках. И как чашки²...

И посланник говорил, что у нашего великого государя неприятелям продавать заказ великий, а приятелям заказу нет. И у нас, как сами видят, всякое оружие есть доброе, только для того, что из оног

¹ Рейнское.

² Так в рукописи.

государства диковины. И алихамба говорил, что де будет ждать времени и, как будет время, о том хану доложит и отповедь учинит. И отъехал. Того же числа после полудня приехал асканьяма и с ним ближний человек и говорили, что де богдыхан, видя высших людей бесчестие, что ходят около города без караульщиков, велел тебе сказать, что отпуск будет вскоре. И посланник говорил, что о том воля богдыханова, только ничего не продали и не купили еще; и он говорил, что де богдыханово величество и повелел бы жить сколько хотите, только для невежества людей высших велит отпустить вскоре потому, чтоб не учинились ссоры, а ведаем и мы, что от тебя ничего нет, только дурно делают служилые люди и пусто ходят, и больше того терпеть не можем. И посланник говорил, хотя и около города ходят, и никакого дурна или осмотр не делают. И после того асканьяма говорил, что де богдыхан велел взять 4 человек, которые б умели плавать, новых. И посланник выбрал из служилых людей трех человек и послал с асканьямой, и при хане по-прежнему на реке плавали, и хан гораздо их хвалил. И опять пришли на подворье с асканьямою, и говорил асканьяма по-прежнему, чтоб везде ходили, а около города отнюдь не ходили. А никакого дурна от них нет, потому что города каменные, и у нас есть и крепче тех, и не для того приехали мы, чтоб города ваши смотрели, только они, люди служилые, много взаперти жили и больны были, а ныне гуляют для здоровья своего, а не для чего иного.

Июля в 20-й день посылал в приказ подьячего и толмача, и говорили, что учуртиным людям дела нет, а пойдут наши люди с бухарцами, которые бухарцы бывали на Москве по трижды и больше и со служилыми людьми есть братья названные, и пойдут наши люди без них, и о том бы они не печалились. И подьячий и толмач, пришед, сказали, что алихамба пошел докладывать хану, и о том, что богдыхан укажет.

Того ж числа посланник спрашивал у китайского большего толмача Солома, что сказывали наши люди,

которые ходят для покупки товаров, что продают де все в одной лавке, и та лавка, чья она. И толмач говорил, что де та лавка купчины богатого, да и хановы товары есть же в той лавке, и для того де в одной лавке и продают, а и товаров в той лавке зело много, а в иных де лавках товару понемногу. И знатно, что и ханов товар и лавки, потому что от богдыхана продают всякие товары и мелочи, дрова и сено и прочее, там же и пред вратами посольскими поставлен кабак с ханского кружечного двора, и продают всякие разные питья, да и то де питье — вино, что приносят от хана во все дни на корм, с кружечного же двора. А тому толмачу Солому и прочим товарищам его многожды посланник говорил и расспрашивал, какие у них дорогие каменья сыщутся. И они говорили, что у них алмаза нет, также и яхонт красный на мале сыщется, изумруды также редки, а хотя и сыщутся небольшое место и невелики и те гораздо ценны. И принесли к посланнику алмазы для отведывания, также и яхонты красные и изумруды и просили за них против московского десять цен. А яхонты лазоревые и желтые также и лалы множество есть, только нечисты и мелки, а хотя сыщется и велик, а во всем чисты редко живут, потому что у них больше продают самородных, нежели алмазных, а ныне на мале живут, ибо в тех странах, где рождаются и откуда придут, ныне война. И посланник говорил, чтоб они радели сыскать такого камня лала, чтоб был чистый и велик. И они говорили: не знаем ни у кого такого камня, кроме того, что знают у боярина китайского, а тот лал великий, весом, по их, 11 золотников слишком, только тот камень гораздо дорог, и не будут у тебя, посланника, столько денег, чем его купить, потому что и голландцы пытались его купить, а не было у них столько денег. И посланник говорил, чтоб тот камень показали видеть, и буде он годен, тогда можно торговать, и хотя у меня столько нет, можно взаим взять от своих, а буде и так не могу купить, и тогда государству их слава будет, что такой камень в Китае сыщется, что послы и посланники иных государств не могут купить. И по многие дни ходили они

по тот камень, и иезуиты про тот камень знали ж и сказали, что у них иного такого камня в царстве ни у кого нет. И бил челом посланник и им, чтоб они радели, чтоб тот камень видеть, и насили тот боярин со своим человеком и с толмачами послал, и запечатан в ящике и пришит на атласе, и показали посланнику, и видел, и весили, и спрашивал, что ему цена, и говорили, что меньше 8 000 лан серебра отнюдь не дадут. А посланник, ведая их лукавство, говорил, что ему не надобен и негоден и чтоб они нашли лучше того. И они говорили, что лучше того в Китае нет и не бывал, и можно ему проведать, буде не верит, и от иных. И посланник за тот камень не подал ничего и не торговал, и они взяли и пошли назад. А посланник со стороны говорил иезуитам, чтоб они будто про себя торгуют, чтоб не догадались, да и толмачи говорили, что они то дело втайне делают, чтоб богдыхану было не слышно, а им бы за то не учинилось наказания. И про того камня написано ниже в своем месте. А иные мелкие камения, лалы и яхонты всякие, носили не втайне многие, только мелкие и нечистые, а которые были немного чистые, и те безмерно дороги, а что мелкие камения — наипаче яхонты и искры многое множество, а все продают с лукавством и не стыдятся, и что стоит лана, а они просят сто, да и во всех торгах таких лукавых людей иных на свете нет. А знатно то, что приказано было толмачам боярами так в торгу лукавствовать, потому что однажды торговали они у посланника сукно доброю ценою, и в то время приехал асканьяма с иными боярами, и как видел, что толмачи сукно торговали дорого, при посланнике бранил и устрошил, и толмачи то сукно отдали назад и сказали, что купить и иного ничего без их ведома не смеют. И все то делали, чтоб корысть осталась им, боярам, а не нам, потому что представлены были их люди и торговали, и купили, и продавали всякий товар на подворье и в лавках.

Июля в 21-й день присылал к посланнику алихамба из приказа, чтоб к нему прислал толмача, и толмач в приказ ходил, а в то время в приказе были калмыки и бухарцы. И алихамба толмачу говорил,

что калмыки и бухарцы людей ваших принять не хотят. Также калмыки и бухарцы говорили, что им русских людей взять нельзя, оттого что стоит у них война великая, а знатно то, что научил их алихамба по указу богдыханову, чтоб русских людей с собою конечно не взять. Калмыки и бухарцы толмачу подлинно сказали, что они конечно с собой посольских людей не возьмут, и то все от наученья их, а прежде сего они говорили посланнику, что людей с собою взять рады, только де без их ведома взять не смеют, хотя де с ними и поедут, однако же их на рубеже задержат и с ними не отпустят.

Того ж числа посылал откуп за полоняника 2 лисицы черные с черевы и с лапами, цена китайская 20 лан, 6 хребтов чернобурых, цена 20 лан, взяты из бунта ценою по 17 рублей, 10 хребтов красных, по 26 ал. по 2 де. хребет: цена по-китайски 20 лан. А как те лисицы калмыцкому лабе принесли, и он смотрел и говорил, что де надобно еще сверх того с лан серебра, да в то же время говорил бухаретин тому ж лабе, что даст он ему, лабе, за русского человека три человека полоняников калмыков, а он того полоняника выведет к великому государю к Москве и за того полоняника откуп возьмет, ибо он на Москве бывал многожды. И лаба бухаретину на обмен не дал же. И после того пришел к посланнику сам лаба и с посланником о полонянике договор учинил, и посланник сверх прежних лисиц дал лабе лисицу чернобурюю целую с лапами и с хвостом да выдру, цена лисице 12 лан, а выдре 5 лан, и всего за него по китайской цене дано 75 лан, а по московской цене на 32 рубля, и в тот день не послал.

Июля в 23-й день приходил к посланнику бухаретин и сказал, что де пришел к большой стене караван великий, калмыки и бухарцы человек с...¹, а русские товары у них есть или нет, того он не ведает, а есть де у них кони и ясыри, а идут они от Галдана да от Учурты тайшей, да тот же бухаретин говорил, что он давал за русского полоняника трех ясырей

¹ Так в оригинале.

калмыцких, и лаба у него не взял, а что де послано было великого государя из казны лисиц черных и красных на 60 лан, и те лисицы он не принял. И служилые люди и толмач, которые посланы были к нему, лабе, на калмыцкий двор, по посланникову приказу говорили, что он лисицы принял, и он де за того русского человека лисиц не принял, и ныне, буде он, лаба, хочет того полоняника отдать, и посланник пришлет за него 100 лан серебра. И он в том отказал же, а просил вышеписанного числа 18 лисиц черных да 200 лан серебра.

Июля в 24-й день принесли к посланнику на двор 5 столов во всем против прежнего, и те столы розданы дворянам и служилым людям по-прежнему ж.

Июля в 26-й день приехал к посланнику асканьяма и говорил, что он давно не был для того, что был болен, а ныне приехал он, ибо слышал, что наши люди с их китайскими караульщиками ссорятся, и как богдыхан услышит, и тогда никакого добра не будет и дела де обоих великих государей не совершатся. И посланник говорил, что ссорятся оттого, что великого государя служилых людей для покупки всяких товаров караульщики не выпускают и, хотя и пустят небольших, ведут они, где хотят караульщики, а не туда, куда наши хотят. Асканьяма говорил, что де еще приказали быть другому заргучею и велели выходить для покупки человек по 20 и по 30, да сверх того приказал выпускать, кто хочет идти на калмыцкий и на бухарский дворы для покупки верблюдов. Также говорил, буде не престанут от ссор и учинится о том богдыхану ведомо, и тогда велит разослать по приказам памяти, чтоб русским людям ничего не продавали и у них не покупали, и тотчас из царства вон богдыхан велит выслать. И посланник говорил, что воля богдыхана, хотя ныне велит ехать из царства, а если бы великого государя служилым людям была воля, и тогда бы никаких ссор не было. И асканьяма говорил, что де немало людей и так для покупки впредь станут выходить, о чем и богдыхан не ведает, только они то делали, и чтобы ходили и купили смиренно и никакие б ссоры не учинили, ибо еще и обоих ве-

ликих государей дела не совершились, а если что учинится, и тогда в делах великого государя учинят великую спону, и после того дела добром не совершатся. И посланник говорил, что, приходя, служилые люди бьют челом, что де товаров им нигде не продают, а продают де только в одной лавке. И посланник спрашивал, та лавка богдыханова или ближнего человека, для того что в иных лавках не токмо продать, но и не покажут, да в той же лавке продавали камки чайки среднюю руку по лану по чину, а ныне прибавили еще по чину. И асканьяма говорил, что у богдыхана лавок нет, а пошлет он завтра старого своего знающего человека и товары велит к себе принести и тогда им цену скажет, а про людей, которых хотел послать на Астрахань, сказал, что де они отпустить рады бы были, для того чтоб им была в кормах и в подводках прибыль, только де тех людей калмыцкий лаба принять не похотел, оттого что у них война великая, и могут ли они сами и без них проехать или нет, того сам он не ведает.

Того ж числа посылал посланник к лабе толмача с лисицами, чтоб полоняника взять, и как толмач на двор пришел, а лаба с караваном своим со двора съехал, и толмач того лабу настиг на дороге и говорил, чтоб он лисицы принял, а полоняника б отдал. И лаба лисицы принял по договору, как писано выше сего, а полоняника отдал.

Того ж числа полоняник Смоленского города рейтарского строю, Денисова полку Денисова сына Федор Павлов сын Александрович расспрашиван, а в расспросе сказал: в прошлом, в 167-м году, взят де он в полон из полка боярина и воеводы князя Ивана Ивановича Хованского под Полоцком, а взяли де его поляки, а после того у поляков отбили черкесы, гетман Брюховецкий, и Брюховецкий продал его калмыкам, Мичаку тайше, который кочевал подле Волги реки. А жил он в полоне у Мичака тайши 3 года, и после того тот калмыцкий тайша продал калмыцкому Учурте хану, и жил де он у Учурты 15 лет. А родом он, Федор, Мстиславского уезда, села Доброго, шляхецкий сын, а великому государю служил рейтар-

скую службу по Смоленску. Он же сказал, что де он знает Астраханскую дорогу в Китай, ибо он меж Астрахани в калмыках жил 15 лет и вместе с калмыками ходил в Китай тому ныне третий путь, а язык калмыцкий знает гораздо.

Июля в 28-й день приезжал к посланнику алихамба и говорил, что де ваши служилые люди их китайских караульщиков бьют и ходят, где хотят, около города для гулянья, а не для торгу, и буде о том богдыханово величество услышит, и тогда велит выслать из царства вон, а ныне велено выпускать для торгу человек по 20 и больше и сколько хотят, чтоб ходили с караульщиками и ходили смирно. А вчерашнего де дня ходили многие люди около города кругом, которых де и сам богдыхан видел, и чтоб конечно своим служилым людям заказал, чтоб они с караульщиками не дрались, а все они имели подозрение, чтоб не рассмотрели их города, и для того пеняли. И посланник говорил, что он про то не слыхал, для того что от караульщиков ваших челобитья на служилых людей великого государя не бывало, а впредь им за то наказание жестокое учнет чинить, чтоб впредь ни о чем не ссорились и без караульщика не ходили ж. И после того говорил ему, чтоб позволили купить сулемы и луки, и алихамба говорил, что де того без ведома богдыханова учинить не смеет, оттого что у них в том, чтоб иноземцам не продавать, заказ великий, и обычай у них старый, чтоб никому не продавать, и о том и доложить не смеет.

Августа в 1-й день преставился тобольской казак Петр Пошехонов, а похоронен в том же месте, где прежние, а из приказа прислали камку белую да домище против прежнего.

Августа по 6-е число у посланника алихамба и асканьяма не бывали, а асканьяма не бывал оттого, что был болен, а про здравие к посланнику спрашивать присылали почасту. И в тех днях, в которых они не приезжали, были дожди великие и продажа великого государя казны была зело худа. А дорогою асканьяма хвалился, что у него есть в царстве такие торговые люди, что один может откупить на 100 тысяч

лан, а как ныне видели в царстве, и проходили торговые лучше их и купили лан на 50 и меньше, а иные вдруг не купят и на 20; только пришли многие и еще на посмех давали против прежнего четвертую долю, и наши бранили их и вытолкали вон из подворья.

Августа в 7-й день приезжали к посланнику богдыхановы ближние люди, один, который прежде прислан был от хана посланника живописать, а другой, что вначале приехал, когда спрашивал иезуита, может ли посланник по-латыни говорить, и спрашивали посланника про здравье и говорили, что де асканья-ма лежит болен, а их прислал богдыхан, чтоб ты, царского величества посланник, дал которые б умели лучше всех плавать 6 человек. И посланник выбрал тотчас 6 человек и послал с ними вместе, и взяли коней и повели наскоро в то же место, где прежде сего плавали, и в том месте каючок был украшенный золотом, а кто в том каючке был, того они не видали, а видели только на берегу ближних людей — колаев, и плавали долгое время, и опять отпустили назад на посольский двор.

Августа в 8-й день приехал с Науна наунский меньший воевода, а с собою привез к хану ясаку, который они собирают с даурских мужиков по соболу с человека по доброму по вся годы по 100 сороков, и был у посланника и сказал, что люди, которые оставлены на Науне, все здоровы, также и скот, кони и верблюды здоровы ж, а солгал он, потому что писали люди, которые оставлены были, что скота там пропало много.

Будучи нам в Пекине, от богдыхана заказ был жестокий, чтоб русским людям ничего железного и медного, котлов, сулем, сайдаков, и луков, и стрел, и ножей, и стремян седельных не продавать, а служилые люди покупали втайне, и у которых находили, и тем деньги отдавали назад, а сулемы и котлов и иное, что ни есть железное, покупать не давали. А заказ был у них к своим людям под заповедью. Про порох также у них заповедь под смертною казнию, оттого что у них порох есть, только плох гораздо, также про по-

рох и про сулемы, и про сайдаки, и про всякое железное и медное заказ есть же, чтоб и калмыкам и бухарцам не продавали ж. А живучи в Царстве, в городе Пекине на посольском дворе, пропажи были во всяких товарах многие, а все крали их китайские люди, и многих из них поймали и связали и били. И нет таких воров, что китайцы, буде не побережется человек, и пуговицы у портищ обрезают, и мошенников зело много, и шапок добрых украли ж, также и челядь боярская воровали и крали много ж.

Августа в 9-й день посылал посланник в приказ толмача к алихамбе, ибо слышали, что посланнику отпуск будет вскоре, чтоб он, алихамба, к посланнику изволил приехать и о делах обоих великих государей переговорить, чтоб не был отпуск внезапно. И алихамба толмачу говорил, что де то дело не его, а говорили б о том асканьяме, потому что он у посланника приставлен; только он, алихамба, сказал, что отпуск будет вскоре и чтоб покупали и продавали поскорее. И посланник того ж числа посылал к асканьяме, а асканьяма говорил, что де алихамба говорит неправду, а то де дело его, и надобно ему о всем доложить. И в том же числе приехал иезуит алихахава и говорил, что де он с асканьямою виделся и ему сказал, что де еще дни два или три, и после того станут богдыхановы поминки раздавать, и после того будет вскоре и отпуск. И сказал обычай их, как они раздают поминки, что подданным своим, и о том бы была тебе ведомость, а ему, асканьяме, придти недосужно, оттого что де дела у него в приказе многие, да и сверх того он, асканьяма, болен. И посланник иезуиту говорил, чтоб он сыскал грамматику китайскую, и он говорил, что де сыскать китайскую грамматику здесь невозможно, оттого что у них грамматики нет и еще не делана. А он де, алихахава, пошлет к великому государю книгу от себя, что он делал в Китае — «Мапи», се есть китайские чертежи, и лист к великому государю, только чтоб было втайне и никто не знал, ни его братья иезуиты, потому что у них люди подозрительные и он опасается. Также посланник говорил, чтоб он поговорил ханову живописцу, который его,

посланника, по указу ханова живописал, чтоб он написал ханову персону. И иезуит говорил, что де он тому рад, только опасается богдыхана, чтоб кто про то дело не обнес. И посланник ему говорил, хотя кто про такое дело и обнесет и к нему, посланнику, про то спрашивать пришлют, и он им скажет, что есть свой живописец; и чтоб он тому живописцу сказал, что за такое дело его посланник подарит, чем ему хочется. А про камень, что выше сего писали, опять спрашивал, и он говорил, что, опричь того камня, иного не знает, и сыскать не можно, и тот чрез толмачей, буде возможно, взять, а иным обычаем нельзя. Также он, иезуит, с товарищами бил челом посланнику, чтоб дал им в костел для вечного воспоминания какую-нибудь икону, и они станут молить бога за царское величество, потому что приходящие в Китай русские люди всегда ходят к ним в костел, а как не видят русских икон, не верят и чают, что идолослужители, а не католики, также и те русские люди, что там живут, к ним приходят в костел, чтоб было и им чему поклониться. И посланник им дал икону Михаила архангела, обложена серебром и позолочена, также и пред икону два шандала серебром оправлены медные с финифтью. И иезуит говорил втайне посланнику под клятвою, что у богдыхана такое есть намерение, буде царское величество не даст мужика того Гантимура, а он станет сыскать его войною, также хочет воевать порубежные крепости, Албазинский и Нерчинский, потому что ныне от царского величества зело опасны, наипаче как видели круг нас, что подлинно тут по указу великого государя живут, а прежде сего чаяли, что они живут самоволием, как прежде живали по Амуру; и когда хотят, тогда и разорят. Да и ныне знают они, что в тех крепостях малолюдство, а от Москвы далеко, а от них близко, и хотят удержать, покамест ратные люди при их рубеже не умножатся, и не так им нужно Гантимура взять, как видеть, намерение царского величества какое, и они люди лукавые и знают, что те крепости строены для ясачных мужиков. И буде царское величество отдаст Гантимура, который начальник всех иноземцев, тогда и про-

чие иноземцы или за ним пойдут, или порознь разбегутся, и так царскому величеству не по что будет проториться и держать служилых людей, как не будут при рубеже их ясачные. И чаает он, что еще отповедь одну чрез тебя будут от царского величества ждать, буде казаки порубежные ничем не тронут их, а буде есть намерение царского величества и того Гантимура не отдать, надобно тотчас для обережения тех крепостей послать войско большое, потому что и сами китайцы удивляются, как смеют такое малолюдство жить близ такого их великого государя. А они, иезуиты, рады великому государю служить, они богу, потому что они богдойцев не любят, а китайцев любят, оттого что им при китайцах жить было лучше.

А продажа и покупка была худая, и товар продавали камки и атласы и бархаты в одной лавке, а в иных лавках не продавали, оттого что бояре и все толмачи и торговые вместе сговорились, почем у нас купить товары, также почем свои товары продать, чтоб корысть им осталась. И никто не смел чтоб прибавить в наших товарах цену, а в своих убавить, и так, как хотели, так у нас и купили, также и свои продавали по своей цене против прежнего с великою прибавкою, а который русский товар они покупали и почему, также почем их купили, и то будет описано про все особо.

Августа в 12-й день приехал к посланнику асканьяма, и посланник ему говорил, что дал им давно статьи, и против тех статей отповеди никакой нет, также говорил, как приехал я на Наун и в Царство, и тогда он, асканьяма, про всякие дела спрашивал, что пишет великий государь в грамоте своей богдыхану. Також и приехал с алихамбою и опять дал статьи на латинском языке через иезуита. И чтоб асканьяма теперь де ведомость дал на латинском языке через иезуита, о чем станет богдыхан к царскому величеству писать и что желает, о том бы было ведомо, и список на латинском же языке. И асканьяма говорил, что про статьи, которые дал на письме, отповедь будет вскоре после подарков, а что изволит ханово величество

писать к великому государю и что желание его, о том он, асканьяма, и сам не знает.

Также посланник ему говорил про подводы, до которого места дадут, и он говорил, что он и сам о том не знает, оттого что то дело в мунгальском приказе. И спрашивал асканьяма, сколь тяжеле будет прежнего подъем. Посланник ему говорил, что тяжеле будет прежнего гораздо, ибо служилые люди покупают китайки, а не камки. И он про подводы сказал, что до которого места будут подводы; у них обычай таков: от которого места на хановых подводах ехали, и опять будут до того ж места ехать.

Асканьяма ж говорил, чтоб посланник был готов завтра к подаркам, а подарки раздавать будут, почитая царское величество, в том же месте, где приняли его великого государя грамоты и поминки, а иным послам раздают в мунгальском приказе, и то учинят для царского величества чрезвычайный обычай. И посланник у асканьямы спрашивал, сколько дней после подарков богдыханово величество жить повелит. И асканьяма говорил, что де после подарков дадут жить дней за 10.

И посланник говорил про беглых якутов, которые к ним бежали из Якуцкого острога, собрались человек с 50, бежали на Амур и оттуда по Шингалу и на Наун с женами и с детьми, а из Якуцкого острога посланы сын боярский и казаки, и те якуты многих казаков переранили, и не могли их удержать, а из наунских сел взяли двух человек и послали в Царство, и они так говорили, что послали их князцы якутские к богдыхану, чтоб он их принял в подданство, потому что им от русских людей утеснение великое и ясак берут паче силы, и тех двух якутов послали назад к своим товарищам с асканьямою на Наун. И, услышав про них, посланник говорил асканьяме на Науне про них, и он сказал, что указ о том будет и назад отдадут.

И асканьяма говорил, что о том доложит богдыхану; также ему, асканьяме, посланник говорил про вождя тунгуса Токултая, и тот тунгус — племянник Гантимура, а жил он в Таргачинах с подданными ки-

тайскими и убил трех человек и бежал в Нерчинский к Гантимуру, и как приехал посланник в Нерчинский и просил у Гантимура вождя, и Гантимур дал того Токултая. И как приехал на Наун, и воеводы пеняли, что он вор великий и убил многих людей, а был подданный богдыханов и бежал в Нерчинский. А как асканьяма приехал на Наун из Царства, те же речи говорил, что он, Токултай, вор великий и изменник и надобно таких людей повесить. И посланник говорил им, хотя он не ведомо какое великое воровство учинил, однакожде ныне он доброе дело сделал, потому что был вождь посольства царского величества, которое идет от царского величества к богдыханову величеству со всякой дружбой и любовью, и можно богдыханову величеству для царского величества вину его отдать. И асканьяма и воевода говорили, что они без указа богдыханова простить его не смеют, а возьмет его, Токултая, асканьяма с собою в Царство. И как посланника в Царство взяли, и тогда и Токултая взяли, и для того бил челом ему, чтоб богдыхан пожаловал его. И он говорил, что с иными делами и про него доложит.

Также асканьяме посланник говорил, что с Науна писали наши люди, которые оставлены для береженья скота, что верблюды и кони померли многие, а купить по дороге, как он сам знает, негде, и надобно здесь купить, в Царстве. Также и про оружие говорил, чтоб он доложил богдыхану, чтоб повелел купить сулемы и луки и котлы, и он сказал, что о том доложит о всем. И после того асканьяма поехал вверх к хану. А в китайском царстве, в городе Пекине, верблюды покупали добрые по 40 лан, средние по 30 и больше, меньшая статья по 20 и по 25 лан верблюдов.

Августа в 13-й день приезжал к посланнику заргучей (дьяк) за полчаса до света и говорил, чтоб ехали к хану в красный город к подаркам, не мешкая. И посланник к хановым подаркам поехал со всеми служилыми людьми. И не доходя до ворот, у которых великого государя грамоты отдали, и тут были поставлены и поминки; на правой стороне в палате небольшой велели сесть, а в то время был дождь, и

сидели часа с пол 2. И при том алихамба и с посланником повитался и опять пошел вверх, и, поноровя с час, призвали на то место, где грамоты великого государя отдали и поминки на то место принесены были.

И будучи посланник напротив поминков, алихамба, стоя, говорил посланнику, чтоб он припал на колени (и на том месте были и грязи) и принял бы поминки, которые посылает богдыхан к великому государю, потому что у них обычай таков, что всех государей послы припадают на колени и так принимают поминки своим государям. И посланник говорил, что то невозможно делать, потому что от того учинится позор великому государю, а принимают так поминки поданные от государей своих, а которые равны, принимают, как ведется во всем свете, друг от друга и сосед от соседа, как отдал и от страны царского величества поминки ему, алихамбе; а не велел никому пасть на колени и принять. И алихамба, слыша то, ничего не говорил, только велел давать поминки, а поминки были в желтых хватах. И объявил прежде, что подарки дают и с приказы против поминков, а что дано, и то писано ниже сего:

Седло китайское со всею збруюю.

Легень с рукомойником весом 80 лан.

30 камок и атласов черных и золотых, и иной цвет, и бархаты были ж.

5 кож нерпечьих.

5 бобров, 5 барсов.

4 лукошка чаю.

А после того говорил, что богдыхан посылает к великому государю в подарках:

Легень серебряный с рукомойником весом 120 лан.

80 камок и атласов и бархатов разных цветов, из них 10 камок чаек большей руки.

2 седла китайские со всею збруюю.

10 лоскутов кож нерпечьих черных.

14 бобров.

14 кож нерпечьих изопрелых.

8 лукошек чаю.

А как те поминки отдали и, приняв, переписали и

хотели послать на подворье, а послали в то число за телегами, алихамба присылал заргучея и спрашивал его, как станем от хана принимать свои поминки. И посланник говорил, что поминки, которые будут от богдыхана, рад принять, как изволят они, и будет челом ударить, потому что и то есть, что иное принимает про себя, а иное, что царского величества именем; и после того велели посланнику подождать на площади, а он пошел вверх, ибо сказал, будут сверх тех к великому государю иные поминки. А посланнику приготовлена была лошаденка маленькая с седлом простым да камок небольшое и чай. И дожидались там часов с 6 до самого поужинка, и не дали никакой отповеди, также и ни пить, и ни есть весь день.

И после того пришел к посланнику втайне асканьяма и выслал всех, только остался с толмачом и говорил, посылал де по него хан для того, что де меж тобою и алихамбою учинился спор, а его де, асканьямы, в городе не было, потому что было недосужно. И посланник говорил, что алихамба стал к великому государю отдавать от хана подарки, а велел пасть на колени в грязь, и я ему говорил, что так поминков не приму, для того что учинится великому государю позор, и так принимают холопы от государей своих или подданные. И он, алихамба, поминки стал раздавать по росписи, и те поминки у него принял и в роспись себе написал и послал по телеги и хотел послать на подворье. И после того он, алихамба, посылал заргучея и говорил, как стану принимать от хана себе подарки, и я ему сказал, что про свои поминки рад принять, как прикажете. И после того он, алихамба, пошел вверх и по се число не бывал.

И асканьяма говорил, что лучше бы принять так и великому государю поминки по их обычаю, пав на колени, как и свои, для того что то дело пойдет ныне в задор и хан станет кручиниться и добра никакого от того не учинится. И посланник говорил, что ведает он и сам, что так принимают подарки, пав на колени, подданные, а равные государи так отнюдь не принимают, как о том обычай есть у нашего великого госу-

даря и у них, как жалуют подданных, и те принимают подарки, пав на колени, а что равен государь к равному государю посылает, никогда пав на колени не принимают, как и о подарках великого государя, которые посланы были со мною к хану, не просил я, чтоб подарки приняли, пав на колени. А так подданные ваши мунгальских тайшей принимают, а то позор великий учините, что подарки, пав на колени, велите принимать, и как великий государь о том услышит, что подарки принял так, и тогда великий государь учинит мне жестокое наказание, а здесь воля богдыханова, а что к чести великого государя прикасается, и того мне делать нельзя, потому что то не мое дело, а дело государское, и о том бы они сами помышляли, что он, посланник, только что принимает от них, а никакое дело мне нет, потому что государь к государю посылает равным обычаем и любовью, и для того не повелось бы побудить его, посланника, пасть на колени, потому что от того царскому величеству позор да и богдыханову величеству никакой чести из того не учинится и не ведется на свете насильствовать посланника, чтоб он сделал то, от чего государю своему учинится позор.

И асканьяма, услыша те речи от посланника, пошел к хану вверх, и в то время после него пришли заргучей к посланнику с лукавством и говорили, чтоб он пошел гулять в нижнюю палату, и просили у посланника роспись, что записал поминки, чтоб они разобрали. И посланник говорил, что в тот же час еще роспись разодрал, как не дали поминки, потому — что будет в росписи, как поминки не дадут, и они говорили, что в той росписи было написано худо и не все поминки были написаны, и надобно в иную роспись написать. И они все то говорили лукавством. И после того асканьяма прошел к хану вверх и замешкался с пол 2 часа, и пришли с алихамбою вместе при самом вечере и говорили, чтоб пошел посланник на посольский двор, а сидели в городе до самого вечера, не пили, не ели, и мы поехали на подворье, а они пошли к поминкам, и при самом вечере принесли пред враты посольский лист и приклеили, а что в том

листе писано было, того неведомо, для того что писано было никанским языком.

Августа в 15-й день приходил к посланнику из мунгальского приказа первый заргучей и говорил, прислали де его из приказа алихамба да асканьяма, а велели сказать, чтоб готов был к подаркам завтра рано. И посланник заргучею говорил, что идти готов к подаркам хоть теперь, только б не учинили так, как в третий день: и поминки к великому государю отдали, и я их принял, и в роспись написал, и на двор хотел послать, и те поминки взяли опять назад; и чтоб ныне не учинили против того ж, как и в третий день: в дождь сидели, до самого вечера не пили, не ели, а о том бы они не помышляли, что к царскому величеству поминки принял, пав на колени, а о том бы они ныне объявили, что без того поминков не дадут, и не буде, так и в город к подаркам не поеду, полно и того, что в третий день отпустили ни с чем, только с бесчестием великим. И заргучей говорил, что де и в то время поминки тебе отданы бы были без поклона и не пав на колени, а взяты те поминки для того, что не все были готовы, а ныне все будет готово, и не для того поминки не даны тебе, что принял, не пав на колени, только для того, что не все были готовы, а ныне все дадут из одного места, и можно поминки тебе отдать в одном часу, и полагаются ныне во всем на твою волю. И посланник говорил, что у нас великий государь наш, его царское величество, дает поданным своим калмыцким тайшам Аюкаю и Солом Сереню подарки таким обычаем, как ныне вы даете, и оттого чинится позор великий, а лучше бы вы так говорили, чтоб почитать богдыханово величество и подарки принягь с честью, потому что лучше человек почитает словами и сердцем, нежели понуждением, а в том какая прибыль, чтоб, на колени пав, принять, а на сердце любви и радости не было? И заргучей говорил, что де у них обычай таков и устарел, а ныне полагаются на твою волю, и после того отъехал. А все лукавство их было, потому что никакой прибавки к поминкам не учинили, только те все прежние дали, что писали выше сего.

Августа в 16-й день приезжал к посланнику за полчаса до света заргучей и говорил, чтоб ехал в город к хановым подаркам со всеми государскими служилыми людьми. И посланник со всеми государскими служилыми людьми к хановым подаркам поехал, и шли тем же местом, и, не доходя до ворот, где великого государя грамоты отдали, на правой стороне в палате небольшой велели сесть, и сидели часа с два, пришел заргучей и говорил, чтоб посланник шел к поминкам. И посланник пошел, а у подарков стояли алихамба и асканьяма да ближний человек, и как пришел посланник с государскими людьми, и они говорили, что хотя ты не принимал поминки от страны богдыханова величества, однако же богдыханово величество те поминки велел тебе дать, наипаче для служилых людей, которые многое время трудились. И посланник говорил, что воля богдыханова величества, а я не досадил ничем богдыханову величеству, потому что то дело учинил, остерегая честь государя своего царского величества, и не в том содержится любовь — пасть на колени и в иных высших делах, а лежит на сердце. И они говорили, что о том бог ведает, и велели принимать поминки. И дали поминки все вдруг собраны в одно место и не так, как прежде сего говорили, что те от хана подарки, а те отдарки. Также что они говорили, что будет к поминкам прибавка, и то все говорили лукавством и солгали, потому что у посланника была роспись, как подарки отдавал алихамба вначале еще, и просили у посланника заргучей ту роспись разодрать, а посланник их не дал и не показал, а держал у себя. А поминки посланник принял к царскому величеству стоя, и после принятия великого государя поминков велели ему, посланнику, принять от богдыхана свои поминки, и посланник у них спрашивал, как их воля принять мне свои подарки, и то говорил для отведения, что они будут против того говорить. И они говорили, что и те себе подарки прими стоя ж, как и великого государя поминки принял. И посланник стоя подарки принял, а что дано, и то писано ниже сего:

Лошаденка маленькая худая с седлом и с уздою.

12 камок средние и меньшей руки.

Озям на золоте.

Сапоги с чулками.

Пояс с ножом и с платками.

Шапка китайская.

26 китаек меньшей руки.

2 лукошка чаю.

А ему, посланнику, как дали подарки, не сказали, что подарки, или отдарки, а чается, что только были отдарки, а подарков не было, оттого что и десятой доли против его, посланниковых, подарков от них не дано. А нижеписанных дано особыми статьями, первое подарки, а вторые — отдарки.

Дворянам московским обоим дали равно по 8 камок, по 39 китаек, по озяму камчатому, по шапке, по поясу, по сапогам, и те отдарки и подарки были, что писано выше сего, им же по 2 лукошка чаю.

Посольского приказа подьячим: по озяму камчатому, по шапке, по поясу с ножами, по сапогам, по камке соломенке, по камке худой волосянке, по 16 китаек.

Посольского приказа подьячему Никишке Венюкову отдарок дано 2 подстава камки, подстав атласу, и дано только ему против подарков третью долю.

Тобольскому священнику Петру дано подарков: озям камчатый с поясом и с ножом и с платками, шапка китайская, сапоги, камка соломенка, другая — волосянка, 16 китаек, отдарок — 2 подстава камки.

Тобольским детям боярским и прочим подарки дано во всем против дачи священника Петра и подьячих, а отдарки им даны, смотря кто сколько нес, а дано только третью долю, однако же им из них дано лучше.

5 человекам толмачам дано по озяму камчатому, по камке ж волосянке, по 14 китаек.

Тобольским казакам и нерчинским, и людям посланниковым, и дворян, и иным, и кашеварам дано по 8 китаек, по камке волосянке, всем равно на 136 человек.

И как принимали поминки, иные хотели пасть на колени, а асканьяма пасть на колени не пустил. В то

же время посланник алихамбе и асканьяме говорил, чтоб богдыхан приказал еще жить две недели, и они говорили, что у них нет обычая, чтоб после подарков жить долго, только о том доложат хану. И после того поехали на посольский двор.

Августа в 17-й день присылал к посланнику из монгольского приказа подьячий и говорил, прислали де его алихамба и асканьяма, а велели сказать, чтоб ты, посланник, готовился к пути, для того что будто хан указал еще жить 7 дней, а больше того жить отнюдь не дадут, а подводы, сколько были с Науна до Царства, и ныне против того ж. И того же числа посланник послал в приказ подьячего и толмача, а велел говорить присылали они, алихамба и асканьяма, из приказа подьячего и подьячий говорил, чтоб я готов был в 7-й день; и чтоб богдыханово величество указал бы жить еще сверх 7 дней неделею, а ту неделю велели б жить хотя на своих проторах и кормах. Им же говорено, чтоб дали отповедь про статьи, которые им даны на латинском языке, да список с грамоты, какову хочет послать к великому государю богдыхан, как и он, посланник, приехав на Науна и в Царство, дал великого государя с грамоты список на латинском языке. Также чтоб позволили оставить в царстве двух или трех человек для остальных товаров, потому что товара и половину не продали, а оставить их на своих проторах. Также чтоб отдали великого государя ясачных якутов, которые к ним бежали из Якутского острога, тут же б отдали вора тунгуса Токултая. Также чтоб дали подводы довольно, оттого что служилые люди покупали китайки, а в Царство везли соболи и лисицы и горностаи, а если б то знали, и многие б взяли из Науна своих коней и верблюдов, и чтоб служилым людям не были какие скудости. И алихамба и асканьяма говорили, что де то дело про статьи и список с листа знают колаи и отповедь дадут про все они, а дадут ли на письме или нет, того они не ведают.

Августа в 23-й день принесли к посланнику от хана стол во всем против прежнего. Того же числа приехал к посланнику асканьяма и говорил, указал де

богдыханово величество жить еще до 4-го числа нового месяца, для того что служилые люди многое время трудились, а если бы не для них и богдыхан указал было после подарков отпустить вскоре, в третий день, оттого что ты богдыханова величества не почитал и не пал на колени. И посланник говорил, хотя богдыханова величества указ будет сегодня, и мы поедем и сегодня, а что которое дело прикасается к чести царского величества, не токмо делать, но и помыслить нельзя, что всякому человеку, который государю своему служит верно, подобает для чести государя своего умереть; а хотя б изволил отпустить, и мы бы поехали. Не силою мы приехали, так же не силою мы и поедем, и на Науне от асканьяма с такими речами не принимал, а если бы сказал, что поедь назад, богдыханово величество принимать не велел, и я бы насильно делать не стал. Также ему говорено про статьи, которые даны на латинском языке, есть ли отповедь, и он говорил, что еще о том отповеди нет, а как ему отповедь будет, и он, приехав, объявит. Также ему говорено, что подвод дают мало, и потому чтоб отпустили селенгинских казаков и иных человек с 30 в Селенгинский, оттого что вам в подводах будет легче. И асканьяма говорил и просил письмо, что буде учинится над ними что, чтоб богдыхану от того не учинилось бесчестие, и спрашивать с богдыхана не стали. И посланник говорил, чтоб богдыханово величество изволил дать до своих порубежных городов провожатых, а за порубежными вашими городами станут они сами себя беречь, потому что многие были в прошлом году в Китае и ту дорогу знают, а письмо вам дать отнюдь не ведется, потому что дело зело непристойно. А он для того то дело так говорил, чтоб не отпустить. А про якутов и про вождя и про иные дела сказал, что отповедь будет на рубеже, на Науне ему, посланнику, а про людей, чтоб ему оставить здесь в Царстве для продажи государские казны, сказал, что то дело не его и докладывать ему о том не можно, а ведомы те дела в большом монгольском приказе, и там доложат. Асканьяма ж говорил, что он готовится к дороге провожать его, по-

сланника, до Науна по-прежнему, и ему недосужно часто к посланнику приходить, а как будет какой указ от хана, и тогда он приедет и скажет, и отъехал.

Августа в 24-й день посылал посланник в приказ монгольский к алихамбе подьячего и толмача, а велел говорить, что по указу богдыханова подвод в прибавку не дают, а на тех, на скольких подводах приехали в Царство, подняться не на чем, ибо служилые люди покупали товар тяжелый, и чтоб велели отпустить по селенгинской дороге человек с 30 селенгинских казаков и дали б провожатых до рубежа своего, а буде тех людей отпустить не хотят, чтоб дали подвод довольно, на чем бы подняться. И алихамба подьячему и толмачу говорил, что де 30 человек, как их отпустить, буде какая учинится над ними поруха, и тогда богдыхану учинится бесчестие, он же, алихамба, сказал, что де о том подумает с асканьямою и о том отповедь будет, также про статьи и про иные дела сказали, что про те ведают колаи и они дадут отповедь.

Августа в 25-й день посылал посланник в приказ подьячего и толмача к алихамбе и к асканьяме, а их в приказах никого не было, только были дьяки дневальные, и дьякам говорили, чтоб они известили алихамбу и асканьяму, чтоб дали отповедь на письма и на статьи, и дьяки сказали, что к ним пошлют подьячего.

А в Китайском царстве, как бывает ход хану, и тогда по улицам и у ворот стоять и смотреть не дают и дворы по той улице запирают, а буде кто не сведома по той дороге против хана встретится, и он падет на землю, чтоб хана не видал.

Августа в 25-й день пришел заргучей и посланника звал к третьему столу, и посланник у стола был в том же месте, в котором были июля в 7-й день, а у того стола был асканьямин брат двоюродный, нашего пристава, асканьяма ж. И кланялись по-прежнему и сели есть, и яства были во всем прежнего стола. Того ж числа преставился нерчинский казак Иван Стародубцов, а погребен в том же месте, а домовище и камка приписано из приказу против прежних.

Августа в 26-й день посылал посланник в приказ подьячего и толмача, а велел говорить, чтоб дали отповедь против статей, которые даны на латинском языке, да список с листа, каков хочет послать к царскому величеству богдыхан на латинском языке. И алихамба подьячему сказал, что де про статьи богдыханово величество, буде изволит лист послать к великому государю, и про те статьи будет писать в листе своем, или будет словесная отповедь, а что просит посланник с листа список, и то учинить можно, ибо нашего языка не разумеете. Алихамбе же подьячий говорил, есть ли указ, чтоб отпустить 30 человек по селенгинской дороге, потому что подвод дают мало, и алихамба сказал, что о том поговорит с асканьямою и отповедь даст о всем завтра.

Августа в 29-й день присылали к посланнику заргучея в третьем часу дня, чтоб ехал к хану в город, и, поноровя немного, привели кони. И посланник в город к хану поехал, и, не доходя до ворот, где государские грамоты отданы, на правой стороне велели сесть, и, посидев немного, пришел заргучей и говорил, чтоб шли к воротам, а у ворот стояли 2 колая, один прежний, а другой никанченин старый, и алихамба, а асканьяма в то время был болен, и с ними иезуит.

И как посланник к ним приблизился, и колай говорил, чтобы посланник и все при нем пали на колени, потому что есть от хана указ и отповедь вам сказать. И посланник спрашивал, есть ли от богдыхана отповедь против государственной грамоты и против статей, что им дано, они говорили, что есть о всем указ, только чтоб пал на колени. И посланник на колени пасть не хотел. А в то время дворяне московские и дети боярские, и служилые люди начали говорить, чтоб пал на колени и учинил бы по их воле, как они хотят.

И посланник положил подушку и на колени пал, и колай учал говорить китайским языком, а алихамба после него сказывал монгольским языком нашему толмачу, что богдыханово величество не хочет отповеди к царскому величеству писать двух ради причин: 1-я оттого, что ты учинился непослушен, не принес [принял] поминки к своему великому государю, пав

на колени; как у них бывают ото всех окрестных государей послы, и они к своим государям поминки принимают, пав на колени, и никто о том спороваться не смеет. 2-я статья есть, что хотя богдыханово величество изволил к царскому величеству писать, однако же иного дела нет, опричь того, чтоб Гантимура сюда прислал, и то дело и в прежнем листе написано было также, а понеже царское величество того Гантимура не послал, оттого богдыханово величество больше того не хочет писать, потому, покамест то дело не кончится, никакого иного дела начинать нельзя. Данила Аршинский посылал людей здесь и уприсил у богдыханова величества, чтоб между собою в рубежах жили смирно, а про Гантимура обещался, что он будет писать к великому государю и, конечно, великий государь его отдаст. А ныне Гантимур не отдан и на рубеже не живут смирно, и оттого не по что и писать, да и сверх того впредь не токмо писати, но и послов и посланников и торговых людей от страны царского величества отнюдь не будем принимать, покамест те три статьи не будут совершены: 1-я, чтобы Гантимура послал сюда с послом своим. 2-я, чтоб тот посол был самый разумный и чтоб он делал все, что прикажем по нашему обычаю, и ни в чем не противился. 3-я, чтобы все порубежные места, где живут вашего великого государя порубежные люди, жили всегда смирно.

И посланник говорил, что воля богдыханова величества, а о том кручиниться не ведется, ибо то дело, что, пав на колени, не принял к великому государю поминков, не учинил нарочно, чтоб в чем бесчестить богдыхана, только остерегал честь государя своего, как должен и всякий верный слуга государя своего честь накрепко остерегать, потому что на всем свете и у нас таким обычаем дают поминки подданным своим, а не равным себе государям. И я прежде сего, что указал богдыханово величество, то и делал и ни в чем не противился, покамест видел, что не прикасалось ни в чем к чести царского величества, а как видел, что его царского величества чести вредит, только словесно вам объявил, а ни в чем богдыханову вели-

честву не досадил, что то дело учинить невозможно, потому что наш великий государь не поддан и не меньше вашего государя, но во всем равен.

А про Гантимура и прежде сего не однажды вам объявил, что великий государь, что писал в листе своем богдыханово величество, не вразумел, оттого никакой отповеди на тот лист нет, еще и лист для вразумения послал назад; а если бы вразумел, и через меня писал бы и словесно приказал, даст ли или не даст. Да им же посланник начал говорить, что великий государь подданного своего не отдаст. А дворяне московские и дети боярские и служилые посланнику говорили, чтоб того им про Гантимура, что великий государь подданного своего не отдаст, не говорил, а говорил бы о том, чтоб писали к великому государю, и как о том изволит великий государь. И для того им говорил, как прежде сего про него писали, так же б и ныне, и хотя про меня изволит писать богдыханово величество, что учинил то, что, на колени пав, подарков не принял, и хотя иное что на меня изволит писать, что я не учинил против их обычая, однако же и тот лист богдыханова величества буду принимать честно. А без листа и без отповеди как назад ехать и с чем царскому величеству объявиться, как станет спрашивать, кому его великого государя грамоту и поминки отдал, и для того без листа отнюдь мне ехать нельзя.

И они говорили, что те речи говоришь беглецким обычаем, что хочешь оставаться здесь и без отповеди не пойдешь, а можно бы богдыханову величеству чрез тебя и писать к царскому величеству и лист послать, только это трудно. Ты просил с листа списка на латинском языке, чтоб тебе показали, каким обычаем пишет богдыхан к царскому величеству, и то богдыхан отнюдь не позволит, потому что не тебе учить, как писать, а мы сами ведаем и знаем, что и как писать. И посланник иезуиту говорил, чтоб он толмачил, потому что толмач наш говорить худо умеет. И иезуит говорил, что он говорить, покамест колаи не прикажут, не смеет, потому что у них обычай варварский, и чтоб он говорил, чтоб они повелели. И посланник

им говорил, что толмач мой худ и чтоб приказали говорить со мною иезуиту, они ему приказали толмачить.

И посланник через иезуита говорил, что видит он, что богдыханово величество и колаи яростью и с сердцем говорят и то против права всех народов они делают, потому что на послов и на посланников нигде не кричат и не сердятся о том, что стоит крепко за честь государя своего, а слышал он и прежде сего, что они люди учтивые, и не повелось бы им гневом говорить, да и то дело, что прошу перевода с ханского листа на латинском языке, не для кого прошу, чтоб их учил, как писать, только для двух причин: 1-я есть, чтоб то дело не учинилось так, как прежде сего учинилось, что писал богдыхан лист к царскому величеству только богдойским языком, и оттого и до сего дня, что в листу было написано, не вразумели, а как будет список с листа латинским языком, и я здесь буду разуместь, и царское величество будет разуместь же, и отповедь о том будет, и то дело и в статьях вам написано. 2-я причина есть, чтоб не было какое жесткое слово или непристойное, которое бы прикасалось бы к чести царского величества, также и титла все чтоб было сполна как и царскому величеству, так и богдыханову величеству, и честь бы обоих великих государей хранилась равная, и о том бы с вами договор учинил и постановил, как впредь оба великие государи меж собою титла станут писать также и именованье, и о том и прежде сего от страны царского величества вам в статьях на письме дал. Потому что ваш обычай от нашего обычая далеко разнится, потому что у нас идет к чести, а у вас к бесчестию, и не говорили б того впредь, что посланник не объявил вам про спорные дела, да и сверх того вижу, что и у вас то первое дело и остерегаете накрепко, как пишут иные государи к вашему государю, потому что асканьяма на Науне и жить не дал, покамест не сказал ему, как пишет и что царское величество к богдыханову величеству. Да и ты, аликхамба, приезжал с асканьямою и с иезуитом в первый день от богдыхана и, покамест не дал великого

государя с грамоты списка на латинском языке, не отъехали. И хоть дал, однакоже вы не верили, покамест подлинные царского величества не взяли, все говорили, чтоб не было написано какое бесчестие. И как вы честь хана своего храните, так же и я должен государя своего честь хранить и умереть для ней, и та есть причина, что у вас прошу списка. И они говорили, как ты стоишь для чести государя своего крепко, так же и мы, а те речи говоришь, чтоб не писал богдыхан к царскому величеству какое жесткое слово, и то ты говоришь непристойно, потому что царское величество писал к богдыхану всякую дружбу и любовь, а богдыханову величеству как писать к царскому величеству какое жесткое слово. Да и сверх того, хотя богдыханово величество изволили чрез тебя лист к царскому величеству писать, однако же ты лист тот не принял бы по нашему обычаю, а хотел бы ты взять, как и поминки, и то бы было великое бесчестие. И нам отнюдь нельзя дать так тебе лист богдыханов, которого у нас иного на свете честнее нет.

И посланник говорил, что дело от дела разнится, иное есть лист, а иное поминки, и буду почитать и принимать с честью, как водится, только чтоб не было вредительства чести царского величества, только чтоб богдыхан изволил дать с листа перевод латинский, чтоб видел, нет ли какие трудности в нем, о которых я с вами договор учинил, и успокоил, как впредь писать меж себя обоим великим государям, как о том и в своей грамоте царского величества к богдыханову величеству писал про его титла и именование. А буде не изволит дать перевод латинский, воля его, богдыханова, только вы доложите мои речи, потому что то дело будет лучше ко обоим странам для вразумения о чем пишет к царскому величеству и для ради примеру и титлов, как и впредь писать меж собою.

А заргучей в то время начал кричать и говорить дворянам московским и детям боярским и служилым, как богдыхан будет к царскому величеству писать лист, будете ли принимать с такою же честью, как мы прикажем, и они закричали все, что будем, и те речи

заргучей говорил не пооднажды и расспрашивал их не пооднажды, а они говорили заргучею те ж речи. И посланник, обратясь к дворянам, и к детям боярским, и ко всем говорил, буде будет писано в листе к царскому величеству какое бесчестное слово, отнюдь не приму, потому что на Москве мне отповедь дать, а не вам, а иные из них говорили, из детей боярских, хоть каков ни есть лист писан будет, мы примем, буде ты не примешь.

И посланник колаям начал опять говорить, что про лист, как изволит богдыханово величество, а про те 12 статей, что дали на письме от страны царского величества, какая отповедь от богдыханова величества есть. И они говорили, что не токмо про те статьи никакой отповеди, но и ни про какое иное дело не будет, покамест те вышеписанные три статьи не исполнятся, се есть, чтоб Гантимур послан был сюда с послом, 2-я, чтоб тот посол, что прикажем по нашему обычаю, сделал, 3-я, чтоб ваши люди, которые живут на рубежах, чтоб с нашими порубежными жили смирно. И когда те три статьи исполнены будут от страны царского величества, тогда хоть ты, хоть иной кто-нибудь приди, и не токмо те статьи двенадцать, но и хотя и 120 посланы будут от страны царского величества к богдыханову величеству будет принимать.

И посланник им говорил про якутов, про вождя, про подводы, про тех, чтоб отпустить чрез Селенгу, чтоб дали отповедь, и они говорили, что те дела малые и после того отповедь будет из монгольского приказу, а ныне пойдут они к богдыхану, про твои речи доложим хану, и чтоб посланник встал и пошел на прежнее место в палату и подождал, и насилу иные могли встать, потому что больше двух часов стояли на коленях в дождь на камнях. И потом колаи пошли вверх, а посланник пошел на прежнее место, где, пришед, в палате сидели. Понорова с час, пришел алихамба и сказал, чтоб посланник шел на подворье, а про дела сказал, что отповедь будет иным временем. И посланник с заргучеем, сев на кони на подворье, поехали. А едучи посланник на подворье, встре-

тился иезуит алихавава и сказал посланнику, что он не смеет много говорить, оттого что де из наших людей оболгал его алихамбе и асканьяме, что он ему, посланнику, про всякие их дела китайские сказывает. Также говорил, что посланник им предложил ночью думу думать и отповедь учинить про все завтра, и опять разъехались.

А в его, великого государя, наказе написано в разных статвях ему, посланнику, буде что в тех их китайских листах объявится написано не к чести царскому величеству, и о том ему хановым людям выговаривать и то все и спрашивать, чтоб царскому величеству имени было к чести и к повышенью. С хановыми ж ближними людьми договориться впредь, каким письмом от великого государя, от его царского величества, к государю их, к богдыхану, его, великого государя, грамоты писать, чтоб на обе стороны о всем было разумительно, а они б к великому государю грамоты свои прислали на латинском и на турецком языке. Великого государя именованье и титла как им впредь в грамотах своих к царскому величеству писать, дати им на письме с полными титлами, так же и у них, как хана их именованье и титла писать, взять на письме ж, и стеречь того накрепко, чтоб он, хан, в титле своей и в именованье не именовался иных окрестных великих государей владеньем и государствованьем, чтоб впредь той его титлой на царское величество от посторонних государей нелюбья не было. А буде китайский хан с ним, Николаем, в грамоте своей великого государя именованья и титлы описать против его государского достоинства, как он, великий государь, к нему, хану, в своей, царского величества, грамоте с ним, Николаем, именованье свое и титлы описать указал, не велит, а напишут с убавкою, и Николаю говорить и стоять о том накрепко, что китайский хан в грамоте своей царского величества именованье и титло написать велел во всем против того, как он, великий государь, сам себя описует. Да ему ж, Николаю, хановым ближним людям говорить, что, почитая его царское величество, все окрестные христианские и мусульманские великие государи пишут к нему, ве-

ликому государю, против тех его царского величества именованья и титл с прибавкою, и чтоб и государь их, богдыхан, по тому ж к царскому величеству тем объявил свою дружбу и любовь, его царского величества именованье и титлы велел во всем написать против того, как он, великий государь, сам себя описует. И конечно ему, Николаю, будучи у китайского хана, домогаться всякими мерами накрепко, чтоб с ним в хановом листе царского величества именованье и титло написано было во всем против его царского величества чести и достоинства. А ханово именованье и титло как к нему впредь в грамотах царского величества писать, у ближних людей его взять то, в котором он всего света владетелен и иных окрестных великих государей именованьем и титлою не напишется. А как к великому государю окрестные христианские и мусульманские великие государи его, царского величества, именованье и титло в грамотах своих пишут, и с того со всего даны ему, Николаю, списки.

И те вышеписанные статьи показал дворянам и детям боярским и служебным, что он, посланник, от них, китайцев, список с листа не своим умышлением просил, но по указу великого государя, и чтоб впредь они не противились и не учинили так, как вчера пред китайцами в городе шумели и говорили и хотели принимать по их воле, ибо то дело не учинит позор ему, посланнику, а наипаче учинит позор царскому величеству.

Августа в 30-й день приехал к посланнику от хана сверху ближний колай, тот, который принял великого государя грамоту с приезде у посланника, а с ним приехал алихамба да иезуит алихавава. Приехал он, колай, с великой учтивостью, с коня слез далеко от ворот, а посланник как слышал, что он едет, встретил его далеко и дал всякую честь, чтоб он шел наперед в палату, а он не пошел и говорил, что ты у нас гость и гостя везде почитают, и много о том споровались, и не пошел. И как пришел в палату и сел и начал говорить посланнику, чтоб не покручинился, то вчера в городе в дождь чуть не весь день трудился с нами. И посланник говорил, хоть и трудились, однако

же которое дело делаем для обоих великих государей и государства их, то в труды не вменяем, потому что великий государь нас для того послал в такое дальнее государство, что, хотя и с трудностью, только бы, дал бог, всякие дела добром совершились. И колай говорил, что и они то дело желают, и для того богдыхан прислал их к тебе, посланнику, говорить некоторые речи, только б ты велел призвать дворян московских и детей боярских, чтоб и они слышали. И пришли в палату дворяне и дети боярские, и из них не пришел сын боярский Савва Жамотин. И посланник говорил, чтоб колай и алихамба изволили о чем приехали говорили б, и они говорили, что еще нет одного человека. И покамест Савва Жамотин не пришел, говорить колай не стал, а как он пришел, тогда колай стал говорить по-китайски, а алихамба переводил его речи на монгольский язык и сказывал нашему толмачу, чтоб нам по-русски говорил. И толмач начал говорить по-русски тех их статьи нижеписанные и речи их. И видел посланник, что толмач речи не умел перевести, призвал всех иных своих толмачей монгольских, и они не могли сказать подлинно. И видя посланник, что дела они предлагают великие; а наши толмачи толмачить и вразуметь подлинно не могли, тогда бил челом посланник колаю, чтоб он сказал те же речи по-китайски иезуиту, а иезуит бы по-латыни для лучшего вразуменья сказал посланнику. И колай приказал те ж речи по-латыни говорить, и он все же дела объявил разумично, однако же посланник для лучшего достоверия те ж речи, что говорил ему иезуит по-латыни, по-русски говорил толмачу своему, и он по-монгольски подтвердил алихамбе так ли, и так сошлись речи с речами во всем, а те речи, что говорили посланнику чрез иезуита по-латыни и по-монгольски, были таковы:

Вчерашние разговоры, которые они говорили в городе с посланником, также и про то, что ты спрашивал у нас списка и переводу на латинском языке с богдыханова листа, каков будет писать к царскому величеству, и прочие все твои речи, что ты нам объявил, вчера предложили и докладывали в думе старикам

нашим, а богдыханову величеству о тех делах ничего не объявили, а дума наша думала о тех делах меж себя многое время, и постановили так, чтоб мы пришли к тебе и объявили наш старый обычай, который от века постановлен у нас в своем государстве; и ты те речи наши рассмотри и подумай, и буде можешь принимать по нашему обычаю богдыханов лист к своему великому государю, ты нам отповедай, и мы тогда учнем доложить богдыханову величеству, и можно склониться, чтоб от себя писал богдыхан к царскому величеству.

А обычай наш и постановление положены на три статьи: I статья есть, что всякий, который-нибудь посол, приходящий к нам в Китай, должен говорить такие речи, что пришел он от нижнего и смиренного места и восходит к высокому престолу или месту, также и мы, когда докладываем богдыханову величеству про пришествие всякого посла или посланника, также докладываем, что приехал от того государя от нижнего места к превысокому престолу твоему тот посол или посланник челом ударить. II статья есть, что всякие поминки, которые посылаются через послов своих к богдыханову величеству от которого-нибудь государя, и мы те поминки не именуем и в доклад не пишем поминками или подарками, а именуем их и пишем дань, или ясак; и так объявим, что прислал к тебе, богдыханову величеству, тот государь дань, или ясак, а не поминки; III статья есть — отдарки или подарки посылает от себя богдыханово величество к тому государю, и про те не докладывают и говорят, что богдыханово величество тому государю и всему его государству посылает для службы его милость и жалованье.

И те вышеписанные три статьи конечно должны все послы и посланники, которые к нам приезжают, принимать без отговору; да и сверх того, как богдыханово величество пишет отповедь ко всякому государю, таким же обычаем пишет, что от превысокого престола пишет к нижнему месту.

II. А про поминки пишет, что дань, или ясак, который ты к нам прислал, приняли.

III. А про подарки и отдарки от себя пишет: и для того посылает к тебе и ко всему государству твоему для службы твоей милость и жалованье. И те три статьи суть, которые пришли объявить к тебе для того, что ты вчера просил у нас с богдыханова листа перевод латинский, чтоб не было писано в том листе к твоему государю какого жестокого слова, также ты говорил, что без листа отсель не пойдешь, и для того ныне объявим тебе подлинно, буде ты можешь принимать тот лист всеми тремя статьями, и мы можем доложить богдыханову величеству, и так, как у нас из века постановлено, будет писать к твоему великому государю, хотя в листе нет иное дело писати, кроме про отдание Гантимура, потому, покамест твой великий государь не отдаст Гантимура, никакое дело невозможно совершить, ни начать; и о том ты, посланник, не подивись, что у нас обычай таков, и своему государю скажи, потому что как один бог есть на небе, так един бог наш земляной стоит среди земли меж всех государей, и окрест его все государства стоят. И та честь у нас неперемenna была и во веки будет же.

И посланник им говорил с благодарением, что они преразумно учинили, что объявили свой обычай, как пишут, и не научили так внезапно и не понудили, как прежде сего учинили, когда дали подарки, что вдруг велели пасть на колени, а прежде сего о том деле и обычае их ничего не объявили, потому что так ведется во всех государствах и такой обычай постановлен, что всем послам и посланникам на письме и словесно предлагают всякие дела и трудности, и тогда он против того думает и отповедь учинит, потому что всякий знает обычай своего государя и государства и честь хранить ведает же, а иногда великие трудности смиряют и спокоят меж себя договором. Только то кажется чудо великое, что нам великий государь для великой дружбы и любви посылал поминки, а вы именуете их дань, будто поддан, а весь свет знает, что наш великий государь ото многих емлет, а сам никому не дает дань.

И колай говорил, что ведаем и мы, что твой великий государь не поддан богдыханову величеству, только искони век так обычай наш постановлен говорить и писать так же, и тот обычай для всего света, переменить как нельзя, однако же видим, что твой великий государь и грамоте своей, что пишет к богдыханову величеству, при конце пишет, чтобы не подивил на царское величество, что именованье и титуло его не писал против достоинства, потому что не ведал, а впредь учнет писать именованье и титуло его по достоинству, как сам себя описует; а из того нам кажется, что твой великий государь и тебе приказал, какой ни будь наш обычай, принимать и лист богдыханова величества, каков ни будь пишет, принять, и ты от себя принять не хочешь, и мы так толкуем грамоту твоего великого государя.

И посланник им говорил, что не отпираюсь о том, что великий государь не писал так, только не для того писал, чтоб принять такой обычай или лист, в которых бы прикасалась что к чести царского величества, также и не пишет то в своей государской грамоте, что указал моему посланнику делать все, что укажете, и ни в чем не противиться. Писал великий государь те речи для того, что обычай есть во всем свете и права всех народов постановлены так, что великие государи меж собой взаимно друг друга почитают, и как один пишет и почитает другого, так и другой должен взаимно, как належит честь его, почитать по достоинству. И тот обычай хранится на свете от всех государей не нарушен, и то чаял царское величество и от богдыханова величества и для того писал, а про поминки, что послал и не именовал в грамоте своей, как обычай у всех великих государей. А ныне мы видим от вас, что объявляете такие великие и превысокие дела, то прежде сего на свете и не слыхано, которые не токмо прикасаются к чести царского величества и государству его, но что есть на свете и иных всех великих государей, и для того дайте нам до завтра сроку подумать, и завтра учиним подлинную отповедь, возможно ли нам ваши те три статьи и лист таков принимать, или нет, потому что на таких великих

делах отповедь таким великим людям дать вскоре нельзя.

И посланник нарочно им отповедь отложил до утра, чтоб видел, что они станут говорить и что от них объявится.

И колай говорил, что можно подождать до завтра, и завтра он или алихамба отповедь возьмет. А будучи они у посланника, все речи, что говорили, учтиво и тихо говорили, не с сердцем, как в городе говорили, а как отъехал от посланника колай, опять не вышел прежде посланника из палатных дверей, также покамест не возвратился посланник в палату, на коня не сел, хотя в то время и дождь был, и так отъехали. А в то время, как колай к посланнику на двор приехал, все, что были на посольском дворе китайцы и толмачи с великим страхом, как услышали, что он, колай, едет, разбежались. И после того посланник спрашивал у толмачей, для чего они так испужались и все разбежались, и они говорили, что де в Китае боятся больше его, нежели хана, и после хана он другой человек. И они испужались и удивились, что он приехал к посланнику, потому что он отнюдь никуда к боярам, ни к хановым братьям не ходит, а всегда живет при хане, и то знак, что богдыхан почитает тебя зело, потому что он ни к которым послам не ходит.

А иезуит писал к посланнику чрез своего человека, что он к посланнику ехать не смеет, а писал, что де они говорили, будто хану не докладывали, и то солгали, потому что всю ночь думали колаи в ханской думе, и хан тут же был, и после того к тебе послали, и колай не очень охотник был к тебе идти, и хан ему конечно приказал ехать самому, а думали они так: буде ты примешь те статьи и лист таков, и они еще дадут тебе жить неделю, покамест напишут лист и исправят, а буде не примешь, тотчас велят тебе ехать из царства по старому их постановлению, и наипаче то делают для неприятелей никанцев, чтоб они видели, что хотя с ними война, однако же такого славного великого государя не боятся и обычая своего не переменяют, также писал, что колай не будет, а будет для отповеди алихамба.

Августа в 31-й день приехал к посланнику алихамба да с ним иезуит алихавава и спрашивал посланника про здравье и после того сказал, что послали его колаи для вчерашней отповеди, что ты ему говорил, что сего числа отповедь учинишь. И посланник ему говорил, что мы думали всячески, как бы возможно было те статьи спокоеить, и никакими мерами не токмо принять, но и подумать нельзя, потому что, буде примем мы такой лист и такие статьи, не токмо нашего и несравнивого великого государя и государство его, но и нас самих в подданстве подаем, и то дело не токмо позорно всем нам, но и казнены будем от нашего великого государя, потому что во всем свете не остерегают так народы все и не хранят иного ничего, что честь государя своего, как видим, что и вы сами об нашем государстве радеете. И для того, чтоб богдыханово величество и вы ближние люди чтоб на нас не покручинились, потому что паче меры нашей и силы принимать не можем и не смеем. А буде богдыханово величество чрез ваших ближних людей думу изволит писать к царскому величеству таков лист, что друг другу и сосед соседу, дружбою и любовью, равным обычаем, как и царское величество писал к богдыханову величеству и как обычай во всем свете, что все великие государи один к другому пишут равным обычаем и почитаются взаимно, и можно к богдыханову величеству и вам склониться к тому и писать так, что из того умаления или вредительства чести его не будет, и таков лист буду принимать со всякою честью, и царское величество потому ж с дружбою и любовью будет принимать же. И алихамба говорил, что таков лист не токмо дать, но и доложить богдыхану не смеют, чтоб он лист к кому писал равным обычаем, потому что они и вчера объявили явно, что богдыхан есть бог земляной и вокруг его стоят все иные, что на свете есть, государи, и как ему писать лист равным обычаем, и то он подлинно ведает, что невозможное дело, и чтоб он, посланник, готовился к пути, а завтра опять он будет и, что ближние колаи прикажут, объявит же. И посланник ему говорил про статьи, что дал на латинском языке, и про

подводы и про иные многие дела; чтоб им предложил, есть ли какая отповедь от богдыхана, или нет. И алихамба говорил, что покамест Гантимур не отдан будет, не токмо на те статьи отповедь, но и малое дело начинать нельзя, как и третьего дня в городе колай ему сказал, а что про подводы будет он, алихамба, с асканьямою говорить, и отповедь будет же. Также алихамба спрашивал, сколько куплено верблюдов у нас в Царстве? И посланник говорил, что куплено верблюдов со сто, и не куплены верблюды для того, чтоб на них вести товар из Царства, а куплены те верблюды для того, что слух нам есть от наших людей, которые оставлены на Науне, что многие верблюды померли, и те верблюды куплены в запас, чтоб нам было чем подняться с Науна до Нерчинского, а здесь, чтоб они прибавили подвод, хотя небольшие, ибо служилые люди покупали товар тяжелый, китайки, и на тех подводах подняться нам нельзя, разве будем нанимать, а если бы они отпустили наших людей чрез Селенгу, и им бы и нам было лучше и в подводах легче. И алихамба говорил, что поедет в приказ и будет думать с асканьямою и опять будет завтра, а иезуит отъехал с ним, алихамбою, вместе.

А в тех числах продажи не было, только небольшое променили государских казенных соболей на товар, а у служилых людей у кого что было меняли, а толмачи часто приходили к людям его, посланниковым, и говорили, что за тот камень даст ли 5000 лан, для того что они уговорились с боярином. Они им во всем отказали, и толмачи опять приходили и говорили, что велел отдать на 3000 лан, и опять им отказали ж, что не надобно.

А иезуит после полудня приехал к посланнику и сказал про те дела, что богдыхан отнюдь не требует лист писать, как ты просишь, потому что он по природе есть человек, что любит зело честь и хвалу; и для того он трудился многие годы и учился китайской мудрости, так что мало таких сыщется в Китае, потому что ведает он, что китайцы не хвалят так иного, как ученого человека, наипаче хана своего; к воинским делам он не склонен, и ныне все во учении труж-

дается. И сказал иезуит посланнику с клятвою, что у них так честь хана своего хранят, что хотя бы знали подлинно, что оттого потеряют Царство, однако же не поступятся никому, как от века и до сего времени не поступились и впредь не будут поступаться, потому что они люди-варвары. И посланник спрашивал у иезуита, что не боятся ли они от царского величества и от приближения государских людей не боятся ли, и он говорил, что, конечно, боятся, а Москва далеко, и чают, что большому войску прийти трудно, а в ближних местах живут люди небольшие, которые не могут им ничего вредить.

Посланник же спрашивал у иезуита, для чего так крепко спрашивают взять от нас одного мужика Гантимура и какая им от него прибыль. А иезуит говорил, — для того они спрашивают Гантимура, потому что они ведают, что вы не отдадите его, и тогда они сыщут причину, будто правдою воюют, и станут разорять ближние места Нерчинский и Албазинский, потому что они часто говорят, что они русских людей по Амуру трижды разорили до остатку. И так чают они, что и ныне могут их разорить; а про камень сказал, что де меньше двух тысяч хан, китайский боярин не отдаст, и можно тот камень купить чрез толмачей, а без толмачей купить нельзя.

185-го года, сентября в 1-й день по утру рано прислал иезуит к посланнику со своим человеком письмецо, что всю ночь думали в ханской верховой думе и постановили, чтоб конечно сего числа тебя, посланника, из царства отпустить. И после того, поноровя с час, приехал иезуит и говорил, что послал его алихамба, а велел спросить, время ли к тебе прийти алихамбе, а ожидает он в ближнем приказе.

И посланник ему говорил, чтоб он к алихамбе поехал и велел бы приехать; и алихамба того ж часу к посланнику приехал и, как приехал, спрашивал посланника про здравье и после того начал говорить, что вчерашние речи, что ты предложил, чтоб богдыханово величество писал к царскому величеству равным обычаем, как и царское величество писал к богдыхану, и как у вас обычай належит, то все объявил ближ-

ним колаям, и они то дело не токмо делать, но и доложить богдыхану не смеют, потому что то дело у них ответа [от века] и донныне также и впредь до века непременно будет; и понеже видели колаи, что уже всякие дела меж обоих великих государей скончились, и для того больше того у нас жить нет обычая, и чтоб готовился сего числа ехать, потому что отпуск сего числа по указу богдыханова величества всем вам готов есть. Только при отпуске твоём ближние колаи велели тебе те ж речи прежние объявить, чтоб ты царскому величеству конечно доложил: 1-е дело, чтоб Гантимура царское величество с послом конечно послал, потому хотя бы и писал богдыхан лист от себя к царскому величеству, однако же иное не писал бы, кроме про отдание Гантимура, и для того ты те же речи царскому величеству словесно объяви, чтоб не учинилось, как прежде сего; казакам наказано было про Гантимура объявить, а они ничего не сказали; 2-я статья есть, буде царское величество изволит впредь посылать к нам посла, или посланника, или кого-нибудь, чтоб ему указал, что мы здесь прикажем, чтоб ни в чем нам не противился. 3-я статья, чтоб жестоко указал своим служилым людям, которые живут близ рубежей наших, чтоб отнюдь наших ничем не изобижали, потому что от того никакого добра не будет; и буде царское величество те три статьи исполнит, тогда хотя чрез тебя или чрез иного не токмо те 12 статей, что ты подал, что царское величество от богдыханова величества желает, и хотя и иное что-нибудь учнет желать, и богдыхан обещается царскому величеству исполнить; только, покамест те три статьи не исполнены будет, чтоб отнюдь никакие люди от вас из России и из порубежных ни с какими делами и с торгом не приходили, потому что указ богдыханов так постановлен. И посланник алихамбе говорил, что те дела, которые приказали колаи мне объявить, чтоб я царскому величеству доложил, и те дела хотя б и не приказали тебе говорить, а я должен великому государю своему объявить про всякие дела, и что воля богдыханова величества и ближних людей; а я и без листа царскому величеству словесно до-

жу, только то трудно, что так объявили отпуск внезапно и, как сам видишь, я ни с чем не собрался, а можно бы было дни за два или за три, как ведется послам и в иных государствах, прежде сказать, да и сверх того что еще на двор и подводы не приведены, и можно ли нам на тех подводах подняться. А буде подняться не можно, надобно время нанять подводы, и хотя бы нам дали сроку до утра, чтоб собрались, а утром, хотя ночью, пойдем вон из Царства, потому что и нам здесь жить больше непочто.

И алихамба говорил, что богдыхан приказал прибавить еще десять подвод против прежнего, и будет во всем 60 телег, и чаем, что на тех 60 телегах можно вам подняться, потому что здешние телеги не так мало поднимают, как монгольские, а поднимают здешние перед теми гораздо много. А в приставах у вас указал богдыхан быть до Науна асканьяме ж и двум заргучеям и подьячим и сотникам. А ныне асканьяма болен и поедут с вами заргучеи и прочие, а он, асканьяма, сустижет вас по дороге. А про то, что ты говоришь, отчего тебе не объявили прежде сего и чтоб тебе жить до утра, и про то дело, чтоб объявить послам прежде, у нас нет обычая, только в последний день, как указ богдыханов есть, и в тот день и объявляют. А что тебе жить до утра, и о том и подумать нельзя, потому как един бог на небе, так и богдыханово слово едино и неперемменно, и для того конечно тебе ныне ехать, чтоб сегодня хотя при вечере, только б из Пекина выехал. Становье недалеко тебе поставлено — в городе Тунг, а по-монгольски в Баян суме, который отселе 40 наших верст (а русских наших верст до того города 13), и так можно поспеть хотя ввечеру, только чтоб богдыханово слово исполнилось; и тотчас пойдет в приказ и пришлет подводы и все, что надобно посланнику к отпуску. И посланник говорил, что грязи есть за городом и в городе великие и будут ломатись телеги, и тут будут ночевать на дороге, и чтоб не учинилась какая кража. И алихамба говорил, что никакими мерами нельзя, хотя дождь и грязи и что ни будь, только ныне ехать. И посланник, видя то, что, буде не изготовлюсь ехать, можно и силою

вышлют, тогда ему говорил, чтоб подводы прислал поскорее, а я буду собираться, как можно; хотя и нужно, однако же поеду. И алихамба после того с посланником со всякою учтивостью повитался и желал счастливое нужное шествие и спрашивал, сколь скоро будет отповедь от царского величества о тех делах. И посланник ему сказал, что можно отповеди быть в полтретья года или в три года, и после того алихамба отъехал.

И поноворя с час, приехали заргучеи и привели 60 телег да 134 коня, под всякого человека по коню, а коня дали и полонянину и написали его в приказе, ибо лишних людей из Царства не выпустят, кроме тех, которые писаны в первом городе у стены в заставе.

А в тех последних числах августа месяца по 1-е число месяца сентября приходили на подворье к посланнику многие честные люди и холопы боярские и торговые и спрашивали у посланника купить остальные товары, соболи и кость рыбью, что осталось из государственной казны, также спрашивали купить и его, посланника, остальные товары и стали давать за товары на третью долю той цены, как прежде купили, будто с поруганием, и чаяли так, что возьмут товары, как они хотят. И посланник, видя, что они только надругаются над товаром и что хотят взять даром, отказал и говорил, буде дадут прежнюю цену, и так буду продавать, а если станете меньшую цену давать, и вам товаров не токмо продать, но и не покажет, потому что нет нам никакой нужды, чтоб так дешево отдать. Однако же в тех днях товары продали небольшою ценою, а остальные продать было нельзя, оттого что только над товаром поругались. У них всегда обычай таков, что на отпуске многие люди приходят и товары покупают дешевою ценою, ибо де те товары назад не повезут и продадут дешевою ценою нужды ради, чтоб те товары назад не повезли.

А как телеги и кони привели, великого государя казну клали на телеги, а остальные роздал государским служилым людям, однако же на тех 60 телегах многие подняться не могли, и оттого и служилых людей многие клали на свои верблюды, что куплены

были в Царстве, а торговые и иные наймовали доро-
гою ценою. И как склались, отпустили с подворья те-
леги наперед с служилыми людьми и с их, а при по-
сланнике остались два заргучея, чтоб с ними вместе
поехали из Царства и до Науна, потому что асканья-
ма в то время был болен.

И будучи уже в готовности ехать, пришли к по-
сланнику все китайские толмачи втайне и говорили,
чтоб купил большой камень лал, который прежде се-
го видел, а они поговорили с боярином, чей камень,
чтоб отдал на 2000 лан. И посланник им говорил, что
ныне уже телеги отпущены и купить нечем, однако
же, буде они отдадут на 1500 лан, и я буду купить
из его, великого государя, казны. И они говорили, что
меньше того отдать нельзя, и по многим разговорам
просили 1800 лан и стали. И видя, посланник, что
они хотят с камнем отъехать, а камень отдают недо-
рогой ценою, который камень в Цареграде и в иных
государствах продан бы великою ценою, и на Моск-
ве такого камня греки в его, великого государя, каз-
ну, ни иные иноземцы не привезли, призвал толмачей
и дал им 1600 лан и взял камень, и они божились
пред бурганом своим, что иного такого камня в госу-
дарстве их нет, только чтоб было тайно и неслышно
было богдыхану, потому что казнены будут, отчего
они такое дорогое дело из государства продали. Так-
же обещались посланнику, что поедут за ним со вся-
кими товарами торговать, что осталось великого го-
сударя казны и у него, посланника, своего, и на то-
вар менять, потому что они отнюдь не чаяли, что
учинится такой внезапный отпук.

И потом посланник за четыре часа до вечера вмес-
те с заргучеем выехал из Пекина города, а по дороге
в городе и за городом под казною великого государя
и у служилых людей телеги подломились многие, и
иные и ночевали тут. И будучи посланник за городом,
говорил заргучеям, чтоб они подождали тут, покамест
соберутся люди и телеги, и они говорили, что отнюдь
не смеют, потому что указ богдыханов есть ехать те-
бе, посланнику, до города Тунг и тут становиться се-
годня. И посланник поехал верхом с заргучеями, и

такие грязи были, что насилу верхом приехали в полночь в городе Тунг, который стоит от Пекина в 13 верстах русских, а их — 40 верст. Городовые ворота заперты были, и насилу в город пустили, и поставили посланника на прежнем дворе, а корм назначен был по-прежнему по 5 свиней на день, а корм дали только на те дни, как ехали, а на простойные дни давать от хана указа не было. А телеги в тот день и верблюды в город Тунг не бывали, ночевали все разно, по грязям. И стояли в городе Тунге два дня, и насилу телеги собрались, потому что, которые телеги поломались, никакого вспоможения не учинили, а велели наймовать на свои деньги, и так иные наймовали на деньги, а иные привезли на своих верблюдах.

Сентября в 4-й день дали иные кони и телеги, и поднялись из города и переехали реку Пе не по мосту, как ехали в Царство, а перевозились на бусах. А описание реки Пе и города Тунга выше сего написали в приезде нашем в Царство мая в 14-й день. А переехав реку, сустиг асканьяма, который и прежде сего был в приставах, и повитался с посланником и говорил, что он, асканьяма, был гораздо болен и для того вместе из Пекина не ехал, а ныне он по указу богдыханову поедет в провожатых до Науна по-прежнему и подводы также дать, а про толмачей, что хотели с товаром приехать, устрасил он, и для того не приехали.

И от города Тунга ехали до великой стены тем же путем, которым ехали прежде сего. Также и от великой стены до реки Коргей ехали тем же путем, а от реки Коргей ехали до Науна не тем путем, а ехали левее, чрез запустелый город и чрез многие бродовые реки, меж которых многие монгольские юрты кочевали, и иные просо жали и молотили. И после того приехали к первым даурским наунским селам и тут переезжали на паромах реку большую, которая падет в реку Наун, и из той деревни ехали до другой деревни, наунской же, день, и тут назначено было нам место стоять, покамест изготовимся возвратиться назад в Нерчинский.

А ход наш был из Царства хотя и тем же путем, однако же гораздо тише, потому что телеги тяжелы

были и ломались, и от того учинился простой немалый, потому что ехали из Царства сентября с 1-го и октября до 8-го числа, приехали на Наун. А асканьяма не по-прежнему был в совете с посланником, потому что ему вестно было, что скот наш, который он в наунских селах принял, и обещался, что до возвращения нашего будет в целости, и тот скот чуть не весь их люди поморили, а посланнику дорогою не объявил о том ничего, чтоб купил дорогою кони и верблюды дешевою ценою; и покамест не приехали в наунские села и не встретили наши, которые оставались на Науне, и тогда от них ведомость учинилась.

А едучи из Царства, встречались со многими монгольскими людьми, которые ехали в Царство писаться в службу против никанцев, а люди были самые нужные.

А как приехали в наунское село, где назначено было нам стоять и готовиться к пути, и не дали нам по-прежнему в селе жить в избах, а поставили нас на поле от села с полверсты, при реке Науне, и были дожди великие, смешаны с снегом, и у многих товары помокли, и били челом, чтоб пустили в избы, и они отнюдь в избах стоять не позволили, а прислали юрт с 10 камышных худых и велели в них стоять. И тут пришли 12 человек наших людей, которые оставлены были для бережения скота и оттого, что больше того в Царство людей не взяли, и сказали, что не токмо китайцы скота не берегли, а их самих не кормили и корм, который им давать назначен был, не давали и немного с голоду не поморили, и работали они у них и тем кормились, а про скот сказали, что дали китайцам кормить коней, и осталось только 17 коней, и те чуть живы, а про верблюдов сказали, что дали китайцам кормить и было их больше ста верблюдов, и от них осталась меньшая половина, и те чуть живы, а из государских верблюдов от 15 осталось 7 верблюдов, и те без ног. И посланник посылал к асканьяме детей боярских и служилых людей также и к воеводам наунским и пенял на них накрепко, что они приняли тот скот таким договором, чтоб опять отдали назад в целости, а буде который

пропадет, будут править на том мужике, который кормил, а ныне слышим от наших людей, что скот весь пропал, как они и сами видят, и подняться стало не на чем, а в Царстве и дорогою едучи, что скот помер, не сказали ж, а можно было в Царстве и дорогою купить. И потому б учинили споможение, на чем подняться. И они отповедь учинили, что скот наш не помер от непрокормления и от небережения их, а помер оттого, что было на ту всю страну на скот моровое поветрие, и не только, что ваш скот помер, но и у наших людей у всех до конца померли. О том воля божья не только над скотом учинится, но и над людьми, а буде он, посланник, не верит, и он, асканьяма, готов ехать с ним, посланником, вверх по Науну реке, где кормились верблюды и кони, и тут покажут надежное место и знак — кости конские и верблюжьи, только тому надобно время ехать взад и вперед с неделю. А пособи у них иные нет, на чем подняться, oprичь того, что пошлют к ближним монгольским тайшам и к даурским мужикам, чтоб они привели на продажу к посланнику всякого скота, а у него, посланника, и у служилых людей китаек есть много, и можно купить, что надобно, а иногo вспоможения от них не будет. Да сверх того приказали, чтоб посланник назначил, во сколько дней можно готовиться, потому что указ богдыханов есть таков, чтоб корму дать на 5 дней, а больше того ни корму, ни сроку жить еще не дадут. И посланник посылал опять к ним, чтобы они дали подводы небольшое до реки Аргуни под поминки богдыхановы, и опять возвратятся назад, а буде похотят ехать до Нерчинского торговать, и им повольно будет, а про корм сказал, что о том воля богдыханова, можно жить и на своих проторах, также и про подъем, чтоб вскоре поднялся, и он, посланник, наипаче поспешит, только б они приказали пригнать скот на продажу поскорее, а он чает, что можно в две недели изготовиться, а буде скорее, то и лучше.

И он, асканьяма, присылал к посланнику воеводу Мангутея и говорил с клятвою, что кони и верблюды померли от морового поветрия, а не от них, а подвод

без указа богдыханова дать они не смеют, а про срок — дадут они жить и на две недели, а скота продажного всякого завтра будет много. А он, Мангутей, назначен провожать посланника до крайних таргачинских мужиков. Кони и скот покупал он, асканьяма, с товарищами от своих мужиков, и опять нам продавали дорогою ценою. И посланник ему говорил, что наши люди, которые оставлены были, пеняют на него, что их не кормил, как обещался, также, что просили у него коней, чтоб отогнать наш скот из болот на степь, не дал же, и оттого скот и помер. И он отпирался о том гораздо и велел призвать наших людей налицо, и о том многие разговоры с ними воеводы были и пересылки к асканьяме, однако же никакой помощи не получили, а знатно то, что иные кони из наших и померли, а иных, лучших, утаили и заездили.

И на другой день пригнали остальных наших коней 17 с ссадинами да 47 верблюдов, и те хромы и чуть живы, и после того учили пригонять на продажу коней и верблюдов, а коней и верблюдов покупали на китайки и на серебро дорогой ценою, кони хорошие по 40 концов китаек, а которые поплоше, и те по 30 и по 25 и по 20 концов добрых самых китаек, также и для прокормления и под вьюк купили рогатого скота много, а рогатый скот покупали по 14 и по 10 концов китаек, также и круп овсяных и просяных, ибо у них иного хлеба нет. А верблюды продажные были только у воевод, и купил посланник два верблюда на серебро под казну великого государя, а за те верблюды дано лан, и те верблюды дошли до Селенгинского острога, и опять на них пошли в Китай из Селенгинского острога.

И так в наунских селах осталось немного...¹ половина китайского товару, и стояли тут октября с 8-го числа октября до 18-го числа, покамест собрались совсем. И тогда посылал к асканьяме говорить об якутах, которые бежали с Лены, и обещался, что назад едучи из Царства, отдаст, также и про тунгуса Токултая, который из Нерчинского был до наунских сел в вожжах и ныне взят был с ними в Царство, также что

¹ Так в оригинале.

он, посланник, хочет отпустить 5 человек в Албазинский острог, чтоб он им дал провожатых до последних их сел.

И асканьяма прислал от себя посольского приказа подьячего, а с ним прислал вожа Токултая и говорил посланнику, что богдыханово величество для царского величества подарил тебя тем тунгусом, чтоб тебе был вожом до Нерчинского по-прежнему, а достоин он был казни смертной, потому что он учинил многое прежде сего воровство и убийство. А про якутов сказал, когда царское величество изволит отдать [подданного] их тунгуса Гантимура, и тогда богдыхан велит отдать подданных царского величества якутов, а про отпуск в Албазинский острог, он отпустит и провожатых даст, только им не вольно будет ночевать в селах. Также говорил, чтоб чрез тех людей приказал албазинским казакам, чтоб они жили с ними смирно, не по-прежнему, и соболей, что взяли от их подданных, чтоб отдали и впредь отнюдь их не обидели, а буде учнут по-прежнему изобижать, и от того никакого добра не учинится, как и прежде сего добро не учинилось, когда казаки воевали по реке Амуру.

И посланник говорил, что по указу великого государя отпишет к ним, албазинским казакам, чтоб они жили смирно, только б и они своим людям заказали б, чтоб и они наших русских людей и ясачных, когда промышляют, ни в чем не изобижали б, потому что от наших людей есть жалоба великая. А про Гантимура сказал, что о том доложу царскому величеству, и о том как укажет, а про отдавание вожа бил челом богдыхану, что он пожаловал — велел отдать. И так подьячий отъехал.

А то, что выше сего писали, что не поставили нас по-прежнему жить в селах, также и тех, что послали ехать в Албазинский, что не велели ночевать в селах, учинили они, китайцы, для того, чтоб наши люди не подговаривали подданных их дауров идти и жить по-прежнему близ Албазинского в подданство у великого государя на реке Амуре, потому что многие из даур прежде сего были у казаков в аманатах, и ведают и китайцы, что даурские мужики рады тому,

и оттого остерегали их накрепко и вожу нашему тунгусу заказали накрепко, чтоб с их подданными отнюдь не возился.

А жену того тунгуса не дали и рухляди его не отдали ж и говорили, что полно и того, что и голову его даровали для царского величества.

Октября в 18-й день по утру собрались совсем, поехали из наунских сел на своих верблюдах и конях, а подводы не дали до таргачинских своих мужиков, только корму дали небольшое. И будучи посланник против села, где стоял асканьяма, выехали из села два заргучея, которые приехали из Царства, и все наунские воеводы и подьячие и повитались с посланником и говорили, что асканьяма велел челом ударить и сказать, чтоб на него не пенял, что он сам провожать не приехал, потому что болен и ныне на дворе ветер великий и стужа, и оттого прислал нас тебя проводить с честью, а до таргачинских мужиков пойдет тебя провожать со ста человеками воевода Мангутей. Также говорили, чтоб посланник заказал русским людям, которые подданы царскому величеству, а живут с ними в порубежных, чтоб они с ними жили смирно и никаких обид не чинили, потому что они тому рады, чтоб жили в миру и в дружбе, и иные многие такие речи говорили и провожали посланника версты с 2 и после того повитались и возвратились назад. А из того села ехали иным путем, не тем, которым приехали, потому что то село от села Пачегорского, где прежде сего стояли, было в днище, однако же и та дорога сошлась на другой день с прежнею дорогою. И как поехали от реки Науна, и тогда река Наун почала по краям мерзнуть.

И на другой день приехал воевода Мангутей и стал подле посланника обозом своим неподалеку, и ехал с посланником до четвертого становья, до реки Ялу, где живут таргачинские мужики, а к ним послали они наперед и сверху реки Ялу согнали к наунским селам для того, чтоб мы с ними не видались, потому что они с Гантимуром и с иными нерчинскими тунгусами сродники, и чтоб наши люди их не подговаривали, и оттого им с нами и торговать не дали.

А на четвертый день приехали по край реки Ялу, и тут приехал воевода Мангутей и привез с собою зайцев и иного звериного мяса и вина горячего и говорил посланнику опять про то ж, чтоб порубежные царского величества люди с ними жили в миру и в совете, а к ним на Наун отнюдь с торгом и с иным ничем не приходили, опричь того, буде какая будет великая нужда или обида от их людей, тогда б пришли и жалобу творили б, а иным обычаем до указа богдыханова отнюдь не приходили бы и покамест отповедь не придет от царского величества про Гантимура. И спрашивал, в три года придет ли отповедь от царского величества, также говорил посланнику, чтоб остерегался, дорогою ехав, накрепко от баргутов и от намясинских тунгусов, потому что они воры великие и русаков не любят, и чтоб не учинили какое нахождение, а он ведает про то, как он провожал до Нерчинского казаков с хановым листом, и тогда приходили к нему намясинцы и баргуты и просили, чтоб он им отдал казаков, а они их убьют, потому что они беспрестанно воюют. И посланник ему говорил, что про рубеж, чтоб жили в миру, по указу великого государя порубежным служилым людям будет заказ, чтоб они жили в дружбе и в миру, потому что не для чего и ссориться, разве ваши подданные какой задор учинят. А про отповедь великого государя к хану — каков ход будет, так и отповедь, можно в два года, и в полтретья, и в три минутись и больше, ибо дорога дальная. А про неприятелей, про намясинцев и баргутов, и иных, едучи на Наун, видели их, и они от нас испугались и разбежались все, и насилиу их уговорили, чтоб к нам приехали и торговали б, и иные, кто с миром придет, мы рады, а кто с войною, божьею помощью будем обороняться.

И Мангутей говорил, что он сказал по дружбе, потому что поминки от хана их идут, и чтоб не учинилась какая поруха. Также говорил, чтоб вожа Токултая из обоза к их обозу не пускал, чтоб его, Токултая, не убили. А он те речи говорил, что они от него боялись, чтоб не подговаривал тунгусов их ехать к Гантимуру в Нерчинский острог. И посланник гово-

рил, что его отдаст под караул, также говорил, что завтрашний день для упокоения скота станут стоять и чтоб он приказал своим людям с нашими торговать, а велел привести на продажу кони и скот рогатый. И он говорил, что стоять тут день можно, оттого что он от того места поедет назад, ибо ему приказано до того места, до крайних людей провожать. А про торг сказал, что ему не указано дать, чтоб не учинились какие ссоры меж наших и их людей, а будет и он стоять до завтрашнего дня и возвратится назад к асканьяме, потому, покамест он не возвратится, и асканьяма назад в Царство не поедет. И после того отъехал к своему обозу.

А на третий день поутру, как наряжался посланник ехать, и он, Мангутей, приехал и повитался и простился с посланником и желал ему счастливое путешествие. И так они поворотились на Наун, а мы переехали реку Ялу вброд, и по реке же мы шли, и как переехали за реку, нашли снега великие. И те снега и до Нерчинского везде были, и стужи и морозы почали быть, и корм был скудный. И как возвратились прежнюю дорогою, которою приехали и на Наун. И по краю реки Ялу ехал до самого Торгачинского хребта, а на хребте был снег великий в аршин, и никаких людей не видали. А за Торгачинским хребтом в третий день по реке Дзадуне поймали баргуцкого мужика, и он сказался, что племянник старому мужику, которого сыскали, едучи на Наун, а стоят де их юртами человек с 7 и ловят всяких зверей. И посланник говорил ему, для чего они украли из обоза четырех коней, тогда и он говорил, что де те кони украли намясинские мужики, а не они; а они ходили за вами многое время и хотели взять людей и коней, и не могли взять больше того, и дали имена тем намясинцам, и о том меж ими и намясинцами учинился бой. И посланник его отпустил и приказал, чтоб он поехал к мунгалам и к баргутам, чтоб они пришли навстречу, где возможно, с торгом. От того места поехали за Кайлар реку и в пятый день пришли к речке Мергелю. И привел нас вож не прежним путем, и до той речки никаких людей не видали, а тут нашли неболь-

шие юрты монгольские и взяли от них одного монголетина и послали с нашим вожом к монгольским тайшам, которые в полуднище стояли, чтоб они пришли к нам со всяким торгом. И на другой день приехали многие мунгалы и привели коней и верблюдов, и рогатый скот, и баранов, а покупали и меняли на китайки, а кража от них никакая не учинилась.

А тех иноземцев всех, что живут меж Нерчинским и Науном, буде извол великого государя будет, острог поставит на Аргуне или на Кайларе реке, и возможно их в подданство великому государю привести, потому что никому не голдуют.

А от речки Мергеля ехали степью опять иным путем и в два днища приехали на реку Ган и тут нашли след намясинских мужиков и небольшие юрты монгольские. И от того места ехали днище и приехали на речку, которая от Аргуни днище, и тут приехали на станове к посланнику все начальные люди намясинские, а с собою привели коня и барана и быка. И посланник барана принял, а коня и быка не принял и пенял им накрепко, ибо в прошлом году, едучи в Китай, были они у него, посланника, не пооднажды и вину свою великому государю приносили и обещались впредь ясак платить и подводы дать хотели, а во всем обманывали, потому что не токмо те дела не исполнили, а и сверх того, едучи за посланником 20 человек нерчинских, а вы хотели убить и грабить. Не по что и в обоз приходите, оттого что вам ни в чем не верим, потому, как прежде сего воровали, так и ныне. И они говорили, что ясаку великому государю в Нерчинский послали несколько десятков коней, а иные еще собирают и те пошлют же, а про убийство служилых людей сказали, что они отнюдь и не думали, только есть между ими молодые люди, которые им не послушны, и те служилыми людьми попрекались, иного ничего не было, а они рады у великого государя в подданстве быть. Также спрашивали про Гантимура, изволит ли великий государь отдать¹...

и урочища расписал подлинно, чтоб впредь дорога

¹ В оригинале пропуск.

была знатна, и наипаче послал его, чтоб проведал, пустят ли китайцы великого государя людей торговать, или не пустят, как, будучи там, посланнику говорили, а служивому тому приказал, чтоб он говорил, что пришел из порубежных мест для торга, а про посланника он и не слышал, потому что он иною дорогою ехал, а хотели они, тайшины люди, ехать с Ильина дня в Китай.

А под ту казну дано ему 2 верблюда, которые куплены были на великого государя в наунских селах, а те 7 верблюдов государевых, которые оставлены были на Науне, и взяли их, как возвратились из Китая, и те верблюды для немочи своей иные померли до Нерчинского, а иные дорогою до Селенгинского, а иные, как приехали в Селенгинский, померли, оттого что в наунских селах обезножели и заморены были.

А в Селенгинском остроге приезжают монгольцы на верблюдах со многими китайскими товарами и торгуют и меняют на русские товары, также и служилые селенгинские ходят к ним беспрестанно и торгуют, и по времени можно завести торг великий, что не по что будет ходить и в Китай, только надобно человек таков, приказчик, который бы знал жить с ними, монгольцами.

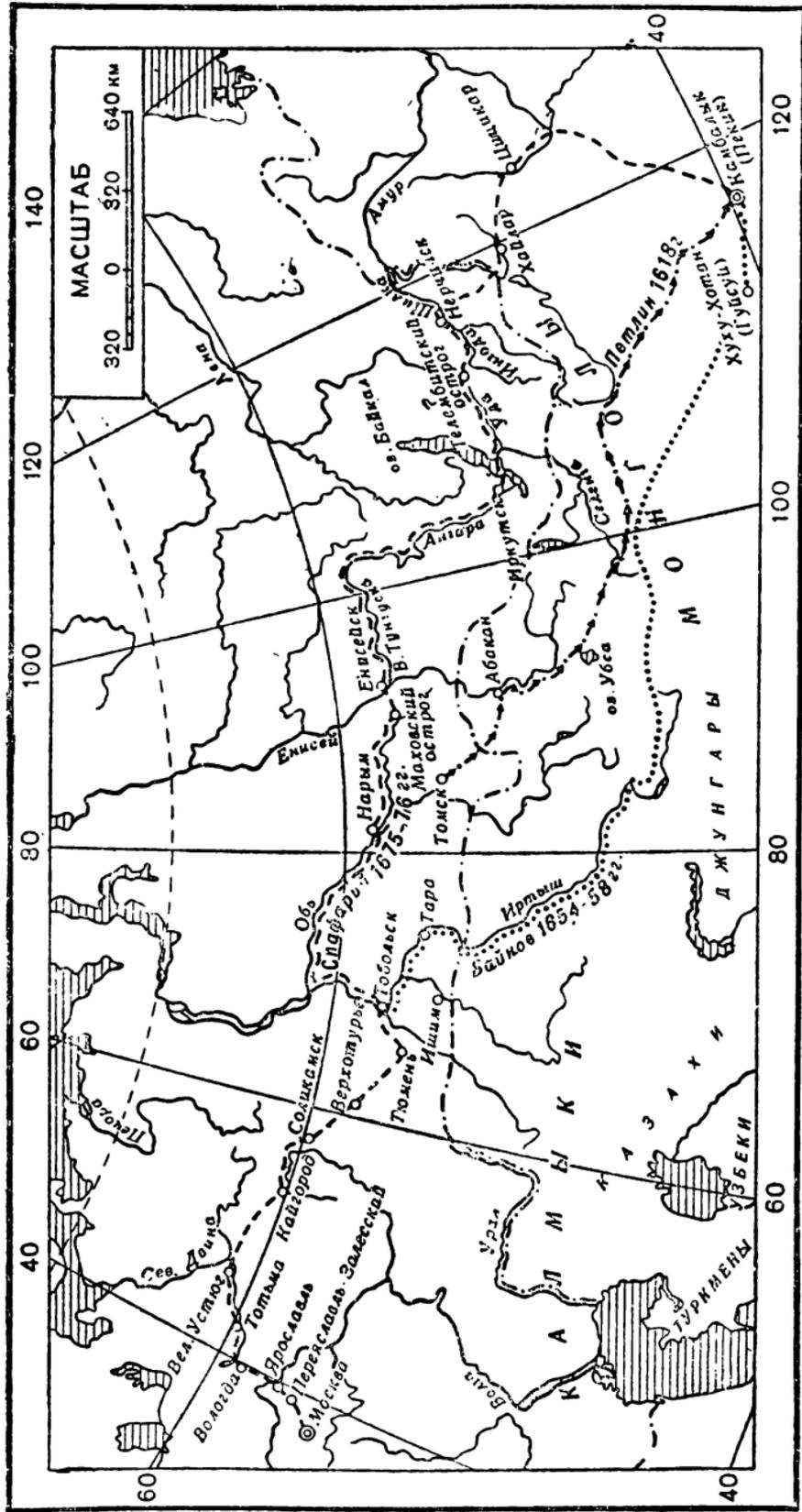
В Селенгинском остроге стояли мая до 3-го числа, после того приехали в заимку и починили дошаники и приехали к Байкальскому морю. На устье Селенги реки за льдом стояли мая по 3-е число и после того проехали Байкальское море. И мая в 16-е число приехали в Иркутский острог и тут стояли мая до 18-го числа. И в прошлом году, во 184-м, иркутские люди поехали вверх по Иркуте реке дней с 6 и тут построили острог, и поселились человек с 50, и сказывают, что место зело хлебородно и угодно, и ясак великому государю начали собирать. А от того места дни с три есть озеро великое Косогор, из которого течет река Селенга, тут лес есть же, и острог поставить можно, да и около того озера кочуют многие монгольцы, и те сказывают, что от того места есть дорога в Китай, куда можно ехать безопасно и близко.

Из Иркутского поехали мая в 18-й день. В Ени-

сейский приехали июня в 7-й день, и в Енисейском, не допусая до берега, встретил нас с его, великого государя, указом стольник и воевода Михайла Васильев сын Приклонский и велел нам из дощаников выйти вон всем, что были, и объявили нам великого государя указ и после того велел таможенному голове с целовальниками осматривать всех людей, что в дощанике были. И посланника почал осматривать в карманах и за пазухой, и в штанах, и за голенищами, и везде, и ничего не нашли. И после того смотрели дворян московских и детей боярских, и подьячих, и всех служилых до последнего человека, и тогда собрались на берег все градские люди. Тут же были и монгольские посланцы, которые отпущены были от великого государя с Москвы, и после того почал смотреть дощаник посланников, и выбрали из него вон все, что было, и осмотрели в дощанике со свечами. На том осмотре был тобольский сын боярский, который был послан из Москвы с указом великого государя. И в тот день смотреть не успели, ибо уже был вечер, и потому людям отвели подворья, а на дощаниках поставил караул енисейских служилых людей с целовальниками. А на другой день смотрели великого государя казну и дворян, и детей боярских, и всех, что были на дощаниках, до последнего человека. А после осмотра все, что было великого государя казны, и то, что принято от посланника и ото всех его, великого государя, служилых людей на великого государя, запечатали его, великого государя, печатью. И тех, что от кого взяты какие-нибудь товары, и они печатали своими перстнями. И в росписи написано, что у кого взято, и к той росписи руки приложили всяк под своим местом, где его товар написан, и те росписи стольник и воевода послали к великому государю чрез камень с нарочным гонцом.

А посланник в Енисейске жил июля до 9-го числа, а жили потому, что стольник и воевода не отпускал.

Июля в 10-й день поехали чрез Маковский волок и июля в 14-й приехали в Маковский острог, и тут стояли июля до 20-го числа, ибо в готовности судов не было. А за казною, которая была его, великого го-

Посольства в Китай И. Петлина, Ф. Байкова и Н. Спафария. Карта из книги Д. М. Лебедева.
 География в России XVII в. М. — Л., 1949, стр. 163.

сударя, что подарки от китайского хана и что куплено на его, великого государя, казну, то все дали стольник и воевода посланнику, а в провожатых по его, великого государя, указу дал он 10 человек тобольских казаков, из тех, которые были с ним, посланником, в Китае. А за той казною, которая взята на великого государя у посланника и у всех служилых людей, как о том писано выше сего, послал стольник и воевода 4 человека енисейских служилых людей в провожатых и дал им ту казну на руки с росписью.

А для прокормления до Москвы по указу великого государя дано в Енисейском из меньших товаров посланнику на 300 рублей, дворянам и гречанам, и подьячим из меньших же товаров дано по 100 рублей, а что за тем осталось, и то все взято на великого государя¹...

¹ Так в оригинале. Конец рукописи утрачен.

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ СЛОВ

аз — я

аки — как

алихавава, алихахава — низший чиновник приказа

алихамба — китайский сановник

асканьяма — член совета министерства.

аманат — заложник

анхаминские — алхимистские

аргал — конский навоз

аще ли — если

аще бы — если бы

бат — челн, душегубка

батог — кнут

безурывные — непрерывные

береженье — хранение, осторожность

бискуп — епископ

бити челом — просить, благодарить, приветствовать, кланяться

ближние люди — высшие чиновники, приближенные

богдойский — маньчжурский

боевые палаты — сторожевые башни

болван — идол

братские иноземцы — буряты, коренные жители окраины царской России

бумажное семя — хлопок

бунт — куча, кипа

буса — лодка, мелкое речное судно

бывать в разговорах — вести переговоры

бык — скала, торчащая с берега в воду, утес

быстреть — стремнина, стрежень

ведомость — извещение, сообщение

ведущие — сведущие

вельми — очень, весьма

вертеж — полюс
вертеп — пещера
верхи — верхом
верющий — свидетельствующий о чем-то, полномочия посла
верующая грамота — верительная грамота
взаим — взаимно
винный — виновный
вину отдать (отставить) — помиловать, простить
витаться, повитаться — здороваться, поздороваться
внити (внидет) — войти (войдет)
внутренние — внутренности
во образ — по образу
водонос — сосуд
вож — проводник
воисты — воинственны
впервых — впервые
вспоможение — помощь
вторицею — вторично
выехать на (твое, его) имя — вступить в подданство
вымысл — изобретательность
вымышленники — выдумщики, изобретатели
выразуметь — понять
выразуметься между собой — понять друг друга
вышереченный — вышесказанный

глаголати — говорить
глад — голод
годовое жалованье — жалованье натурой
голдовать — зависеть
гораздо — очень, довольно
город — город, дворец
град — город
гребли — весла
гривна — мера веса, около 1 фунта
грозы — угрозы
гулящие — кочующие

денщик посольского приказа — служитель посольского приказа, дежурный
десятая — вид дани
для — для, из-за
днище — день езды, расстояние, измеряемое днем сухопутного или водного пути
до тех мест — до тех пор
доезд — расписка получателя нарочному; дорога (нет доезду — нет дороги)
докончание — мирный, союзный договор
долгий — длинный
домовище — гроб
достаальные — оставшиеся, остальные

дошаник — легкое речное судно
древеса — деревья
древле — в древние времена, в старь, издавна
дресва — крупный песок, гравий
дресвяной — песчаный
другой — второй
дули — груши
дщерь — дочь
дщица — дощечка

еже день — ежедневно
елань — открытая равнина
ертаул — авангард, разведка
ества — еда
есырь — см. ясырь

жилые люди — оседлые

забавиться — задержаться
завоз — якорь, при помощи которого судно тянут против течения
зazor — вред
заказ — запрещение
заказать — запретить
закон — вера
замотчать — замедлить
заостровка — рукав, отделенный от русла реки островом
запоны — застезжки, брошки
заргучей — дьяк
зарукавь — тесьма или ремень, которыми стягивались рукава кафтана или панцыря; украшение, браслет
заскорбеть — заболеть
заставный — пограничный
застой — остановка
затейчиво — затейливо
збруи — доспехи, вооружение конного воина
зело — сильно, очень
земляной — земной
земская сказка — письменный документ, относящийся к гражданскому управлению
знается — известно
знатно — видно, примерно, явно
знатны — известны

инде (индеже) — в ином месте
индейцы — индусы
иноземские — иноземные
искушать (искус) — испробовать, испытывать, изведывать
исполниться — наполниться

Камбалык — Пекин
камень — горный хребет
камень — драгоценные камни; минералы
камка — шелковая ткань
карыта — карета, экипаж
каторги — галеры
каюк — лодка
кладезь — колодец
князцы — князьки
кобылье вино — кумыс
колай — придворный, приближенный императора
колико — сколько; несколько
колокольницы — пагоды, башни
комната ханава — приближенные богдыхана
конечно — окончательно
корольки — кораллы
корфети — сладости
корь — моль
кости — вид пошлыны
коща — большое речное судно с веслами и парусами
кош — стан, стоянка, стойбище
красно — красиво
кручинен — печален
кумган — кувшин с носком, ручкой и крышкой
курья — заводь, старое русло
куяки — вид лат

лалы — рубины
лама (лаба) — буддийский монах
лан — китайская монета или кусок серебра весом в 32,5 г.
ластовицы — ласточки
легень — таз
летний запад — юго-запад
лист — письмо
лиши (лиши бывают) — превосходят
ловить — охотиться
ломы — поваленный бурей лес, бурелом
лучшие (люди) — знатные люди
любительная (грамота) — дружественная, грамота о дружбе (между государствами)
любительство — расположение, благоприятное отношение, дружба
люди думные — советники, приближенный государя

махалка — веер
материк (лес) — черный, нетронутый (лес)
материнная земля — суша, материк
матицы — балка, брус поперек избы; киль судна, продольный брус, на котором укрепляется весь корпус; компас
махры — кисти, бахрома

меж лета и шелонику — юго-запад
мера — предел, граница, средство, способ, степень
мешание — помеха
мешкота — помеха, задержка
минунции — гороскоп
митра — головной убор высшего духовенства
мнить — думать, предполагать
многожды — часто
мольбище болванам — капище, храм
мотчание — мешканье, задержка
мочно — возможно
муксуп — рыба, похожая на сига и водящаяся в сибирских реках
мунгальские татары — мунгальцы — монгольцы
муромленный — глазированный
муסיкия — музыка
мызжут — бегают взад и вперед
мягкая рухлядь — меха

на мале — в малом количестве, очень мало
надолобы — спускающаяся колода у ворот, тын, ограждение
нажиток — прибыль
наипаче — главным образом, более всего
наймовать — нанимать
наказная память — документ, содержащий в себе предписание, распоряжение
накрепко — с великой строгостью
напоять — дать пить
нарекать — называть
нарядчик — наряжающий людей на работу
наряжаться — собираться, готовиться
наслег — деревня, поселок
наслежник — последователь, наследник
нахождение — нападение
небреженье — пренебрежение
небольшое — малое количество
неделя — воскресенье
нелюбье — вражда
непочто — незачем
несть — нет
нетопырь — летучая мышь
нецыни — некоторые
ни един человек есть — нет ни одного человека
ни — около (ни 3000 — около 3000)
новое — новолуние
нужно — трудно, тяжело
нужный — трудный, тяжелый

обедник — юго-восток
обмогаться — выздороветь

обнести — донести, оговорить
обойм — обхват
обрести — найти, обрящется — найдется
объяр — муар, плотная шелковая ткань с золотыми и серебряными узорами
обыкать — привыкать
обычай — образ действия: тем обычаем — таким образом
овощи — плоды, овощи, фрукты
огласка — разглашение
одноконечно — окончательно
однолично — непременно
озлобленная (нога) — воспаленная, отмороженная (нога)
озянь, озям — кафтан
окольничий — царский чиновник
окончина — рама деревянная со стеклами
опасен — опасаясь
опочив — отдых, ночлег
опричь — кроме
осесть — осадить (осесть город)
осмаинник — осминная мера
особно — обособленно, отдельно
особные — отдельные
острог — укрепление, состоящее из заостренных сверху бревен
отведывать — пытаться, узнать
отвещательная — ответная, оправдательная
отдарки — обратные подарки
отписка — донесенье, письменный ответ
отрицаться — отказываться
отчина — наследственное владение
отшибаться — отклоняться
отчистка — оправдание
очистить (статью) — взять на себя ответственность

паки — опять, вновь, еще, обратно
пашенные люди — крестьяне, люди, занимающиеся сельским хозяйством
переимати — перехватывать, хватать
перекоп — вал, плотина, запруда, ров
перестрел — расстояние полета снаряда, пули или стрелы
перестрелка — стрелка, остроконечный берег
персона — портрет
печатная сажень — государственная, казенная сажень
пифтовник — хвойный лес
пищаль — огнестрельное оружие
пловти (пловет) — вытекать (вытекает через край)
плохой — простой (плохие люди — простые люди)
по — после
по недалеку — неподалеку
повитаться — поздороваться
поволить — захотеть, пожелать, потребовать, приказать
погоде — удобное время, пора

погодие — погода, направление ветра
подателен — удобен (путь подателен)
податнее — удобнее
подволоки — пространство между крышей и потолком, чердак
подивить — удивляться
подтвердить — повторить
подъем — сборы, приготовление в путь
поземные — низкие, близкие от земли
полдве — полтора
полная мочь — полномочия, сила
полонянники — пленники
полтретья — две с половиной
полунощный восток — северо-восток
полшесть — пять с половиной
померанцы — апельсины
поминки — подарки
помоществовать — помогать
понеже — ибо, потому что, так как
порозжий — пустой, незанятый
поруха — вред, неприятность
посиделец — поверенный
послованье — обмен посламч
пословаться — обмениваться послами
посылки — посольство, связи
посмеяться — смеяться
пособь — помощь
поспешенье — ускоренье
поставитись — назначаться
потребно — надобно, нужно
поужинок — полдник, закуска между обедом и ужином
похотеть — захотеть
почитать в том же чине — оставить в том же чине
правити посольство — передать текст посольского поручения
прац — орудие для метания камней
предавать — передавать, называть
прежде воплощения — до нашей эры
преизлище — сверх меры
прелесть — соблазн, обольщение, обман, коварство
пременение — изменение
преставитися — умереть
прибыточество — барыш, выгода
призрение — радение, забота
приклад — пример (на приклад — например, к примеру)
приклад говорить — привести пример
прилуг, прилук — степной кряж вдоль реки, луг
припись — подписание
припустить — допустить
пристоящий — стоящий, находящийся, охраняющий
приступное время — в военное время, во время нападения
присуд — округ, ведомство подчиненности (в присуде — в подчинении)
присылка — обмен послами, установление связей

причитаться — считаться
проглашаться — превозглашаться
продолжать отповедью — задерживать ответ
промышлять — служить царю
пространиться — расширяться, занимать большое пространство
против — как и (против хана — как и у хана)
проторы — убытки, расходы
прузи — саранча
пупки — часть шкурки зверя, вырезанная с брюха
пургация — слабительное
пядь — старинная мера длины, равная расстоянию между концами растянутого большого и указательного пальцев

радость — радость, веселье, пир
разделение — отличие (к разделению — в отличие)
разнствовать — различаться
разрушенный — разрезанный
разумчиво — понятно, вразумительно
рака — ящик, в котором хранятся мощи
рассеетсяя — расколетсяя
растворение воздуха — климат
растворенный — умеренный
ревень — лекарственное растение
рейтарь — конный воин
рещи — говорить, сказать
рипиды — изображения ангелов, насаженные на древко
розлоги — овраги, покатошь во все стороны, отлогость
романся — привозное вино высокого качества
россомахи — разновидность куниц
рядовой — обычный
ряды — торговые ряды

сайгадак, сайдак — футляр для лука
самозрительно — лично
сарачинское пшено — рис
сватались — сговаривались
сиденье — совещание, осада
сидячие — оседлые
сицевый — таковой
сказка — объявление, весть, показание; именные списки всего населения
склынница — склянка
скуден — беден
скучиться — надоесть, наскучить
слет — длинное бревно
слыть (словет, слывет) — называться, называется
смутитись — возмутиться, встревожиться (смутитись будет)
собрание — сбор
солнечник — зонтик
сор — отмель, поросшая камышом

спальник — камердинер
спокоить — успокоить, устранить тревогу, неприятности; **убла-
жать**
спона — препятствие
спороваться — спорить
справливать — удостоверять, подписывать, сличив с подлин-
ником
ссылки — сношения, связи
становиться — замерзать
статейный список — отчет посла
статья — этаж
стерва — падаль
стольный — столичный
струг — речное судно, речное и парусное
сулемы — оружие наподобие сабли
сумлеваться — сомневаться
сумнительство — сомнение
супротивный — противный (супротивный ветер)
сустигнуть — догнать (сустижет — догонит)
сыроядцы — едящие сырое мясо, рыбу

тарасун — водка из кумыса
тожде — также
токмо — только
толикий — такой, столь великий
торговое наказанье — всенародное наказанье за преступление
точию — только
тошно — плохо, скучно, неприятно
трудяться — трудиться
тут — здесь, сюда
тюшак — тюфяк

удовольствие — удовлетворение, исполнения желания
ужина — количество хлеба в снопах (в ужине той ржи)
украинный (украинский) — окраинный
упокоение — отдых
упредить — предупредить
урывок — прерыв, разрыв
урядный — хороший (соль урядна)
учинати (учати) — начать
учинить поиск — совершить покушение, причинить зло непри-
ятелю

ферезея — мужское платье, с длинными рукавами, без ворота
финифть — эмаль

хан, богдыхан — китайский император.
Хвалынское море — Каспийское море

хватка — оправа
хитрость — изобретательность
хотя — желая

ценинный — особенно ценный
цифирное письмо — шифр

чаятельно — думается
чаять — думать, полагать, ожидать, предполагать
чекан — знак сана, топорик с молотком на аршинной рукоятке, орудие, снаряд
челиг — род молодого кречета
черкасы — украинцы
черный священник — монах
чести — читать
четыредесятый — сороковый
чин — звание, порядок, обычай
чинить (учинить) — творить, делать, производить
чинить отповедь — отвечать
читать (чтуще) — читать, читая
чрезвычай — в виде исключения

шадрины — рябины, морщины
шанцы — небольшое укрепление, военный окоп, редут
шелоник — юго-западный ветер
шептали — персики
шерлоп — камень, утес, скала
шивера — речной порог, плоская гряда, быстрый скат, течение
школа — вред, убыток, потеря, урон

щедроват — рябой

юдоль — долина, лог, дол

яга — шуба
ям — почтовая станция, стан, селение, жители которого заняты почтовой гоньбой
яр — овраг, обрыв, круча
ярманка — ярмарка
ясырь — пленник, пленный невольник.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Николай Милеску Спафарий	3
Сибирь	19
Приложения. Наказы и маршруты, данные Спафарию перед отправлением его в Китай	134
Китай	159
Статейный список	289
Словарь трудных слов	506

Николай Милеску Спафарий

СИБИРЬ И КИТАЙ

Редактор *Н. Юстратова*

Художники *Л. Григорашенко и Б. Гурман*

Художественный редактор *Б. Гурман*

Технический редактор *Е. Полевая*. Корректор *Т. Куруч*.

Сдано в набор 28/V-1960 г. Подписано к печати 15/IX-1960 г.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печатных листов 26,44.

Учетно-изд. листов 25,32. Тираж 15.000. АБ10261.

Цена 8 руб. 50 коп. с 1/I-61 г. цена 85 коп. Заказ № 1796

Государственное издательство „Картя Молдовеяскэ“.

Кишинев, Жуковского, 44.

Тираспольская гостипография

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛДОВЕНЕСКО»
КИШИНЕВ, 1969

Миссия Шарварши СЫМРЬ *и* КИТАЙ ◆